ЛИКВИДАТОР

ОТКРОВЕНИЯ ОПЕРАТОРА БОЕВОГО ДРОНА

СЕНСАЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ XXI ВЕКА

ТОМАС МАРК
МАККЕРЛИ

КЕВИН
МАУРЕР

ГРАНД МАСТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В перекрестье прицела ты видишь бородатого человека, который стоит рядом с машиной и говорит по телефону. Он еще не знает, что оружие проверено, лазер наведен и сейчас с подвески может сорваться ракета. Не догадывается, что ты наблюдал за ним с воздуха в течение последних месяцев и выучил его жизнь наизусть. Жизнь, которая, возможно, закончится сейчас из-за одного движения твоего пальца — словно на будоражащих гладиаторских играх. Ты — представитель редчайшей профессии: оператор беспилотного летательного аппарата, о которых уже многие наслышаны, но мало кто знает в деталях. И мемуары полковника Томаса Марка Маккерли, стоявшего у истоков проекта «Хищник» — беспилотника с оружием на борту, — рассказывают о боевом применении аппарата так подробно, что ты с легкостью можешь представить в кресле пилота себя. Это оружие новой эпохи — пилот управляет БПЛА за тысячи километров с помощью джойстика и спутниковой связи, получая приказы по чату. Смешные и страшные события, международный армейский юмор и бардак (и не только) — все в этой предельно откровенной книге.

- Томас Марк Маккерли, Кевин Маурер
  - От автора
  - Пролог. Возмездие
  - Глава 1. Добро пожаловать в проект «Хищник»
  - Глава 2. Учусь летать
  - Глава 3. Начинаем бой
  - Глава 4. Цель номер один
  - Глава 5. Выстрел, прогремевший на весь мир
  - Глава 6. Вспышка
  - Глава 7. Карта жизни
  - Глава 8. Выстрел
  - Глава 9. Всегда рядом
  - Глава 10. Охота на талибов
  - Глава 11. Стальной занавес
  - Глава 12. Все по-взрослому
  - Глава 13. 23 секунды
  - Глава 14. Райская обитель
  - Глава 15. Командование
  - Глава 16. Потери
  - Глава 17. Полный бедлам
  - Глава 18. Восточноафриканские воздушные пираты

- Глава 19. Петля затягивается
- Глава 20. Аль-Авлаки
- Эпилог
- Благодарственное слово
- Об авторах

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Томас Марк Маккерли, Кевин Маурер
Ликвидатор. Откровения оператора боевого дрона

Посвящается моим детям

От автора

Я — оператор.

Я не вышибаю двери ногами. Не спускаюсь по тросу с вертолета, не прыгаю с парашютом из самолета. Мне никогда не приходилось атаковать какие-либо позиции, постоянные или временные (хотя меня учили и этому). Я не претендую на роль диверсанта или спецназовца. В моей карьере ничего такого не было.

Тем не менее я — оператор. Оператор истребителя.

В 2003 году, после более чем десяти лет службы в военно-воздушных силах, я столкнулся с перспективой получить очередное, уже третье для меня назначение в небоевую часть. И тогда я принял решение перейти в единственную доступную на тот момент для меня боевую структуру — проект RQ-1 «Predator» («Хищник»). Когда я подавал рапорт о переводе, Дог, командир моей эскадрильи, неодобрительно покосился на меня. Суровый летчик-истребитель старой закалки придерживался мнения, которое в военно-воздушных силах разделяли все (и я в том числе): «Хищник» — это прибежище неудачников.

— Марк, ты уверен? — спросил он.

Дог отличался внимательным отношением к своим подчиненным и с готовностью выхлопотал бы для меня любое другое назначение.

— На пользу твоей карьере это не пойдет.

Карьерный рост никогда не был для меня самоцелью. Я уже давно решил отойти от стандартного, прогнозируемого профессионального пути и с каждым новым назначением осваивал новый тип самолета. В ВВС принято, что офицер в течение своей карьеры служит на самолете одного и того же типа. Во всех эскадрильях мне говорили одно и то же: перемены негативно скажутся на перспективе продвижения по службе.

— Сэр, — ответил я, — мне просто хочется участвовать в боевых операциях. Выполнить свой воинский долг.

Это появилось у меня 11 сентября. В тот день я вел над Валдостой в Джорджии звено «Т-6А», совершавших учебно-боевой вылет, когда Федеральное авиационное управление вдруг приказало нам садиться. Диспетчер был лаконичен и сдержан, но все это было очень необычно, поскольку военные редко когда получали подобные приказы.

После посадки едва успели выключиться двигатели наших самолетов, как к нам подскочил взбудораженный начальник бригады обслуживания летательных аппаратов (ЛА) и спросил,

слышали ли мы новость. Кто-то направил самолет на Всемирный торговый центр. Поначалу мы отнеслись к сообщению скептически. В конце концов, малоопытные летчики-частники постоянно пролетают на своих легкомоторных самолетах в опасной близости от башен-близнецов. От туристов всяких глупостей можно ожидать.

Но, зайдя в диспетчерскую 3-й учебно-летной эскадрильи, я увидел в ней десятка два летчиков-инструкторов и курсантов, столпившихся вокруг телевизора, по которому показывали нарезку кадров с авиалайнером, таранящим первую башню.

Видеозапись проигрывалась по кругу. А затем картинка вдруг сменилась. Поначалу было непонятно, что показывают, затем происходящее дошло до нас с кошмарной отчетливостью. Надпись «прямой эфир» вспыхнула как раз в тот момент, когда самолет врезался в башню. Второй самолет во вторую башню. Мы все понимали, что одно столкновение может быть случайностью. Два — это уже преднамеренные действия.

Мы оказались втянуты в войну, не похожую ни на одну из тех, в которых участвовали Соединенные Штаты. И я хотел выполнить свой воинский долг.

Дог вздохнул.

— Ладно, я походатайствую за тебя.

— Спасибо, сэр.

«Ликвидатор» — это рассказ о необычной группе молодых мужчин и женщин, с которыми я имел честь служить с 2003 по 2012 год. Также это история «Хищника» и его превращения из объекта замшелых летчицких шуточек в главную ударную силу в войне против терроризма.

В этой книге я использовал только тактические позывные (прозвища) либо имена без фамилий, чтобы сохранить тайну личности пилотов и других членов экипажей. Некоторые руководители высшего ранга, личность которых уже известна широкой общественности, называются полными именами. Радиопозывные самолетов, подразделений и конкретных людей указаны настолько достоверно, насколько память позволила мне это сделать. Отдельные тактические позывные были изменены, чтобы не подвергать риску жизни тех, кто продолжает нести опасную службу.

Я постарался не раскрывать детали каких-либо операций, продолжающихся и в настоящее время. Кроме того, опустил упоминание определенных тактических приемов и процедур, которые наши экипажи продолжают использовать при осуществлении боевых вылетов.

Информация, представленная в «Ликвидаторе», отражает мою

личную точку зрения. Эта книга — общее описание сообщества беспилотной авиации. Я стремился максимально точно изобразить картину событий, хотя допускаю, что «туман войны» мог исказить мое восприятие фактов и изгладить из памяти некоторые детали происходившего. Любые допущенные в тексте ошибки лежат исключительно на моей совести. Кроме того, все оценочные суждения, высказанные на страницах данной книги, также являются моими собственными и не отражают официальную позицию ВВС США, Министерства обороны либо правительства Соединенных Штатов. Я лишь хотел отдать дань уважения немногочисленной когорте летчиков и операторов, которые воевали и продолжают воевать, оставаясь в глубокой тени.

«Ликвидатор» — их история.

Эту войну мы выиграли благодаря героизму наших летчиков.

Но следующая война, вероятно, будет вестись с применением самолетов, на борту которых вообще не будет людей…

Соберите все, что вы узнали о военной авиации, выбросьте в форточку и начинайте работать над самолетами завтрашнего дня.

Они будут отличаться от всего, что когда-либо видел мир.

Генерал ВВС США

Генри «Счастливчик» Арнольд

в день победы над Японией, 1945 г.

Пролог. Возмездие

В оперативном центре эскадрильи зазвонил телефон, и я поднял трубку после первого же звонка.

Это была моя персональная выделенная линия связи с Объединенной оперативной группой, дислоцированной в Кэмп-Лемонье в Джибути. Мы выслеживали одну очень важную цель, и я почувствовал, что это именно тот звонок, которого мы все так ждали в течение последних нескольких недель.

— Белка слушает, — произнес я в трубку.

На линии был офицер связи «Хищников». Он был прикомандирован к Объединенному оперативному центру (ООЦ) и действовал под началом его командира. Офицер связи занимался координированием операций «Хищников» в регионе. В обязанности моей эскадрильи входило содействие «Хищникам» в наблюдении и нанесении ударов по террористам и пиратам.

— Запускайте, — отдал распоряжение офицер связи.

— Сколько?

— Всех трех, — ответил он.

Три «Хищника», снаряженные двумя ракетами «AGM-114 Хеллфайр» каждый, уже ожидали запуска на стояночной площадке. Летательные аппараты находились в состоянии полной боевой готовности, в любой момент готовые подняться в воздух. Телефонная линия была недостаточно защищена, чтобы подтвердить мои догадки, но, кладя трубку, я был уверен: сегодня «волчья стая» выходит на охоту.

Дело было 30 сентября 2011 года. Я служил командиром 60-й экспедиционной разведывательной эскадрильи на авиабазе Кэмп-Лемонье, построенной Французским иностранным легионом в Джибути. Эта страна, некогда французская колония, отличается угнетающе жарким климатом и почти полным отсутствием ресурсов, наиболее ценным из которых является ее выгодное географическое расположение — к северо-западу от Сомали и, через Аденский залив, к юго-западу от Йемена. Сейчас это главный стратегический плацдарм США для проведения контртеррористических операций.

Кэмп-Лемонье использует одиночную взлетно-посадочную полосу международного аэропорта Джибути-Амбоули, расположенного на окраине города Джибути, неподалеку от единственного крупного морского порта, обслуживающего Восточную Африку. После терактов 11 сентября Соединенные Штаты арендовали аэропорт у джибутийского правительства за 38 миллионов долларов в год в качестве перевалочного пункта

для обеспечения своих гуманитарных операций в регионе. Первыми американцами, которые обосновались в Кэмп-Лемонье в 2002 году, стали морские пехотинцы, наскоро оборудовавшие тут небольшую авиабазу, предназначенную для проведения воздушно-транспортных операций. Довольно скоро деятельность Объединенного оперативного центра Африканского Рога стала включать в себя выполнение разведывательных задач на всей территории Восточной Африки. По прошествии нескольких лет основной задачей ООЦ стало противодействие растущей террористической угрозе в регионе и на Аравийском полуострове по другую сторону Аденского залива.

Положив трубку, я отдал команду на запуск. Начальник оперативного управления подозвал техников, дежуривших на стояночной площадке, и передал им распоряжение. Установленные в задней части «Хищников» одиночные пропеллеры загудели — пилоты в станции наземного управления начали предполетную проверку. Мои пилоты медленно вывели «Хищников» с предангарной площадки и направили их к взлетно-посадочной полосе. Одновременно с этим в Соединенных Штатах, в тринадцати тысячах километров от нас, три экипажа заняли свои места за пультами управления в кабинах на авиабазе Кэннон в Нью-Мексико, готовясь взять наших «птичек» под контроль. Мои пилоты в Джибути поднимут «Хищников» в небо, после чего передадут контроль над ними пилотам в Соединенных Штатах, которые, собственно, и будут пилотировать ЛА в ходе выполнения задания. Будучи ветераном программы «Хищник» с десятилетним стажем, я выполнял эту процедуру бесчисленное количество раз. Никакой другой летательный аппарат ВВС не требовал использования одновременно двух экипажей — одного для взлета, а другого — для собственно полета. И в этом не единственная уникальная особенность нашей программы.

Я вышел наружу, чтобы понаблюдать за взлетом. Когда двигатели трех самолетов начали набирать обороты, наружный термометр показывал 35 градусов по Цельсию. Для «Хищников» жара — еще более опасный враг, чем «Аль-Каида». Приближалось «тепловое окно». Чуть жарче, и тонкая электроника «Хищников» может перегреться и расплавиться еще до того, как летательный аппарат достигнет зоны более низких температур на большой высоте.

Из оперативного центра доносились радиопереговоры с диспетчерской вышкой джибутийского аэропорта, которая давала «Хищникам» разрешение на взлет. Я стоял на бетонном барьере и наблюдал за тем, как самолеты разгонялись по ВПП. Взлет им давался нелегко, и складывалось впечатление, что если бы не

небольшой подъем в конце взлетной дорожки, они вообще не смогли бы оторваться от земли. Поднявшись в воздух, «Хищники» повернули к морю и взяли курс на Йемен.

Посмотрел на часы. В нашем распоряжении было несколько часов, прежде чем «Хищники» пересекут Аденский залив и выйдут на цель. Я вернулся к другим делам, но сделал для себя мысленную пометку наведаться через пару часов в расположение Оперативной группы и понаблюдать за видеопередачей с бортов беспилотников.

Когда я пришел в командный пункт Оперативной группы, стояла нестерпимая жара. Теперь термометр у входа показывал безумные 49 градусов. Морских бризов, способных принести хоть какое-то облегчение, летом в Джибути нет, есть лишь ветер, непрерывно дующий со стороны пустыни со скоростью 8–10 м/с, который по ощущениям больше похож на теплый поток воздуха из фена. Внутри металлической модульной постройки жужжал закрепленный на стене кондиционер. Небольшое устройство изо всех сил пыталось перебороть удушающую жару, стоявшую снаружи.

По стенам вокруг рабочего места командира ООЦ, которое находилось на возвышении, были развешаны шесть 50-дюймовых плазменных экранов. На каждом из них отображалось видео с различных «Хищников» и «Жнецов», находившихся в тот момент в небе региона.

Некоторые летели в Африке.

Большинство — в Йемене.

Пилоты и операторы средств обнаружения, управлявшие этими летательными аппаратами, располагались в самых разных местах планеты.

Внутри помещения царила напряженная атмосфера ожидания. Командир ООЦ, коренастый офицер, стоял на возвышении в центре зала. Со своего места он мог видеть все шесть мониторов одновременно. В нескольких шагах справа от него за столом сидел офицер связи.

— Это он? — спросил я офицера связи, долговязого майора ВВС.

— Не уверены, — ответил майор. — Есть подтверждение, что он был активен около пяти часов назад.

Говоря это, офицер не сводил глаз с мониторов, на которых транслировался видеосигнал с камер «Хищников».

— Мы все еще пытаемся закрепить на нем глаз.

«Закрепить глаз» означало засечь цель. Парни так и не смогли объяснить мне, откуда пошло это выражение.

Целью был Анвар аль-Авлаки.

Тридцативосьмилетний аль-Авлаки, родившийся в Нью-Мексико в семье выходцев из Йемена, поддерживал контакты с двумя террористами, захватившими самолеты 11 сентября, а кроме того, связывался по электронной почте с майором Нидалом Маликом Хасаном перед тем, как тот в 2009 году застрелил 13 человек на военной базе Форт-Худ в Техасе. Также аль-Авлаки был идейным вдохновителем нигерийского студента Умара Фарука Абдулмуталлаба, который на Рождество 2009 года при помощи спрятанной под одеждой бомбы предпринял попытку подрыва направлявшегося в Детройт авиалайнера.

После того как ФБР выявило связь аль-Авлаки с «Аль-Каидой», он бежал в Лондон, а оттуда в Йемен, где стал работать в качестве главного редактора англоязычного пропагандистского журнала «Аль-Каиды» «Инспайр». В журнале, в частности, была опубликована статья о том, как изготавливать самодельные взрывные устройства. Впоследствии именно эту публикацию используют для совершения теракта организаторы взрыва на Бостонском марафоне.

На одном из мониторов я увидел Хашеф, небольшой поселок, расположенный к северу от йеменской столицы Саны. Городок представляет собой нагромождение хаотично теснящихся глинобитных и шлакобетонных домишек. Он достаточно неприметен, чтобы служить тайным убежищем, и в то же время находится довольно близко к крупному городу, до которого в случае необходимости можно доехать всего за несколько минут.

— Цель активна, — сообщил сидевший рядом аналитик. — Есть признаки того, что он движется.

Возле одного из домов затормозили два белых пикапа «Тойота Хайлакс». Оба с двойными кабинами, вмещающими до пяти человек. В центре экрана с черно-белым видеоизображением, которое шло с борта «Хищника», был ведущий автомобиль.

Офицер сообщил координаты аль-Авлаки, и я сравнил их с данными на мониторах. Местоположение двух пикапов почти соответствовало координатам. Минимальный разброс значений позволял считать, что «Хищники» вышли на цель. Затем мы увидели, как из соседнего дома высыпали восемь мужчин и быстро залезли в грузовики. Одежда на них была традиционной для тех мест — длинные белые рубахи и головные платки. Один из мужчин, во всем белом, сел в ведущую машину. Едва дверцы захлопнулись, как водитель первого пикапа рванул с места, оставляя за собой шлейф пыли и выхлопных газов. Мгновение спустя за ним двинулся и второй грузовик.

— Держать их под наблюдением, — приказал командир ООЦ.

Офицер связи набрал на клавиатуре текст приказа и передал

его через защищенный чат-канал экипажам «Хищников» в Неваде. Спустя несколько секунд оператор средств обнаружения «Хищника» плавно навел перекрестье прицела на ведущий грузовик, переключив расположенную под носом беспилотника камеру в режим автосопровождения цели. Экипаж знал свое дело хорошо. Сегодня нам как никогда нужна была опытная команда.

— Сэр, Авлаки только что сообщил, что едет, — сказал армейский офицер.

— Подтверждаю, сэр, — отозвался другой офицер. — Перехваченный звонок поступил из головной машины.

Командир ООЦ кивнул.

— Все внимание на них.

Через несколько секунд на картинке с камер двух других «Хищников» тоже появились два пикапа, прокладывающие путь через городской рынок. В предобеденные часы уличные торговцы и лавочники запруживали все дороги, стараясь завершить сделки до того, как из-за невыносимой полуденной жары торговля станет невозможной. Толпа замедляла движение пикапов, и их водители старались использовать малейшие просветы в людском море, чтобы продвинуться.

— Гордон ведущий, — произнес командир ООЦ.

«Гордон» был позывным ведущего «Хищника». Летательный аппарат получил свое название в честь оператора сухопутного отряда «Дельта», который погиб при обороне экипажа вертолета «UH-60 Блэк-Хок», сбитого в 1993 году в Сомали. Среди «Хищников» это был единственный позывной, чье происхождение не основывалось на какой-нибудь легендарной личности ВВС.

Нам поставили задачу: уничтожить аль-Авлаки, пока он находился на пути между городами Хашеф и Мариб. Авиаудар в безлюдной местности означал отсутствие свидетелей и минимальный сопутствующий ущерб. Кроме того, в этом случае гражданское население не подвергалось опасности. Аль-Авлаки просто не явится на запланированную встречу.

— Офицеру связи приступить к проверке соответствия ППО, — отдал приказ командир ООП. — Передайте экипажам, чтобы начали готовить ракеты к пуску.

ППО, или правила применения оружия, — это набор условий, при соблюдении которых можно применять боевое оружие. Экипаж «Хищников» не имеет права открывать огонь, пока не соблюдены ППО. Требовалось проявлять осторожность и точно удостовериться, что наша мишень действительно аль-Авлаки. Мы не просто дроны, а профессиональные пилоты и стратеги, тщательно изучающие перед атакой каждую цель, чтобы гарантировать законность и обоснованность выстрела.

Мы не могли открывать огонь до того, как аль-Авлаки выберется за пределы города. Ракета «Хеллфайр» сровняла бы его грузовик с землей, но при этом смертоносные осколки от взрыва задели бы близлежащие здания, а промах в черте города сродни катастрофе. Этой операции предстояло стать крупнейшей после операции по ликвидации Осамы бен Ладена примерно пятью месяцами ранее. Мы преследовали новую американскую цель номер один. Наша миссия должна была стать знаковой и закрепить за «Хищниками» и сообществом специалистов по беспилотным летательным аппаратам (БПЛА) статус одной из главных сил США в борьбе с терроризмом.

Когда в 2003 году я начал пилотировать «Хищников», мы в основном наблюдали и слушали. На нас смотрели как на людей второго сорта по сравнению с летчиками боевых эскадрилий. Однако за десять лет войны мы превратились в истребителей. Значительное число авиаударов в Афганистане, Пакистане и Йемене приходилось на долю «Хищников» и «Жнецов». К 2013 году политикам больше не надо было рисковать жизнями солдат и офицеров сухопутных войск в ходе изнурительных и дорогостоящих наземных операций. «Хищники» и «Жнецы» могли скрытно пересекать географические границы, выслеживая и при необходимости убивая террористов. БПЛА стали для американских властей той длинной рукой, с помощью которой они получили возможность бить врагов за пределами США.

Офицер связи надел гарнитуру переговорного устройства, чтобы можно было говорить с пилотами «Хищников». Теперь интернет-чат будет использоваться только для передачи координат и разрешений на выполнение тех или иных действий. Офицер связи щелкнул тумблером на панели приборов, чтобы все три «Хищника» могли слышать его распоряжения.

— Гордон ведущий, — сообщил он. — Прошу подтвердить.

— Вас понял, Гордон ведущий, — ответил необыкновенно чистый голос пилота, лишь слегка искаженный статическими помехами. — Выполнение карты контрольных проверок через две минуты.

Тем временем кортеж из двух пикапов миновал рынок и, выбравшись на окраину города, увеличил скорость. У нас был только один шанс на выстрел по аль-Авлаки. Если промахнемся, террорист заляжет на дно. В лучшем случае пройдут месяцы, прежде чем мы снова его отыщем — если вообще отыщем.

В пределах города водитель не особо торопился, понимая, что гражданское население служит защитой ему и пассажирам. Но как только он выберется на открытую дорогу, их единственным спасением будет скорость. Имея за плечами несколько лет

участия в подобных заданиях, я понимал, что нанести меткий удар на открытой местности будет трудно. Правил дорожного движения здесь никто не придерживался, и местные водители гоняли по дорогам на огромных скоростях. Я был уверен, что водитель аль-Авлаки ничем от них не отличается. Попетляв по городской окраине, кортеж выехал на шоссе, вившееся по бескрайней пустыне мимо редких крохотных деревень.

— Цель готова. Какие будут распоряжения? — сделал запрос пилот Гордона.

Голос пилота не выражал никаких эмоций, никакого напряжения. Офицер связи бросил взгляд на командира ООЦ. Тот лишь покачал головой.

— Гордон, отказ, — передал офицер связи. — Ждем отмашки.

Эвфемизм «ждать отмашки» означал, что кто-то пока еще не принял или не мог принять решение. В нашем случае решение было непростым. Мы готовились уничтожить американского террориста на территории иностранного государства. Только президент мог санкционировать удар такой значимости.

— Вас понял, — отозвался Гордон.

— Старайтесь сохранять позицию, чтобы отстреляться быстро, — сказал офицер связи.

Гордон не ответил. Он был занят удержанием беспилотника на оптимальной дистанции атаки, одновременно пытаясь предугадать возможные внезапные маневры цели. К тому же пилоту не хотелось ввязываться в классический спор в духе «не указывай пилоту, как ему управлять самолетом». Спустя несколько секунд пилот Бонга, другого «Хищника», летевшего неподалеку, просканировал местность впереди кортежа.

— Равнина сглаживается, — проинформировал Бонг. — Думаю, мы накроем его на прямой.

— Вас понял, — ответил Гордон.

Прямой участок шоссе — наиболее подходящее место для нанесения удара. Автомобили будут двигаться с постоянной скоростью по предсказуемому курсу. Холмов, которые могли бы оказаться на пути ракеты или луча системы лазерного наведения, практически не было. Как и следовало ожидать, едва кортеж аль-Авлаки выехал на равнину, он тут же резко ускорился. Машины мчались по дороге, усыпанной песком после недавних песчаных бурь, оставляя за собой два вихревых шлейфа пыли.

— Десять минут.

Сообщение Гордона в большей степени было запросом, чем донесением. В нашем распоряжении было десять минут, прежде чем аль-Авлаки достигнет Мариба. Если «Хищник» собирался атаковать, это надо было делать на шоссе. Командир ООЦ с

закрепленной за ухом гарнитурой переговорного устройства отрицательно покачал головой. Наши шансы на успешную атаку уменьшались с каждым километровым столбом, который оставляла позади себя колонна автомобилей.

Я напряженно вглядывался в монитор, наблюдая за тем, как Гордон маневрирует, стараясь удержать позицию. Так как беспилотник обладает большей, чем у пикапов, скоростью, пилоту приходилось непрерывно выполнять S-образные маневры, чтобы их не опередить. Если бы аль-Авлаки знал, что мы летим над ним, он вел бы себя по-другому. Грузовики продолжали нестись по трассе.

— Гордон, доложите статус, — сказал офицер связи.

— Проверка закончена, ждем разрешения на атаку, — сообщил Гордон.

— Вас понял, — ответил офицер связи. — Бонгу занять позицию для контрольного выстрела.

Если Гордон промахнется, выпустить вторую ракету он уже не сможет. Он окажется настолько близко от места удара, что нанести повторный удар не получится — ракета из такого положения цель не захватит. Бонг должен был держаться позади Гордона, чтобы подстраховать его или же поразить вторую машину, если первый выстрел окажется успешным.

— Еще пять минут — и окно закроется, — передал Гордон. — Доложите статус.

Командир ООЦ снял головной телефон.

— Пора, — сказал он. — Отправляйте 9-Line.

Офицер связи нажал на клавиатуре клавишу «Ввод» — он заблаговременно набрал текст целеуказаний 9-Line, отчета, который в строчном виде детализирует приказ об атаке. В каждой строке отчета содержится определенная информация для пилотов. На связь вышел передовой авиационный наводчик Оперативной группы (ПАН) — авиационный специалист, в обязанности которого входит корректировка огня авиации. Он тоже наблюдал за видеотрансляцией из оперативного центра. ПАНы обычно работают на земле, однако в Йемене сухопутных войск у нас не было, поэтому ПАН контролировал ход проведения операций, сидя за столом в оперативном центре и выходя на связь только непосредственно перед нанесением удара.

— Гордон, это Барсук Четыре-Один, — сказал ПАН. — 9-Line в чате. Дайте направление.

Око камеры Гордона по-прежнему было приковано к двум грузовикам. Периодически видеоизображение наклонялось и переворачивалось, когда камера подстраивалась под маневры «Хищника». Гордон не ответил: пилот совещался с оператором

средств обнаружения — вторым членом экипажа — относительно предстоящего выстрела. Оператором средств обнаружения был рядовой ВВС, который управлял системой целеобнаружения в носовой части «Хищника» и наводил лазер подсветки цели. Он был второй парой глаз, особенно при подготовке к запуску ракеты. Все находившиеся в оперативном пункте начали нервничать, поскольку совещание экипажа затягивалось.

Чересчур затягивалось.

Почему они не сделали этого заранее? Я переминался с ноги на ногу, пытаясь хоть немного сбросить нервное напряжение. Офицер связи ерзал в кресле, нервничая, как и я. Никому в оперативном пункте не хотелось упускать этот шанс. Кто знает, когда нам еще представится такая возможность накрыть аль-Авлаки? Я поглядел на висящие над экранами часы. Оставалось три минуты. Картинка на мониторе снова перевернулась.

— Гордон заходит с юга, — раздался голос пилота. — Одна минута.

ПАН не колебался ни секунды.

— Гордон, атаку разрешаю.

Глава 1. Добро пожаловать в проект «Хищник»

— Добро пожаловать в проект «Хищник».

Чак, старый инструктор 11-й разведывательной эскадрильи, стоял перед «Хищником» и произносил приветственную речь. Это был мой первый учебный день на авиабазе Крич в Неваде.

Моя группа, состоявшая из 29 будущих пилотов и операторов средств обнаружения, столпилась возле летательного аппарата, слушая Чака. Новобранцы — операторы средств обнаружения, стоявшие впереди, ловили каждое движение инструктора, когда он показывал систему целеобнаружения, смонтированную под носом «Хищника», и различные антенны, используемые для управления аппаратом. Я вместе с остальными пилотами держался ближе к задним рядам.

Когда в декабре 2003 года я стал участником программы, добровольно вступивших было мало (если таковые вообще имелись). Большинство пилотов БПЛА на то время составляли летчики, которых исключили из других программ по причине порчи пилотируемых летательных аппаратов либо из-за несоответствия техническим или профессиональным требованиям. Некоторые оказывались здесь из-за травм, не позволявших им вернуться в кабины.

Добровольцев, включая меня, было четыре человека.

Я мечтал стать боевым пилотом с детских лет. Моя семья, в которой я был младшим из двух детей, жила в Миссисипи. Меня, независимого по натуре мальчишку, всегда интересовало, как устроены машины. Моей любимой игрушкой был конструктор, из которого я мастерил собственные космические корабли. Я воображал, что путешествую к неизведанным мирам, участвую в грандиозных космических сражениях или же открываю какие-нибудь потерянные цивилизации.

И все-таки истинная страсть к авиации пробудилась во мне в пять лет, когда отец отвез меня на авиашоу в Хокинс-Филд в городе Джексон. В тот день военно-воздушные силы Конфедерации, ныне известные как Юбилейные военно-воздушные силы, реконструировали одно из воздушных сражений Второй мировой войны.

От рокота поршневых двигателей германского «Мессершмитта» и американского «Мустанга», выписывавших в небе безумные петли, под ногами дрожала земля. Повсюду гремела пиротехника, имитировавшая разрывы бомб и огонь

зенитной артиллерии. Грохот стоял неимоверный, он будоражил воображение и волновал.

Однако ничто не могло сравниться с ощущением, какое я испытал, когда отец купил мне билет, позволявший подняться на борт бомбардировщика «B-29».

Поддерживаемый заботливой отеческой рукой, я взобрался по приставной лестнице в кабину экипажа и сел в кресло второго пилота. Передо мной раскинулась огромная приборная доска, усеянная невообразимым количеством циферблатов и приборов. Я дергал за штурвал, представляя, каково управлять таким самолетом.

Он покорил мое сердце.

В старших классах я учился изо всех сил, чтобы иметь шанс поступить в Академию ВВС США, которая привлекала меня тем, что всем ее курсантам гарантировалось участие в программе летной подготовки. Однако после окончания школы в 1992 году мое летное обучение отодвинулось на более поздний срок по причине сокращения численности военно-воздушных сил в связи с окончанием холодной войны. Поэтому я поступил в разведшколу на авиабазе Гудфеллоу в Сан-Диего, штат Техас, где стал офицером разведки.

Через три года после того, как меня утвердили в должности, на курсах летной подготовки на авиабазе Коламбус в Миссисипи неожиданно появилось свободное место. За неделю до начала обучения один из курсантов Академии ВВС США выбыл по семейным обстоятельствам, оставив вакантное место, которое военно-воздушному ведомству необходимо было заполнить. Центр подготовки персонала ВВС выбрал мое имя из списка резервных кандидатов и послал мне предложение собрать все необходимое и отправиться в Миссисипи. Я согласился без малейших сомнений. На протяжении восьми следующих лет я пилотировал учебно-тренировочные самолеты, а также самолет «E-3 АВАКС» дальнего радиообнаружения, на фюзеляже которого установлен массивный радиолокатор в форме диска. Этот самолет обеспечивал командование и координацию действий истребительной авиации. Также я участвовал в операциях по борьбе с наркоторговцами у берегов Южной Америки, патрулировал воздушное пространство у границ Северной Кореи, в то время как силы противовоздушной обороны этой страны следили буквально за каждым моим шагом, готовые в любой момент выпустить в меня ракеты класса «земля — воздух», и летал в составе президентского эскорта в Восточной Азии.

Я был хорошим пилотом, однако моей карьере в ВВС помешали потерянные годы, которые я провел на службе в

разведке. Мои шансы стать летчиком-истребителем стремились к нулю. По прошествии нескольких лет работы инструктором пришло время возвращаться за штурвал АВАКСа. Все во мне противилось этому. Мне хотелось и дальше служить в ВВС, но не хотелось опять летать на АВАКСах. Я понимал, что они уже не будут востребованы, а мне хотелось выполнить свой долг. Эти самолеты возвращались домой с войны, и снова встать на боевое дежурство им было не суждено. АВАКСы означали для меня очередное назначение в небоевое формирование.

Шел 2003 год, к тому времени война в Афганистане длилась два года. Война в Ираке только начиналась. И когда открылась вакансия в системе подготовки специалистов БПЛА, я тут же изъявил желание занять ее. После некоторых препирательств с начальством мое прошение о переводе было удовлетворено. Пусть это была не служба летчика-истребителя, но «Хищник» давал мне возможность оставаться в пилотской кабине и вносить свой вклад в военные усилия страны.

Однако при виде «Хищника» в ангаре меня стали одолевать сомнения.

Мне было 33 года, и пока Чак говорил, я размышлял о разумности своего решения. Как и любой пилот ВВС, я по-прежнему считал, что фундамент авиации — это самолет, а не компьютерный терминал на земле. Профессионалы летного дела управляют самолетами, находясь за штурвалом. Пилот не управляет самолетом из контейнера. Да и какой пилот мог бы подцепить девчонку в баре, хвастаясь тем, что он пилотирует дистанционно управляемый аппарат?

На одной из моих любимых футболок красовалось определение «пилота», которое в каком-то смысле выражало обобщенное мнение летчиков, хотя и в шутливой форме: «Пилот — высшая форма жизни на Земле».

Для меня футболка была выражением не столько самоуверенности, сколько уверенности в себе. Пилотирование — это нечто особенное. Не всякий имеет возможность взирать на мир с высоты более 9 километров над землей из летающей машины, находящейся под твоим полным контролем. Из кабины мы видим кривизну земной поверхности, а автомобили на шоссе выглядят крошечными, словно муравьи. Всякий раз, взмывая в небо, я неизменно испытывал приятное возбуждение. Авиация была для меня не работой, а страстью. Призванием. Тем, чем я должен был заниматься, чтобы чувствовать внутреннее удовлетворение.

Большинство мужчин определяют себя через свою работу, а у меня была лучшая работа на свете.

Но полеты высоко над землей имеют и свои опасные стороны. И именно в моменты опасности проявляется уверенность, которую часто путают с самоуверенностью.

Мы доверяем своим навыкам, потому что когда ты находишься на такой высоте над землей, никто не придет тебе на помощь. В отличие от автомобиля, самолет — это не та машина, которую при возникновении неполадки можно просто остановить. Однако в случае с «Хищником» фактор риска отсутствует. Что бы ни случилось, его пилоты всегда остаются в безопасности, если только аппарат не грохнется на крышу станции наземного управления. Именно по этой причине я смотрел на «Хищников» свысока. Пилотирование БПЛА не давало того ощущения восторга от нахождения в небе и было лишено риска, обычно сопровождающего работу летчика.

Первое занятие было полностью отдано приветственной речи Чака. Он говорил с интонацией человека, который повторял одну и ту же речь уже очень много раз. В его интонациях не было скуки, но не было и энтузиазма. Речь текла гладко, по проторенному руслу. Почвой для его откровений служила практика, а не теория.

Чак командовал 11-й разведывательной эскадрильей после того, как ее перебросили в Афганистан для поддержки сил вторжения. Он видел «Хищника» в бою и знал, на что тот способен. Вышагивая вокруг беспилотника, он держался со строго военной выправкой истинного офицера, даже несмотря на то что был одет всего лишь в штаны цвета хаки да рубашку для гольфа.

— Эта система отличается от всего, что вы когда-либо видели, — сказал он.

Мне пришлось согласиться.

Фотографии БПЛА не позволяли оценить его по достоинству. До появления «Хищника» в 1994 году беспилотные летательные аппараты размерами не сильно превосходили любительские дистанционно управляемые авиамодели. Умозрительно я представлял, что по габаритам «Хищник» будет примерно таким же.

MQ-1 Predator («Хищник»), созданный компанией «General Atomics», по размерам и массе приблизительно сопоставим с легкомоторным самолетом «Сессна 172» и из-за своего хвостового оперения в форме перевернутой буквы «V», которое чуть ли не касается земли, походит на грозную серую птицу. Самолет припадает к земле, словно жаждет поскорее оттолкнуться от нее и взмыть в небо.

Чак пригласил нас подойти поближе. Группа курсантов подалась вперед. С близкого расстояния сразу бросилось в глаза,

насколько хлипок летательный аппарат. Корпус из тонкого композиционного материала на ощупь напоминал сухую бумагу. Посадочное шасси представляло собой тоненькие стойки с обыкновенными пружинами, сжимающимися под весом БПЛА. Небольшой белый пропеллер, установленный в хвосте аппарата, приводился в движение модифицированным четырехцилиндровым двигателем от снегохода в 115 л. с., дополненным турбонагнетателем. Летательный аппарат мог достигать высоты порядка 8000 метров и оставаться в воздухе более 20 часов без дозаправки. «Хищник» поражал своей простотой.

Покончив с тактико-техническими характеристиками самолета, Чак перешел к истории его создания. «Хищник» появился после того, как в 1993 году ВВС США объявили конкурс на разработку беспилотного самолета-разведчика. Первой на призыв военно-воздушных сил откликнулась базировавшаяся в Сан-Диего компания «General Atomics». Нефтяные магнаты Нейл и Линден Блу, обладающие большой собственностью в Теллурайде, приобрели «General Atomics» в 1986 году примерно за 50 млн долларов.

В свое время Нейл жил в Никарагуа и был свидетелем того, как коалиция сандинистов, поддерживаемая Советским Союзом, свергла правящую в стране семью Сомоса. Не имея возможности противостоять ей, он начал прорабатывать план создания беспилотного летательного аппарата, использующего GPS, которым можно было бы таранить принадлежащие поддерживаемой Советским Союзом армии огромные цистерны с бензином, нефтью и горюче-смазочными материалами. Ему хотелось подорвать новый режим.

Приобретение «General Atomics» отчасти позволило Нейлу реализовать свои замыслы. В 1992 году он нанял отставного адмирала Томаса Д. Кэссиди для организации дочерней компании «General Atomics Aeronautical Systems Inc.». Задачей Кэссиди была разработка и производство беспилотных летательных аппаратов. Первой моделью компании стал «GNAT». Он был построен на базе стандартных узлов и агрегатов и оснащался поворотной камерой, подобной тем, которые применяются на вертолетах дорожной полиции. БПЛА мог оставаться в воздухе порядка 40 часов, однако был слишком мал, чтобы нести вооружение, к тому же имел ограниченный радиус действия, поскольку для управления аппаратом требовалось, чтобы он находился в зоне видимости оператора.

А потом появился «Хищник».

Применив опыт, полученный при создании самолета «GNAT»,

компания разработала летательный аппарат с перевернутым хвостовым оперением и оптоэлектронным комплексом в форме массивного шара, смонтированным под носовой частью БПЛА. В 1994 году «Хищник» совершил свой первый полет, вскоре после чего был представлен руководству военно-воздушных сил. Летчики отнеслись к нему со скепсисом, зато разведслужба ВВС увидела в беспилотнике большой потенциал.

«Хищник» мог летать над целями, передавая на базу их изображение в высоком разрешении даже в плохую погоду. Вдобавок летательный аппарат стоил очень недорого — 3,2 млн долларов за единицу. Комплект из четырех самолетов и станции наземного управления, полностью готовых к эксплуатации, стоил порядка сорока миллионов долларов. Для сравнения, стоимость новейшего истребителя «F-22 Раптор» составляет более двухсот миллионов долларов.

Первый боевой вылет «Хищника» состоялся в июле 1994 года. К моменту начала войны в Афганистане на вооружении ВВС стояло шесть «Хищников», часть из которых бороздила небо над Боснией. В феврале 2001 года «Хищник» впервые совершил ракетную атаку, после чего его роль в качестве разведывательного летательного аппарата начала меняться. Год спустя «Хищники» уничтожили автомобиль лидера «Талибана» Муллы Омара, а кроме того, по ошибке убили афганского сборщика металлолома, внешне похожего на Осаму бен Ладена. В марте 2002 года «Хищник» выпустил ракету «Хеллфайр» для защиты рейнджеров, сражавшихся на хребте Такур-Гар в ходе проведения антитеррористической операции «Анаконда». Это был первый случай, когда «Хищник» осуществил непосредственную огневую поддержку сухопутных войск с воздуха.

И все же его не рассматривали в качестве значимой составляющей боевых операций, да и вообще авиации как таковой. В ВВС видели пользу в использовании «Хищника» для проведения разведывательных миссий, однако весь огромный потенциал программы БПЛА высшее военное руководство пока не осознавало. Для большинства летчиков переход в «Хищник» был последним этапом в карьере, о чем свидетельствовала и скромная материально-техническая база подготовки специалистов БПЛА. Парни никогда не хвастались перед служащими других летных подразделений тем, что пилотируют «Хищники». Они уходили с этой службы при первой же возможности. Записываясь добровольцем в 2003 году, я этого еще не знал, но вскоре все должно было измениться.

Авиабаза Крич находится в пустыне по соседству с небольшим городком Индиан-Спрингс — их разделяет 95-е шоссе.

В северной оконечности базы располагаются Зона-51 и ядерный полигон. Индиан-Спрингс — полная противоположность Лас-Вегаса. Сонный городок преимущественно состоял из жилых автоприцепов, двух автозаправок и небольшого казино, которое большую часть прибыли получало от ресторана, а не игорного стола. Проезжая мимо местной школы, я заметил перед ее фасадом старый истребитель ВМС, выкрашенный в цвета «Тандербердз», пилотажной группы ВВС США. Разбитый фонарь самолета служил гнездом для птиц.

Собственно база выглядела немногим лучше. 95-е шоссе, которое тянулось параллельно старой одиночной взлетно-посадочной полосе, ограничивало возможности расширения авиабазы. Северо-западнее располагалось высохшее озеро Френчман-Лейк, где военные в 50-х годах проводили испытания ядерного оружия. Когда я впервые въехал на территорию базы, словно перенесся во времени. На базе все еще стояло несколько казарменных построек времен Второй мировой войны. Деревянные постройки были побелены, чтобы скрыть их возраст. Проезжая мимо, я увидел, что казармы переоборудованы в столовую, кинотеатр и медицинский блок. Единственное новое строение находилось в восточном конце базы, где обосновалась 11-я эскадрилья. В течение следующих четырех месяцев мне предстояло целыми днями постигать науку управления «Хищником».

К 2003 году на вооружение ВВС поступало по два новых беспилотника в месяц. Для управления неуклонно расширяющимся парком «Хищников» требовались новые кадры. В моей группе помимо меня было еще девять пилотов. Пока Чак говорил, мы стояли в задних рядах группы, немного особнячком. В каком-то смысле это было неосознанной формой защиты от того, чего мы не понимали: пилотирование беспилотника. Все, связанное с «Хищником», казалось нам чуждым. Мы все еще пытались понять, что интуиция говорит нам по поводу этого самолета.

Прежде здесь никогда не было столько пилотов-добровольцев. Парни рядом со мной смотрели на маленького «Хищника» по-новому. Для них он знаменовал не тупиковое назначение, а возможность.

Возле меня стоял пилот по имени Майк. Я знал Майка еще со времен учебы в Академии ВВС США, но близко с ним знаком не был. После выпуска наши пути разошлись: Майк летал на самолетах-дозаправщиках «KC-135» и истребителях «F-16», тогда как я пилотировал учебно-тренировочные самолеты и системы АВАКС.

Сложением Майк напоминал бегуна, и, в отличие от моих седеющих волос, его шевелюра осталась такой же черной, какой была, когда он только поступил на службу. В его глазах горел огонь, какой я редко видел у офицеров. До того как Чак начал свою речь, мы перебросились несколькими словами.

— Ты доброволец? — поинтересовался Майк.

Для нас был важен факт нашего добровольного участия в программе. Например, одного парня направили в нашу группу после досрочного увольнения с места службы из-за драки с сослуживцем. Те четверо из нас, которые пошли сюда добровольцами, хотели, чтобы другие знали: этот жизненный выбор мы сделали самостоятельно, его нам не навязали.

— Ага, хотел избежать уже третьего назначения в небоевую часть, — ответил я. — А ты?

Майк кивнул.

— Увидел объявление на стене. Поздно аттестовался, поздно сел на истребители, то есть дослужиться до командных должностей мне не светит.

Его карьера в авиации стартовала с задержкой, точь-в-точь как и моя.

— Хреново, — посочувствовал я.

— Как есть, так есть, — вздохнул он.

Я понимающе кивнул.

Стоя позади, я всматривался в юные лица девятнадцати операторов средств обнаружения, которым предстояло обучаться вместе с нами. Эти пухлощекие восемнадцатилетние парни будут составлять вторую половину экипажей. Пилот контролирует летательный аппарат и выпускает ракеты, а оператор средств обнаружения управляет системой наведения, камерами и лазерными целеуказателями. Вместе мы должны сформировать крепкую эффективную команду.

Когда мы вернулись в учебный класс, я смог обобщить свои впечатления о группе. Сообщество «Хищников» составляли новобранцы, отсевки из других воинских подразделений, проблемные подростки и летчики-истребители с подпорченной карьерой, мечтавшие о втором шансе. Все мы имели свои затаенные амбиции. Все мы хотели доказать, что наше место — в небе над полями сражений. Пилоты всегда остаются пилотами.

Глава 2. Учусь летать

Все пилоты знают, как управлять техникой, однако мы очень скоро поняли, что в случае с «Хищником» все наши прежние навыки бессмысленны. Я уже пару недель как был участником программы, а все еще пытался освоиться в «боксе», или кабине, прежде чем совершить свой первый полет. Бокс представляет собой переоборудованный морской контейнер, формально называющийся станцией наземного управления (СНУ). Вход в желтовато-коричневый бокс осуществляется с торца через тяжелую стальную дверь, которая выходит в узкий проход, ведущий к «кабине» в противоположном конце контейнера. Пол и стены СНУ покрыты грубой ковровой тканью серого цвета; внутри поддерживается тусклое освещение, чтобы исключить появление бликов на мониторах.

Вдоль прохода тянется ряд стоек вычислительной системы и стоят два устройства охлаждения аппаратуры. В конце контейнера перед центральным пультом управления два рыжевато-коричневых кресла. Между местами пилота и оператора средств обнаружения выступает небольшой столик. Перед каждым из двух терминалов лежит стандартная компьютерная клавиатура, по обе стороны от которой находятся рычаг управления двигателем (РУД) и ручка управления самолетом (РУС). Под столом располагаются рулевые педали. Рычаг управления двигателем по левую сторону и ручка управления самолетом по правую есть и у пилота, и у оператора средств обнаружения, однако управление полетом летательного аппарата осуществляется только с помощью органов управления пилота. РУД и ручку оператора средств обнаружения используют для контроля прицельно-навигационной системы.

Поежившись, я поглядел через плечо на Гленна, моего инструктора.

— Холодновато здесь. Так всегда?

— Обычно да, — ответил он. — Привыкнешь.

В целях предотвращения перегрева многочисленных стоек электроники система ОВК (отопления, вентиляции и кондиционирования) непрерывно нагнетала в них охлажденный воздух. Если оба охладителя разом откажут, температура внутри помещения за какие-то пять минут подскочит до сорока градусов, а то и выше. Поддержание оптимальной температуры — залог успешного функционирования «Хищников», поэтому экипажам приходится работать при температуре окружающего воздуха около 10 градусов Цельсия. Такой климат идеален для массивных

компьютеров, которые громоздились позади меня, чего не скажешь о пилотах, управляющих «Хищниками» на огромном расстоянии от них. Даже в жаркие летние периоды в Лас-Вегасе члены экипажа обычно работают в летных куртках.

— Начать контрольную проверку, — тихо скомандовал Гленн.

Потерев озябшие руки, я потянулся к органам управления. Проверил показатели контрольно-измерительных приборов, чтобы убедиться, что беспилотник функционирует исправно. Мы осуществляли управление БПЛА через два канала передачи данных, по которым отправляли самолетам команды, взамен получая от них видеосигналы и телеметрическую информацию.

Для взлета и посадки использовался специальный передатчик системы связи прямой видимости, установленный на пятнадцатиметровой вышке за пределами СНУ. Он отсылал команды на две напоминающие гандбольные мячи антенны в передней части «Хищника». Связь прямой видимости возможна только в том случае, если летательный аппарат видит передатчик. Поскольку в непосредственной близости от районов боевых действий авиабаз практически не было, мы в основном пилотировали БПЛА, пользуясь системой загоризонтной связи. Эта система задействует расположенные на геостационарной орбите спутники, через которые «Хищникам» и передаются сигналы управления, что позволяет экипажам поддерживать с ними связь практически из любой точки мира.

Когда я получил приказ о своем переводе, то представил, что буду управлять летательными аппаратами, сидя за обычным компьютером в небольшом офисе. Тогда я и подумать не мог, что мое новое рабочее место будет так похоже на кабину обычного самолета.

Наконец проверка показаний виртуальной индикаторной панели, которая заменяла традиционные циферблаты и сигнализаторы на панели управления обычной самолетной кабины, была закончена.

— Ты готов? — спросил Гленн сквозь гул двух массивных блоков системы ОВК.

Я кивнул.

— Хорошо, — отозвался он. — Давай поотрабатываем некоторые маневры.

Когда я выполнял учебно-тренировочный полет, Гленн сидел у нас за спиной в офисном кресле на колесиках. Гленн летал во Вьетнаме, что повышало его авторитет в моих глазах. Он был похож на большинство летчиков времен войны во Вьетнаме: храбрый, яркий, дерзкий. Гленн требовал от нас соответствия высшим профессиональным стандартам. О том, чтобы схалтурить,

не могло быть и речи. Его не волновало, что сообщество пилотов и операторов БПЛА было еще молодым и не успело сформировать таких же традиций, какие существовали в среде летчиков-истребителей. Он ожидал, что мы будем придерживаться привычных для него стандартов.

Я взялся за ручку управления самолетом и рычаг управления двигателем, а ноги поставил на педали руля.

— Все как на обычных курсах летной подготовки, — сказал Гленн. — Проверь воздушное пространство, а затем выполни разворот на центр «пятака».

Он имел в виду разворот к центру небольшого воздушного участка к юго-востоку от авиабазы Крич, выделенного нам для проведения тренировок. Бескрайняя бурая поверхность невадской пустыни под брюхом «Хищника» скользнула в сторону. В верхней части терминала, перед креслом пилота, размещался экран системы слежения, на котором отображалась подвижная карта мира, наподобие той, что используется сервисом «Google Maps». Мы могли помечать на ней цели, определять закрытые районы и даже отслеживать маршрут полета, который отображался маленькой розовой пиктограммой, символизирующей беспилотник.

Под экраном системы слежения располагался HUD-дисплей. У пилота на него выводились искусственный горизонт, данные о высоте и скорости полета, индикаторы курса, а также параметры работы двигателя. HUD-дисплей оператора средств обнаружения был лишен навигационно-пилотажных инструментов; вместо них на его HUD-дисплее отображались перекрестье прицела и индикаторная панель с данными о положении гондолы целеобнаружения и самой цели. И пилот, и оператор средств обнаружения получали идентичное изображение окружающей самолет местности, которое передавала закрепленная под его носом камера, или «шар».

Я отклонил ручку управления вбок. На циферблате компаса в углу экрана системы слежения замигал маленький розовый треугольник и стал поворачиваться в ту же сторону, в какую я отклонял ручку. Когда треугольник дополз до отметки «Юго-восток», я его остановил, отпустив ручку. Затем нажал на кнопку «TRIM» в верхней части ручки управления, тем самым давая самолету команду придерживаться этого направления.

— Хорошо, — сказал Гленн. — Обрати внимание, что отклик занимает пару секунд.

Летательный аппарат реагировал на команды, передаваемые посредством органов управления, с небольшой задержкой. Задержка обуславливалась расстоянием между самолетом и

станцией наземного управления. При связи в режиме прямой видимости отклик был почти мгновенным. При управлении через спутник он мог достигать трех секунд. Вроде немного, но когда пытаешься точно следовать заданной траектории полета или выйти на курс атаки цели, эти три секунды, которые приходится ждать, пока сигнал дойдет до летательного аппарата, могут довести до бешенства.

В такие моменты я считал про себя:

Раз картошка, два картошка…

Управлять «Хищником» оказалось сложнее, чем обычным самолетом. Мне хотелось чувствовать летательный аппарат в полете, однако звука, по которому можно было бы судить о скорости или работе двигателя, не было. И не было чувства крыльев, которое могло предупредить об опасности сваливания или возникновения какой-либо неисправности. Я мог довольствоваться лишь обратной связью от пружинного механизма ручки управления самолетом, а также педалей и рычага управления двигателем, которые двигались слишком свободно. Из всех органов чувств я мог полагаться лишь на зрение, но «шар» слишком редко направлялся прямо на цель, чтобы признать его полезным. Так как при выполнении операций камера самолета в большинстве случаев смотрела на землю, полет выполнялся исключительно по приборам. Мне пришлось оставить в прошлом 3 тысячи часов налета на самолетах с традиционными органами управления и заново учиться летать на «Хищнике».

— Так, что дальше? — спросил я.

Гленн заглянул в план полета.

— Последнее, что нам осталось проверить перед выходом на точку, это параметры Ku-связи.

Ku — диапазон спутниковых частот, применяемый для управления беспилотником в режиме загоризонтной связи. «Ку» слетало с языка чуть легче, чем «спутниковая». Было важно убедиться, что связь функционирует нормально и что мы знаем, как, в случае ее обрыва, восстановить контроль над летательным аппаратом.

— Выведи Ku-меню, — сказал Гленн.

В верхней части экрана системы слежения имелась панель меню. Я подвел курсор мыши к расположенной справа закладке и кликнул по ней. Открылось диалоговое окно, в котором требовалось указать частоту, поляризацию и некоторые другие параметры, необходимые для установления связи.

— Найди частоты, — сказал Гленн.

Я сверился с планом полета, вбил нужные цифры и нажал

кнопку «Отправить».

Картинка на экране тут же исказилась помехами. Я смущенно обернулся к Гленну. Тот укоризненно покачал головой.

— Отличная работа. Ты только что подавил CNN.

— Погоди, что?

Я сверил данные в диалоговом окне с теми, что были указаны в плане полета. Частоты совпадали.

— Проверь поляризацию, — подсказал Гленн. — По умолчанию в диалоге стоит горизонтальная, а наш сигнал идет в вертикальной.

Ощущая себя полным болваном, я исправил ошибку. Изображение моментально пришло в норму. Тем временем беспилотник начал описывать узкую петлю в центре тренировочной зоны. На дисплее системы слежения горело подтверждение того, что в летательном аппарате активировался аварийный протокол полета. «Хищник» запрограммирован таким образом, что в случае обрыва командной связи он автоматически возвращается на базу.

— Ну что ж, — произнес Гленн с совершенно невозмутимым видом, — думаю, демонстрацию ситуации с обрывом связи можно считать проведенной.

Одним из пунктов программы обучения значилась демонстрация того, как беспилотник самостоятельно возвращается на базу при потере коммуникационного соединения с землей.

По окончании своего первого полета я встретился с парнями, с которыми мы совершали совместные поездки, и мы отправились обратно в город. Почти каждое утро мы собирались на парковке на окраине Лас-Вегаса, садились в одну машину и проезжали более 70 километров от города до базы Крич. Долгие поездки на базу и обратно давали отличную возможность посплетничать и побрюзжать по поводу обучения.

Как-то раз, через несколько недель после начала тренировок, я прямо на парковке, еще до того, как мы успели рассесться в машине, принялся жаловаться на программу летного обучения. Я не так давно завершил службу инструктором, поэтому отнесся к программе слишком критично. К тому же я позволил себе высказать презрительное отношение к самим «Хищникам», поскольку все мы по-прежнему продолжали считать их чем-то ненормальным. Не помню точно, что я тогда сказал, но в какой-то момент один из моих сокурсников, Простак, не выдержал.

— Так, все, тайм-аут! — воскликнул он. — С меня хватит. Отныне ты Ворчун.

— Нет уж, — ответил я.

С тех пор Простак называл меня Ворчуном при любой удобной возможности. Я ни в коем случае не мог позволить им присвоить мне позывной Ворчун. Моим тактическим позывным был Белка. Я получил его в первый день учебы. В силу специфики разведывательной деятельности я не мог рассказать сокурсникам о своей прежней службе, поэтому, чтобы избежать дальнейших расспросов, сказал, что работа у меня была секретной. Все это звучало очень по-детски. Староста класса тут же заявил, что отныне меня следует называть Секретной белкой по аналогии с персонажем одноименного мультфильма. Когда мы приступили к полетам, однокурсники начали называть меня Белкой-летягой. Позднее позывной был сокращен до просто Белка. Этот позывной и сейчас остается частью моей личности. Да и вообще, много ли парней могут похвастать тем, что их зовут Белка?

Но я так сильно ворчал по поводу заведенных порядков в Криче, что сокурсники вознамерились меня переименовать.

Традиция присвоения позывных — одно из неписаных правил боевой авиации. Во многих войсковых формированиях дают позывные, которые связаны с какой-нибудь курьезной историей. В нашем сообществе полно парней с кличками типа Крушитель, Костыль, Дерн и им подобных, наводящих на мысль, что они повредили летательный аппарат или самих себя. Никто не присваивает себе позывные вроде Молодчага или Кремень, если только это не делается в шутку. За время своей карьеры большинство пилотов сменяют несколько позывных по мере перехода на другие типы самолетов или в другие эскадрильи. Впрочем, если новый позывной тебе не нравится, есть выход. Существует традиция, согласно которой можно выкупить свою старую кличку за выпивку; кроме того, никто не имеет права присвоить твой позывной, если ты использовал его в бою.

К счастью для меня, такая участь мне не грозила, поскольку я использовал позывной Белка в бою. Но Простак продолжал педалировать тему нового позывного, давая понять, что я полный засранец. Мы все пытались оставить в прошлом годы летной практики, чтобы научиться управлять «Хищником». Многие пилоты и вовсе занимались этим против воли. Наши разговоры по пути на базу Крич и обратно в основном крутились вокруг планов возвращения к службе на прежних самолетах. Даже добровольцы вроде меня не планировали делать карьеру в беспилотной авиации.

По прошествии нескольких недель я был одним из первых в классе по успеваемости. Мы с Майком устроили соревнование за почетное звание «выпускника с отличием». Некоторые из пилотов в нашем классе провалили заезд, что на жаргоне ВВС означает

провалить учебный полет. Не проваливались пока только мы с Майком да еще пара человек. Мы оба понимали, что, совершив ошибку, права на вторую можем больше и не получить. Проваливаться в мои планы не входило.

Шестой учебный полет — самый страшный на квалификационном этапе. К этому времени пилоты уже настолько далеко продвигаются в обучении, что обычно чувствуют себя достаточно уверенно, чтобы самостоятельно пилотировать летательный аппарат. Однако их практические навыки все еще слабо развиты. Как показывает опыт, чаще всего участники программы спотыкаются именно на шестом полете.

В СНУ, как всегда, царил арктический холод, но я уже был к нему привычен. Держа одну руку на рычаге управления двигателем, а другую — на ручке управления самолетом, я вошел в зону учебных полетов на окраине аэродрома, собираясь выполнить посадку. Отработка посадки летательного аппарата — один из наиболее трудных элементов летной тренировки. Любой пилот хоть раз да осрамился при заходе на посадку.

— Вышка, — сказал я. — Это Беспощадный Один-Один, точка W на высоте 1,9 км.

Контрольно-диспетчерская вышка отозвалась моментально.

— Беспощадный Один-Один, следуйте к полосе два-семь, давление два-девять-девять-семь.

Я установил параметры атмосферного давления. Показания альтиметра тут же подскочили на несколько десятков метров, показывая, что мы находимся к земле ближе, чем я предполагал. Несмотря на низкую температуру внутри станции наземного управления, лоб мой покрылся испариной, а по спине между лопаток покатились крупные капли пота. Я буквально кожей чувствовал взгляд Гленна, следившего за каждым моим движением.

Любая ошибка сейчас запросто могла привести к крушению.

Судя по изображению на HUD-дисплее, аппарат жутко болтало. Со стороны окружающих гор Спринг дул нисходящий ветер, создававший на малых высотах непредсказуемые воздушные завихрения и потоки. Из-за турбулентности девятисоткилограммовый «Хищник» швыряло из стороны в сторону. Длинные крылья БПЛА идеально подходили для полета на большой высоте, но не для приземления. На малой высоте даже незначительные колебания рельефа местности могли привести к сильным изменениям подъемной силы. Если действовать неаккуратно, аппарат может без всякого предупреждения резко взмыть в воздух либо рухнуть на землю.

Я отключил автопилот. Теперь РУД и РУС вели себя подобно

органам управления любого другого пилотируемого летательного аппарата. Толкаешь ручку от себя — коровы становятся большими, тянешь на себя — становятся маленькими. Отклоняешь вбок — горизонт начинает накреняться.

Вдруг беспилотник подбросило вверх. Я пытался удерживать высоту, однако воздушные течения трепали «Хищника» словно тряпичную куклу.

— Не надо бороться с воздушными потоками, — посоветовал Гленн. — Только хуже будет.

— Как при раскачке самолета летчиком?

— Да, — ответил он.

В условиях сильной турбулентности пилоты часто устанавливают фиксированные уровень тяги и такой угол тангажа, при котором они смогут поддерживать высоту. В этом случае самолет швыряет вверх и вниз, но он обычно держится относительно близко к требуемой высоте.

— Хорошо, — сказал Гленн. — Начинай стандартную проверку.

— Вас понял, — ответил я. — Карта перед посадкой.

До сих пор молчавший оператор средств обнаружения, опытный инструктор, подал голос. В течение первой фазы обучения мы мало общались с оператором средств обнаружения, кроме тех моментов, когда заходили на посадку. Он перечислял пункты из карты контрольных проверок.

— Выпуск шасси, — произнес оператор.

Я проверил опоры шасси. Они уже были выпущены, выполняя сейчас функцию основного аэродинамического тормоза, помогающего беспилотнику снижаться. На HUD-дисплее горели три маленьких зеленых значка, подтверждающих успешный выпуск опор.

— Шасси выпущено, три зеленые горят, — доложил я.

Впрочем, мы не особо доверяли этому индикатору.

— Прошу разрешения развернуть «шар», — сказал оператор средств обнаружения.

В первых полетах, когда пилоты только учились летать, операторы средств обнаружения редко манипулировали «шаром». В число тех немногочисленных случаев, когда они это делали, входила проверка положения шасси. Мы всегда считали визуальную проверку более надежной, чем данные зеленых индикаторов. «Шар» развернулся, наводя камеру на носовое колесо.

— Проверка руления передним шасси, сэр.

Я нажал на педали руля, и носовое колесо на изображении повернулось сначала влево, затем вправо.

— Инструктаж, — сказал оператор средств обнаружения.

В мои обязанности как пилота входило донести до экипажа план посадки.

— Итак, экипаж, обычная посадка с помощью «шара»; сообщайте обо всех критических значениях [приборов]; в случае возникновения аварийной ситуации я буду совершать заход по прямой, любой член экипажа может запросить уход на второй круг, если заметит какую-то непонятную или нештатную ситуацию, которая представляет опасность. Скорость захода на посадку — 74 узла, планирование/набор высоты — 68, — проинформировал я. — Вопросы?

Инструктаж был коротким и предназначался для того, чтобы подготовить экипаж к возможным неприятностям до того, как они случились.

— Вопросов нет, сэр, — ответил оператор средств обнаружения. — Проверка карты завершена.

Оператор средств обнаружения развернул камеру, чтобы она смотрела прямо по курсу. Я опустил нос самолета и начал поворачивать в сторону ВПП. Когда самолет и взлетная полоса оказались на одной линии, я навел перекрестье прицела на ближайший край дорожки, моей расчетной точки касания.

— Вышка, это Беспощадный Один-Один, шасси выпущены.

— Беспощадный Один-Один, разрешаю выбранное действие.

Вышка давала мне разрешение на посадку, низкий заход и приземление с немедленным взлетом. Горы вдалеке ползли влево. Мелькнули и исчезли две тюрьмы, расположенные в нескольких километрах от базы. В качестве дополнительного ориентира для корректировки своего курса я выбрал 95-е шоссе.

— Следи за параметрами, — посоветовал Гленн.

Индикатор угла глиссады на экране показывал, что траектория полета близка к расчетной, хотя я и находился чуть ниже, чем следовало. Я немного увеличил обороты двигателя. Это не оказало почти никакого эффекта, так как из-за задирания носа летательный аппарат начало болтать во все стороны. Манипулируя ручкой управления, я вернул «Хищник» на заданный курс. Тем временем беспилотник снизил скорость до 74 узлов, совсем немного уступая в скорости потоку машин, которые двигались параллельно с ним по пролегающей рядом федеральной автостраде.

— Не борись с ним, — сказал Гленн. — Следи за углом глиссады. Сейчас твой худший враг это вертикальная скорость снижения.

Едва коснувшись края бетонной взлетно-посадочной полосы, «Хищник» резко взмыл вверх. Легкий аппарат подбросило

потоком горячего воздуха, восходящего от бетонного покрытия. Инстинктивно я толкнул ручку управления от себя, чтобы купировать подъем. Самолет ухнул вниз.

— Уход на второй круг! — скомандовал Гленн.

В его голосе звучали нотки укора и досады. Я буквально кожей чувствовал разочарование инструктора. Дернул ручку управления на себя, но забыл предварительно увеличить тягу двигателя. Чтобы выйти из пикирования, «Хищнику» не хватало скорости.

— Сначала тяга, затем кабрирование, — подсказал Гленн.

— Экипаж, приступаю к выполнению маневра, — объявил я, злясь на самого себя.

Выстраивая «коробочку» вокруг аэродрома перед повторным заходом на посадку, я размышлял о том, что сделал неправильно. Мне следовало действовать грамотнее. Толкать вперед ручку управления, когда находишься так близко от земли, — плохая идея. В этом случае ты либо сначала стукнешься носом, после чего подпружиненная стойка шасси опрокинет самолет на спину, либо придется резко дергать ручку на себя, в результате чего беспилотник, круто задрав нос, ударится хвостом или пропеллером о землю.

Когда мы снова вошли в зону учебных полетов, Гленн подменил меня в кресле. Беспилотник, как и прежде, «козлил» и то опускал, то задирал нос. Однако теперь Гленн удерживал «Хищник» немного выше глиссады. Я наблюдал за тем, как менялась скорость вертикального снижения над бетонной полосой; она была такой же, как и раньше. Поначалу на видео ничего особенного не происходило, а потом, спустя несколько мгновений, изображение ВПП на экране стало стремительно увеличиваться.

Гленн вел самолет по глиссаде до тех пор, пока не стало казаться, что еще немного, и он ударится о землю. В этот момент Гленн взял ручку на себя. Когда нос приподнялся, изменения в подъемной силе замедлили скорость вертикального снижения. Манипулируя ручкой управления самолетом короткими, отрывистыми движениями, Гленн удерживал нос по курсу, а крылья в горизонтальном положении. Наконец самолет коснулся земли. Единственным сигналом этого для нас в кабине стала легкая вибрация изображения камеры, с целью устранения тряски закрепленной на стабилизирующем шарнирном подвесе.

Гленн замедлил «Хищник», отогнал его на специальную стояночную площадку и выключил двигатель. Я покинул кабину и после небольшого перерыва пошел в комнату инструктажа.

Размеры комнаты позволяли разместить в ней лишь стол, не превышающий по габаритам стандартный стол для пикников, да несколько офисных кресел. Напротив двери висел проекционный экран, на который был направлен подключенный к компьютеру видеопроектор. На боковых стенах висели белые маркерные доски, на которых инструкторы могли графически изображать схемы полетов.

Гленн поджидал меня за столом. После того как я вкратце описал ход полета и неудавшуюся попытку посадки, настала очередь Гленна говорить. Мы оба понимали, что на почетное звание «выпускника с отличием» претендовать я уже не мог.

— Белка, прости, мне придется поставить тебе незачет, — сообщил он.

— Сэр, — ответил я, — я не заслуживаю зачета. Я бы и сам попросил вас поставить мне незачет, если бы вы решили иначе.

И это было правдой. Принципиальность не позволила бы мне согласиться с зачетом после такого очевидного провала. Уж и не знаю, кто из нас в тот момент был смущен сильнее. Гленн кивнул и вышел из комнаты инструктажа. Когда я уходил, Майк все еще был в летном зале — готовился к своему полету.

— Эй, Белка, — бросил он, — как там второй среди лучших пилотов в «Хищнике»?

Шутка была неудачной, так как обвинение другого во второсортности придавало нашему соревнованию, в чем собственно и заключается суть всей военной авиации, оттенок «штатскости».

— Кажется, только что поднялся на первое место, — парировал я.

Я не злился на Майка. Он понятия не имел, что я провалился. Я злился на себя. Удивленный, Майк отозвал меня в сторонку.

— Что случилось? — спросил он.

Я рассказал ему о проваленном полете.

— Да ладно, бывает, — сказал он. — Нас тут всех обламывают.

— Спасибо, утешил.

Многие парни проваливали полеты, но одно дело, когда проваливались они, и совсем другое, когда это произошло со мной. Выходя из учебного корпуса эскадрильи, я решил выбросить мысли о неудавшемся полете из головы. Я понимал, что у меня еще будет шанс реабилитироваться. Когда я шагнул под палящее солнце, то сказал себе, что однажды рыцарь сокрушит дракона.

Хотя сегодня дракон раздавил меня в лепешку.

Глава 3. Начинаем бой

Синий фургон катил по черной асфальтированной дороге. Я развернул «Хищник» и встал параллельным курсом с машиной, чтобы мы могли отслеживать ее, после того как она минует контрольно-пропускной пункт. Мы не знали, чей это фургон и куда он направляется.

Выяснение этого было нашей задачей на сегодня.

Скорее всего, обычный разъездной рабочий проверял вверенные ему объекты на участке 63. Но сегодня мы рассматривали его в качестве условного боевика. Простая учебная операция по сбору информации, наблюдению и разведке. Именно этот набор навыков, которым нас обучали во время практической фазы подготовки, предстояло использовать при выслеживании боевиков в Багдаде и горах Афганистана. Точно таким же образом мы передавали наземным войскам изображение их целей с высоты птичьего полета.

Научившись отыскивать и отслеживать противников, мы перешли к имитации ударов по ним двумя ракетами «Хеллфайр», закрепленными под крыльями БПЛА. Этот этап обучения, в ходе которого мы отрабатывали навыки применения оружия, вызывал у меня наибольшее опасение. При выполнении разведывательного полета от пилота требовалось лететь достаточно близко от цели, чтобы оператор средств обнаружения мог непрерывно удерживать камеру направленной на нужный объект, будь то человек, дом или автомобиль. Вроде просто.

Однако ракетный выстрел требовал особого умения. Основное вооружение «Хищника» — ракета «AGM-114 Хеллфайр». Разработанная как противотанковая ракета для запуска с вертолетов, «Хеллфайр» первоначально была оснащена восьмикилограммовой боевой частью, предназначенной для пробивания брони. Более поздние модификации стали снаряжать осколочно-фугасными боеголовками, которые, подобно гранатам, при взрыве создавали стену осколков, превращая снаряд в эффективное оружие для поражения живой силы противника.

Вооружение на «Хищнике» появилось только в 2001 году с выходом модели MQ-1B. Гондола целеобнаружения была усовершенствована и получила функцию захвата цели. До модернизации операторам средств обнаружения приходилось сопровождать цель камерой вручную. Схема не идеальная, поскольку уставший оператор средств обнаружения мог расслабиться в неподходящее время и сместить перекрестье прицела с цели в ключевой момент, что привело бы к промаху.

Компания «Raytheon» прислушалась к пожеланиям военных и разработала систему слежения, которая автоматически удерживала прицельную гондолу направленной на цель.

Я не обладал опытом оказания огневой поддержки с воздуха, и это могло подпортить мне второй этап обучения. Я все еще был вторым после Майка в списке лучших, и мне хотелось остаться как минимум на том же месте, поэтому я решил поискать тактический справочник «3–3» для «Хищника». «Три-тире-три», как мы его называли, представляет собой базовое руководство по тактике, в котором описывается, как выполнять ту или иную боевую задачу.

Обычно такого рода справочник можно было найти среди вороха незасекреченных материалов, относящихся к различным системам вооружений в ВВС. Но мои поиски в библиотеке эскадрильи не увенчались успехом. Я откопал лишь одну устаревшую статью времен войны в Персидском заливе, написанную пилотом армейского вертолета о ракете модели «А», которая применялась на винтокрылых машинах. Мы же стреляли модифицированными ракетами модели «К».

Тогда я начал расспрашивать инструкторов, пытаясь выудить из них любые крупицы нужной мне информации или копию руководства.

— Где найти справочник «3–3»? — задавал я один и тот же вопрос.

Каждый раз мне в ответ недоуменно пожимали плечами. Даже Гленн не знал, где его отыскать. «Хищник» стоял на вооружении ВВС почти десять лет, а к нему, как выяснилось, до сих пор не было руководства! О какой эффективности обучения можно говорить без руководства по тактике?

И тогда я решил написать его сам.

У меня дома лежала инструкция от моего старого учебно-тренировочного «Т-37», оставшаяся со времен, когда я служил летчиком-инструктором. Ее первая часть была посвящена обучению базовым навыкам пилотирования. В 1990-х годах все пилоты американских ВВС получали основы летной подготовки на «Т-37», поэтому инструкция оказалась весьма полезной в качестве образца для моего собственного пособия. Однако я понятия не имел, что писать в разделе, касающемся тактики, поэтому обратился за советом к Майку. Он был летчиком-истребителем и имел тактический опыт, которого мне недоставало.

— Ну, что тут у тебя? — сказал он, усаживаясь за стол-бюро в кабинете у меня дома.

Я протянул ему папку с бумагами, ставшими плодом моей

попытки написания руководства «З–З» для «Хищника».

— Знаешь, я не смог отыскать «З–З» ни для одного тактического самолета, — сказал я.

Майк кивнул. Тактические руководства для всех истребителей были в ограниченном доступе, даже если на них не стоял гриф секретности. Истребительные эскадрильи не позволяли совать в них нос посторонним без особой необходимости.

— В целом я оформил его по примеру инструкции от «Т-37», — сказал я Майку.

Майк сразу перешел к страницам, посвященным тактике.

— Вижу, раздел о «Хеллфайр» ты уже закончил.

— Тяжеловато пришлось, — ответил я.

Я вывел на экран компьютера соответствующий документ.

— Я тут отыскал кое-какие базовые схемы, — пояснил я. — Использовал их как шаблон для описания процедуры применения ракеты. Тут все, от приема целеуказаний 9-Line до действий после нанесения удара.

Майк молча изучал раздел.

— Летчик-истребитель так бы не действовал, — произнес он.

— Мы не летчики-истребители, — возразил я.

Майк вскинул на меня глаза.

— Все летчики-истребители обучаются по своим программам, но в целом алгоритм их действий схож, — объяснил он. — Нарушать его — непрофессионально.

Он был прав. БПЛА-сообщество пребывало еще в младенчестве, и составление справочника стало попыткой привнести в его ряды некоторый профессионализм. Большинство людей называют беспилотные летательные аппараты дронами, однако, как сказал Чак в своей приветственной речи, мы этот термин не приемлем, поскольку он отказывает работникам нашей сферы в профессионализме. Беспилотник не летает и не сражается сам по себе. Он не автономен. Пусть мы лично и не сидим в «Хищнике», не стоит заблуждаться, думая, что у него нет пилотской кабины и пилота. Мы управляем в нем всем, включая вооружение.

— Ладно, можешь порвать, — вздохнул я.

Следующие несколько дней Майк занимался внесением правок в тактический раздел. В общей сложности составление чернового варианта справочника заняло чуть больше месяца. Уже не испытывая прессинга борьбы за титул «выпускника с отличием», я сосредоточился на написании пособия, а Майк мне помогал. Мои летные и боевые навыки быстро развивались, отчасти благодаря работе над справочником.

Впрочем, ничто не могло заменить практические занятия. Мой первый учебно-боевой вылет обернулся полной катастрофой. Я не имел представления даже о том, как вывести на экран системы слежения оружейное меню. В отсутствие симулятора, на котором можно было бы попрактиковаться, в реальном полете я с трудом понимал, что мне необходимо делать.

Пришлось признаться инструктору. Выражение его лица в тот момент было таким же, с каким я порой взирал на своих курсантов в годы службы на инструкторской должности. Это пугающее выражение лица как бы говорило: «Ты что, не сделал домашнее задание?» Он неспешно провел меня по всей карте контрольных проверок, объяснив назначение каждой кнопки и пункта меню. Благодаря его терпению и содействию Майка в составлении справочника «3–3» я вскоре научился запускать ракеты.

К финальному этапу обучения я подошел, по-прежнему находясь в пятерке лучших в группе. Но этот этап оказался даже более сложным, чем обучение ракетной стрельбе. На протяжении трех вылетов мы должны были действовать как передовые авиационные наводчики. Нашим заданием была «координация ударов и рекогносцировка». Мы эшелонировали истребители и наводили их на цели, фактически выполняя функцию контрольно-диспетчерской вышки. Чтобы удерживать все движущиеся объекты на нужных курсах, требовались предельная концентрация внимания и слаженность действий.

ВВС Национальной гвардии Техаса выделили в помощь нашей группе несколько истребителей «F-16». Это был мой последний учебно-боевой вылет, предполагавший решение некоторых оперативных задач, после чего меня ожидали еще несколько контрольных полетов и финальный летный экзамен. Сегодня по сценарию я должен был найти несколько ракет «Скад», спрятанных в пустыне. После их обнаружения моей задачей было навести «F-16» на цель. На выполнение задания нам отводилось два часа.

Во время практической фазы обучения операторы средств обнаружения и пилоты тренировались вместе, но не в постоянных составах. В этот день рядом со мной сидела Сара. Мне уже доводилось с ней летать, так что мы были знакомы. Она поступила на службу в ВВС в восемнадцать лет сразу после окончания нью-йоркской средней школы. Женщина миниатюрная, за панелью управления Сара и вовсе выглядела Дюймовочкой. Зато она имела острый глаз и репутацию одного из лучших операторов средств обнаружения в группе.

Чтобы найти и уничтожить ракеты противника, нашим сокурсникам потребовались все два часа, а у нас на поиски «Скадов» и прикрывающей их батареи зенитных управляемых ракет (ЗУР) ушло несколько минут. Благодаря этому у нас в запасе оказался почти целый час на то, чтобы составить ориентировку — набор фотографий и схем, которыми надлежало сопроводить подготовленный нами отчет 9-Line. С их помощью было проще описать цель летчику-истребителю. Уничтожение всех целей у нас заняло всего пятнадцать минут. Выполнив программу, я откинулся в кресле и взглянул на Гленна. В нашем распоряжении оставалось еще сорок пять минут полетного времени.

— Еще какое-нибудь задание? — спросил я. — Время есть.

Гленн оторвал взгляд от планшета, в котором делал какие-то пометки.

— На ваше усмотрение; свой норматив вы выполнили.

Он предложил поискать еще цели, но мне не хотелось заставлять пилота «F-16» ждать, пока я буду заниматься придумыванием вводных данных для нового задания. Я связался с «F-16» по радио, чтобы сообщить, что мы закончили. Все равно у пилота наверняка нет желания с нами возиться.

— Гадюка Два-Два, это Беспощадный Один-Один, — обратился я по радиоканалу. — Отработка сценария завершена.

Беспощадным Один-Один был я, а Гадюкой Два-Два — «F-16». Гадюка вышел в эфир через несколько минут и предложил смоделировать воздушный бой.

Я поглядел на Гленна, сидевшего позади меня и оператора средств обнаружения. На инструктажах мы не моделировали ситуацию воздушного боя, поэтому, перед тем как дать ответ, мне требовалось одобрение Гленна. У нас в ВВС не принято отклоняться от заранее намеченного плана, — авиация ошибок не прощает. Даже самая незначительная оплошность в момент, когда мы схлестнемся, могла привести к крушению истребителя стоимостью в многие миллионы долларов (а то и к человеческим жертвам).

Гленн одобрительно кивнул, и я вышел на связь с пилотом «F-16». Мы наскоро обговорили некоторые правила безопасности, условившись придерживаться тех же ограничений по высоте, которые были предписаны по условиям предыдущего сценария.

Мы собирались совершить беспрецедентную вещь.

«Хищники» не предназначены для выполнения базовых истребительных маневров и ведения ближнего воздушного боя. БПЛА имеют отрицательную статистику в прямом противостоянии с авиацией противника. Так, широкую

известность получил случай, произошедший в 2002 году, когда иракский «МиГ» сбил «Хищника», кружившего над Багдадом в период подготовки к вторжению в Ирак.

Тот «Хищник» был снаряжен парой ракет «Стингер». Иракский пилот промахнулся при первом заходе на цель, и возбужденный пилот «Хищника» выпустил по самолету ракету, хотя последний находился вне пределов ее досягаемости. «Стингер» разработан для поражения авиатехники с земли, а не из-под крыла. Ракета имела мало шансов попасть в цель и не смогла достать «МиГ», ушедший на второй заход. Зато пуск ракеты не ускользнул от пилота иракских ВВС. Он проследил траекторию полета «Стингера» по дымовому следу и дал по «Хищнику» ответный залп двумя ракетами. Ракеты иракского «МиГа» попали в яблочко.

Я скептически оценивал свои шансы на успех над невадской пустыней.

— Это Беспощадный Один-Один, Гадюка Два-Два, начинаем бой.

Я взглянул на карту над HUD-дисплеем и увидел «F-16» примерно в 32 километрах к северу от нас. Гадюка Два-Два выполнил разворот в сторону приближения и пошел нам навстречу.

— И что ты собираешься делать? — поинтересовался Гленн.

— Проверим, как у него со зрением, — бодро ответил я, вовсе не чувствуя той уверенности, которую пытался придать своему голосу.

Я направил «Хищник» к северу, в сторону Гадюки Два-Два, полагая, что у «Хищника» малая радиолокационная заметность, благодаря чему его будет трудно засечь на радаре. Я ошибался.

— Это Гадюка Два-Два, один MQ-1 уничтожен. КДВА два семь ноль, шестнадцать, шесть тысяч.

Он обнаружил меня через десять секунд и имитировал запуск ракеты. За аббревиатурой КДВА скрывались мои курс, дистанция, высота и азимут относительно специальной точки на земле, известной как «бычий глаз». Я находился в шестнадцати километрах к западу от бычьего глаза, на высоте примерно шести тысяч метров над землей. Гадюка Два-Два выполнил разворот в сторону удаления, готовясь ко второму заходу на цель.

Гленн хихикнул.

— Ну а теперь у тебя какие планы? — спросил он.

— Будут предложения?

Гленн отрицательно покачал головой. Похоже, он наслаждался этой виртуальной расправой.

— Для меня такое в новинку, — пояснил он. — Любопытно наблюдать за твоими действиями.

Я не знал, как отнестись к этому комментарию. Он был матерым летчиком-истребителем, закаленным в реальных боях. Я же не обладал и толикой познаний в области тактики воздушного боя. Меня не обучали истребительным маневрам, вложив в голову только самые базовые тактические приемы воздушного боя, поэтому я постарался припомнить хотя бы те азы, которые вынес из летного училища. Сдаваться я не собирался.

— Гадюка Два-Два начинает сближение.

Я стиснул зубы.

— Гадюка Два-Два, это Беспощадный Один-Один. Начинаем бой.

Была не была. Если уж я решил играть со взрослыми мальчиками, то, по крайней мере, должен вести себя как они.

Вместо того чтобы двинуться навстречу «F-16», я стал разворачиваться к нему боком. В каком-то смысле я жульничал, так как знал, каким курсом он идет. С другой стороны, в реальном бою я бы и так обладал этой информацией, поскольку с АВАКСа или наземного контрольного пункта мне бы сообщили, откуда исходит угроза. Сара развернула «шар» и переключилась в инфракрасный (ИК) режим работы. Теперь она могла захватить ИК-излучение самолета.

— Захвати его, — сказал я.

— Выполняю, — ответила Сара.

Она стала крутить «шаром», пока не поймала тепловую сигнатуру «F-16».

— Цель захвачена, — проинформировала она.

Теперь гондола целеобнаружения следила за Гадюкой Два-Два в режиме автосопровождения. Одним глазом поглядывая на экран, я плавно развернул «Хищник» так, чтобы гондола оказалась повернутой к «F-16» под углом 90 градусов. Затем потянул на себя рычаг управления двигателем, замедлив «Хищник» до скорости, лишь на пару узлов превышающей скорость сваливания. Я понятия не имел, какими характеристиками обладает тот «F-16», как и не знал, на какой модификации истребителя летели парни, но уповал на то, что если буду двигаться достаточно медленно, увидеть нас на экране радара будет сложно.

Истребитель неумолимо приближался. Нервы у меня натянулись как струна.

Находившийся от нас в 30 километрах истребитель выглядел как размытое пятно с ярким факелом тепловой сигнатуры. В наушниках раздавался легкий электростатический треск. Когда самолет приблизился к нам на расстояние 16 километров, его очертания и массивный воздухозаборник под носовой частью уже

отчетливо вырисовывались на HUD-дисплеях.

Продолжая внимательно следить за скоростью, я немного скорректировал курс, чтобы законцовка крыла «Хищника» была направлена на истребитель. Наверняка Гадюка Два-Два видел нас на экране радара, однако мы летели так медленно, что и ему пришлось замедлиться, ограничив возможности истребителя в маневрировании.

Я чуть опустил нос «Хищника», чтобы набрать скорости, и попытался затеряться в зоне помех от наземных объектов. Взглянул на карту на экране системы слежения над HUD-дисплеем. Гадюка Два-Два был от нас в трех километрах. Должно быть, он заметил на экране радара на мгновение вспыхнувшую метку нашего самолета, так как неожиданно заложил крутой вираж и стал разворачиваться. Оторваться от «F-16» я не мог, поэтому единственной защитой БПЛА была его невысокая скорость. Я ожидал, что летчик вот-вот выйдет на связь и сообщит мое местоположение, но тот упорно молчал.

Наконец я нарушил тишину:

— Гадюка Два-Два, это Беспощадный Один-Один. Подтвердите визуальный контакт.

Я хотел удостовериться, что он меня видит. Он находился настолько близко от нас, что мог прочитать наш бортовой номер.

— Визуальный контакт не подтверждаю.

Я был поражен. Я пилотировал на чистом инстинкте и умудрился одолеть опытного летчика-истребителя.

— Любопытно… — послышался у меня из-за спины скупой комментарий Гленна.

Он такого тоже не ожидал. Я внутренне ликовал.

— Вас понял. Мы в шестидесяти градусах справа от вас, тремя километрами ниже.

Летчик смог заметить нас только спустя несколько секунд. В общей сложности мы провели пять симуляций боестолкновений. Из них в трех случаях Гадюке Два-Два не удавалось нас увидеть, то есть он не мог засечь нашу метку на радаре, чтобы «выпустить» ракету либо установить визуальный контакт и открыть по нам условный пулеметно-пушечный огонь. Я расценивал это как победу, даже несмотря на то что не представлял никакой угрозы для передового реактивного истребителя.

После полета я тщательно зафиксировал в блокноте полученные новые знания, чтобы использовать их при составлении справочника по тактике. Пяти боестолкновений, конечно, недостаточно, чтобы разработать правильную тактику боя, но, по крайней мере, Школе вооружений ВВС на авиабазе Неллис я дал достаточно материала для проведения дальнейших,

более детальных испытаний.

Это было мое последнее испытание. Я хорошо себя проявил во время финальных проверок и получил высшую оценку на летном экзамене. Отныне с точки зрения ВВС я был пилотом БПЛА. Когда я выходил из комнаты по завершении последнего инструктажа Гленном, я мог думать только о своем следующем назначении.

Оперативных эскадрилий было две.

17-я разведывательная эскадрилья представляла собой специальное тактическое подразделение «Хищников». Это была команда парней, которые действовали, не афишируя себя. В их задачу входило проведение войсковых эксплуатационных испытаний; они разрабатывали тактику применения новых видов вооружений. Из учебных групп в 17-ю эскадрилью отбирались только самые лучшие экипажи. В то время у операторов и пилотов служба в ней считалась самой престижной. Остальные экипажи шли в 15-ю разведывательную эскадрилью, расквартированную на авиабазе Неллис. Майк был единственным из нас, кого, кажется, нисколько не беспокоило, куда его направят. В группе он занимал первое место среди курсантов и, скорее всего, должен был получить назначение в 17-ю эскадрилью. Я же, со своей стороны, немного волновался. Меня не отпускала мысль о службе в 17-й разведывательной; ни о чем другом я и не мечтал. Однако мне не давала покоя мысль о проваленном полете на ранней стадии обучения. Я опасался, что в рейтинге выпускников мое имя окажется слишком низко.

Вечером в день выпуска все мы собрались в местном баре. Не то столовая, не то буфет, не то кабак, он был центром общественной жизни эскадрильи. Командир должен был огласить наши назначения. После этого нам предстояло разъехаться по соответствующим оперативным эскадрильям и начать боевую службу.

Бар был оборудован пивным диспенсером и несколькими холодильниками, полными пива. Полки за барной стойкой ломились от закусок. Потолок зала был украшен плитками, разрисованными и подписанными выпускниками всех курсов. Не хватало только одной плитки, с нашими автографами, которая заранее была снята перед церемонией. В одном из углов висела картонная ракета «Хеллфайр».

Зал был набит летчиками эскадрильи и членами их семей. Все ждали, когда придет Бэтман, наш командир. В ВВС бытует традиция, согласно которой каждая группа курсантов в выпускной вечер вручает подарки эскадрилье, а также любым инструкторам по выбору в знак благодарности за первоклассное

обучение. В бар мы пришли с удавом в желто-белую крапинку. Удава в качестве подарка мы выбрали, потому что на эмблеме эскадрильи была изображена змея. Удав так и остался жить в том баре. Каждому классу вменялось в обязанность ухаживать за животным и кормить его. До той поры никому из летчиков эскадрильи не доводилось видеть, чтобы подразделению преподносили такой подарок. Большинство выпускников обычно ограничивалось подписанными открытками и памятными табличками.

Впрочем, змее, полагаю, до всего этого не было никакого дела.

Потом староста группы Простак от нашего имени преподнес инструкторам подарки: традиционные памятные таблички «Лучшему пилоту-инструктору», «Лучшему оператору-инструктору», а еще «Пурпурный шлем». Когда Простак вызвал Гленна, тот остался невозмутимым. Простак объявил, что инструктор оказал настолько мощное влияние на команду, что простой награды недостаточно. Решение класса было единогласным. Гленн заслужил награду «Пурпурный шлем» — детский военный шлем из пластмассы, выкрашенный бурой краской, — поскольку снискал репутацию говнюка.

Я его говнюком, конечно, не считал. Гленн не давал мне спуску, однако его намерения были для меня очевидны — он стремился выковать лучшего пилота «Хищника». У него не было скрытого мотива или необходимости добиваться уважения к себе со стороны курсантов. Он просто хотел, чтобы его подопечные демонстрировали высокие результаты. Этот подарок потом еще многие годы занимал почетное место на рабочем столе Гленна.

После вручения сувениров встал командир и начал объявлять наши назначения. Как ни странно, Майка распределили в 15-ю эскадрилью. И это притом, что в нашей группе он занимал безоговорочное первое место. Потом очередь дошла до меня, я был в напряжении…

— Белка, — объявил командир, — ты направляешься в 17-ю.

Со мной в 17-ю разведывательную эскадрилью уходили еще двое сокурсников — весьма необычно, поскольку в прежние времена в 17-ю брали только одного пилота-новичка из каждого выпуска.

По окончании церемонии мы собрались в одном из летных залов. Командир хотел перебросить с нами несколькими словами с глазу на глаз, без посторонних. Сплетни распространяются в военных организациях так же, как и во всех других местах. В присутствии гражданских лиц обсуждать решения, касающиеся распределения персонала, было бы

неправильно. Когда командир предоставил нам возможность задавать вопросы, я обратился к нему первым.

— Почему так много назначений в 17-ю? — спросил я. — Разве они обычно не одного берут?

Командир кивнул.

— Да, верно. Но в этот раз почему-то сделали запрос на большее число выпускников.

— Есть соображения, почему? — спросил я.

— Уверен, что вы это узнаете, когда поступите в их распоряжение, — ответил командир.

Когда после собрания все стали расходиться, чтобы продолжить вечеринку, мы с Майком задержались. Тогда-то он и задал вопрос, который терзал и меня.

— Почему меня направляют в 15-ю? — спросил Майк командира.

Тот помедлил.

— Лучший выпускник обычно получает право самостоятельно выбрать место своего назначения… Ты бы пошел в 17-ю. Но посуди сам: 15-я тоже заслуживает того, чтобы время от времени получать выпускников-отличников.

В действительности 15-я эскадрилья пополнялась лучшими пилотами с каждым вторым выпуском. Майк спокойно воспринял ответ. Он был лучшим пилотом в группе, а его вклад в разработку тактики действий беспилотников был неоценим.

БПЛА-сообщество немногочисленно, поэтому я не сомневался, что когда-нибудь нам еще представится случай полетать вместе.

Перед тем как оформить документы на убытие к новому месту службы, я передал инструкторам черновик тактического справочника, попросив их поспособствовать его публикации. Офицер по применению систем вооружения, полистав бумаги, скептически поморщился.

— Он неправильно оформлен.

— Я решил, что офицер-оружейник тоже мог бы внести сюда свою лепту, — ответил я и быстро ретировался, не дожидаясь ответа.

Покидая расположение эскадрильи, я столкнулся с Гленном, направлявшимся вместе с курсантом-новичком от авиатренажеров к комнате инструктажа.

— Белка, форму можешь не паковать, — сказал он. — В 17-й она тебе не понадобится.

И оказался прав.

Глава 4. Цель номер один

Горы в восточном Афганистане близ Тора-Бора окружали небольшой глинобитный дом, словно крепостная стена.

Я кружил над домом, всматриваясь в его изображение, лениво поворачивающееся на HUD-дисплее. Активности не наблюдалось, не было видно даже бродячих собак, выискивающих, чем поживиться. Угли в костровой яме, которые ярко горели еще несколько часов назад, когда оператор средств обнаружения переключился на инфракрасную камеру, остыли.

Мы пасли курьера, по сути, «шестерку». Наблюдение за ним было частью крупной операции по выслеживанию одного из высших руководителей «Аль-Каиды». Перекрестье прицела было наведено на окно спальни (или гостиной, если хотите). Судя по размерам дома, он состоял только из одной комнаты.

Ракеты были деактивированы. Мы здесь не для того, чтобы стрелять. Мы должны наблюдать.

Май 2004 года. Мы размещались в засекреченном месте неподалеку от Объединенного оперативного центра, курировавшего наши операции. При проведении сверхважных операций ООЦ функционировал как информационный узел. Он координировал наши действия с действиями наземных боевых подразделений, участвующих в глобальной антитеррористической борьбе.

Даже с высоты семи с половиной километров над землей горы Гиндукуш кажутся настоящими исполинами. Горный регион Западный Вазиристан находится на границе между Афганистаном и соседним Пакистаном. Между высоченных пиков и глубоких лощин пролегает лишь несколько троп. Зимой проходы заваливает снегом, и сообщение между странами прерывается. Единственная полноценная дорога находится в полутора сотнях километров к югу от нас, там, где Гиндукуш сглаживается.

Жители региона переживали суровую зиму в полной изоляции от внешнего мира. «Аль-Каида» со своим союзником «Талибаном» выходила из зимней спячки в апреле, когда открывался первый перевал. И теперь мы следили за тем, как они начинают восстанавливать свои агентурные сети и перебрасывать в Афганистан боевиков.

Мы тщательно фиксировали каждый шаг курьера. Распорядок его жизни мы изучали для того, чтобы заранее знать, где он будет находиться, если (или когда) Объединенный оперативный центр решит его замести. Следовало захватить курьера, а не ликвидировать. Пленные террористы давали нам возможность по

крупицам выстроить общую картину агентурных сетей врага. Мы хотели получить от этих людей информацию, с помощью которой могли бы по цепочке выйти на самый верх.

Конечной целью президента было найти Осаму бен Ладена. В Интернете по-прежнему продолжали появляться видеоролики с бен Ладеном в камуфляже, с «АК-47» за спиной. Могло сложиться впечатление, что видео снято где-нибудь в южной части Нью-Мексико. Единственным способом отыскать террориста было установление его контактов. Поэтому мы и наблюдали за маленьким домом, надеясь, что курьер выведет нас на более крупную рыбу.

Мы все наблюдали и наблюдали. И это была мука мученическая, которой, казалось, не будет конца.

— Так мы что, вообще никогда не стреляем? — спросил я Хрена, моего пилота-инструктора.

Как и Гленн, он сидел позади меня в офисном кресле на колесиках. Прежде чем разрешить мне самостоятельные полеты, Хрен — капитан, почти отслуживший двухлетний срок в «Хищнике» — должен был убедиться, что я к этому готов. Я никогда не интересовался, откуда у него такой позывной. По званию он был капитаном и скоро должен был закончить службу в программе «Хищник». Родом из Калифорнии, он держал себя с благодушным безразличием, редко позволяя себе волноваться о чем бы то ни было. Я так и видел, как, уехав в отпуск, он катается на доске по волнам.

— Тут большинство парней заканчивают свою двухлетку, так и не совершив ни одного боевого выстрела, — ответил он.

У меня оборвалось сердце.

Я-то подписался, потому что хотел помочь своей стране в борьбе с терроризмом. Хотел сделать вклад в обеспечение безопасности американцев. Наблюдение за темной хижиной в ночи не очень-то соответствовало моим устремлениям. В конце концов, я мечтал стать летчиком-истребителем в первую очередь из-за возможности стрелять. Не то чтобы меня тянуло убивать людей. Просто у меня всегда было такое чувство, что мы приносим пользу лишь тогда, когда что-нибудь или кого-нибудь уничтожаем.

Впрочем, без разведывательных операций боевых не бывает, убеждал я себя, а слежка и выявление сети «Аль-Каиды» в будущем приведут к авиаударам по конкретным целям. Только так мне удавалось сохранять концентрацию во время отупляюще нудных полетов.

По окончании нашей двухчасовой смены в бокс пришел новый экипаж. Я проинформировал парней о ходе полета,

состоянии воздушного пространства, распоряжениях из ООЦ, погодных условиях и всем остальном, что могло представлять важность. После того как они взяли «Хищник» под контроль, мы покинули станцию наземного управления и шагнули под яркое солнце.

Между станцией и могучими дубами, окружавшими наш лагерь, была натянута маскировочная сетка, и проникавший сквозь нее солнечный свет образовывал на земле причудливую мозаику из ярких золотистых пятен. Высокая влажность воздуха, характерная для начала лета, несколько притупляла ощущение прохлады в боксе. Я быстро прошмыгнул мимо второй станции наземного управления и нырнул в оперативный центр эскадрильи, прежде чем успел покрыться потом.

— Подхватим борт через пару часов, — сказал Хрен. — Пойди, поешь чего-нибудь.

Хрен покинул оперативный центр, а я немного задержался. Разница температуры снаружи и внутри помещения пугала. Мы участвовали в войне нового типа, которую вели, находясь не на полях сражений, а в безопасном месте за тысячи километров от зоны боевых действий. Холодный зал вызывал ощущение почти больничной стерильности. Разговоры здесь всегда велись вполголоса. Будто находишься в библиотеке.

И тут мое внимание привлекли два 50-дюймовых плазменных монитора, закрепленных на длинной стене. На плоскопанельных экранах — помеченных как «Синяя» и «Зеленая» — круглосуточно транслировалось видео с набортных камер «Хищников». Дом, за которым я наблюдал последние два часа, крутился по центру экрана «синей» линии. «Хищник» все так же однообразно нарезал круги над постройкой. На экране «зеленой» линии была картинка бредущего вереницей верблюжьего каравана. Беспилотник «зеленой» линии возвращался на базу, чтобы совершить посадку, и попутно сканировал поверхность земли в поисках случайных целей. Под плазменными экранами располагались две рабочие станции, за которыми сидели офицеры разведки, анализировавшие видеопоток и оказывавшие экипажам поддержку в ходе полета. Аналитики снабжали пилотов актуальной информацией относительно целей и отслеживали содержимое чат-каналов, использовавшихся для передачи сообщений.

В глубине зала, каждый за своим кластером из четырех компьютеров, сидели руководитель полетов и офицер метеослужбы. На их мониторах болтались окна чат-каналов, электронной почты и полетные сводки. На одном из дисплеев красовалась масштабная карта Афганистана. С ее помощью мы

могли, зуммируя картинку, рассматривать каждую деревню или базу в мельчайших подробностях. По карте ползли три маленьких пиктограммы, в режиме реального времени отображавших положение «Хищников» в пространстве.

Я стоял позади и как загипнотизированный глядел в экран, на котором проплывал караван с верблюдами. И я был не единственным, чье внимание привлекло видео.

— Как прошел полет?

Монго, пилот, сидевший за столом руководителя полетов, вывел меня из состояния оцепенения. Получивший кличку в честь одного из персонажей фильма «Сверкающие седла», Монго обладал телосложением футболиста и ростом 195 см. Время его немного потрепало, однако он все равно выглядел молодцеватым, а на его лице постоянно играла широкая щербатая улыбка.

Монго, в прошлом пилот «F-16», был одним выпуском старше меня. Он планировал отслужить здесь два года, а потом вернуться на истребитель.

— Тут всегда так скучно? — спросил я.

— Чаще всего. — Он улыбнулся, обнажив щель между зубов. — Со временем привыкнешь. Часы скуки…

— …перемежающиеся мгновениями чистого ужаса, — завершил я за него фразу. — Понятно.

Монго объяснил, что задание — это часть моего слаживания в эскадрилье. Объясняя, он нацарапал свое имя на моей карте контрольных проверок.

— Как ты, наверное, успел заметить, станций наземного управления две, — сказал он. — Мы управляем двумя БВП — боевыми воздушными патрулями — в Афганистане. Обоими отсюда через спутник.

Я кивнул на монитор.

— Я вижу трех птичек.

Монго бросил взгляд на мигающие значки на карте.

— Синяя и Зеленая — это наши линии, — пояснил он. — Желтая — Пакмэн. Он из 15-й.

В задачу 15-й — эскадрильи Майка — входило оказание поддержки сухопутным воинским подразделениям. Она базировалась на авиабазе ВВС США Неллис в Неваде и располагала двумя БВП, каждый из которых поочередно работал то в Афганистане, то в Ираке. 15-я эскадрилья обеспечивала командование наземных войск фото— и видеосъемками территории противника. Помимо этого она занималась розыском иракских руководителей из так называемой «иракской колоды». Эта колода представляла собой стандартный набор игральных карт с портретами и именами членов иракской верхушки,

объявленных в розыск после вторжения в страну сил коалиции. Иногда 15-я эскадрилья стреляла по целям, но в основном просто вела наблюдение.

— А у них что, не два БВП, как у нас?

Монго уменьшил масштаб карты, чтобы на экране уместились и Ирак, и Афганистан. Четвертый значок висел над Багдадом.

— Сегодня они на двух театрах, — пояснил Монго. — Не забивай себе голову. К нам они не приближаются. Обычно наши пути пересекаются только во время посадки на базе.

Я внимательнее всмотрелся в монитор.

— Мы берем полетные данные из Канала, правильно?

Все наши летательные аппараты над Ираком и Афганистаном передавали информацию о своем местоположении в так называемый Канал. В нем, словно в Матрице из одноименного фильма, хранились сведения о каждом летательном аппарате, находящемся в небе региона. Однако на мониторе отслеживался полет лишь четырех «Хищников».

— Да, — ответил Монго.

— Тогда разве мы не должны видеть и все другие самолеты?

Монго пожал плечами.

— Боюсь, этот орешек мы еще не раскусили, — ответил он. — Извини, Белка.

Я пропустил шпильку мимо ушей. Шуточки по поводу моего позывного меня, честно говоря, не сильно беспокоили. Я находил даже забавным, что другие пилоты смущались, когда использовали выражение «как чокнутая белка», описывая техникам те или иные странности в поведении своих беспилотников. Всякий раз, как у них с языка слетал какой-нибудь каламбур на тему моего позывного, они неизменно извинялись, хотя на самом деле их извинения были несерьезными. Подтрунивание над коллегой-пилотом было основным источником веселья в эскадрилье, воспользоваться которым никто не упускал возможности.

Приходилось вырабатывать толстокожесть и умение давать достойный отпор.

С улыбкой Монго уткнулся в график полетов, намеченных на этот день.

— Эй, пойди-ка перекуси чего-нибудь. Рейс задерживается, — сказал он, увидев изменения в расписании.

— Насколько?

— Может, на час.

Я кивнул.

Наземный сегмент запуска и обслуживания БПЛА в основном состоял из технического персонала и нескольких летных

экипажей. Последний раз мы поднимали и сажали «Хищники» в период обучения. Сейчас за нас это делали специальные экипажи, находящиеся далеко от театра военных действий. Взлет и посадка требовали особых навыков из-за сложности управления летательным аппаратом. Мы принимали «Хищника» после того, как он достигал высоты в 6000 километров и брал курс на цель. То есть задержка была на их стороне. Работы у технических бригад было по горло, поскольку от них требовалось обеспечивать круглосуточную работоспособность маленьких беспилотников в суровых условиях Центрально-Азиатского региона.

Выходя из оперативного пункта, я столкнулся в коридоре с подполковником Стью Коваллем, невысоким лысеющим мужчиной худощавого телосложения. Из-за коротко обритой головы наш командир напоминал капитана Пикара из «Звездного пути», только более мягкого нрава. Он был знающим летчиком, но летал редко. Кадровый офицер, в начальный период службы Стью летал на «F-15C», после чего продолжил карьеру в должности «специалиста по административным вопросам». Полетам он предпочел штабную работу и личные связи, необходимые для продвижения по карьерной лестнице.

Я удивился, увидев его здесь, так как обычно Стью либо просиживал в своем кабинете, либо находился на авиабазе Неллис. 17-я эскадрилья через несколько месяцев должна была передислоцироваться в Неллис. Командир авиакрыла хотел объединить все подразделения «Хищников» под одной крышей. Когда я размышлял о целесообразности такого переустройства, то видел в этом рациональное зерно. И в то же время мне нравилась некоторая независимость нашей части от центрального командования и нравилось каждый день ездить на работу на отдельную базу.

Я поприветствовал Стью, и он, прищурившись, окинул меня взглядом, словно пытался понять, кто я такой.

— Белка, верно?

— Да, сэр.

— Как вам у нас? Жалоб нет пока? — загадочно спросил он.

— Все нормально, — уклончиво ответил я.

Я не собирался жаловаться начальнику. Жаловаться вообще глупо.

— Хм, — буркнул он, продолжив движение по коридору. — Что ж, добро пожаловать в эскадрилью.

Я отступил, чтобы дать ему пройти.

— Ах да, Белка, — вдруг добавил Стью. — Я слышал, вы составили справочник «3–3». Это правда?

Он имел в виду пособие по тактике, которое я написал во

время учебы. Мой мозг интенсивно заработал: я судорожно пытался сообразить, откуда он мог это узнать. Я про пособие никому в эскадрилье не рассказывал.

— Да, сэр, — ответил я. — Увидел пробел и решил его восполнить.

Выглядело это как попытка произвести впечатление или, что еще хуже, лизоблюдство. Я тотчас же пожалел о сказанном.

— Хм… — Стью кивнул и направился было к оперативному пункту, но вдруг остановился на секунду в задумчивости и оглянулся на меня. — Мне нужна такого рода инициатива, — произнес он. — Отныне вы руководитель полетов.

Сказав это, он развернулся и вошел в комнату оперативного пункта. Я застыл на месте. Пилоты не становятся руководителями полетов через четыре дня после прибытия в эскадрилью и имея за плечами лишь один вылет. Большинство получают назначение на эту должность месяца через три-четыре службы, да и то если у них достаточно хороший послужной список. Как я мог руководить полетами, если я даже официального допуска к ним еще не имел?

Внезапно у меня пропал аппетит.

Когда первоначальный шок прошел, я почувствовал острое желание вернуться в пилотское кресло. Спустя несколько часов я вновь сидел в станции наземного управления и наблюдал за тем, как «Хищник» медленно отрывается от земли и поднимается в ночное небо.

Я мог только наблюдать. ООЦ хотел, чтобы мы постоянно присматривали за их техникой, и требовал занимать места за пультом управления еще до взлета самолета, несмотря на то что мы никак не контролировали его во время набора высоты. На HUD-дисплее было видно, как экипаж убирает шасси. Я чувствовал себя словно вуайерист, который из-за занавески заглядывает в кабину другого пилота. «Хищник» дал крен вправо и начал плавно описывать дугу вокруг аэродрома, набирая высоту. Доступное беспилотникам воздушное пространство вокруг базы ограничивалось окружностью диаметром около 28 километров. Правительство принимающей страны отказалось выделить нам больше места для маневров, чтобы местные племена не решили, будто мы следим за ними.

В летние месяцы температуры в высокогорных пустынях достигали немыслимых значений. В жару воздух становится настолько разреженным, что у нас считалось за счастье добиться скороподъемности хотя бы 30 метров в минуту. Аппарату просто не хватало мощности. Чтобы взобраться на 6 километров, приходилось кружить по спирали двадцать минут. Когда наконец «Хищник» набирал высоту, пилоты разворачивали его на запад и

направляли в узкий коридор, выделенный нам авиадиспетчерской службой, который вел к целям на севере Афганистана. Как только самолет занимал коридор, наступал наш черед брать над ним управление.

— Следи за предупреждением, — сказал Хрен.

У меня на информационном табло загорелось сообщение «Потеря ЛПВ-сигнала». Оно означало, что первый экипаж отключил у себя систему радиоуправления аппаратом по линии прямой видимости (ЛПВ), чтобы мы могли его подхватить. «Хищник» отдавал приоритет ЛПВ-передатчику. Как только связь с ним прерывалась, беспилотник продолжал прокладывать курс на автопилоте, пока мы не устанавливали с ним спутниковое соединение.

Я нажал кнопку установки связи рядом с HUD-дисплеем. Экран моргнул, и я легонько отклонил ручку управления вправо, чтобы удостовериться, что теперь БПЛА находится под моим контролем. Спустя пару секунд беспилотник дал правый крен.

— Отличная работа, — сказал Хрен. — Теперь надо немного подождать.

На полет до цели потребовалось несколько часов. Чтобы скоротать время, мы решили попрактиковать ракетную атаку. Оператор средств обнаружения был ветераном эскадрильи. Я летел с ним впервые и имени его не запомнил. Разговаривали мы мало, поскольку я был сосредоточен на выполнении команд Хрена.

Он наводил лазер подсветки цели, являющийся частью электронно-оптического комплекса, смонтированного в гондоле. Лазер действовал как инфракрасная указка. Светил вниз, указывая на цель, словно перст Божий.

— Только базу не облучай, — сказал Хрен. — На сторожевых вышках из-за этого нервничают.

Оператор средств обнаружения повернул гондолу и принялся обшаривать долину в поисках какой-нибудь цели. Примерно в 16 километрах к юго-западу от базы тянулись три вади. Во времена Александра Македонского эта долина была покрыта буйной зеленой растительностью. Вади — это высохшие русла крупных рек, которые некогда сливались в одну великую реку, впадавшую в далекий Индийский океан. В точке их слияния Александр построил форт для охраны стратегической водной артерии. У себя на мониторе я видел его руины. Ныне от некогда впечатляющего форта сохранилась лишь одна квадратная башня.

Оператор навел перекрестье прицела на центр развалин. Идеальная цель, неподвижная и безлюдная.

— Итак, от пешего патруля поступил вызов, — сказал

Хрен. — Они под огнем снайпера и несут потери. Патруль сообщает, что, по всей видимости, огонь по ним ведут из северо-восточной части форта.

Оператор сместил перекрестье прицела в соответствующую точку. Стрелка-указатель севера на HUD-дисплее подсказывала ему, в каком направлении требуется поворачивать «шар».

— Готово, — ответил я. — Глаз закрепили.

Мы небрежно перебрасывались фразами. Хрен одновременно играл роль пешего патруля, ООЦ и ПАНа.

— Что я вижу? — уточнил я.

— Ты видишь две фигуры в лежачем положении в углу за стеной, — ответил Хрен. — Замечаешь яркую вспышку.

— Наблюдаю огонь противника, — отозвался оператор средств обнаружения.

Я запросил подтверждения у командира сухопутного патруля, и Хрен за него подтвердил информацию: по ним ведут огонь.

— Вас понял, — сказал я.

Я повернулся к оператору средств обнаружения.

— Предпусковая проверка «AGM-114».

Предпусковая проверка «AGM-114» представляет собой громоздкую тридцатиэтапную процедуру активации и тестирования ракеты перед запуском. Следующая за ней пусковая проверка требует выполнения еще двадцати проверочных действий. У неопытных пилотов вся процедура может занимать до пяти минут.

Мы с оператором средств обнаружения скрупулезно прошлись по всем пунктам карты контрольных проверок. Отличный способ отвлечься, пока ожидаешь прибытия к цели, но в боевой обстановке, когда на волоске висят жизни реальных людей, выполнение карты контрольных проверок было тем еще «геморроем».

Когда я был готов открыть огонь, то доложил об этом Хрену.

— Вас понял, дайте направление, — скомандовал Хрен.

Он хотел, чтобы мы проинформировали его, когда начнем маневр захода на цель.

Я сделал крен и сориентировал самолет носом на цель.

— «Молния» заходит с северо-востока, одна минута.

В моем распоряжении была одна минута на запуск ракеты.

— «Молния», действие разрешаю.

Команда «действие разрешаю» позволяла мне лишь имитировать пуск ракеты. Я не имел права пускать в ход вооружение до тех пор, пока реальный наводчик не разрешит «атаку». Сейчас мы летели с настоящими ракетами. И в целях безопасности все члены экипажа должны были убедиться, что во

время симуляции атаки мы случайно не выстрелим по-настоящему.

— Вас понял.

Я проверил курс захода на цель. Западный ветер сносил беспилотник влево. Чтобы компенсировать снос, я повернул летательный аппарат примерно на десять градусов вправо.

— Тридцать секунд, активировать лазер, — скомандовал я.

Оператор средств обнаружения щелкнул тумблером, и на экране тут же вспыхнула надпись «ЛЦУ включен». Чтобы ненароком никому не навредить на земле, мы сейчас использовали не наводящий лазер, а лазерный целеуказатель или просто «излучатель». Этот лазер работал больше как фонарь и не мог наводить ракеты.

— Подсветка цели, — оповестил оператор.

— Подсветка цели, — передал я Хрену. — Тридцать секунд.

— Вас понял, — ответил Хрен.

Когда оставалось двадцать секунд, я еще раз скорректировал курс и убедился, что все тумблеры находятся в правильном положении, и сосредоточился на цели. За десять секунд я нажал кнопку «Готовность к запуску». На дисплее загорелась надпись «Готовность к запуску правой ракеты».

— На счет три, два, один…

Я сымитировал нажатие на гашетку. При учебных полетах мы ее никогда не нажимали.

— Выстрел. Двадцать пять секунд.

Это я предупредил Хрена, исполнявшего роль командира сухопутного патруля, что взрыв произойдет менее чем через полминуты. Потом сверился с GPS-синхронизатором и начал обратный отсчет времени.

— Пять, четыре…

Хрен произнес «Разрыв», что означало, что ракета взорвалась в поле нашего наблюдения. Я кивнул.

— Лазер отключить, поставить на предохранитель. Оружие на предохранитель.

Оператор средств обнаружения повторил команды и выключил излучатель.

— Отличная работа, — сказал Хрен. — Мы на высоте, направляемся на север.

Полет до района цели занял у нас почти четыре часа. Я снова оказался над той же самой мазанкой. Ввел «Хищник» в режим полета по круговой траектории над домом и стал ждать, когда курьер начнет что-нибудь делать или звонить по телефону. Когда он активизировался, в работу включались аналитики, следившие за ним из оперативного центра и ООЦ. Аналитики фиксировали

все действия цели, делая соответствующие скриншоты. Все самое любопытное, связанное с наблюдательной операцией, происходило без нашего участия, а мы просто просиживали по восемь часов в креслах и изнывали от скуки.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды не произошло кое-что интересное.

Это был ночной полет, и я как раз принял управление «Хищником» у экипажа пускопосадочного сегмента. Хрен со мной больше не летал. Я был одним из руководителей полетов, имел к тому времени двести часов налета и обладал достаточными навыками, чтобы уверенно чувствовать себя при управлении летательным аппаратом и выполнении оперативных задач.

Рядом со мной сидела Дани.

Мы редко летали устоявшимися парами. Пилоты и операторы средств обнаружения постоянно сменяли друг друга согласно специальному графику дежурств и перерывов на отдых. В отличие от того, что показывают в фильмах типа «Топ Ган», пилоты и операторы средств обнаружения не были напарниками, работающими в одной смене. Кроме того, в свободное от службы время мы не играли вместе в волейбол. Пилотирование «Хищника» — посменная работа. Жили мы в отеле. Я вставал, приезжал на базу, выходил из образа семьянина и становился боевым пилотом, отрабатывал смену и возвращался в отель, по пути домой пытаясь выйти из образа боевого пилота и вновь стать семейным человеком. Если учесть, что так продолжалось целыми неделями, пилотирование «Хищника» было сродни работе на фабрике. Это лишало службу пилота ореола привлекательности.

Да и в любом случае волейбол никогда не казался мне «крутой» игрой.

Я сориентировал «Хищник» по координатам, принятым через зашифрованный чат-канал, и выдвинулся к цели. Следовало отыскать еще одного курьера, упоминания о котором уже проскальзывали в разведывательных донесениях. До района Джелалабада, где он жил, предстояло лететь еще около тридцати минут.

Дани мне нравилась. Она была очень опытным оператором средств обнаружения и одним из старших членов эскадрильи. Обычно она проводила контрольные полеты с молодыми операторами средств обнаружения и изредка летала с новыми пилотами вроде меня. Во время долгих полетов мы в основном спорили по поводу наших любимых футбольных команд; я болел за «Сталеваров», а Дани — за «Бенгальских тигров».

Дани крутанула камеру и принялась сканировать земную поверхность, проплывающую под брюхом беспилотника. Очень

часто самые важные события происходили вдалеке от того места, где они, по нашему мнению, должны были происходить. Поэтому мы осматривали местность, надеясь обнаружить что-нибудь интересное.

К тому времени как мы достигли района цели, солнце начало свой медленный, грациозный восход — из-за горных вершин пробивались лучи теплого света. Я следил за показаниями приборов, выделенных на HUD-дисплее зеленым цветом, в то время как изображение земной поверхности постепенно превращалось в неразборчивую серую кашу с вкраплениями ярких пятен, указывающих на источники тепла. Все это напоминало картинки из теста Роршаха.

Во время восхода и захода некоторым инфракрасным камерам с трудом удается формировать удовлетворительную картинку, когда земля прогревается или охлаждается в соответствии с изменяющейся температурой окружающего воздуха. Дани отрегулировала камеру, чтобы компенсировать дефект изображения, и детали ландшафта опять стали различимы. Через несколько минут скалы на моем HUD-дисплее снова обрели резкие очертания. Было даже видно, как под утренним бризом, дувшим с гор, слегка покачиваются деревья.

Когда мы пересекали афгано-пакистанскую границу возле Тора-Бора — пещерного комплекса к югу от Хайберского прохода, — я посмотрел на розовую линию, отмечавшую курс нашего самолета на карте экрана системы слежения над HUD-дисплеем. Тремя годами ранее войска специального назначения США едва не захватили в этом районе Осаму бен Ладена. По сообщению официальных лиц, комплекс был основным местом его обитания, и после боя террорист укрылся на территории Пакистана. Горный хребет на карте, пролегавший параллельно международной границе, растянулся на весь экран.

— Наблюдаю огонь, — сообщила Дани.

На мониторе я увидел факел пламени и тепловые пятна. Огонь выглядел как раскаленная добела струя, змеей растянувшаяся по всей длине хребта. Камера работала в ИК-режиме, поэтому все, что имело тепловую сигнатуру, ярко светилось на холодном сером фоне.

— Докладываю об огне, — сказал я, отправляя в чат-канал соответствующее сообщение.

Дани повела камерой по хребту и тут же обнаружила две пещеры. Входы в пещеры были надежно скрыты при взгляде с высоты, однако их демаскировал огонь.

— «Пассажиров» не вижу, — сказала Дани, увеличивая изображение пещер. «Пассажирами» мы называли людей.

А потом мы увидели лагерь — три или четыре походных палатки. Между тентами горел небольшой костер, над которым на самодельном таганке висел котелок. На обочине дороги в колее была брошена телега. Дани несколько минут обследовала камерой лагерь, прежде чем он скрылся за очередной горой, затем отвернула камеру в сторону, явно довольная тем, что снова может работать с качественным изображением.

И тут мы заметили движение.

— Эй, что это?! — воскликнул я.

Дани навела перекрестье на место на HUD-дисплее, на которое я указывал.

Деревья были неподвижны. Я затаил дыхание. Там действительно кто-то есть? Или это плод моего воображения? Может, они услышали нас и затаились?

Мгновение спустя из-за группы деревьев появились четыре фигуры.

— Увеличь.

Дани не требовались мои команды; отличный оператор средств обнаружения, она могла предугадывать их заранее. Она уже навела перекрестье прицела на людей и начала увеличивать картинку. Зеркало в оптической системе «шара» наклонилось и развернулось, подстроившись под положение самолета, из-за чего изображение широкого скалистого склона на наших мониторах сначала засветилось, потом перевернулось, после чего снова перевернулось, придя в нормальный вид.

Четыре фигуры поднимались по каменистому склону. Складывалось впечатление, будто три человека охраняют четвертого. Четвертый, в темно-коричневой рубахе с белыми рукавами и головном уборе, был гораздо выше остальных. Во время восхождения он опирался на длинную трость. Другие были одеты во все черное и вооружены автоматами «АК-47». От высокого человека они держались на почтительном расстоянии. Двое охранников прикрывали фланги, а третий шагал впереди. Никто из троицы не приближался к охраняемому лицу ближе чем на пять метров.

— Дани…

— Да, — отозвалась она.

— Это тот, кто я думаю?

— Кто? — Дани, прищурившись, всматривалась в картинку на экране.

Она вглядывалась в видео, словно силилась разглядеть в нем больше деталей.

— У. Б. Л., — ответил я.

Единого стандарта транскрипции арабских слов на

английский язык не существует. В ФБР имя Осамы бен Ладена писали как «Усама бен Ладен», сокращая его до У. Б. Л. Мы просто переняли этот акроним.

Дани покосилась на меня:

— Трудно сказать.

— Помнишь то видео, которое появилось пару месяцев назад? — спросил я. — Где он со своим охранником спускается с горного склона?

— Ага, — неуверенно произнесла она.

— По-моему, это как раз тот район, который заснят на видео.

Я ткнул пальцем в экран.

— Погляди, здесь полно таких же валунов, как и там. Да и у кого еще в этом районе есть охрана?

На мой взгляд, высокорослый мужчина выглядел как бен Ладен. Да и держал себя он так же горделиво. Сердце мое забилось. Человек обладал схожими физическими данными и находился в том районе, где, как предполагалось, скрывался террорист номер один. Некоторое время я колебался, гадая, действительно ли вижу самого разыскиваемого в мире преступника.

— Эй, связной!

Наша система внутренней связи была напрямую подключена к ООЦ. Один из пилотов сидел за столом рядом с аналитиками и действовал как связной. Офицер связи отвечал на вопросы и передавал нам информацию из ООЦ на нашем специфическом языке.

— Слушаю.

Это был Тони, бывший летчик транспортника «С-130» из Техаса.

— Можешь подключить аналитиков? По-моему, мы наблюдаем цель номер один.

На какое-то мгновение на том конце воцарилось гробовое молчание. Даже не видя Тони, я не сомневался, что он с трудом пытается осмыслить услышанное. Да и мне было чудно это произносить.

— Э-м… Хорошо, — промолвил Тони. — Оставайтесь на связи.

Спустя несколько секунд Тони передал мне распоряжение установить наблюдение за пешей группой. Эл, начальник ООЦ, хотел, чтобы мы на время отложили выполнение основного задания. Я сделал вывод, что к нашей находке они отнеслись со всей серьезностью. Наверняка в тот момент в Объединенном оперативном центре аналитики, прильнув к мониторам, пытаются понять, действительно ли мы засекли бен Ладена. Я направил

«Хищник» в круговой полет, а Дани перевела гондолу наведения в режим автосопровождения цели, в то время как наша четверка, достигнув вершины хребта, стала спускаться по противоположному склону.

Ожидание затянулось. Я рассчитывал получить от Тони какой-нибудь ответ довольно скоро. По меньшей мере мы знали, что подозрительные люди вооружены и, скорее всего, являются боевиками.

Мы стали терять терпение.

— Тони, есть новости?

— Немного, — ответил он спустя мгновение. — Эл говорит по телефону с верхами. Ушел сразу же, как только ты сообщил.

Под верхами подразумевались вышестоящие командные инстанции. Эл запрашивал разрешение на действия. Если это бен Ладен, то Эл не мог в одностороннем порядке принимать решение относительно такой важной цели. Потенциальный ракетный удар требовал уймы согласований. Я посмотрел на часы на HUD-дисплее. Мы уже более двадцати минут следили за мужчинами, которые неторопливо брели вдоль хребта.

— Какие у вас настроения, Тони?

Я понятия не имел, что происходит в ООЦ. Хотелось узнать, какая там царит атмосфера.

— Аналитики неслабо возбудились, — ответил он. — Уже некоторое время проводят процедуру подтверждения.

Подтверждение личности всегда представляло проблему. Пока бен Ладен не помахал нам ручкой или не поднял вверх большой палец, нам оставалось лишь полагаться на набор специальных протоколов, с помощью которых можно было бы с определенной степенью достоверности идентифицировать личность человека внизу.

Протоколы, или правила применения оружия, определяют, как, когда и можно ли вообще атаковать цель. В отличие от истребителей, начальники ООЦ — от самых низших до самых высших чинов, имеющих прямой выход на президента, — должны взвешивать любой удар с «Хищника». Все, что касалось бен Ладена, подразумевало звонок в Белый дом. «Нет» на любом уровне командной цепочки означало автоматический запрет на атаку.

На случай, если нам дадут добро, я начал обсуждать с Дани варианты действий. Кроме того, стал готовить к пуску ракеты «Хеллфайр», чтобы иметь возможность нанести удар в любой момент.

— Охранники важности не представляют, ими можно пожертвовать, — сказал я. — Имеет значение только одна цель.

Однако скалы могли создать проблему. Они обеспечивали боевикам некоторую степень защиты. Чтобы контактный взрыватель привел к детонации заряда «Хеллфайр», ракета должна прийти в физическое соприкосновение с объектом поражения. Если она взорвется за каким-нибудь скальным выступом…

— Можно ударить вот по этой высокой скале, чтобы увеличить зону осколочного поражения, — высказала Дани свои соображения.

Я согласился и стал прикидывать курс атаки. Но тут наше совещание нарушил Тони.

— Эл возвращается. Не очень радостный.

Затем последовала долгая пауза, после которой в радиоканале снова раздался голос Тони.

— Передаю в чат координаты, — сказал он.

Я ввел полученные координаты в систему. Как оказалось, нас отправляли в совершенно произвольную точку где-то на западе, очень далеко от нашей первоначальной цели, до которой оставалось лететь еще километров пятьдесят на север.

— Тони, — сказал я, — это место у черта на куличках.

— Следуйте по координатам и ждите.

Ответ Тони был лаконичен и лишен приятельского тона, который звучал в его голосе несколькими минутами ранее. Чувствовалось, что говорил он под диктовку. Кто-то в верхах не хотел, чтобы мы следили за этой целью, причем не хотел настолько сильно, что даже заставил ООЦ отменить запланированную операцию, несмотря на то что это образует серьезный пробел в составляемой нами картине жизни нашей основной цели.

Я вывел «Хищник» из режима полета по кругу и направил его по заданным координатам. Ракеты вернули в спящий режим. Дани навела перекрестье камеры на соответствующую координатам точку, и следующие три часа мы таращились на голые скалы.

Я так и не понял, почему нас выдворили из того района. ООЦ следовало бы направить нас к нашей основной цели. Но кто-то настолько не хотел, чтобы мы следили за У. Б. Л., что был готов сорвать нашу операцию по составлению карты жизни курьера террористов. Подобно цепи доказательств в уголовном расследовании, карта жизни должна быть цельной, без пробелов, чтобы составить четкую схему жизни подозреваемого, исключающую вероятность слежки не за тем человеком. Я негодовал, понимая, какой ущерб нашей операции принесет это бессмысленное созерцание гор. Мне хотелось знать, кем был тот

человек в горах и почему кому-то понадобилось его прикрывать.

Когда нас сменил новый экипаж, я поехал в Объединенный оперативный центр переговорить с Элом. ООЦ размещался в офисном здании, неподалеку от нашего лагеря.

ООЦ вызывал ощущение стерильности. Центр главного зала занимал большой стол, разделенный перегородками приблизительно на дюжину рабочих мест — на каждом имелись свой телефон и полка для папок с документами. С потолка свисали разноцветные кабели; они собирались в жгуты и далее по полу тянулись к импровизированным LAN-станциям. По периметру зала стояли компьютеры, за которыми работали аналитики.

На стенах, друг напротив друга, висели два 60-дюймовых плазменных экрана. Каждый показывал видеотрансляцию с «Хищников». Перед каждым из экранов сидел один из наших пилотов — офицер связи вроде Тони.

— Эл тут? — спросил я ближайшего от меня аналитика.

— Его смена закончилась. Будет через сутки.

— А кто сейчас за главного?

— Карли, — сказал аналитик, показывая на стройную, спортивного телосложения блондинку лет тридцати с небольшим.

До поступления на службу в ООЦ она летала на истребителях.

Я глубоко вздохнул и постарался припомнить, чему меня учили в разведшколе, в частности, как выуживать из людей нужные сведения. Моя работа в качестве пилота на сегодня была завершена, формально я стал руководителем полетов и в оставшееся время из двенадцатичасового рабочего дня должен оказывать помощь в координации полетов и действий следующих экипажей.

Я использовал этот факт, чтобы растопить лед.

— Слышал, у вас тут недавно приключился небольшой переполох.

Руководитель операции, понятное дело, хотел бы знать о таких вещах. Конечно, я действовал наудачу, надеясь, что Карли не в курсе, что парнем в кресле пилота был я.

— Почему дали красный свет? — спросил я.

Если перед своим уходом Эл и проинформировал ее относительно недавних событий, то явно не упомянул о моем участии в них. Карли тоже была раздражена тем, что атаку отменили.

— Политика.

— Простите, что? — переспросил я.

— Политика, — повторила Карли. — Кто-то из руководства

между нами и боссом дал отмену.

— А причину сообщили? — уточнил я.

— Они не обязаны.

Не нужно было быть гением разведки, чтобы понять ее негативное отношение к приказу вышестоящей инстанции.

— Это был он? — спросил я.

Мне хотелось знать, действительно ли я обнаружил бен Ладена.

— Мы думаем, что он, — ответила Карли.

В 2002 году «Хищник» выпустил ракету «Хеллфайр» в трех подозрительных людей возле пещерного комплекса Завар-Кили в афганской провинции Пактия. Один из мужчин был высокого роста, и его приняли за бен Ладена, однако жертвами стали представители местного племени, которые собирали металлолом, чтобы на вырученные за него деньги купить еды.

Я посмотрел на нее искоса:

— Так, значит, это правда…

Она немного помолчала:

— Скорее всего, да.

Я едва сдерживался, чтобы не выплеснуть раздражение.

— Тогда почему отменили атаку?

Карли вздохнула. По-видимому, я начал ее доставать.

— Всегда найдется какой-нибудь чиновник, который наложит вето на такой выстрел, — объяснила она. — И через его мнение не переступить.

Теперь я был по-настоящему взбешен.

— Это предательство! — воскликнул я.

— Нет, — покачала она головой. — Это политика.

Глава 5. Выстрел, прогремевший на весь мир

Тук-тук.

Я дважды постучал в дверь станции наземного управления. По контейнеру прокатилось гулкое эхо, оповестившее экипаж, что мы пришли им на смену. Я стал ждать ответа.

Один ответный стук означал «ждать и быть готовыми войти».

Два удара — условный сигнал «войти».

Три удара — «замолчать и ждать».

Мы стояли неподалеку от оперативного центра «Хищников» на авиабазе ВВС США Неллис. Сегодня был мой первый день полетов совместно с 15-й разведывательной эскадрильей. Совсем недавно, в конце августа, 17-я перебазировалась в Неллис, и часть наших экипажей отрядили в 15-ю, чтобы они помогли ей поставить на ноги новый БВП.

ВВС разместили обе эскадрильи на территории, огороженной двухметровым забором из шлакобетонных блоков. Помимо оперативного пункта, здесь были сборные модульные сооружения на базе составленных вместе автомобильных трейлеров. В глубине лагеря одиноко стоял «Кадиллак», как мы называли передвижную уборную, совмещенную с душевой. Центр территории занимали несколько станций наземного управления, принадлежащих обеим эскадрильям. Я снова ходил в зеленом летном комбинезоне, так как теперь мы находились далеко от нашей прежней базы с ее влажным климатом. Был полдень, и высоко висящее над пустыней солнце безжалостно опаляло нас своими лучами. Сентябрь в Лас-Вегасе выдался жарким. В течение всего месяца температура не опускалась ниже 40 градусов по Цельсию. По крайней мере, жара была без влажности.

15-я эскадрилья запросила у нас помощи для поддержки своего нового боевого воздушного патруля. Им пока не хватало персонала для полноценной работы, а у 17-й имелось несколько незанятых летчиков, ожидавших, когда остальная часть эскадрильи возвратится в Лас-Вегас. Я не возражал насчет помощи коллегам. Все лучше, чем сидеть без дела. К тому же после долгого периода полетов над Афганистаном мне хотелось помочь нашим войскам в Ираке. Именно там в тот период происходили основные события.

Едва успело смолкнуть эхо от удара в дверь, как она резко распахнулась.

Из станции наземного управления выскочил пилот, блондин

среднего роста и худощавого телосложения. Выглядел он злым, хотя я не видел причины, почему бы ему злиться, ведь мы пришли даже на пять минут раньше положенного. Пилот пронесся мимо меня и буркнул: «Самолет твой».

Прежде чем я успел произнести хоть слово, он скрылся за углом.

Какого черта?

Я просунул голову в бокс и увидел оператора средств обнаружения. Его лицо исказилось от ужаса. Он одними губами беззвучно произнес: «Что мне делать?»

Я подлетел к креслу и посмотрел на HUD-дисплей и экран системы слежения. Беспилотник прямым курсом шел к иранской границе.

Все было бы ничего, если бы «Хищник» летал над Багдадом.

Но этот «Хищник» находился к северу от Басры. Граница совсем близко. Летательный аппарат вот-вот вторгнется в иранское воздушное пространство.

Усаживаться времени не было. Я нажал кнопку отключения автопилота на ручке управления и стал плавно вводить беспилотник в глубокий крен, разворачивая его назад, в Ирак. Когда на карте экрана системы слежения черная линия, отмечающая государственную границу, почти слилась с символическим изображением беспилотника, я довел крен до 60 градусов. В летной инструкции в качестве лимита указывалось значение в 20 градусов, однако аппарат требовалось развернуть быстро.

Мир на HUD-дисплее лежал на боку, а БПЛА изо всех сил пытался удерживать заданный угол крена. Розовая пиктограмма бешено мигала и вертелась в разные стороны. Данные о положении беспилотника обновлялись с интервалом в две секунды, поэтому на экране системы слежения поворот отображался совершенно хаотично. Изображение земли ползло вбок.

Как только БПЛА более или менее сориентировался носом на юг, я медленно вывел его из крена. Затем вновь активировал автопилот, желая убедиться, что мы продолжаем удаляться от Ирана. Когда беспилотник взял курс на юго-запад, я наконец сел в кресло и нацепил гарнитуру переговорного устройства.

В этот момент я заметил, что в чате болтается сообщение от координатора задания (КЗ) Рулетка. А Рулетка — это позывной для нашего задания…

РУЛЕТКА_КЗ> Иран вызывает по GUARD.

GUARD — наименование международной аварийной частоты

радиосвязи. Силы противовоздушной обороны почти всех стран мира используют ее для идентификации летательных аппаратов, а также предупреждения их о возможном нарушении воздушного пространства. Если летательный аппарат игнорирует требования сил противовоздушной обороны, он может быть сбит.

«У них не хватит духу меня сбить», — подумал я.

Оператор все еще выглядел немного взбудораженным. Он, как и я, меньше всего хотел, чтобы в войну ввязался еще и Иран.

Я сделал глубокий вдох.

— Теперь, парни, можете смениться, — сказал я.

Далее последовал короткий, обязательный при пересменках инструктаж, после чего новый оператор, сурового вида техник-сержант, участвовавший в программе БПЛА еще со времен боснийского конфликта, занял место за пультом управления.

15-я оказывала поддержку многонациональным силам в Ираке. Командование в Багдаде определяло первостепенные задачи на день и пересылало нам соответствующие распоряжения по электронной почте либо через mIRC-чат. Я проверил сообщения в чат-канале и повел беспилотник к точке, координаты которой передало нам командование. Большую часть времени мы проводили в слежке за изготовителями небольших бомб с часовым механизмом, курьерами и лидерами разрозненных повстанческих группировок. Работа была нудной и скучной. Прежде всего потому, что руководство военной операцией в Ираке осуществляло армейское командование, которое не вполне понимало, как нас использовать.

Я открыл чат-канал задания «Рулетка».

РУЛЕТКА_33> Пост принял, 1520 метров.

136_КР> вп, выдвигайтесь к цели, сообщите РВП [расчетное время прибытия] *при первой возможности.*

Я не узнал, что это за подразделение. Мысленно прикинул расстояние до пункта назначения. Мы находились недалеко от точки, поэтому полет не должен был занять много времени. Когда мы прибыли на позицию, оператор средств обнаружения просканировал местность — открытое пространство с одиноко стоящим деревом.

РУЛЕТКА_33> В тчк, подтвердите местоположение пжлст. [В точке, подтвердите местоположение, пожалуйста]

136_КР> подтверждаю.

Оператор средств обнаружения «захватил» дерево. Вокруг

изображения дерева на HUD-дисплее вспыхнули черные скобки. Гондола целеобнаружения легонько задрожала, и обрамленный скобками захваченный объект переполз в центр экрана.

РУЛЕТКА_33> Каковы наши СЭИ?

СЭИ, или существенные элементы информации, могут быть чем угодно, начиная от подозрительного теплового пятна на земле, которое может указывать на оружейный схрон или придорожный фугас, и заканчивая двумя случайно встретившимися людьми.

136_КР> Наблюдайте за целью.
РУЛЕТКА_33> Что вы пытаетесь найти?

Мне было важно знать, чего от нас хотели.

136_КР> Просто наблюдайте за целью.

По прошествии восьми часов дерево все так же крутилось на наших HUD-дисплеях. Никаких других указаний от этого армейского подразделения мы больше не получали. Когда явились сменщики, я услышал два стука. В ответ оператор средств обнаружения дважды грохнул кулаком по стенке СНУ, и новый экипаж вошел в бокс. Мы провели небольшой, занявший несколько минут инструктаж, проинформировав сменщиков о ходе полета и состоянии «Хищника». Когда я выбрался из кресла, то был уверен, что новый пилот точно знает свою задачу.

Я отправился обратно в оперативный центр, чтобы отметиться об окончании смены, по пути размышляя о том, насколько сильно отличается жизнь двух эскадрилий. В 17-й сохранялся высокий боевой дух, поскольку выполняемая нами миссия казалась нам важной.

15-я эскадрилья, напротив, ощущала себя бесполезной.

Однообразие круглосуточных операций на фоне минимального, а то и полного отсутствия обратной связи с наземными войсками делало свое дело. Ничем конкретным полеты не заканчивались. Летный экипаж понятия не имел, помогают ли они своим участием в проведении операции. От армии летчики за свою службу не услышали ни слова благодарности: 15-я получала отклики, только когда совершала ошибки. Молчание означало, что она не «портачит».

В таких условиях трудно поддерживать хоть какую-то мотивацию. Отсутствие коммуникации между армейскими командирами и пилотами представляло серьезную проблему.

Наши пилоты редко отмечались у находящихся на боевых позициях командиров сухопутных подразделений. Так, один из пилотов 15-й эскадрильи сказал мне, чтобы я сообщил о том, что заступил на дежурство, в чат Центра тактических операций (ЦТО). ЦТО координировал перемещение наземных войск. Далее ЦТО передал бы командиру сухопутного подразделения, что мы в боксе, после чего с нами связывались бы в случае необходимости. Нам был чужд такой лентяйский и непрофессиональный способ проведения операций. Прямой контакт между экипажами «Хищников» и наземными войсками отсутствовал. Как будто мы участвовали в двух совершенно разных войнах.

И все-таки это не могло служить оправданием непрофессионализма, свидетелем которого я стал во время той, первой пересменки. Позднее в тот же день я увидел на территории лагеря Майка, который шел от трейлера 15-й к оперативному центру. Увидел впервые после нашего совместного обучения.

— Эй, Майк! — окликнул я его и быстро зашагал навстречу.

Мне хотелось узнать мнение товарища по поводу происшествия с угрозой пересечения иранской границы.

— А, Белка, привет! Как жизнь? — Он широко улыбнулся.

— Поговорить бы надо.

Я рассказал, что произошло во время пересменки. Кроме того, сообщил имя пилота. Лицо Майка моментально приняло серьезное выражение, от улыбки не осталось и следа.

— Плохо, — покачал он головой.

— Это мой первый день полетов с 15-й. Тут всегда так? — спросил я.

Майк вздохнул:

— К сожалению, скорее да, чем нет.

Ему явно не нравились бреши в полетной дисциплине.

— Надо это исправить.

Мы оба понимали, что я имею в виду не только конкретного пилота. В свое время мы с Майком попытались восполнить отсутствие руководства по тактической подготовке, а теперь решили, что БПЛА-сообществу требуется инъекция профессионализма. Сообщество в его нынешнем виде прогнило насквозь.

В период, когда проект «Хищник» только появился, в ВВС 85 % мест выделялось летчикам-истребителям, остальные шли на летательные аппараты других типов. В истребительной авиации «Хищник» использовали как возможность избавиться от «балласта». Любого пилота, который совершал ошибку, не соответствовал стандартам либо просто был недостаточно хорош,

сплавляли в эту программу. Летчики знали, почему они там оказались. Как знали и то, что назад в истребители дороги нет. Это порождало такое горькое разочарование, что они переставали вести себя как подобает офицерам. Опаздывали на службу, выполняли работу небрежно и, как оказалось, даже бросали беспилотники в полете. Имея перед глазами такой пример, операторы средств обнаружения тоже начинали скатываться в яму непрофессионализма.

Работа предстояла серьезная. На это требовалось время, но выполнить ее было необходимо.

Меня назначили руководителем по стандартизации и аттестации 17-й эскадрильи. Я должен был обеспечить соблюдение уставных требований и летной дисциплины путем совместных контрольных полетов с пилотами. Кроме того, мы с Майком запустили кампанию по стимулированию обсуждения темы профессионализма на собраниях летчиков. Обычно на таких собраниях обсуждались новое программное обеспечение и проблемы техники безопасности. Мы же решили, что пришло время выдвинуть вопросы повышения летной квалификации на передний план.

Спустя несколько недель я вновь пересекся с Майком, который шел из одного блока к другому.

— Белка! — позвал он меня.

— Привет, Майк. Как дела?

Глаза Майка сияли, чего я давно не видел. В них читались воодушевление, решимость, даже гордость. Я прищурился.

— Признавайся, что ты натворил? — спросил я с притворной подозрительностью.

Я решил, что он аннулировал аттестацию кого-то из нерадивых пилотов. Учитывая то, как некоторые из них себя вели, мы оба считали, что они вполне этого заслуживают.

— Не я, — ответил он. — Друпи!

Друпи — тоже бывший пилот «F-16» — был полной противоположностью Майку, человеку кипучей энергии. Сослуживцы Друпи из его первой эскадрильи «Гадюка» присвоили ему этот позывной, поскольку он даже внешне немного напоминал унылого мультяшного персонажа.

Друпи обучался огневой поддержке с воздуха, а еще он участвовал в реальных боях и знал, каким рискам подвергаются подразделения сухопутных войск. Поэтому ему претило отмечаться в чате Центра тактических операций, а потом просто сидеть по восемь часов и безучастно наблюдать за событиями на земле.

Он рвался в бой.

Так вот, ранее в тот день в секторе Друпи наши войска подверглись атаке. Узнав об этом, Друпи достал свою старую, напечатанную на потрепанной карточке размером 10×20 сантиметров памятку по огневой поддержке с воздуха, которая осталась у него со времен службы в «Гадюке», поставил ее на панель управления перед ручкой управления беспилотником и включил микрофон. Чеканным голосом летчика-истребителя — октавой ниже, чтобы звучать более внушительно — он вызвал ПАНа, Бульдога Два-Один.

— Бульдог Два-Один, говорит Рулетка Три-Три, готов заступить на пост.

ПАН, наверное, ожидал услышать от пилота «Хищника» какую-нибудь очередную глупость, вроде «мы здесь».

— Вас понял, поступаете в распоряжение Бульдога, — ответил ПАН.

— Бульдог, говорит Рулетка, пост принял. Эшелон один четыре ноль, один MQ-1, выполняю круговой полет в 16 километрах к югу от ваших позиций, временной лимит — два часа, две «AGM-114», гондола с наводящим лазером.

Друпи сообщил ПАНу свою высоту (14 000 футов), местоположение, боевую нагрузку (две ракеты) и особые возможности летательного аппарата (гондола целеобнаружения с системой лазерного наведения).

— Вас понял, Рулетка, — четко ответил Бульдог.

Он почувствовал в Друпи родственную душу — профессионала.

— У нас ССП, войска прижаты к земле, — проинформировал ПАН. — Действовать согласно моим указаниям. Доложите готовность к приему 9-Line.

Код ССП, или соприкосновение с противником, означал, что американские наземные войска попали под обстрел. Бульдог не собирался дожидаться прибытия самолетов-истребителей. Он хотел, чтобы «Хищник» вступил в бой. Друпи и оператор средств обнаружения недоуменно переглянулись. Такого ответа они не ожидали.

Некоторое время Бульдог молчал.

— Говорит Рулетка, к приему 9-Line готов.

В течение следующих пяти минут Друпи выпустил обе ракеты «Хеллфайр» и уничтожил вражескую засаду.

Майк закончил свой рассказ, все еще широко улыбаясь. Это был знаменательный день для нашей программы и всего нашего сообщества. Благодаря боевому выстрелу, спасшему жизни американцев, мы, действуя грамотно, могли повернуть ситуацию с моральным состоянием коллектива на 180 градусов.

Это был не первый наш боевой выстрел. Далеко не первый. Однако это был первый случай столкновения с противником, в котором мы действовали как *профессиональные истребители*.

Выстрел Друпи изменил отношение к «Хищнику» как в Ираке, так и в Афганистане. Мы заступили на территорию, где раньше безраздельно господствовали традиционные летчики-истребители. Среди ПАНов быстро разнесся слух, будто эскадрильи «Хищников» теперь начали комплектовать настоящими боевыми пилотами. Последующие недели были отмечены некоторым ростом числа ракетных ударов, наносимых нашими экипажами.

Мы с Майком решили сделать все, чтобы успех Друпи привел к повышению профессионального уровня членов беспилотного сообщества. Мы хотели добиться соответствия экипажей наивысшим летным стандартам. В неформальных беседах с парнями я пользовался любой возможностью, чтобы упомянуть о выстреле Друпи. Пилоты по природе своей любители почесать языком, особенно когда дело касается женщин, самолетов и тактических приемов. И еще неизвестно, что наиболее важно для летчика.

Пожалуй, самолеты.

Жизнь в «хищных» эскадрильях сильно отличалась от жизни других летных частей. В большинстве эскадрилий ВВС центром общественной жизни является бар. В баре парни обедают, завершают бумажную работу или просто треплются о том о сем. У всех один и тот же график, все летают парами.

В течение дня, когда летчики проводят тренировки, жизнь в большинстве авиаотрядов бьет ключом. Однако на базе «Хищников» всегда тихо. Бара у нас не было, а инструктажные комнаты и служебные помещения пустовали. Признаки жизни наблюдались лишь в оперативном центре, но и туда пилоты заходили только затем, чтобы отметиться о приеме или сдаче смены. На общественную жизнь не тянет.

В «Хищнике» пилоты и операторы средств обнаружения работали посменно. Помню, как на одной рождественской вечеринке я впервые увидел некоторых парней из своей эскадрильи. Просто они летали в другой смене. У меня было мало близких знакомых среди сослуживцев, поскольку мы редко летали вместе, а даже если и работали в одной смене, находясь за десяток шагов друг от друга, то я мог летать где-нибудь над Ираком, тогда как другой пилот — над Афганистаном.

В отличие от летчиков-истребителей мы не летаем парами. У нас нет ведомых и ведущих, и мы не переговариваемся между собой по радио. Все переговоры мы ведем только с сотрудниками

наземных служб и своими напарниками в лице операторов средств обнаружения.

И даже такие отношения не выходили за рамки бокса, потому что я был офицером, а оператор — рядовым служащим. В полете мы всеми силами старались сломать эту преграду, чтобы быть эффективной командой, но в служебных кабинетах между офицерами и рядовыми пролегала четкая граница, как и в других видах вооруженных сил.

Пилотирование «Хищника» означает изоляцию и отличается от всего, с чем мне приходилось иметь дело в ВВС. Тем не менее это не поколебало нашей с Майком решимости внедрить в «Хищник» профессиональные навыки, присущие другим авиационным сообществам.

17-я эскадрилья в этом смысле оказалась крепким орешком. Большая часть проводимых нами операций не предполагала прикрытие наземных войск. Целеуказания 9-Line нам не требовались. Когда происходила какая-нибудь штурмовая операция, мы действовали исключительно как наблюдатели, поэтому были избавлены от необходимости выполнять процедуры, связанные с оказанием непосредственной авиационной поддержки. Тем не менее я убеждал своих сослуживцев из 17-й в необходимости оттачивания боевых навыков на случай, если им придется летать с 15-й или вернуться в 11-ю в качестве инструкторов.

Параллельно я работал и над повышением собственной летной квалификации. Под впечатлением от рассказа о подвиге Друпи я изучил каждый аспект тактики огневой поддержки с воздуха. Я хотел быть готовым к авиаудару, когда мне выпадет шанс его нанести. Тем более, чтобы иметь право тестировать других пилотов, я должен был стать специалистом высшей пробы. Я считал своим долгом добиться того, чтобы пилоты 17-й отвечали стандартам ВВС, даже если наша повседневная работа и отличается от службы большинства других летчиков.

Через некоторое время после выстрела Друпи со стороны Турции в Ирак пришел шамаль — северо-западный ветер. Мощные порывы воздуха подхватывали маленькие частички пыли и превращали их в огромную, удушающую пыльную бурю, накрывшую собой большую часть Месопотамской низменности.

На земле все замерло. Вертолетам и транспортным самолетам запретили подниматься в воздух, и только «Хищники» продолжали летать. Наша прицельная гондола с ИК-камерой смотрела сквозь пылевую завесу, словно ее и не существовало. Картинка не поражала воображения, однако была достаточно четкой, чтобы летать.

Я нарезал круги над предполагаемым конспиративным домом в городе Эр-Рамади. Населенный пункт располагается в центральном Ираке на берегу реки Евфрат, приблизительно в сотне километров к западу от Багдада. Эр-Рамади — административный центр и крупнейший город провинции Аль-Анбар. Дом стоял невдалеке от главной городской дороги, по которой регулярно проезжали американские патрули, что делало его идеальным местом для организации атак.

Кто бы ни жил в этом доме, за последние часы он не обнаружил себя ни единым движением. Мы предполагали, что его обитатели пережидают пыльную бурю. За то время, пока мы следили за целью, по дороге проехал лишь один то ли легковой, то ли грузовой автомобиль. Иракцы ненавидят пыльные бури почти так же, как и мы. Гонимая шамалем пыль проникает даже в пакеты с замком Зип-лок и электронику. С каждым мучительным вздохом пыль попадает в легкие, рот и скрипит на зубах. Я проводил проверку систем беспилотника, когда по дороге проехал какой-то грузовичок. Уровень масла в двигателе «Хищника» оказался чуть понижен, но все равно был в пределах нормы. Я делал записи в электронной сводной таблице и взглянул на машину лишь вскользь.

— Сэр, — обратилась ко мне Сара, мой оператор средств обнаружения, — это «техничка»?

«Техничкой» мы называли небольшое транспортное средство, обычно пикап, приспособленный для установки на него огневых средств вроде пулемета. Такие боевые машины мобильны, быстры и очень опасны.

Я обучался с Сарой в 11-й эскадрилье. Это вместе с ней мы ловко перехитрили «F-16». Было приятно видеть рядом знакомое лицо.

Я вскинул голову и всмотрелся в картинку на HUD-дисплее. Поздно. Грузовичок уже исчез из поля обзора. Сара отдалила изображение, чтобы дом продолжал оставаться в кадре и в то же время можно было поискать машину.

— Держи дом под наблюдением, — сказал я.

Мне хотелось найти грузовик, но нашей целью все-таки был дом. Спустя мгновение раздался звонок телефона секретной линии связи. Я поднял трубку.

— Рулетка слушает.

— Проверьте чат.

Звонил руководитель полетов из оперативного пункта. Я пробежался по сообщениям в чат-канале нашей миссии. В глаза бросилось сообщение Управления воздушного движения авиации морской пехоты.

ЦНАП [Центр непосредственной авиационной поддержки] > *Рулетка, у нас ССП, смена цели, установить обзор КМС* [как можно скорее].

Я положил трубку, а Сара вбила в систему присланные координаты цели и стала поворачивать гондолу, чтобы «закрепить глаз» на нужной точке. Вращение видеоизображения на неподвижном HUD-дисплее дезориентировало. Я отвел взгляд в сторону, сосредоточив его на предметах в кабине, пока картинка не стабилизировалась.

— Переключаюсь на цветную камеру, — произнесла Сара.

Обычно мы пользовались ИК-режимом, но она хотела проверить, может ли нам что-нибудь дать видимая часть спектра. Спустя несколько секунд изображение на мониторе сменилось сплошной рыжей мглой. На земле было невозможно различить очертания какого-либо объекта.

— Возвращаюсь в ИК-режим, — сказала Сара.

Сквозь «метель» на экране проступили мост и несколько машин, но и только. Песок имел однородную температуру и блокировал тепловые метки армейских «Хамви». Даже когда мы подлетели ближе, изображение осталось на грани различимости.

Ведущий броневик, по всей видимости, получил неисправность. Скорее всего, кто-то из мятежников, проезжая мимо, заметил заглохшую машину, вызвал других боевиков, после чего они атаковали колонну «Хамви» из засады. К несчастью для мятежников, в этой колонне волею случая оказался ПАН. В чате высветилось сообщение с указанием радиочастоты.

Я связался с ПАНом по радио, отрекомендовавшись согласно процедурам, которым старался следовать. Сказать по секрету, в этот момент я нервничал — и был из-за этого смущен.

— Мститель Четыре-Один, говорит Рулетка Три-Три. Готов заступить на пост, — произнес я.

— Поступаете в мое распоряжение, — закричал ПАН в микрофон. На заднем плане слышалось громкое стрекотание выстрелов.

Я одним залпом выпалил параметры нашего беспилотника и другую сопутствующую информацию, стараясь, чтобы все было профессионально.

— Вас понял, Рулетка, — мгновенно отозвался ПАН. — По нам из-за реки ведется ружейно-пулеметный огонь. Не могу дать направление. Головная машина неисправна и в настоящий момент не может вести колонну. О дружественных войсках за рекой информации нет. Наблюдаем что-то к югу от моста, возможно, оружейный огонь. Осмотрите территорию и доложите о результатах. Как слышите?

— Мститель, слышу вас хорошо, — радировал я.

Я поглядел на Сару:

— Дай обзор правее.

Сара скользнула камерой вниз по реке, перед головной машиной; и мост, и солдаты исчезли из кадра.

— Задержись там, — сказал я.

Пока Сара сканировала дорогу, тянувшуюся параллельно реке, сквозь песчаную мглу я различил очертания домов в форме коробок. На дороге стоял грузовичок, небольшой пикап с двойной кабиной, типа «Форд Рейнджер». Скорее всего, белого цвета. В Ираке большинство машин белые, за исключением такси, имеющих ярко-оранжевые крылья.

— Вижу какие-то тени, — сказала Сара. — Возможно, «пассажиры».

Спустя мгновения рядом с одной из теней мы заметили очередь частых ярких вспышек. Раскаленные пороховые газы выглядели на сером фоне как черные штрихи. Это был огонь из стрелкового оружия. Мы обнаружили стрелка.

— Ух ты… — пробормотала Сара.

— Наблюдаем огонь, — радировал я.

ПАН имел при себе комплект аппаратуры «ROVER», небольшое устройство в виде ноутбука, которое может принимать видеосигналы, передаваемые с летательных аппаратов. С его помощью он мог видеть то же, что и мы.

— Вас понял, — ответил ПАН. — Я его тоже вижу. Сообщите о готовности к приему отчета 9-Line.

Я доложил о готовности.

— Рулетка, говорит Мститель Четыре-Один, работаем в режиме управления II типа, — начал ПАН.

Режим управления II типа означал, что ПАН мог видеть либо меня, либо цель, но не то и другое одновременно. Скорее всего, он использовал наш видеосигнал для идентификации цели. Я сделал пометку на белой доске рядом со мной — так проще, чем возиться на коленях с бумажным бланком расчета данных.

— Первая, вторая, третья — Н/Д.

Первые три строки служили для обозначения конкретных параметров, касающихся цели, таких как дистанция до нее и курс атаки. В режиме управления типов II и III мы эти строки не использовали.

В четвертой строке указывалась высота цели над уровнем моря.

— Шесть пять ноль метров.

Пятая строка содержала описание цели.

— Открыто расположенная живая сила.

На некоторое время ПАН отключился.

— Ожидайте приема координат, я должен сменить батарею в целеуказателе.

Мы подождали, наблюдая за противником, пока ПАН заменит аккумуляторную батарею в своем лазерном дальномере. Я гадал, насколько точным окажется его лазер при работе в условиях пыльной бури, и сделал мысленную пометку перед атакой проверить собственный лазер.

Снова выйдя на связь, ПАН продолжил передачу целеуказаний 9-Line, упаковав последние строки в одно радиосообщение.

— ЛЦУ, дружественные войска в сотне метров к югу, особые указания и ограничения отсутствуют.

Мы с Сарой приступили к предпусковым проверкам. Сара ввела в компьютер наведения принятые координаты; картинка на HUD-дисплее сползла немного в сторону. Мост и вражеская машина частично перекрывали друг друга, к тому же изображение было слишком зернистым, чтобы на нем можно было что-то рассмотреть с этой позиции.

— Ты готова, Сара?

— Да, — ответила она.

Камера продолжала неотрывно смотреть в одну и ту же точку.

— Так, цель у тебя есть. Дай мне знать, если я начну удаляться слишком сильно, — сказал я.

Я держал «Хищника» поблизости, потому что чем дальше мы летели от цели, тем хуже была видимость. Сбить нас мятежники не могли, да и вряд ли они вообще нас слышали за канонадой своих «АК-47». Я хотел, чтобы цель постоянно находилась в поле нашего обзора. Если мы потеряем боевиков в песчаной буре, придется снова запрашивать целеуказания и повторно проходить через процедуру получения целеуказаний 9-Line.

Я сделал разворот в сторону удаления от цели, чтобы выйти на позицию для атаки. К тому времени, как я сделал разворот в сторону приближения, картинка на мониторе ухудшилась настолько, что мост и машины стали едва различимы.

— Сара, ты держишь цель?

— Да, сэр.

В голосе Сары слышалось напряжение. Ее взгляд был прикован к экрану, а лоб прорезали морщины сосредоточенности.

Я же сфокусировал внимание на параметрах пуска ракеты «Хеллфайр». Угол между курсом на цель и курсом беспилотника не должен превышать четырех градусов. Добиться соблюдения этого условия оказалось весьма непросто, так как нос то и дело норовил отклониться от заданного направления под

воздействием изменчивых ветровых потоков.

Запуск ракеты с легковесного беспилотника, подбрасываемого воздушными течениями, — чертовски сложная задача. Ракета «Хеллфайр» разработана для использования с вертолетов. Вертолеты не стреляют ими в движении. Перед атакой они прячутся за холмами или деревьями, в самый последний момент выныривая из-за них на короткое время, достаточное лишь для того, чтобы зависнуть в воздухе и из статичного положения произвести выстрел. Однако беспилотник находится в движении постоянно. В воздухе он удерживается за счет набегающего воздушного потока, обтекающего крылья.

Чтобы удерживать нос беспилотника строго по курсу, приходилось активно работать педалями руля. Высоту полета я установил на уровне 3 километров. Поддерживать ее за меня теперь должен был автопилот. Все свое внимание я переключил на дистанцию. Я должен был выпустить ракету, находясь в пределах километрового «окна». Как только я войду в зону пуска, в моем распоряжении будет около 30 секунд на выстрел, прежде чем я окажусь слишком близко от цели.

Сделаешь пуск слишком рано — ракета не достигнет цели. Выстрелишь слишком близко — взведенная ракета не увидит под собой цель. Если промажешь, шальная ракета может угодить в какой-нибудь дом.

Точность — вот ключевой параметр.

Я поглядел на экран системы слежения, на котором подход к цели отображался с помощью синей шкалы в форме лесенки, ведущей к маленькому красному перекрестью в центре прицельного кольца. На экране прямо по курсу беспилотника горел небольшой зеленый квадрат. Он обозначал расчетную зону действия нашего вооружения, проще говоря, самое оптимальное место для производства выстрела.

— Рулетка заходит с юго-запада, — сообщил я.

— Рулетка, говорит Мститель Четыре-Один, атаку разрешаю.

Я получил разрешение на запуск ракеты. Это сообщение также было командой всем остальным соблюдать радиомолчание.

— Вас понял, разрешили, — подтвердил я информацию.

Я поглядел на Сару. Та по-прежнему сосредоточенно всматривалась в картинку. Я слегка нажал на педаль руля, чтобы подправить курс. Индикатор на HUD-дисплее показывал, что беспилотник сориентирован под нужным углом. Я выбрал левую ракету.

— К пуску левой ракеты готов.

Переместил палец на гашетку.

— На счет три, два, один…

И тут Сара вдруг резко подалась вперед, напряженно вглядываясь в экран.

— ОТМЕНА, ОТМЕНА, ОТМЕНА! — закричала она.

Мой палец тут же соскочил с гашетки. Я был натренирован мгновенно реагировать на команду отмены. Любой член экипажа имел право ее дать. В 11-й эскадрилье мы отрабатывали ее при каждом учебном вылете.

— В чем дело? — спросил я, забегав глазами по HUD-дисплею. И тут же понял, что произошло.

Теневое пятно, на которое мы наводились, оказалось командным «Хамви». Когда ПАН менял батарею в лазерном дальномере, прибор обнулил показания и вместо координат пикапа мятежников выдал собственные. Мы едва не накрыли огнем своих.

ПАН спросил, чем вызвана отмена. Я не хотел объяснять причину. Но на кону стояли жизни людей, и он был немедленно отстранен от управления огнем, а на связь вышел другой ПАН из Центра тактических операций, который внес поправки в координаты и заново продиктовал нам целеуказания 9-Line.

На этот раз, сделав разворот, я четко различил перед собой небольшой пикап. Сара увеличила изображение так, что грузовичок заполнил собой почти весь экран. Мы оба хотели быть уверенными, что теперь-то уж точно целимся куда надо.

Я проверил показания дальномера. Пыльная буря порой так искажает лазерный луч, что прибор выдает ложное значение дальности. Из-за ошибки замера ракета при запуске может отклониться от цели настолько, что просто не увидит лазерную метку.

Показания оказались верными.

— На счет три, два, один…

Я нажал на гашетку. На HUD-дисплее вырос белый огненный шар. Скобки, обрамляющие захваченный объект, моргнули раз, другой, третий и, когда дымовой шлейф рассеялся, вновь сомкнулись на пикапе. Я отчетливо видел боевиков, стреляющих возле машины.

— Рулетка, выстрел, двадцать секунд, — написал я в чат, следя за GPS-синхронизатором.

Я пустил «Хищника» в дрейф по ветру, чтобы он пришел в устойчивое состояние. Саре требовалась стабильная платформа для наведения ракеты. Где-то далеко внизу солдаты армейского подразделения попрятались в укрытиях. Цель находилась достаточно близко, и их могло поразить осколками.

Когда мы пролетали над пикапом, перекрестье прицела дрогнуло.

— Внимание, десять секунд, — сказал я Саре.

Она глубоко втянула в себя воздух.

Я впился глазами в синхронизатор.

— Пять, четыре, три…

Я умолк. Ракета угодила прямо в центр автомобиля. Большой фрагмент двигателя, кувыркаясь, взмыл в воздух. Все остальное потонуло в дыму. Взрыв был такой силы, что от боевиков буквально ничего не осталось. Их тела бесследно исчезли в песчаной мгле.

— Лазер отключить, поставить на предохранитель, — скомандовал я.

— Отличный выстрел, Рулетка, — написал в чате ПАН. — Огонь прекратился.

Продолжение полета прошло для меня словно в тумане. Весь остаток дня я ходил героем. Еще бы, ведь я совершил выстрел, защищая американских солдат. Что может быть благороднее? Не знаю. А кроме того, я доказал себе, что обладаю навыками для решения задач по нанесению ударов с воздуха. Пуск был непростой. Мало того, что мы действовали в условиях пыльной бури, затруднявшей видимость, так еще и в самый последний момент выявили ошибку ПАНа и предотвратили почти неминуемое братоубийство.

Быстрая реакция Сары лишь подтвердила то, что я и без того знал: в беспилотном сообществе хватало талантов, чтобы оно могло стать частью ударной авиации. Выстрел Друпи был первой настоящей победой. Мой выстрел, я надеялся, ее закрепил.

Отныне мы не только наблюдатели.

Глава 6. Вспышка

Объект в Ираке, крутившийся на HUD-дисплее, внешне соответствовал изображениям на фотографиях из оперативной сводки.

Кружа сверху, я отчетливо видел на его территории несколько домов различного назначения. Один предназначался для персонала, другой для работы, а третий выполнял функцию основного жилого помещения. Постройки теснились в углу между северной и восточной стенами комплекса, остальную же часть территории занимал просторный внутренний двор. Ворота располагались с юго-восточной стороны. От посторонних глаз комплекс защищал глухой высокий забор.

Незадолго до моего заступления на дежурство сюда прибыла одна очень важная персона. Территория была погружена во тьму; очевидно, этот человек спит или, по крайней мере, находится в стадии подготовки ко сну. Снаружи не было заметно никаких тепловых пятен, следов или движения, указывающих на какую-либо активность; лишь пара собак шныряла по двору. Во всех отношениях момент для штурма был самым благоприятным.

Это происходило в 2005 году; к тому времени я уже вошел в размеренный ритм войны. 17-я эскадрилья теперь базировалась на авиабазе Неллис вместе с 15-й. Мы делили между собой общий лагерь, но задачи выполняли разные.

К 2005 году «Хищники» были интегрированы в схему оперативных действий. Армейское командование в Афганистане и Ираке осознало, как полезно иметь «всевидящее око» в небе над головой. Перед штурмом объектов боевиков «Хищники» наблюдали за ними, а как только штурм начинался, перемещались к следующей цели. Штурмовым отрядам требовалась самая свежая разведывательная информация непосредственно перед тем, как начать атаку, и находящийся на позиции «Хищник» мог им ее предоставить.

Видеосигналы «Хищников» принимали на большинстве военных баз на обоих театрах военных действий. За операциями, которые мы считали скучными, в войсках наблюдали с нескрываемым интересом. Мы называли эти передачи «хищным порно». Должен признать, что временами они меня тоже затягивали. При их просмотре у меня неизменно возникало чувство, что сейчас вот-вот должно что-то произойти, да и большинство других людей смотрели видео, надеясь увидеть на экране заветную вспышку ракеты «Хеллфайр».

Наблюдая из кабины за комплексом, я мысленно проигрывал

план операции. Три вертолета UH-60 «Black Hawk» («Черный ястреб») высадят десантников на территорию укрытия и за ее пределами. Размеры внутреннего двора позволяли зависнуть над ним только одному вертолету. Два других сядут с внешней стороны забора, после чего рейнджеры взломают главные ворота, проникнут внутрь и приступят к зачистке домов. Три десантных группы — три дома.

Я просмотрел сводку от координатора разведки на одном из вспомогательных мониторов. Мы с Джеком, моим оператором средств обнаружения, пристально следили за объектом, ожидая прибытия штурмовых групп.

В нашей эскадрилье Джек был одним из самых опытных военнослужащих сержантского состава. Я его не очень хорошо знал, так как до этой ночи мы вместе не летали. В отличие от многих других заданий, в этом полете мы постоянно были заняты, поэтому времени познакомиться поближе не хватало. Мы оба сосредоточенно вглядывались в мониторы, высматривая малейшие признаки движения. Мы со всей серьезностью относились к своей роли «небесного ока» рейнджеров. Как и в случае с воздушными ударами, операции такого рода всегда казались нам значимыми, потому что давали моментальный результат. Если рейнджерам удавалось захватить цель, мы воспринимали это и как нашу заслугу.

Я отметился в ЦТО. При проведении этой операции ПАН не присутствовал на боевой позиции. Единственным способом поддержки связи между нами был защищенный чат-канал. ПАН имел позывной Бригам Два-Один, а в чате значился как БР_21.

РУЛЕТКА_21 > БР_21, на позиции.

БРИГАМ_21 > вп, отслеживайте любую активность.

РУЛЕТКА_21 > вп.

Я вздохнул. Переговоры в чатах мы старались делать максимально эффективными. «Вп» означало «вас понял». Сообщения в чат-канале шли сплошным потоком, как в фильме «Матрица»; приходилось внимательно следить за его содержимым, чтобы не упустить какую-нибудь важную информацию, прежде чем она уйдет вниз. Стучать по клавишам во время пилотирования не слишком удобно. Риск совершить какую-нибудь оплошность, управляя беспилотником во время набора текста с клавиатуры, примерно такой же, как если бы я писал СМС за рулем автомобиля.

Мои глаза непрерывно бегали между HUD-дисплеем, экраном системы слежения и чат-каналом. А потом я увидел долгожданное сообщение.

БРИГАМ_21 > Ударник 44 в воздухе, РВП 30 мин.

Операция началась. Ударные вертолеты «Черный ястреб» находились от нас в тридцати минутах лета.

РУЛЕТКА_21 > вп.

Мое внимание снова переключилось на объект. Что бы мы сейчас ни зафиксировали — движение, беглецы, новые боевики, — все будет представлять ценную информацию для направляющегося к нам спецназа.

Спустя полчаса под нами пролетели три «Черных ястреба». Две машины зависли в воздухе неподалеку от ограды и начали снижаться, поднимая вокруг себя густые клубы пыли. Изначально предполагалось, что один вертолет зависнет прямо над двором и из него по веревкам спустятся бойцы спецназа, однако от этого варианта почему-то отказались. Почему, не знаю.

Вместо этого третий вертолет просто кружил в воздухе для подстраховки.

Две другие винтокрылые машины сели у западной и южной стен. Расстояние от ограды до лопастей винтов составляло не более шести метров. Из-под вращающихся роторов вынырнули плотные группы рейнджеров и устремились к точкам проникновения. Одна группа бросилась к главным воротам, другая — к небольшому боковому входу. Едва бойцы двинулись к объекту, как вертолеты тут же взмыли в небо и скрылись из виду, оставаясь при этом неподалеку.

— Следи за дверями, — сказал я.

Джек переместил перекрестье на середину двора. Так мы могли держать в поле зрения двери всех трех построек, а заодно видеть приближающихся к воротам рейнджеров.

На территории объекта по-прежнему не было заметно никакого движения.

— Проникновение, — произнес Джек.

Я сфокусировал внимание на воротах.

Джек чуть увеличил изображение. Солдаты закрепили на замке подрывные заряды. Через секунду-другую на экранах полыхнули небольшие вспышки — взрывчатка сработала. Рейнджеры хлынули во двор. Каждый из них выполнял строго определенную задачу — солдаты знали свои цели и быстро двигались к заранее определенным позициям. Я восхитился слаженностью их действий.

От основной группы бойцов отделилась другая, поменьше, и направилась к одному из домов, чтобы его обыскать.

Я внутренне сжался. Несколькими месяцами ранее я был свидетелем аналогичной облавы, осуществляемой силами регулярных войск, в ходе которой штурмовали предполагаемый склад с оружием. Тогда цепочка бойцов выстроилась снаружи

здания, а затем гуськом проникла внутрь. Спустя мгновение прогремел мощнейший взрыв, который сровнял постройку с землей и унес жизни наших солдат. Тогда я ничего не мог предпринять для спасения людей и сейчас тоже был лишен возможности что-либо сделать. Оставалось лишь молча молиться о безопасности рейнджеров.

Каждая из трех групп на секунду замерла возле трех домов, затем вихрем влетела внутрь. На мгновение у меня перехватило дыхание, однако ничего не произошло. Ни перестрелок, ни взрывов. В чате ЦТО тоже царила тишина. Пока продолжалась операция, Джек все время держал объект под прицелом. Мы кружили на автопилоте, благодаря чему я мог все внимание сосредоточить на картинке. Джек хоть и опытный оператор средств обнаружения, но вторая пара глаз никогда не помешает.

Джек заметил их первым: две фигуры — мужчины, судя по одежде, — выбрались из дома с северной стороны объекта. Они выползли из окна в задней части дома и запрыгнули на забор в восточной стороне.

Как правило, загнанные в угол мятежники принимают бой, тогда как их лидеры спасаются бегством. Эти двое дали деру, значит, кто-то из них мог быть нашей целью, бросившей своих охранников на гибель. Жалкий, малодушный поступок.

— Трусы, — произнес Джек, смещая перекрестье прицела к двум субъектам, перелезающим через ограду.

— Следи за ними, — сказал я.

Джек навел крест нитей прицельной гондолы на мужчин, спрыгнувших на землю с обратной стороны забора. На фоне окружающей растительности, имеющей более низкую температуру, фигуры людей резко выделялись насыщенным черным цветом.

Мне вдруг пришла в голову идея.

— Старайся удерживать двор в поле зрения.

Джек уменьшил масштаб изображения. Более широкий угол обзора позволял нам, с одной стороны, видеть всю территорию объекта, а с другой — держать под наблюдением убегающие черные силуэты. Мы взяли на себя инициативу проследить за «драпунами», хотя нашей задачей было наблюдение за объектом. В обычной ситуации мы остались бы на позиции до тех пор, пока спецназ не завершит штурм, соберет все материалы, представляющие разведывательную ценность, вроде бумаг, карт и компьютеров, и в итоге ретируется. Но эта парочка вела себя слишком подозрительно, чтобы оставлять ее без внимания.

К востоку от объекта простиралось открытое поле. Было видно, как ночной бриз колышет какие-то посевы, однако что это

за сельскохозяйственные культуры и какой высоты, определить мы не могли. Поначалу пара разделилась, затем, на расстоянии порядка нескольких сотен метров от объекта, их пути снова сошлись. Они продолжали бежать вместе примерно с километр.

Я полез в чат.

РУЛЕТКА_21 > БР_21, у нас два драпуна к востоку от объекта.

БРИГАМ_21 > вп.

Интересно, он наблюдал за нашей видеотрансляцией? Обычно офицеры по руководству сбором разведданных и ПАНы бесятся, когда кто-то в одностороннем порядке уводит прицел от цели.

РУЛЕТКА_21 > Сорвали джекпот?

БРИГАМ_21 > нет, не застали дома.

С точки зрения командования, облава оказалась провалом. И вот тогда-то я подумал, что, возможно, мы держим под прицелом интересующего их человека.

РУЛЕТКА_21 > вп, беглец под прицелом, сбежал из основной постройки.

БРИГАМ_21 > дайте место.

ПАН запрашивал местоположение беглецов. Я переслал координаты и стал ждать. Наконец Бригам снова вышел на связь.

БРИГАМ_21 > Продолжайте наблюдение за целью. Направляем СБР на перехват.

В нескольких километрах дальше по дороге рейнджеры установили блокирующую позицию. Они должны действовать как силы быстрого реагирования — СБР — и отлавливать потенциальных «драпунов», улизнувших с территории комплекса. ЦТО дал им наводку, и бойцы, забравшись в «Хамви», выдвинулись по направлению к объекту. ЦТО обратился к нам за помощью в определении местонахождения беглецов.

Я вспомнил, как один пилот — Тревис — использовал инфракрасный указатель цели на «Хищнике» для подсветки группы мятежников, чтобы сухопутное армейское подразделение могло установить их местоположение.

Тревис парил над Багдадом, осматривая транспортные пути. Он как раз обследовал дорогу на предмет мин, когда одна из наших колонн попала в засаду мятежников. Армейские патрульные доложили об огне, который, как им показалось, вели из окон многоквартирного дома в отдалении. Между солдатами и боевиками пролегало открытое пространство, перекрытое искусственной земляной насыпью.

Обзорно-прицельный блок «Хищника» позволил засечь по другую сторону насыпи три ярких объекта. Тревис увидел, как один из них поднялся и бросил в направлении солдат какой-то

предмет. Спустя мгновение на головы солдат полетели песок и пыль, поднятые в воздух небольшим взрывом.

Тревис сообщил солдатам, что цель захвачена, но солдаты по-прежнему не видели мятежников. Тогда оператор средств обнаружения Тревиса активировал инфракрасный лазер и направил его, словно указку, туда, где прятались боевики. Правда, «Хищник» занимал такое положение относительно места нападения, что наши солдаты тоже оказывались на пути ИК-луча. Командир сухопутного подразделения был убежден, что беспилотник подсвечивает в качестве цели их самих, поэтому Тревис дал колонне указание переместиться на сотню метров вперед. Все, кто останется позади, станут мишенью.

Солдаты продвинулись вперед, а на земляном валу осталось три крошечных силуэта черного цвета, швыряющих гранаты и выпускающих очереди из «АК-47» в направлении солдат. Через несколько минут Тревис ликвидировал угрозу ракетой «Хеллфайр».

Такой прием мы называли «вспышкой». Для невооруженного глаза луч незаметен, однако в очках ночного видения выглядит словно перст Божий, указующий с небес на грешника.

РУЛЕТКА_21 > БР_21, дайте место СБР.

Мы не видели СБР на HUD-дисплеях и не хотели слишком уменьшать масштаб изображения, опасаясь потерять цели в засветках от земли.

БРИГАМ_21 > Они рядом, через очки цели не видны.

Очки ночного видения не позволяли увидеть беглецов. Между тем они замерли на месте. Возможно, остановились перевести дух. Мне пришло в голову, что если беглецы сидят на земле, то вполне возможно, что они скрыты стеной посевов от «Хамви».

РУЛЕТКА_21 > Мы пометим цель, ожидайте вспышки.

— Давай, Джек, — сказал я.

Беглецы отдыхали. За короткий промежуток времени они пробежали километра полтора. У них не было никакой возможности заметить лазерный луч. Джек включил ИК-указатель и направил на цель.

БРИГАМ_21 > Отличная вспышка. СБР на подходе.

Время тянулось медленно, и я уже начал волноваться, поскольку рейнджеры с блокирующей позиции до сих пор не произвели захват «драпунов». В чат-канале не было никаких новых сообщений. Я проверил показания бортовых датчиков; ИК-излучатель начал перегреваться.

Каким бы маломощным ни был наш лазер, все-таки это довольно высокоэнергетическое устройство. Температура внутри гондолы целеобнаружения медленно ползла вверх. Только

благодаря прохладному зимнему воздуху температура не достигала критической отметки.

Я передвинул клавиатуру на середину стола и начал печатать.

РУЛЕТКА_21> подтвердите нахождение цели в поле зрения СБР.

Даже без нашего ИК-излучателя приборов ночного видения у солдат было достаточно, чтобы заметить в поле двух человек.

БРИГАМ_21> подтверждаю, берут в кольцо.

Я снова поглядел на HUD-дисплей. Нас о действиях группы захвата не информировали, а мы не видели никакого движения. Две черные точки оставались неподвижными. Джек немного увеличил изображение, и я заметил движение. Сначала едва уловимое, затем более явное — рейнджеры обступали «драпунов» со всех сторон. Для средств целеобнаружения, работающих в инфракрасном режиме, солдаты были почти невидимы из-за бронежилетов, задерживающих тепловое излучение их тел. Двое беглецов, напротив, отображались на мониторе в виде насыщенных черных пятен.

— Джек, дай общий план, — попросил я.

Джек уменьшил масштаб изображения. Прямо за границей первоначальной картинки стояла дюжина ярко светящихся «Хамви».

— Отключить лазер.

Мы продолжали кружить над целью, пока военные не покинули место. Остальная часть полета какими-то особенными событиями отмечена не была, и вскоре мы уступили кабину следующему экипажу.

Покидая базу после дежурства, я заметил группу телевизионщиков, которые устанавливали съемочное оборудование возле турникета на проходной в оперативный центр. Рядом с ними стоял начальник управления по связям с общественностью.

— Что они тут делают? — спросил я коллегу, который уходил со смены вместе со мной.

— Не знаю, — ответил он, — но это явно не к добру.

Как правило, мы не распространяемся в СМИ о своей деятельности. Управление специальных расследований — служба контрразведки в структуре ВВС — предупредило нас, что «Аль-Каида» ведет поиски участников программы «Хищник».

Письма Осамы бен Ладена, попавшие в руки разведки после его ликвидации в 2011 году, показали его параноидальность в отношении того, что касалось нашей способности выслеживать агентов «Аль-Каиды» в племенных регионах Пакистана.

«Они могут определять дома, которые часто посещают наши люди, быстрее, чем когда-либо, — писал он в 2010 году Атийе Абд Аль-Рахману, главному планировщику операций «Аль-Каиды». — Кроме того, за посетителем может быть установлена слежка, незаметная для него».

Он настоятельно рекомендовал Аль-Рахману вывести лидеров «Аль-Каиды» из Вазиристана. По словам бен Ладена, лучшее место для укрытия — это окраины городов. Количество встреч следовало сократить до одной-двух в неделю, а «лидеры» должны перемещаться только в плохую погоду.

«Предостережение братьям: нельзя встречаться на дорогах и ездить в своих машинах, потому что во время встреч на дорогах многие становятся мишенью. Поездки надлежит совершать, только когда на небе плотные облака».

Несмотря на отнекивание военных и принимаемые меры секретности, враг понимал, что на спусковой крючок кто-то жмет. Он просто не мог точно определить, кто. И мне хотелось сохранить статус-кво. Моим соседям, например, было известно лишь то, что я служу в военно-воздушных силах. Даже если они и видели меня в военной форме, то не знали точно, чем конкретно я занимаюсь на службе. В Лас-Вегасе в порядке вещей встретить человека в форме ВВС, поскольку в этом районе располагаются целых две военно-воздушные базы.

В то же время я понимал пользу публичности. Хорошие отзывы в прессе создают хорошую рекламу, а каждая военная структура борется за получение как можно большей доли бюджета. Однако корреспонденты вели репортаж прямо от главного входа на наш объект. Почему бы не дать интервью в более неприметном месте? Возможно, сказывалось мое обучение в разведшколе, но я никогда не понимал, зачем выдавать информацию, пусть даже самую общую, если в том нет особой необходимости.

Давай интервью. Рассказывай о беспилотнике. Но не стой прямо перед входом в здание, в котором мы работаем. Отойди к воротам или еще куда-нибудь.

Командир 15-й эскадрильи в зеленом летном комбинезоне прошел через турникет, лучезарно улыбаясь. Включились софиты, и репортер задал какой-то вопрос. Когда командир начал говорить, мы отвернулись. Единственное, что мы могли сделать, это постараться не попасть в кадр.

Направляясь к машине, я снова вернулся мыслями к двум беглецам в Ираке. Они понятия не имели, что мы на них смотрим и что у них нет ни единого шанса ускользнуть. При этом, думал я, у них нет возможности узнать, откуда мы управляем кружащими

в небе «Хищниками». Мы пользовались анонимностью и безопасностью, которыми другие подразделения не располагали. Мы не сталкивались с противником лицом к лицу; но когда вспыхнула осветительная лампа на видеокамере съемочной группы, я не сомневался: теперь враг сообразит, где мы живем и где работаем. Одно дело сообщить, что мы базируемся на авиабазе Неллис или Крич, и совсем другое — наглядно показать, в каком именно месте базы. В этот день я впервые почувствовал, что нам может угрожать опасность.

Глава 7. Карта жизни

Мотоцикл мчался по проселочной дороге.

Визирные нити на дисплее быстро скользили по земле, не отставая от него ни на шаг. На мотоцикле ехали двое. За спиной водителя сидел один из командиров «Аль-Каиды» — наша цель. Как и почти все наши «подопечные», он носил традиционную для региона одежду и густую черную бороду.

Аналитики отдела разведки отмечали его стремительный рост в командной структуре «Аль-Каиды». На тот момент центральным направлением деятельности этого человека в террористической сети было курирование боевых операций в США и Великобритании. В этот регион он перебрался после разлада с правительством какой-то из этих стран.

По мнению аналитиков, он знал, где скрываются бен Ладен и Айман Мухаммед Рабие аз-Завахири — второй человек в «Аль-Каиде». Если Осама бен Ладен был головой змеи, то Командир был ее зубами.

Мотоцикл лавировал среди потока машин, и «цель» вцепилась в поручень на сидушке. Периодически мы передавали их координаты в ООЦ, откуда они пересылались парням на земле. Изгибы и повороты дороги делали сопровождение мотоцикла делом весьма непростым.

Уже несколько месяцев мы пытались выявить каналы связи между Командиром и Осамой бен Ладеном.

К этому времени 17-я эскадрилья прочно обосновалась на авиабазе Неллис, но теперь мы занимались слежкой за членами среднего командного звена «Аль-Каиды». С подачи некоей важной персоны в правительстве мы прекратили попытки выйти напрямую на бен Ладена и египетского врача аз-Завахири. Оба ушли в глубокое подполье, из-за чего поток информации от осведомителей оскудел. Мы по-прежнему держали глаза и уши открытыми для любых зацепок и сведений, но больше не прочесывали горы в поисках главарей «Аль-Каиды».

Эл, один из руководителей ООЦ, перенес точку приложения наших усилий на нижестоящее звено командной цепи. В течение всего следующего года мы выслеживали террористов среднего ранга, в том числе главного курьера бен Ладена Абу Ахмеда аль-Кувейти. В конечном счете именно курьер приведет сотрудников американской разведки к укрытию бен Ладена в пакистанском Абботтабаде.

Впрочем, все это произойдет только через несколько лет. А пока мы лишь знали, что агенты «Аль-Каиды» прячутся где-то в

горах на северо-востоке Афганистана. Большинство боевиков организации воевали там вместе со своими собратьями из «Талибана». В сущности, «Талибан» и «Аль-Каида» заключили вынужденный союз, продиктованный политикой американцев.

Охота на Командира началась за несколько месяцев до того, как я впервые взял его на мушку.

Как-то раз всю нашу эскадрилью собрали в комнате инструктажа, где сотрудники разведки проинформировали нас об изменении задачи. Судя по представленным картам района цели, мы уходили из региона, в котором действовали ранее. Нас перебрасывали в район Гиндукуша на поиски Командира, чтобы через него выйти на следующее звено в террористической цепочке.

На следующий день я уже сидел в пилотской кабине. В первом же полете в глаза бросились перемены в ландшафте. Вся местность словно незажившими порезами была изрезана глубокими лощинами. Тут и там на горных террасах лепились маленькие поселения. По суровой каменистой местности тянулись извилистые грунтовые дороги — единственная связь между деревнями. Сезонные ливни и снегопады зачастую отрезали отдельные районы друг от друга на недели, а то и месяцы.

Дома на дисплеях постепенно увеличивались и в какой-то момент достигли таких размеров, что стало даже как-то неуютно. Земля приближалась, словно искала встречи с нами, поэтому пришлось подняться на высоту в 7,5 километра, чтобы снизить риск быть обнаруженными — наше присутствие мог выдать звук двигателя.

Наконец маленькая розовая пиктограмма «Хищника» на экране системы слежения слилась с указателем места цели. Когда мы прибыли в заданный район и приступили к наблюдению, солнце давно село. Маленький поселок располагался высоко в горах, и встреча одного из низовых руководителей с курьером, как предполагалось, должна была состояться после заката. По опыту мы знали, что встречи обычно происходили примерно в 10 вечера и заканчивались к полуночи.

Я сравнил изображение на дисплее со спутниковой фотографией. Снимок был сделан с высоты порядка 500 километров, давая нам полный обзор. Мы же летели в стороне от деревни и видели постройки лишь с бокового ракурса.

— Тони, — произнес я в микрофон, после того как убедился, что нахожусь там, где надо. — Молния в районе цели.

— Принято, — раздался мгновенный ответ Тони, который выполнял роль офицера связи для нас сегодня.

Изображение на дисплее задергалось из стороны в сторону — Дженц, оператор средств обнаружения, начал обшаривать поселок в поисках нужного дома. Чтобы помочь ему, я отправил «Хищник» в круговой полет над районом цели. Спутниковая фотография оставляла желать лучшего. Мы оба пытались высмотреть на земле какой-нибудь примечательный объект, вроде кострища возле дома, резервуара для воды, тропы или загона для животных.

— Сэр, это не он? — спросил Дженц.

Я сравнил фотоснимок с картинкой на мониторе. Изображения домов, кажется, совпадали.

— Похоже, да, — ответил я.

В последний месяц мы с Дженцем часто летали вместе.

В эскадрилье я отвечал за соблюдение летных стандартов. Я знакомился с новыми пилотами и операторами средств обнаружения и проводил с ними вводный инструктаж. Дженц окончил учебные курсы в пятницу, а уже в субботу получил вводный инструктаж. И в воскресенье он выполнил свой первый реальный боевой вылет. Наша структура — единственная в ВВС, где на боевое задание отправляют буквально на следующий день после аттестации.

На выходных Дженц хотел отдохнуть. После пяти месяцев подготовки к войне он действительно заслужил отдых, но нам были нужны люди. В разговорах с людьми Дженц то и дело подчеркивал, что ему не грозит немедленное заступление на службу. В конце концов пришлось отвести одного старшего сержанта в сторонку и попросить растолковать Дженцу наши порядки.

Так как в тот день я был самым старшим летчиком, лететь с «проблемным ребенком» пришлось мне. У нас часто ставят нового члена экипажа в пару к опытному коллеге. Благодаря этому операторы-новички вроде Дженца могли перенять у «аксакалов» некоторые секреты мастерства. Клеймо «старика» меня не смущало, поскольку я люблю учить людей, и все же поначалу наш тандем меня раздражал.

В течение месяца совместных полетов я нагружал его заданиями по отработке сложных учебных выстрелов по движущимся целям. Первая пара выстрелов вышла шероховато, однако Дженц быстро вошел в ритм, выработав ощущение самолета в пространстве и уверенность в том, что необходимо делать, чтобы не запороть выстрел. Постепенно он достиг таких успехов, что если бы пришлось стрелять по-настоящему, я предпочел бы видеть своим напарником именно его.

Также он мог составить хорошую компанию. Долгие полеты зачастую вгоняют в скуку, поэтому все мы изыскиваем различные

способы сохранять концентрацию. Мы с Дженцем, например, играли в «виселицу» на маркерных досках, закрепленных на стенах, либо просто болтали о его детстве в Орегоне и его жене. Он недавно женился.

В кабине ранговые различия не так важны. С самого первого дня службы мы внушали операторам средств обнаружения не думать о том, что пилоты — офицеры. Мы просто две «рабочие лошадки» в одной упряжке. Мне не хотелось, чтобы оператор боялся сделать мне замечание, если я ошибусь. Такого рода взаимоотношения крайне важны, особенно когда приходит время стрелять.

Мы с Дженцем придумали классную игру, основанную на «теории шести рукопожатий», и как только устанавливали наблюдение за целью, тут же начинали играть. Дженц изо всех сил пытался загнать меня в тупик. Правила игры просты. Он называл имена двух актеров — в нашей игре один из них не обязательно должен быть Кевином Бейконом, — а я связывал их вместе шестью кинематографическими ролями.

— Арнольд Шварценеггер и Алиса Милано, — начал Дженц.

Я чуть не расхохотался.

— «Коммандо»!

Я менее чем за секунду вспомнил культовый боевик 1985 года. Шварценеггер играл отца Милано, которому пришлось спасать дочь после того, как ее похитили наемники. Динамизм фильма был важнее его сюжета.

— Что это за фильм? — спросил Дженц.

Он выглядел озадаченным. Дженц никогда не видел этот фильм и понятия не имел, что в нем заняты оба названных им актера. Дженц, родившийся на несколько лет позже выхода фильма в прокат, не знал, что Милано начала сниматься в кино еще ребенком. Он даже собирался засчитать мне фол, пока не пробил информацию о фильме в Интернете.

Дженцу ни разу не удалось поставить меня в тупик. Наконец-то я извлек пользу из всех этих ночных просмотров плохих фильмов 80-х. Игры держали нас в тонусе. Играя, можно следить за видео и радиосообщениями. Смена длится восемь часов подряд, поэтому мы брали с собой в станцию наземного управления воду и закуски, несмотря на то, что правилами это запрещено.

Однажды перед дежурством я по пути на работу заскочил в ресторан «Бостон-Маркет» и купил обед на вынос. Это было в период финальных игр НБА, и я смотрел игру на одном из мониторов, приткнув поднос с едой на столе рядом с клавиатурой. «Хищник» в это время крутился над целью на

автопилоте. Радиоэфир молчал, да и в чате установилось затишье. Я уже начал трапезу, когда в дверь СНУ просунул голову командир. Помню, как его взгляд сначала сполз на мой обед, затем поднялся к монитору, на котором транслировался баскетбольный матч. Он лишь покачал головой и закрыл дверь.

В ВВС привычное дело перекусить в кабине АВАКСа или любого другого тяжелого самолета, однако работа в СНУ регулируется нормативными актами Федерального агентства по охране труда и здоровья. Агентство посчитало, что кабина является наземным вычислительным пунктом. По их нормативам есть или пить в кабине запрещено.

При этом агентство по охране труда и здоровья не принимает во внимание, что на обычном рабочем месте человек может выйти на перерыв. Мы этого сделать не могли — необходим непрерывный контроль над летательным аппаратом. Но питание в восьмичасовом полете является насущной потребностью, как и в любой другой кабине. Бывало, и пустые бутылки наполнялись за время полета.

Проблема была в другом: я выказал непрофессионализм, которого командир от меня не ожидал.

На следующий день мы получили от него служебную записку с напоминанием о том, что есть в СНУ недопустимо. Что, впрочем, не помешало нам проносить внутрь легкие закуски и бутылки с водой и газировкой. Хотя с тех пор я не заезжал перед дежурством в «Бостон-Маркет» за едой на вынос.

Впрочем, при выполнении этого задания у нас с Дженцем не было времени на еду и игры. В некоторых положениях горы и отроги заслоняли цель. Я управлял беспилотником в ручном режиме, — чтобы удерживать объект в поле обзора, требовалось выполнять сложные маневры. Временами приходилось подбираться близко к цели, чтобы иметь возможность посмотреть прямо вниз и увидеть дорогу. Это невозможно сделать с включенным автопилотом, который ограничивает угол крена с целью предотвращения сваливания.

Ветер тоже доставлял массу неудобств.

Дело происходило в межсезонье, а на этой высоте в горах скорость воздушных потоков достигает 180 километров в час, если не больше. Чуть зазеваешься, и беспилотник снесет на несколько километров в сторону от цели. Чтобы минимизировать воздействие ветра на самолет, постоянно приходилось сохранять крутой угол крена.

Мы заняли позицию к северу от дома, откуда могли присматривать за извилистой дорогой, ведущей в деревню. Необходимо было держать в поле зрения подступ к поселку,

чтобы не пропустить прибытие курьера. Дом неуклюже громоздился на самом краю террасы. Ту часть, которая нависала над краем уступа, подпирали толстые деревянные балки. Повреждение даже одной балки могло привести к катастрофе. Я живо представил себе, как дом медленно переваливается через край, обрушивается на расположенные внизу дома и вызывает эффект домино, который приводит к уничтожению всей деревни.

Тони, офицер связи в ту смену, вывел меня из причудливых видений.

— Оставайся на этой позиции, — попросил он. — Аналитики просят понаблюдать за активностью.

— Вас понял, — ответил я.

Неприятнее всего ждать. Я посмотрел на часы — 22.00. Встреча уже скоро, плюс-минус полчаса — в этих краях все живут по своему собственному времени. Мы кружили над проселочной дорогой, внешне напоминавшей изогнутую ватную палочку. Пилотирование не представляло сложностей, хотя для того, чтобы следить за переменчивыми ветрами, требовалась немалая концентрация внимания. К счастью, дом не двигался, в противном случае держать его под наблюдением было бы просто невозможно.

Двор окутала тьма. Единственным ярким пятном на инфракрасном изображении было кострище, но оно уже давно остыло и слилось с фоном. Некоторое время по территории двора бегала собака; вскоре и она ретировалась под крышу теплого дома, поскольку температура окружающего воздуха стремительно падала.

Я взглянул на часы. Уже полночь, а курьера все нет. Террористы меняют тактику с досадной регулярностью, однако время встреч не меняют никогда. После полуночи встречи не происходят. Сегодня связной уже не приедет.

Курьер появился спустя пару дней, когда над домом дежурил сменный экипаж. Он проследил путь курьера до другого явочного дома, расположенного в той же долине. Мы следовали по пятам курьера в течение двух недель, выявляя запутанную сеть его контактов и потенциальные цели. В какой-то из дней один из наших экипажей увидел, что курьер разговаривает с неким человеком на мотоцикле.

Из других источников мы знали, что на мотоцикле перемещался Командир. По некоторым данным, мотоцикл был единственным в провинции, и на нем наглый террорист, убежденный в своей неуязвимости, и совершал поездки. Командир полагал, что «Хищники» действуют далеко на юге, гоняясь за призраками, в то время как основные американские

вооруженные силы далеко на западе ведут борьбу с талибами.

Он чувствовал себя в безопасности.

С тех пор нашим объектом наблюдения стал мотоцикл. Пока идентифицировать Командира мы не могли. Возможности оптоэлектронной системы не позволяли рассмотреть его лицо. Чтобы получить четкое изображение лица, требуется подобраться к объекту очень близко, однако по соображениям секретности мы не стали этого делать. Пока мы наблюдали, офицеры разведки по своим каналам тоже пытались подтвердить, что человек, разъезжающий на пассажирском сиденье мотоцикла, именно Командир. Подтверждение этому пришло через нескольких дней.

Далее последовали шестьдесят кошмарных суток, в течение которых мы неотступно следовали за ним по окрестностям. Мы контролировали каждый его шаг, наблюдая за тем, как по утрам, сразу же после восхода солнца, он начинает свои вояжи. Командир посещал одни и те же дома, задерживаясь в них лишь на несколько минут, чтобы передать сообщение. Мы кружили вокруг, готовые в любой момент нанести удар в случае поступления соответствующего распоряжения. В кабину я вернулся только спустя несколько недель после полета над Гиндукушем и сразу повел «Хищника» к дому Командира. Так продолжалось почти месяц, и каждый раз, заступая на дежурство, я наперед знал, что мне предстоит увидеть. Примерно в семь утра появлялся водитель на мотоцикле. Командир к этому времени уже не спал. Он поднимался пунктуально, с рассветом, и, пока ждал водителя, завтракал. Он был пунктуальным — каждый день вставал в одно и то же время.

Перекрестье на наших дисплеях было неотрывно приковано к двум седокам на мотоцикле, которые по тряской проселочной грунтовке выбирались на асфальтовую дорогу, готовясь совершить свой дневной вояж. Первую остановку они делали на автозаправке. Это была типичная провинциальная заправочная станция, как в Америке — только без навеса над бензоколонками. Обозначалась она круглым знаком в оранжево-белых тонах. Как и прочие пакистанские постройки, заправка была огорожена металлическим забором с двумя воротами, открытыми в рабочее время.

Остановка на автозаправке занимала пять минут. Пока Командир слезал с мотоцикла, шел в офисное помещение и покидал его спустя пять минут, мы успевали совершить над ним один круг. Бензин он никогда не покупал.

Следующим пунктом маршрута, как я уже знал, значился расположенный неподалеку дом одного из террористов. Я повернул «Хищника» и полетел в восточном направлении, в

долину. Чтобы не выпускать Командира из поля зрения, я держался от него на довольно близком расстоянии; впрочем, мы и так знали, куда он потом направится. Дом был скромным, с воротами и маленьким двором. Как и на заправочной станции, Командир слезал с мотоцикла и сразу же шел в дом, оставляя водителя дожидаться снаружи.

Я посмотрел на часы. Ожидание должно было занять тридцать минут. Мы кружили наверху. Спустя полчаса Командир снова седлал мотоцикл и ехал к месту последней за день остановки у небольшой хижины возле проселочной дороги. Прибыв на место, Командир оставался сидеть на мотоцикле с блокнотом в руках. Я по опыту знал, что с мотоцикла слезать он не будет. К нему подходил информатор и забирал пакет с бумагами или деньгами.

После встречи информатор еще какое-то время стоял у обочины дороги и смотрел вслед уносящемуся мотоциклу. Эти мотовояжи, повторявшиеся изо дня в день, всегда осуществлялись в первой половине дня. У себя дома Командир ни с кем не встречался. Все поручения он распространял через связников и информаторов.

Пока я следовал за Командиром, второй беспилотник наблюдал за его домом. По утрам — каждый день в одно и то же время — жена Командира отправлялась на рынок. Те из детей, кто был уже достаточно взрослым, чтобы посещать школу, шли по дороге в медресе. Спустя пару часов жена возвращалась домой с продуктами для ужина. Потом стирала белье и к середине дня вывешивала его сушиться, после чего разжигала огонь и готовила на кухне обед.

Примерно через тридцать дней слежки мы, посмотрев на часы, могли точно сказать, где в данное время находится Командир. Одного взгляда на кадры видеотрансляции в оперативном пункте было для нас достаточно, чтобы, не сверяясь с координатами, определить его местоположение. Нам уже не требовались пояснительные схемы и карты, чтобы понять, куда он направляется.

Нам был известен каждый его шаг.

После 45 дней наблюдения за объектом мы с точностью до минуты знали, в какое время он окажется в том или ином пункте своего дневного маршрута. Если, например, мы теряли Командира из виду из-за плохих погодных условий, то даже не пытались определить его местонахождение. Мы просто высчитывали, какое время он отсутствовал на мониторах, после чего нацеливали камеру в новую точку, где действительно обнаруживали мотоцикл. Если же из-за погоды взлет БПЛА

откладывался на несколько часов, что иногда случалось, мы могли направить беспилотник в определенное место, зная наперед, что Командир появится там в пределах нескольких минут после нашего прибытия.

Он чихнуть не мог без того, чтобы мы об этом не узнали. В общей сложности мы наблюдали одну и ту же картину на протяжении 60 дней. Правда, операция сказывалась на нервной системе не лучшим образом. Никакого разнообразия, никаких новых целей и никаких отклонений в заведенном распорядке дня. Впервые мысль о полете стала повергать меня в ужас. Я превращался в зомби, чувствовал себя так, будто изо дня в день клепаю одни и те же детали на бесконечном заводском конвейере. Еще до того, как меня обволакивал холод СНУ, я наверняка знал, что увижу и что буду делать — следить за мотоциклом либо кружить над домом Командира, наблюдая за тем, как его жена хлопочет по хозяйству.

Предполетные инструктажи в течение всех этих шестидесяти дней тоже были один в один, что делало службу еще более нудной. Представьте, что вам изо дня в день в одно и то же время приходится прослушивать одну и ту же песню, и вы меня поймете. Дошло до того, что я мог наизусть рассказать все задания на инструктаже. Мы сидели в креслах вокруг стола для совещаний, а парни из разведки прокручивали нам в PowerPoint слайды и карты предполагаемого, однако всегда неизменного маршрута Командира. В конце первого месяца какой-то шутник из отдела разведки даже вставил в слайд анимированное изображение мотоциклиста с головой Командира, проносящегося по карте. Я невольно рассмеялся, когда впервые увидел это. Отличная была разрядка во время монотонного инструктажа.

А потом в один прекрасный день все изменилось.

Утренний инструктаж отличался от предыдущих. В этот раз обошлось без набивших оскомину схем, которые готовил отдел разведки. Вместо них нам представили новую концепцию операции (КОНОП). Отныне мы прекращали слежку за целью. Сегодня ООЦ намеревался захватить Командира.

По телу пробежала дрожь возбуждения. Наконец-то нас ждали конкретные действия! Я с волнением ловил каждое слово сотрудников разведки, разъяснявших нам план. Сухопутная группа захвата должна была перехватить Командира во время его традиционной поездки, устроив засаду на окраине деревни. Деревню я знал «на отлично». Так как я летал над ней неделями, она просто отпечаталась в моей памяти.

— Белка, — сказал майор из отдела разведки, — ты главный.

Мне надлежало наблюдать за объектом во время его

передвижения, чтобы удостовериться, что он едет в нужное место. Если по каким-то причинам объект изменит свой маршрут, я должен проследить за ним до нового конечного пункта назначения.

Странное чувство охватило меня при мысли, что этот полет, как мы надеялись, станет завершающим этапом операции против Командира. Когда наблюдаешь за какими-нибудь людьми на протяжении месяцев, невольно начинаешь относиться к ним как к близким знакомым. Мы так много времени провели рядом с семьей Командира, что я знал, как выглядят его дети и какими дорогами они добираются до школы. Знал, как его жена стирает белье и где она покупает продукты на обед. В глубине души я понимал, что Командир — террорист, разрабатывающий планы убийства американских граждан. Однако и он сам, и его семья невольно воспринимались мной как самые обычные люди. Это не Доктор Зло, вынашивающий коварные планы в мощной крепости в горах. Однако его работой было убийство американцев. На подсознательном уровне я хотел отплатить ему той же монетой. Этот человек нес ответственность за организацию террористических атак. Он был единственной причиной нашего присутствия в Центральной Азии.

Через несколько часов, приняв управление «Хищником», я уже летел высоко над Командиром, в то время как его мотоцикл шнырял в автомобильном потоке. Объект, как всегда, был пунктуален и двигался привычным маршрутом.

— Молния Восемь-Один вышел на цель, — доложил я в ООЦ.

— Принято, — отозвался Тони.

Закладывая плавные виражи, дабы не опережать мотоцикл, движущийся медленнее нас, я втайне желал, чтобы Командир изменил свой график и поехал другим путем. Согласно представленным на инструктаже данным, внятного запасного плана действий у группы захвата не было. Я был уверен, что если Командир от них улизнет, ООЦ даст мне зеленый свет на нанесение воздушного удара.

Мы приближались к очередному повороту, и я надеялся, что он поедет прямо.

— Поворот вправо, — произнес в микрофон оператор средств обнаружения и передал координаты.

Я сверил данные с показаниями на HUD-дисплее. Цель двигалась привычным курсом.

— Это Молния, цель на «желтом» пути.

На оперативной карте желтым цветом был отмечен предполагаемый путь. Командир был одет в традиционные для этого региона мешковатую рубаху и штаны, а также шерстяной

афганский паколь, прикрывавший черные волосы. Фалды его рубахи развевались по ветру, в то время как мотоцикл несся по проселочной дороге. Командир направлялся прямиком в ловушку. Про себя я проклинал его самонадеянность и предсказуемость. Я реально хотел пустить в него ракету.

Когда мотоцикл преодолел последний поворот, я увидел на HUD-дисплее импровизированный «блокпост». Его разместили в глухом месте, вдали от пунктов остановок цели и деревень, чтобы Командира никто не хватился, пока не станет слишком поздно. Неподалеку находилась еще одна группа, замаскированная под местных, идущих по обочине дороги. После того как цель миновала эту группу, ее бойцы перегородили дорогу барьером.

Дорога была не более двух полос в ширину, с разбитым асфальтом и без каких-либо дорожных знаков. Периодически в обоих направлениях по ней проезжали машины, а также люди на велосипедах и гужевые повозки по обочинам. Поэтому Командир не обратил внимания на заградительную группу позади себя.

— Молния на связи, цель миновала первую отметку.

До того, как группа захвата захлопнет ловушку, оставались считаные минуты. Я сосредоточил внимание на HUD-дисплее, стараясь следить за тем, чтобы оператор держал перекрестье строго на цели. Если Командир и испытывал какие-то подозрения, то ничем их не выдавал. Прямо впереди него я видел группу захвата, толпившуюся возле кладбища. Бойцы в бурках, скрывавших их с ног до головы, со стороны выглядели как группа женщин, пришедших на семейный кладбищенский участок.

Когда объект поравнялся с кладбищем, группа захвата, вытащив пистолеты и автоматы, бросилась наперерез мотоциклу и окружила его. Надеясь скрыться, водитель Командира резко развернулся и понесся в обратном направлении. В это время Командир на заднем сиденье, по всей видимости, старался уничтожить блокнот. На дисплее мы увидели, как группа поддержки с первой блокирующей позиции рванула к мотоциклу. С высоты более шести километров картина выглядела как рандаун в бейсболе.

Командир спрыгнул с мотоцикла и бросился в пшеничное поле. Обе группы пустились вслед за ним. Было видно, что часть бойцов сбросила с себя маскировку.

— Следуй за целью, — приказал я оператору.

Я передал в ООЦ направление движения Командира. Визирные нити проследовали за ним в поле и наконец настигли его, в то время как он продолжал бежать. Преодолев поле, Командир влетел в одноэтажный глинобитный дом.

— Цель в доме, — сообщил я в ООЦ.

В ответ я надеялся услышать разрешение нанести по дому удар. На этот случай я привел ракеты «Хеллфайр» почти в полную боевую готовность.

— Следите за домом, — отозвался Тони.

— Принято.

Тем временем на земле группы спецназа окружили дом. Один из бойцов подполз к входной двери и бросил внутрь гранату со слезоточивым газом. Из двери и окон повалили белые клубы газа. Через секунду-другую Командир, пошатываясь, вышел наружу и сдался. Мы оставались на позиции еще несколько минут, после чего отбыли.

В тот вечер сообщение о поимке Командира появилось в новостях. Когда по пути домой я впервые услышал это, то не смог сдержать улыбки. На следующее утро я снова шел на работу с радостным чувством. В рабочих коридорах все оживленно обсуждали успешную операцию. Это была еще одна маленькая победа «Хищника».

Приятно было сознавать, что два месяца работы принесли свои плоды и мы помогли нейтрализовать опасного террориста. Хорошо, что Командир остался в живых, как бы сильно мне ни хотелось его уничтожить, ведь, согласно отчетам на допросах, он вывернулся наизнанку.

По окончании операции отдел разведки устроил «разбор полетов». Присутствовали все, кто дежурил в тот день. Я сидел рядом с Монго. Собрание шло как и предполагалось. Разведка представила подробный анализ действий пилотов и операторов БПЛА, вспомогательных наземных подразделений, рассказала о том, как проходил захват, и наконец огласила окончательные результаты операции.

По словам разведчиков, на допросе Командир рассказал, что видел и слышал нас во время слежки за ним. Как выяснилось, по утрам, выходя во двор для моциона, он осматривал небо на предмет «хвоста». Каждый день на западе наши крылья серебрились в лучах утреннего солнца, и яркие световые блики информировали Командира о нашем присутствии. Сами того не подозревая, мы откровенно тешили его самолюбие, поскольку он был убежден в собственной недосягаемости.

Это открытие стало для меня ударом. Полностью уверенные в своей незаметности, мы выложили перед врагом все свои карты! Пока мы играли в игры, Командир наблюдал за нами, наслаждаясь оказываемым ему вниманием. Его распирало от самоуверенности, подпитываемой нашими просчетами.

В конце собрания я уже перестал понимать, кто за кем следил. Враг, оказывается, тоже пристально смотрел на нас.

— Вряд ли мы могли что-то сделать, — сказал я Монго.

Тот согласился:

— Наблюдать за ним с противоположной стороны дома все равно было невозможно.

Всех пилотов на летных курсах учат, что когда в полете солнце находится за спиной, засечь тебя в небе трудно. По утрам мы старались занимать наблюдательную позицию к востоку от целей, чтобы держаться против солнца. Однако это не влияло на нашу звуковую сигнатуру. Чтобы ее уменьшить, мы прибегали к некоторым другим уловкам. К сожалению, в случае с Командиром ограниченное воздушное пространство вынуждало нас кружить западнее цели. Поэтому беспилотник легко было заметить, даже если Командир нас и не слышал.

— Думаю, в следующем тренировочном полете нам будет над чем поработать, — заметил я.

Каждый пилот взял этот просчет на заметку, поскольку Командир был только началом. Мы поклялись, что кто бы ни пришел Командиру на смену, ему придется изрядно потрудиться, чтобы нас засечь.

Глава 8. Выстрел

Карта прогноза погоды над афгано-пакистанской границей напоминала картинку из теста Роршаха. Зима устроила прощальную снежную бурю перед тем, как наконец уступить место весне.

Было мое субботнее дежурство, и я знал, что последующие восемь часов придется бороться с воздушными вихрями, а на дисплее будут сплошные серые тучи. Именно такая перспектива мне рисовалась, когда я вышел из административного здания на авиабазе Неллис под теплые лучи солнца. Шагая рядом с Дженцем, я мечтал о том, чтобы в районе цели стояла такая же погода. Я дважды стукнул в дверь СНУ и услышал в ответ два стука. Войдя, я немного помедлил, давая глазам адаптироваться к сумраку помещения.

В кресле пилота сидел Монго.

— Белка! — радостно воскликнул он.

— Привет, Монго, — ответил я. — Новости есть?

Монго отрицательно покачал головой. Стоило мне бросить взгляд на серо-белую картинку дисплея, как все стало ясно. Разглядеть сельский ландшафт было невозможно.

— Нет, — сказал он. — Я за весь день еще ни разу не видел землю, да и цель затаилась. В чате тоже глухо.

У меня оборвалось сердце. Похоже, нас ожидал очередной скучный день. После завершения предыдущей операции фокус нашего внимания переместился на Координатора, известного организатора терактов и изготовителя взрывных устройств. После поимки Командира Координатор занял его место. Последние шесть недель мы занимались изучением распорядка его жизни. Мы кружили неподалеку от того места, где, согласно донесениям разведки, он был замечен последний раз, и ждали, когда он себя проявит.

Координатор неуклонно расширял свою оперативную деятельность, и руководство ООЦ опасалось, что вскоре он заляжет на дно.

Следить за Координатором оказалось сложнее, чем за Командиром.

Его дом располагался в непосредственной близости от изрезанной афганской границы — четыре часа лету от нашего пункта базирования. Мы не могли вести круглосуточное наблюдение, поскольку имели только две станции наземного управления, а для обеспечения «неусыпного пригляда» за объектом требуются три летательных аппарата. Для достижения

этой цели пришлось бы отправлять один самолет на базу в автоматическом режиме, что не нравилось пилотам, — крушение неуправляемого беспилотника неминуемо повлекло бы и крушение карьеры.

К счастью, в ООЦ за главного в тот день был «Генерал» Джон. Он утвердил компромиссную схему полетов. Выглядело это так: эскадрилья использовала две свои кабины для полетов к цели и над ней, а отдежуривший самолет отпускала лететь на базу на автопилоте. Таким образом, один беспилотник с помощью первой СНУ управлялся непосредственно над целью. Другая станция наземного управления обеспечивала контроль над вторым БПЛА, пока тот добирался до цели. Экипажи обрывали связь с третьим, отдежурившим «Хищником», и он в автоматическом режиме возвращался на базу в Кандагаре, где его подхватывала взлетно-посадочная команда.

После того как ООЦ и командование 17-й эскадрильи утвердили эту схему, самолеты стали летать к району цели непрерывным потоком.

В своих перемещениях Координатор не придерживался определенной системы, однако его встречи проходили по одному и тому же сценарию. Каждую встречу он неизменно завершал телефонным звонком жене, во время которого имел привычку прогуливаться под открытым небом. После звонка он пропадал на всю ночь. Мы наблюдали за домом до наступления следующего утра, когда он снова появлялся, чтобы отправиться на очередные встречи.

Успех предыдущей миссии был хорошей мотивацией, однако по прошествии тридцати дней слежки энтузиазма у нас немного поубавилось. Мы опять, словно в «Дне сурка», отслеживали его перемещения каждый день. Утомительное однообразие одних и тех же действий стало отуплять, и так продолжалось до той памятной субботы, когда я заступил на дежурство.

— Ладно, передавай управление, — сказал я, хлопнув Монго по плечу.

Мы поменялись местами, после чего я провел проверку состояния бортовых систем, занявшую пять минут. Монго и его оператор направились к выходу, собираясь покинуть СНУ. Как раз когда Монго нажал на кнопку разблокировки двери, я невзначай бросил взгляд на окно чат-канала.

Там красным горело сообщение: *«Ракеты к бою»*.

— Ах ты, сукин сын!

Монго и Дженц недоуменно оглянулись на меня.

— Что? — хором спросили они.

— Предпусковая проверка «AGM-114». Быстро, —

скомандовал я. — Монго, ты — контролер безопасности.

Монго отправил своего оператора в оперативный пункт, а сам подкатил к нам кресло и уселся в него. В 17-й эскадрилье контролеры безопасности следили за тем, чтобы все выстрелы производились в соответствии с правилами применения оружия. Никогда не помешает иметь лишнюю пару глаз, чтобы иметь гарантию, что мы все делаем верно.

В венах бурлил адреналин, пока мы выполняли карту контрольных проверок. Попутно я поглядывал на дисплей, чтобы быть уверенным, что не столкнусь с другим «Хищником» в этом районе. Пиктограмма ракет вспыхнула зеленым. Теперь мне требовались лишь разрешение на выстрел и визуальный контроль цели.

— Эй, Винт, — произнес я в микрофон.

— Слушаю, — ответил он.

Винт — профессиональный пилот вертолета сил специальных операций, недавно переведенный в программу «Хищник», — служил в ООЦ офицером связи.

— Что происходит?

— Цель активизировалась, — пояснил Винт. — Похоже, он отдает приказы об атаках. Сейчас я к тебе вернусь.

Я снова посмотрел на монитор. Непроницаемое одеяло туч под летательным аппаратом простиралось до самого горизонта. Я не видел ни клочка земли.

— Хорошо, приятель. Надеюсь, ты в курсе, что сейчас у нас нулевая видимость?

— Ага, мы как раз над этим работаем.

Адреналиновая горячка угасла, и на смену пришло спокойствие, порожденное смирением и чувством собственного бессилия. «Поспешать и ждать» — вот одна из заповедей службы в любой военной организации. После получения команды привести ракеты в полную боеготовность мы битых три часа дожидались дальнейших распоряжений. Монго молча сидел позади нас, в то время как мы с Дженцем пытались противостоять тучам, дождю и ледяной крупе. Приходилось прилагать неимоверные усилия, чтобы просто удерживать нашу птичку в воздухе.

Плотный, слоистый облачный покров означал обледенение. Несмотря на то что земля уже оттаяла, на высоте царил мороз. Мы по-прежнему не видели землю, и я не знал, сколько еще смогу продержаться в воздухе, прежде чем угроза обледенения вынудит нас вернуться на базу. На «Хищнике» не предусмотрено никакой противообледенительной системы.

Я продолжал дергать Винта в надежде получить от него хоть какую-нибудь свежую информацию. Хотелось заранее продумать

последовательность действий на случай, если поступит приказ об атаке. Надо было найти лазейку среди туч, и я полагал, что разумнее начать ее поиски до того, как я окажусь в стрессовой ситуации подготовки к выстрелу.

Но у Винта не было для меня новостей.

— Да, мы работаем над этим, — повторял он снова и снова.

Осматривая облака, Дженц вдруг заметил просвет. Подлетев к нему, мы без каких-либо препятствий смогли увидеть землю. Перекрестье нитей тут же выхватило человека, который брел по полю и, судя по всему, увлеченно разговаривал по телефону. Я метнул взгляд на расположенный над дисплеем экран системы слежения, чтобы убедиться, что координаты совпадают.

Это должен был быть Координатор. Дженц попытался увеличить картинку, однако просвет быстро затянулся тучами и визуальный контакт был потерян. Погода явно не способствовала удару с воздуха.

— Эй, Белка, — вызвал меня Винт. — У нас времени в обрез.

— Ничего не могу поделать с тучами, — сказал я. — Что там с подтверждениями?

Даже если бы у меня был свободный обзор для совершения выстрела, мы все равно пока не имели права атаковать цель.

— Работаем над этим, — затянул Винт знакомый мотив.

Ну, еще бы, саркастически подумал я.

— С ППО порядок, ждем окончательной отмашки, — сообщил Винт через минуту. — Спускайся под облака.

Я оторопел. Подтверждение соответствия правилам применения оружия (ППО) означало, что теперь оставалось дождаться окончательного разрешения высшего руководства страны. Прямо сейчас, думал я, офицеры штаба звонят в Белый дом, чтобы получить добро на атаку.

— Непогода мешает, — произнес я, высматривая среди туч новую брешь.

— Готово, — сказал Винт. — Разрешение получено. Ты должен немедленно снизиться, пока он не смылся.

— Принято.

Я толкнул ручку от себя и нырнул в гряду облаков. Это противоречило всему, чему меня учили на курсах, но в ООЦ опасались, что Координатор может залечь на дно. После шести недель пассивного наблюдения за ним я был не прочь немного ускорить события.

Самолет почти сразу покрылся тонким слоем льда. Задержка спутникового сигнала и без того затрудняла управление аппаратом, теперь же он стал отзываться на команды еще более неохотно. Оставалось надеяться, что воздух под облаками

достаточно теплый, чтобы растопить ледяную корку. Пока я сосредоточенно всматривался в дисплей, никто не произнес ни слова. Я перебегал глазами с одного прибора на другой, следя за курсом и высотой. Нервы были как натянутая струна, от напряжения я стиснул зубы, ожидая, что облачный покров наконец рассеется. Я понятия не имел, чего ожидать у нижней кромки облаков.

Но вот «Хищник» наконец вынырнул из облачной гряды, и передо мной на дисплее выросла гора. Ее склоны устремлялись ввысь и тонули где-то в облачной дымке. На склонах отчетливо просматривался редкий кустарник. Растительность оказалась гораздо ближе к нам, чем мне бы хотелось.

Стены ущелья, казалось, сдвигались, словно створки листа венериной мухоловки.

— Дай общий план, — попросил я Дженца, надеясь получить общий обзор окружающей местности.

Я взглянул на экран системы слежения и заметил по правую сторону от себя небольшое открытое пространство. Я немедленно повел «Хищник» туда, чтобы иметь оперативный простор, параллельно прикидывая, как добраться до поля. Дженц повернул камеру, и мы вместе принялись искать подступы к цели. Пока мы сканировали местность, я постоянно сверялся с картой на экране системы слежения.

— Вон там, — сказал я. — Устье того ущелья.

Расположенное поблизости ущелье выводило по дуге прямо к полю. Это был наш единственный шанс; правда, стоит мне оказаться в ущелье — и обратной дороги уже не будет. Места для разворота было недостаточно, а подняться в облачную гряду я не мог из-за риска потерять аппарат из-за обледенения. Если мы двинемся в ущелье, при выходе из него придется пролететь прямо над целью, и если до этого момента мы не выпустим ракету, террорист улизнет. Не хотелось, чтобы шесть недель работы пошли псу под хвост.

— Белка, подойди ближе к цели.

— Винт, я не могу, — ответил я. — Рельеф препятствует. Как только сунусь в ущелье, мне некуда будет деваться.

— Слушай, мы тут все начинаем немного нервничать. — Винт имел в виду присутствующих в командном пункте ООЦ. — Ты у границы воздушного пространства.

Он был прав. Выбирая наиболее тонкий слой облачного покрова для снижения, я довольно сильно отклонился на восток.

— Сделаю, что могу, но мне требуется разрешение, чтобы подойти ближе.

— Подойди ближе, — настаивал Винт.

Судя по его настойчивости, уровень напряжения в ООЦ был высоким.

Я стал разворачивать самолет к ущелью; сквозь клочья облаков, проносившихся на экране, под нами просматривался кустарник. Едва я закончил разворот, как дверь отворилась, и в станцию вошел Алан, опытный оператор средств обнаружения, и встал позади нас с Дженцем. Командир эскадрильи вел список стрелков, которым доверял, и новички в нем не значились. Дженц пока был слишком «зелен» для такого ответственного выстрела.

Появление Алана застало меня врасплох. Я стрельнул глазами на Дженца, давая тому понять, чтобы оставался на месте. Стью, выполнявший в тот день функцию руководителя полетов, не предупреждал меня о замене. Этот паренек, Алан, по-моему, был родом откуда-то со Среднего Запада. Они с братом поступили на службу в ВВС вскоре после 11 сентября, и теперь оба были операторами средств обнаружения. Алан присоединился к 17-й эскадрилье сразу после окончания обучения, когда у нас все только начиналось.

Я негодовал. Смену экипажа должны были согласовать со мной задолго до того, как мы свернули к ущелью. В такую погоду и без того нелегко летать, а замена члена экипажа непосредственно перед выстрелом еще сильнее увеличивает вероятность промаха.

— Пилот вызывает РП, — обратился я к руководителю полетов эскадрильи.

— На связи, — произнес Стью тихим монотонным голосом.

— Сэр, — спросил я, — почему отзывают Дженца?

— Потому что я хочу видеть в кресле Алана.

— Сэр, — пытался я его образумить, — Дженц уже подготовил ракеты к пуску. У нас все на мази. По-моему, менять оператора прямо перед заходом на атаку — не очень хорошая идея.

— Пусти Алана в кресло, — приказал Стью.

Разговор был окончен. За командиром эскадрильи всегда последнее слово. Дженц выдернул штекер своего радиопереговорного устройства и выбрался из кресла. Никогда не забуду выражение злости, обиды и растерянности, которое читалось в тот момент на его лице.

Я отвернулся и вновь сосредоточился на выполнении операции. Увел «Хищника» в сторону от входа в ущелье и подождал, пока Алан устроится на месте. О том, чтобы соваться в ущелье до того, как с оператором будет проведен инструктаж, не могло быть и речи.

Алан, щуплый русоволосый парень с тонкими чертами лица,

выглядел так, словно еще учился в средней школе, а не служил в ВВС. Он стремился совершенствовать свои навыки, и мы часто обсуждали с ним вопросы тактики. В свободное время Алан был молчалив и никогда не привлекал к себе внимания. Однако у нас в эскадрилье он пользовался уважением как один из наиболее компетентных операторов.

Алан следил за ходом нашей операции в оперативном пункте, поэтому ему потребовался инструктаж лишь относительно цели и еще минута на то, чтобы настроить органы управления. Наконец Алан поднял большой палец вверх, и я направил «Хищника» в ущелье. Мы находились примерно в одиннадцати километрах от Координатора, когда Винт снова вышел на связь по интеркому.

— Белка, атака разрешена, — сказал он. — Прошу подтвердить.

Я не мог ответить из опасения отвлечься и не вписаться в ущелье. Монго подскочил к радиопереговорному устройству:

— Подтверждаю, Винт, атака разрешена.

Координатор все еще говорил по телефону. Звонок имел принципиальное значение: как только Координатор закончит разговор, он сядет в фургон и скроется в деревне. Наносить удар необходимо прямо сейчас.

Монго похлопал меня по плечу:

— Так, Белка, карта контрольных проверок на тебе.

— Понял.

Внезапно я ощутил прилив спокойствия. Напряжение, вызванное ожиданием разрешения на атаку, прошло. Теперь все внимание я должен был сосредоточить на поражении цели ракетой «Хеллфайр». Алан, новый оператор средств обнаружения, сориентировал камеру таким образом, чтобы она была нацелена прямо туда, где находился террорист.

Я накренил самолет влево и вошел в ущелье. Так как по причине подготовки к выстрелу камера гондолы смотрела в сторону, я не мог видеть происходящее перед летательным аппаратом и оценивать погодные условия. Было понятно только, что облака висят низко. На дисплее то и дело проносились белые хлопья.

Полет в ущелье… Большинство пилотов думают, что это круто, пока не попробуют, каково это на самом деле. История авиации знает немало случаев гибели летчиков, которые пролетали слишком близко от скальных стен. С самого первого дня службы пилотов предостерегают: залетать в ущелье опасно, поскольку неизвестно, что находится в другом его конце. Но это ущелье, говорил я себе, в сущности, просто лощина. Только так мне удавалось преодолевать ощущение клаустрофобии,

усиливавшееся по мере того, как мы проникали в ущелье.

Я сосредоточил внимание на экране системы слежения и неуклонно сужающихся линиях равных высот на карте. Стены ущелья становились все круче и подступали все ближе. Мой взгляд непрерывно перебегал с HUD-дисплея на экран системы слежения и обратно. Совсем близко промелькнула жесткая щетина кустарника, и моим первым порывом было набрать высоту. Но я не мог сделать этого из-за облачности. И вот как раз, когда мне уже казалось, что стены вот-вот сомкнутся, они вдруг расступились, и мы вылетели на равнину. Мы тут же увидели ожидающий Координатора фургон. Когда мы вылетели из ущелья, Координатор по-прежнему говорил по телефону, однако за фургоном его не было видно.

Я повернул влево, держась склона горы.

— Что ты делаешь? — спросил Винт.

— Хочу зайти с противоположной стороны, чтобы видеть цель, — пояснил я.

— У нас на это нет времени.

Он был прав. Кажется, Координатор производил с телефоном какие-то манипуляции. Я повернул обратно и полетел к фургону. Координатор вышел из-за машины. Весь мир для меня сузился до размеров дисплея, когда я всматривался в изображенного на нем человека. Координатор брел медленным, расслабленным шагом, не подозревая о моем приближении. Картинка на экране сделалась более резкой, и теперь можно было рассмотреть даже складки на его одежде.

— Алан, ты готов? — спросил я.

— Да, сэр.

До вхождения в пусковое окно оставались считаные мгновения.

— Одна минута, активировать лазер.

Алан нажал пару кнопок, и включился бортовой лазер. Я глянул на дисплей. На нем ярко-красным горела надпись «Лазер включен». Удовлетворенный, я опять сосредоточился на цели. Судя по поведению Координатора, как ни странно, он не слышал звук приближающегося «Хищника». По моему разумению, гул пропеллера должен был эхом разноситься по всей долине. Видимо, террорист был абсолютно уверен, что в ненастную погоду он в безопасности, и на происходящее вокруг не обращал внимания.

— Тридцать секунд, — отстраненно произнес я.

Когда позднее я прослушал пленки с записью радиопереговоров, то поразился, насколько безжизненно звучал мой голос.

Винт снова вышел в радиоэфир.

— Белка, надо поторопиться. Он уже сматывается.

— Винт, помолчи! — бросил я в ответ.

Теперь цель отображалась на мониторе крупным планом. Когда мы почти достигли границы окна запуска ракеты, террорист скрылся за фургоном с пассажирской стороны. Я выбрал обе ракеты, чтобы обеспечить максимальную зону осколочного поражения.

— Двадцать секунд.

Я проверил показания приборов. Курс был верным, и мы все еще находились в зоне действия наших боевых средств. Я нажал на кнопку «Готовность к запуску» и удержал ее. На дисплее вспыхнула надпись «Готовность к запуску обеих ракет».

На экране то и дело мелькали облака. Я молил Бога, чтобы высота нижней границы облачности не опускалась. Больше я не мог снижаться. К счастью, когда мы начали заход на цель, «Хищник» выбрался на ясный участок неба.

— Десять секунд.

Алан напрягся в кресле. Цель находилась настолько близко, что даже самая незначительная корректировка положения гондолы приводила к резкому смещению картинки. Алан неотрывно держал под прицелом агента «Аль-Каиды», который начал обходить фургон.

— Три, два, один…

Я нажал на гашетку. Дисплей озарили две ослепительно-белые вспышки — ракеты сошли с подвесок и устремились в направлении цели.

— Выстрел, — произнес я, сообщая, что ракеты выпущены.

Пиктограммы ракет на дисплее погасли. Тут же на экране я увидел дымовой след первой ракеты, которая пронзила облака, следуя за лазерной меткой Алана. Я продолжал считать:

— Пять, четыре…

Координатор резко вскинул голову. Он все еще прижимал телефон к правому уху, когда услышал двойной звуковой удар, которым сопровождался выпуск ракет. На дисплее это выглядело так, будто он смотрит прямо на нас. На мгновение его взгляд застыл на беспилотнике… А потом он бросился бежать.

— Следуй за «драпуном», — сказал я.

Алан потянул за ручку управления, и визирные нити пришли в движение. Координатор бросился к близлежащему оврагу. Это был его единственный шанс на спасение. Перекрестье прицела рывком последовало за беглецом с небольшим отставанием. Объект успел сделать всего три шага, прежде чем первая ракета, летевшая по спирали к двигающемуся по земле лазерному пятну,

попала в поле зрения камеры.

Через мгновение после того, как я увидел выхлопную струю, ракета детонировала с ослепительно-яркой вспышкой, и экран залило белым. Примерно секунду спустя экран озарила вторая вспышка, почти неразличимая на фоне первой. Изображение на дисплее нормализовалось только через несколько секунд, когда жар от взрывов ослабел.

— Лазер отключить, поставить на предохранитель, — приказал я Алану.

Алан выполнил команду. Я тоже перевел переключатели на пульте управления вооружением в безопасное положение.

— Отлично, парни, — сказал Винт. — Теперь давайте сделаем ОСБП.

Винт хотел, чтобы мы провели оценку степени боевых повреждений, призванную подтвердить, что Координатор убит.

Алан уже осматривал последствия ударов. В воздухе еще висели клочья дыма. От фургона остались только обгоревшее шасси и блок двигателя. Вокруг кратера, образовавшегося от ударов, валялись металлические обломки — похожие на деления компаса. Я стал осматривать район взрыва, выискивая тело.

— Уменьши картинку, — приказал я. — Ищем цель.

Алан увеличил поле обзора. Примерно в двухстах метрах от разорванного фургона виднелось что-то темное.

— Это что? — Я ткнул пальцем в свой монитор.

Алан перегнулся через подлокотник кресла, чтобы посмотреть, куда указывает мой палец.

— Тело? — предположил он.

Крест нитей переполз в указанное мной место.

— Парни, нам надо найти цель, — сказал Винт.

— Думаю, мы его уже нашли, — ответил я. — Он прямо под прицелом.

— Уверены?

— Да, — ответил я. — Это единственный объект поблизости, имеющий температуру человеческого тела.

Невидящие глаза Координатора смотрели вверх, когда мы пролетали над ним. Его тело обгорело до неузнаваемости. Водитель — местный полевой командир — был изуродован настолько, что региональным властям пришлось опознавать его с помощью ДНК-анализа.

— Винт, — сказал я. — Мы поднимаемся.

Хотелось снова оказаться в чистом небе, подальше от земли.

— Приказано возвращаться, парни, — сообщил Винт. — Мы должны освободить воздушное пространство.

— Принято.

Мы набрали высоту и взяли курс на базу. Погода по-прежнему была ненастной, поэтому мы постоянно крутили камерой по сторонам, чтобы убедиться, что не угодим в какой-нибудь формирующийся поблизости шторм. При каждом повороте мы задерживали камеру на опустевших ракетных подвесках.

В некотором смысле мы были счастливы, что накрыли цель. Нам выпал шанс, который мало кому выпадает, и я смог выполнить свое обещание внести вклад в войну.

Когда посадочная команда взяла «Хищник» на управление, мы с Аланом уступили место следующему экипажу. Прежде чем отправиться домой, я заехал в офис, чтобы составить отчет о результатах выполнения миссии. Бумажная волокита после совершения выстрела обычно занимала часа два. Пока я работал, ко мне то и дело заглядывали сослуживцы, чтобы поговорить об операции. Из-за этого и без того трудный день становился еще более утомительным.

В дни, когда мы стреляли, по инструкции руководитель полетов должен был вызвать капеллана. Он приходил, чтобы в случае необходимости оказать летчикам психологическую помощь. Я повстречал его в оперативном пункте, уже на выходе. У меня не было потребности в беседе с ним — мне и раньше доводилось видеть смерть, поэтому я просто указал ему на Алана. На всякий случай.

Когда я выехал на шоссе и отправился в обратный путь, к сверкающему огнями Лас-Вегасу, уже стемнело. Ежедневное перевоплощение из боевого летчика в обычного гражданина начиналось, как только я выезжал за ворота базы и выруливал на 215-ю федеральную автостраду.

Каждый день одно и то же. Просыпаешься, делаешь обычные утренние дела и отправляешься в долгую, сорокапятиминутную поездку на работу. В дороге психическое состояние перестраивается, превращая меня в человека, способного убить другого без колебаний и жалости. По пути домой такая перестройка дается труднее. Надо выводить себя из состояния войны. В дни, когда ничего не происходит, это делать легче.

Дни, отмеченные кровью, самые трудные. Как часто мне приходилось видеть подрыв колонн на самодельных взрывных устройствах (СВУ)! Однажды я был вынужден беспомощно наблюдать за тем, как талибы казнили заподозренных в шпионаже, потому что правила применения оружия не позволяли нам их защитить.

Но даже это не приносило облегчения, когда ты видел лицо врага, смотрящего прямо на тебя в высоком разрешении. Другим

пилотам не приходится видеть цель так, как ее видим мы. Большинство летчиков-истребителей за командировку стреляют всего пару раз, если вообще стреляют. Если же они убивают кого-то, им легче восстановить душевное равновесие, поскольку после этого они еще недели, а то и месяцы продолжают находиться в зоне боевых действий.

К тому же летчики редко видят всю картину боестолкновения. Они просто получают приказ и сбрасывают бомбы. Ближе всего к сражению они оказываются лишь тогда, когда заходят на цель с бреющего полета и краем глаза через фонарь выхватывают вспышку от разрыва. Риск, близость к смерти и насилию будоражат их кровь, но, в отличие от картинки высокого разрешения, формируемой телеметрической системой БПЛА, изображения на экранах прицельных комплексов истребителей крошечные и расплывчатые, поэтому летчики не могут в полной мере оценить результаты своих действий. Наши оптоэлектронные комплексы не только показывают нам все в деталях, но и задерживают взгляд на месте кровавой расправы, оставляя в сознании глубокий отпечаток. Переживаемое нами радикально отличается от того, что переживают летчики-истребители.

Я уже почти добрался до дома, и тут на меня что-то нашло. Когда я стоял на светофоре, меня вдруг захватила мысль о том, что я отнял жизнь. Убивать мне было не впервой, однако этот случай особенно запал в душу из-за близости к жертве. В других ситуациях я стрелял, обороняя войска, попавшие под огонь противника. Тогда все понятно: ты разишь безымянных боевиков, наводящих автоматы на моих братьев по оружию.

В этот раз все было иначе.

Я стрелял в ситуации, к которой никак не подходило определение «или я его, или он меня». Координатор не представлял для меня никакой угрозы. Я же обладал безграничной властью над ним. Тем более в тот момент он не стрелял по американским солдатам, а разговаривал по телефону с женой. Я знал его имя. Более месяца я отслеживал каждый его шаг.

Одно из наиболее распространенных заблуждений, связанных с беспилотной авиацией, заключается в том, что летательный аппарат как бы дистанцирует нас от процесса убийства, поскольку мы находимся за тысячи километров от своих жертв. Увы, все наоборот. Мы к ним слишком близко. Мы знаем о них слишком много, и когда приходит время стрелять, увеличиваем изображение цели настолько, что она занимает собой всю поверхность экрана. Поскольку мы не сражаемся с противниками

лицом к лицу и нашим жизням ничего не угрожает, мы не можем сказать себе: либо они нас, либо мы их. Нет никаких «они нас»; тем более против нас у них нет ни единого шанса. Мы хладнокровно их убивали, но после смены пилоты и операторы эмоционально переживали увиденное.

От тяжести содеянного меня захлестнули эмоции. Разум и тело изо всех сил старались с ними справиться. Я только что забрал у двух людей то, что не смогу вернуть уже никогда, как бы ни пытался. Я оборвал их существование, вырвал два Божьих создания из Его мира.

Можно ли совершить более тяжкий грех?

Я поглядел вокруг, на машины, стоящие на светофоре. Окружающие люди понятия не имели, что я сделал. Они возились с телефонами, слушали радио и нетерпеливо ждали, когда красный свет сменится зеленым. Их мысли в первую очередь занимала дорога, я же раз за разом мысленно возвращался к цели.

Я не мог дышать. Не мог соображать.

Что я наделал?

И никто не догадывался, что буквально в нескольких шагах от них сидит убийца, руки которого обагрены свежей кровью.

Лишь звуки автомобильных двигателей, взревевших, когда включился разрешающий сигнал светофора, вернули меня к реальности. Поток машин двинулся вперед. Я понимал, что надо поскорее преодолеть это шоковое состояние, и, вернувшись домой, позвонил своему приятелю из эскадрильи. Он пригласил меня в гости, и я поехал в его квартиру. Не хотелось сидеть дома в одиночестве.

К моему приезду он уже приготовил выпивку. Мы ликвидировали важную цель, расстроив планы террористов. Для 17-й эскадрильи и «хищного» сообщества в целом это было важным событием. Мы стремительно укрепляли свою репутацию как одного из наиболее эффективных средств борьбы с терроризмом.

Однако перед глазами у меня по-прежнему стоял образ Координатора за миг до его гибели. Наверняка аналогичные переживания испытывали и другие пилоты, просто мы не обсуждали друг с другом такие вещи.

Наслаждаясь сигарой и только что приготовленным мартини, я вышел на балкон, где присел. Из-за огней Лас-Вегаса было невозможно увидеть хоть одну звезду. Какое-то время мы с приятелем болтали об операции. Я рассказал ему недавнюю историю, и на душе стало легче. Когда мы во второй раз наполнили стаканы, я предложил тост за человека, которого

убил.

Я поднял стакан.

И мы оба выпили за смерть врага.

Задание было выполнено, однако у меня оставалось еще одно дело.

Глава 9. Всегда рядом

Территория оперативного центра «Н» казалась безлюдной, когда я прошел через охранный турникет на главном входе, готовясь заступить на ночное дежурство.

Я работал в час вампиров. В это время чокнутые отправляются в «Уолмарт», а на Лас-Вегас Стрип начинается самое веселье. Я покидал дом приблизительно в 10 вечера и к полуночи уже сидел в пилотском кресле. В 8 часов утра меня сменял новый экипаж.

Я прошел мимо модульных построек из автомобильных трейлеров, которые служили нам офисными помещениями, и направился к зданию оперативного центра. Трейлеры всегда вызывали у меня улыбку. Мы располагались рядом со зданием, откуда ВВС осуществляли руководство масштабными учениями, ежегодно проводимыми в рамках международной тренировочной программы «Красный флаг», а через дорогу от нас раскинулся лагерь эскадрилий условного противника, на учениях выступающего против истребительных эскадрилий США. Это были красивые новые здания.

У нас же были автотрейлеры и не было финансирования на улучшения. Все эскадрильи базировались в таких трейлерах. На авиабазе Неллис это уже стало притчей во языцех. «Хищники» всегда были словно нелюбимое дитя ВВС, невзирая на повышенное внимание со стороны СМИ, которые делали из нас едва ли не звезд с обложек глянцевых журналов.

Единственной «нормальной» кирпичной постройкой в лагере «Хищников» было здание оперативного центра. 15-я и 17-я эскадрильи делили его между собой. Две эскадрильи и их независимые оперативные центры разделял один лишь коридор. Я прошел через стальную дверь оперативного центра 15-й эскадрильи. Табличка у двери гласила: «Добро пожаловать в РО ЦЕНТКОМа». Мы размещались в 13 тысячах километров от Ближнего Востока. Тем не менее руководство эскадрильи хотело, чтобы экипажи помнили: внутри здания они находятся в зоне ответственности Центрального командования США.

Быстрее всего попасть в расположение моей эскадрильи — 17-й — можно было, срезав путь через оперативный пункт 15-й. Правда, служащие 15-й эскадрильи имели на нас зуб, потому что в наш оперативный центр им входить запрещалось, а мы использовали их оперативный пункт как коридор.

Делали мы это не из вредности, а чтобы обойти стороной единственную в здании уборную. Оттуда вечно воняло. Чтобы не

действовать коллегам на нервы, я пошел более длинным путем. В коридоре по пути к оперативному пункту 17-й эскадрильи меня сопровождал тяжелый запах канализации. Видно, в мужском туалете снова образовался засор. Теперь его устранят только утром, и то в лучшем случае.

Отворив дверь нашего оперативного пункта, я остолбенел. Где привычная сонная комната?.. В помещении кипела бурная деятельность. Монго, сидевший за массивным столом руководителя полетов, казался напряженным. Еще более напряженным, чем обычно. Когда я вошел, он не встретил меня привычной щербатой улыбкой. Я взглянул на настенные мониторы, чтобы понять, что с нашими птичками. Оба аппарата были на земле. Погодная карта показывала, что вся южная часть Афганистана во власти мощного грозового циклона. Непонятно, с чего бы Монго быть на взводе.

— Что стряслось? — поинтересовался я.

— Мы только что потеряли отряд спецназа. На инструктаже получишь свежие данные.

Я весь обратился во внимание. Заранее заготовленные шутки мигом вылетели из головы.

Зазвонил телефон секретной связи, и Монго быстро поднял трубку. В эту смену он выполнял функцию руководителя полетов. Сообщал экипажам обновленную информацию, касающуюся наших заданий, и осуществлял надзор за всеми летательными аппаратами 17-й эскадрильи, находящимися в воздухе. Во время дежурств он подменял нас, если надо было отлучиться по нужде, а также работал с ООЦ, когда нашего офицера связи не задействовали в операции. Своего рода дирижер оркестра.

Я собрал полетные документы и прошел в инструктажную, чтобы получить задание на полет. Что бы ни случилось, как только я займу место в боксе, этим придется заниматься мне. Воздух в комнате был словно наэлектризован. Никто не шутил. Все понимали — произошло что-то нехорошее. Первым взял слово офицер разведки. Такое случалось редко, поскольку обычно инструктаж начинал уходивший со смены руководитель полетов, но Монго все еще сидел за столом, привязанный к телефонам засекреченной связи.

— В провинции Кунар атакован отряд спецназа, — начал офицер связи. — Начальство дает нам полную свободу действий для оказания помощи.

Начальству — ООЦ — в этом отношении следует отдать должное. Несмотря на всю важность отработки целей, оказанию поддержки американским военным отдавалось первостепенное значение.

Четыре бойца 5-го отряда сил специального назначения были атакованы в ходе выполнения ими разведывательной операции. Отряд забросили в район Дара-и-Печ афганской провинции Кунар перед тем, как высадить туда морпехов; те должны были обеспечивать в районе безопасность перед выборами в афганский парламент. Спецназовцы искали конспиративные дома, которые использовал Ахмад Шах, местный руководитель «Талибана». После выявления явок террориста спецназовцам совместно с солдатами морской пехоты надлежало либо захватить его, либо ликвидировать.

Отряд занял позицию на склоне горы под названием Савтало Сар в 32 километрах к западу от Асабадада. Их заметили местные чабаны и вскоре атаковали боевики Шаха. Вертолет «СН-47» с силами быстрого реагирования на борту, пришедший на помощь спецназу, был сбит ПТУРСом. При крушении вертолета погибли восемь спецназовцев и восемь солдат армейской авиации.

— Ваша задача — отыскать выживших.

Я поднял руку.

— А что насчет БПСО?

Участники боевой поисково-спасательной операции, или БПСО, обычно первыми прибывают на место происшествия. Впереди них обычно действуют силы быстрого реагирования. Я хотел понять обстановку, прежде чем мы бросимся на помощь. Кунар почти в пяти часах лета от нашей базы в Кандагаре. Истребитель из Баграма может добраться туда за тридцать минут.

Сотрудник разведки предвидел вопрос.

— СБР сбили, — сказал он. — Остальное вам расскажет карта погоды.

Закрепленный на потолке проектор вывел на экран изображение карты Афганистана, на которой расплывалось большое красное пятно. Красное — это плохо.

— В данный момент над районом боевых действий проходит грозовой фронт, — сообщил офицер метеорологической службы. — Баграм закрыт.

Радарный снимок показывал линию шквалов, протянувшуюся на юго-восток до самого Кандагара, где располагалась наша вторая по значимости военная база. Ни один летательный аппарат не мог подняться в воздух в такую бурю. Я все еще не понимал, в чем заключается наша роль. «Хищник» начинен электроникой, и его бортовое радиоэлектронное оборудование не имеет защиты от непогоды. Мы даже легкого дождя избегаем, опасаясь замыкания в чувствительных электронных схемах беспилотника, которое может привести к его крушению. Соваться в грозу — значит обрекать БПЛА на верную гибель.

— И как мы туда попадем? — спросил я.

— Вам поручается найти окно в небе и отыскать спецназ, — отрезал офицер разведки.

Я начал было возражать, когда вошел Монго.

— Надо лететь, — заявил он. — Центр управления совместными действиями авиации выкупил беспилотники.

Наш летательный аппарат им требовался, чтобы пройти сквозь грозовую облачную систему без риска для жизни пилотов и членов экипажа. Основной задачей было найти 5-й отряд СпН, а нами можно и пожертвовать.

Монго ласково похлопал меня по плечу:

— Ты будешь первым.

— Здорово, — ответил я.

Что еще я мог сказать?

Пока я в боксе проводил предполетную проверку, 15-я эскадрилья подняла в воздух два своих самолета. Когда мой беспилотник вылетал из Кандагара, желтый и красный значки самолетов Пакмэна и Рулетки уже прокладывали путь на север. Обе пиктограммы дергались из стороны в сторону словно в эпилептическом припадке.

Я вывел изображение с камер самолетов на боковые мониторы, чтобы можно было видеть то, что видят пилоты 15-й. Оба экрана затянула кипящая масса свинцовых туч. Изображение то и дело переключалось с цветного на инфракрасное и обратно — пилоты тщетно пытались выявить просвет в ненастном небе. ИК-камера способна пронзить мглу насквозь и дать четкое изображение, однако она иногда не замечает лед. Цветная камера менее надежна, зато позволяет увидеть нисходящие потоки воздуха, которые, швыряя беспилотный аппарат из стороны в сторону, в итоге могут разорвать его на куски.

Я был в нескольких минутах лета позади Рулетки и Пакмэна, и их видео давало возможность предварительно оценить, с чем мне предстоит столкнуться. Оба экипажа лихорадочно пытались отыскать окно в облачности. На мониторах я наблюдал, как пилоты лавируют между облаков, выискивая полоску чистого неба. Рулетка первым нашел окно и сообщил диспетчерам, что попробует пройти сквозь него.

Едва «Хищник» повернул в направлении просвета, как тучи тут же сомкнулись вокруг него. Без помощи метеорологического радиолокатора у «Хищника» не было шансов. Судя по картинке на экранах, экипаж судорожно крутил гондолой по сторонам, пытаясь найти выход из облачного плена. После нескольких минут блуждания в серой мгле пилот повернул обратно, видимо, приняв решение выбираться из ловушки тем же путем, каким он в

нее попал. Это был единственный знакомый ему участок неба.

Когда облака над ним уже стали рассеиваться, монитор внезапно озарила яркая вспышка. Картинка на экране тут же исказилась помехами и погасла. На потемневшем экране загорелась надпись «Потеря синхросигнала, потеря данных». После дежурства мы пересмотрели запись. Удивительно: прежде чем электрический разряд спалил летательный аппарат, камера успела запечатлеть вспышку молнии.

Беспилотник Рулетка был потерян.

На экране системы слежения я видел, как желтый самолетик огибает новый грозовой очаг. Пакмэн следовал за Рулеткой почти идентичным курсом. Он обошел стороной грозовой очаг, в котором сгинул Рулетка, и теперь прокладывал путь к наиболее тонкой части шквалoвой линии. Тонкая линия означала просвет в облаках… либо радару просто не хватает мощности пробить некий более плотный участок.

Пакмэн нырнул в просвет и направился к редеющим облакам, и вдруг нос «Хищника» резко задрался вверх. Планка горизонта очутилась в верхней части экрана. Картинку на экране пару раз перекосило электростатическими помехами, после чего вспыхнуло зловещее сообщение «Потеря синхросигнала, потеря данных». В этот раз все было кончено секунд за семь.

Я видел такое раньше. Когда «Хищник» пролетает вблизи грозового фронта, он покрывается коркой льда. Это происходит незаметно. Лед возникает словно ниоткуда. Бдительный экипаж в такой ситуации периодически осматривает фюзеляж и плоскости, чтобы вовремя обнаружить образование наледи, ведущей к потере подъемной силы. Вероятно, лед нарос на пакмэновский «датчик угла атаки», который определяет угол продольной оси самолета относительно земли. Если нос задран слишком высоко, компьютер считает, что летательный аппарат на грани сваливания, и корректирует угол тангажа и тягу двигателей. Когда Пакмэн нырнул в облака, датчик из-за обледенения принял верхнее положение, сигнализируя о сваливании. Автопилот рванул нос вниз, и лед оторвался. Самолет тут же сообразил, что пикирует на полной тяге, и автоматика дернула нос вверх. Внезапно возникшая перегрузка привела к отрыву хвостового оперения и гибели беспилотника.

Два грохнулись, остался один.

Пришла моя очередь.

Лучшего решения, чем у двух других пилотов, у меня не было. Правда, их неудачные попытки дали мне возможность понять, какие действия заведомо обречены на провал. Перед тем как нырнуть в облачную гряду, я секунду-другую обдумывал

маршрут. Потерпев крушение, я не принесу пользы спецназовцам.

Грозовой очаг, уничтоживший Рулетку, рассеялся почти так же быстро, как и сформировался. Я полетел прямо в том направлении, надеясь, что сошедший на нет очаг оставил после себя лакуну, через которую можно проскочить. Следуя этим путем, я примерно на 90 километров отклонился к западу от того места, где Рулетка и Пакмэн встретили свою судьбу. На востоке собирались крупные грозовые очаги. На карте погоды показался небольшой просвет. Я вызвал Управление воздушного движения авиации морской пехоты, которое контролировало воздушное пространство, и сообщил, что намереваюсь снижаться.

— Вас понял, — ответил диспетчер. — Вы единственный борт в воздухе. В вашем распоряжении все воздушное пространство страны.

Я вывел на дисплей изображение с носовой камеры. «Хищник» располагает небольшой стационарной телекамерой, вмонтированной в носовой обтекатель. В полете мы редко ее использовали. Камера в гондоле целеобнаружения дает более качественное изображение, однако гондола была мне нужна, чтобы смотреть по сторонам, прежде чем выполнять повороты и выискивать участки чистого неба. Одна камера хорошо, а две лучше.

— Кэти, ты будешь моими глазами, — сказал я. — Ищем окно, через которое можно пролететь. От тебя требуется проверять небо, перед тем как я буду поворачивать, высматривай брешь.

— Есть, сэр, — ответила она.

Кэти — одна из немногих женщин-операторов в эскадрилье. Она была оператором средств обнаружения того самого «Хищника», которого сбил над Багдадом иракский «МиГ». Я нечасто с ней летал, так как, будучи старшим пилотом, в основном получал в напарники новичков. В ситуации, когда мы пытались пробиться сквозь грозовой фронт, присутствие в кабине такого опытного специалиста, как она, действовало на меня успокаивающе.

Я указал на боковой монитор, на котором отображалась метеорологическая информация:

— Идем к тем просветам. В основном смотри прямо по курсу.

Мы влетели в облачную гряду. Прямо перед нами из облаков вздымался крупный грозовой очаг, клубами устремляясь ввысь. Пролететь над ним мы не могли. Могли только обойти.

— Обзор слева по борту, — сказал я.

Несмотря на стрессовую ситуацию, все сохраняли спокойствие. В голосе Кэти не слышалось ни малейшего

напряжения. Учитывая, что на кону были жизни наших солдат на земле, мы без оглядки гнали самолет к цели. Я весь подался вперед, словно так я мог лучше разглядеть картинку на экране. Кэти повернула гондолу влево. Мы увидели лишь сплошную завесу облаков.

— Справа есть что-нибудь?

Гондола развернулась в противоположную сторону. В том направлении небо оказалось чуть чище, стали видны даже пробивающиеся сквозь толщу облаков лучи солнца. Я отклонил руль вправо, чтобы направить самолет туда, куда смотрела прицельная гондола. Беспилотник выполнил плавный разворот и вышел из крена, встав на нужный курс. Где-то с минуту мы оставались на чистом участке неба, а потом облака вокруг сомкнулись.

— Обзор слева.

Я чувствовал себя как заезженная пластинка. Следующие несколько минут мы делали зигзаги между скоплениями облаков, перескакивая с одного участка чистого неба на другой. Если мы свернем влево, то полетим наперерез грозовому фронту, вправо — параллельно ему. Мы продолжали двигаться вдоль линии, пока наконец в облаках не открылось окно. Виднеющееся в просвете чистое небо обрамляли два кучевых облака. Окно было поразительно похоже на то, на которое наткнулся Рулетка.

Я проверил спутниковую карту погоды. Она показывала, что по ту сторону фронта открывается чистое пространство. А еще я увидел, что мы приближаемся к горам, где нас поджидают турбулентность и проливные дожди. Сейчас или никогда.

Я направил БПЛА носом прямо на окно. Мы с Кэти наблюдали, как кучевые облака проплывают мимо нас. Я понимал, что это визуальный эффект, вызванный особенностями работы камеры. Облака были все еще впереди нас, однако не попадали в 30-градусное поле обзора носовой телекамеры. Я глубоко выдохнул, поймав себя на мысли, что уже некоторое время не дышу, как вдруг на экране мелькнул край облака.

— Ой-ей… — пробормотал я.

Чтобы обойти облако, я отклонил самолет на 10 градусов.

— Что? — переспросила Кэти.

— Обзор слева, — скомандовал я.

Внешне я был по-прежнему спокоен, однако начал покрываться испариной. Гондола повернула влево, и мы увидели массивное кучевое облако, с которым чуть было не столкнулись. Если бы оно нас окутало, сгинул бы и третий БПЛА. Чтобы спасти самолет, следовало отвернуть вправо и убраться от облака подальше.

— Обзор справа, — сказал я, поворачивая «Хищника».

Я хотел посмотреть, что впереди. Кэти не задавала вопросов. Она была вся внимание. Гондола крутанулась вправо. Прямо там, куда мы поворачивали, высилась еще одна стена облаков. Один грозовой очаг висел неподвижно, в то время как другой смещался, запирая нас в ловушку. Я снова взял курс на окно, решив рискнуть и попытаться проскочить в просвет.

Завитки облаков тянулись к нам с обеих сторон, словно хотели схватить нашу птичку и спустить ее с небес на землю. К этому времени окно уже сузилось до крошечного отверстия размерами немногим больше самолета. Я нацелил перекрестье нитей в центр прохода и стал ждать. Облака смыкались, заслоняя последние остатки света. Затем, когда мы вошли в само облако, экран заволокло темно-серой массой. Я стал мысленно считать, в любую секунду ожидая увидеть на мониторе пугающее предупреждение «Потеря синхросигнала, потеря данных».

Едва я досчитал до трех, как беспилотник вынырнул из грозового облака на яркий солнечный свет. Мы наконец преодолели непогоду, причем оказались поразительно близко от района цели в Кунаре. Я глубоко вздохнул и поглядел на экран системы слежения над дисплеем, чтобы сориентироваться на местности.

Все молчали. Поздравлять нас не было оснований, поскольку наиболее важная часть миссии пока еще не была выполнена.

Я облегченно вздохнул и напечатал в чат текст:

Молния_81> грозовой фронт пройден, следуем по координатам.

Руководитель полетов отозвался мгновенно:

17РЭ_РП> вп.

Кэти ввела координаты цели. По мере того как она набирала цифры с клавиатуры, гондола нервно дергалась, потом замерла, уставившись в серую пустоту.

— Это что, лед на гондоле? — спросил я.

Кэти произвела несколько манипуляций на пульте управления. Камера работала в ИК-режиме и испытывала трудности в работе из-за теплового перехода. Температура окружающего воздуха совпадала с температурой земной поверхности. Среди этой серой каши разглядеть человека было невозможно.

— Ладно, дай план поменьше, и поищем тепловые участки, — сказал я.

В углу дисплея почти сразу же возникло яркое пятно. Кэти вывела его в центр экрана и снова увеличила картинку. Перед нашими глазами предстали обломки «СН-47» сил быстрого

реагирования. Вертолет рухнул в лесистой местности и взорвался. Двигатели и топливные баки все еще ярко пылали. В отблесках пламени светились перебитые роторы и поваленные деревья. Выживших тут быть не могло.

— РП, мы над местом крушения, — оповестил я. — Какие будут дальнейшие указания?

— Берите курс на горный хребет в верхней части ваших экранов, — сказал офицер разведки. — Пролетите примерно восемь километров. В том районе последнее известное местоположение отряда. Вы ищете четырех человек.

Офицер разведки не стал добавлять «передвигающихся организованным порядком». Это и так было понятно. Талибы лазали по горам беспорядочно. В отличие от них, спецназовцы передвигались согласованно, всегда прикрывая друг друга. В этих обстоятельствах отличить своих от неприятеля несложно.

Кэти молча сканировала горный хребет. У нее все еще были проблемы из-за теплового перехода. Она очертила вокруг «Чинука» прямоугольник и начала обшаривать внутри него каждый буерак, расселину или выход породы на поверхность. Мы знали только то, что отряд все еще в движении.

Я поерзал в кресле и наклонился к экрану. Если бы я сейчас был там, на земле, я бы не хотел, чтобы меня перестали искать из-за какого-то теплового перехода.

— Что-нибудь видишь? — спросил я, просто чтобы прервать затянувшееся молчание.

— Нет, — ответила Кэти.

Я не продолжил беседу, боясь потерять концентрацию на поиске. Мы очень хотели отыскать наших парней. Одному Богу известно, в каком они положении. Надо вызволить их из беды. Ранены ли они? Погибли? Мы не имели никакой связи ни с ними, ни с их командиром. В то время мы еще не знали, что командир находился в том самом «Чинуке», который мы обнаружили полыхающим на склоне горы.

Следующие полтора часа мы прочесывали каждый дюйм горного хребта и примыкающей к нему долины. Никакого движения. Даже талибы, кажется, взяли передышку. В какой-то момент Кэти, которая скрупулезно осматривала каждый камень, каждое дерево на местности, начала обсуждать с офицером разведки недавно увиденные фильмы. Я даже названий их не запомнил, так как был всецело поглощен высматриванием на экране хоть какого-нибудь движения. Впрочем, само содержание фильмов их мало интересовало, а разговор они затеяли ради того, чтобы не потерять концентрацию. Трудно сохранять ее, когда все камни и деревья выглядят одинаково. По некоторым

данным, в этих горах скрывались более двухсот талибов. Ну и где они, черт возьми?

А затем я услышал нечто. Неразборчивую передачу сообщения. Голос звучал приглушенно, почти как шепот. Первую часть сообщения я не расслышал, только последнюю.

– [Неразборчиво]… Прием.

Кто бы это ни был, он пытался вызвать кого-то на связь.

Я плотнее прижал телефонный наушник к голове и напряг слух. Голос звучал не по интеркому, а по радио. Я проверил частоту. Она соответствовала аварийной частоте, используемой при проведении боевых поисково-спасательных операций. Наши средства радиосвязи были никудышными, позволяя поддерживать связь только с тем, кто находился не далее 8 километров от беспилотника, то есть Управление воздушного движения авиации морской пехоты не могло бы меня услышать, даже если бы работало на этой частоте. Я посмотрел на часы. Было пять минут «после часа» — стандартное время передачи сигнала бедствия. Значит, кто-то действительно просит о помощи по аварийной радиостанции.

Сигнал бедствия повторился, снова искаженный помехами. Я сумел разобрать только «прием». Тем не менее было понятно, что голос принадлежит мужчине, говорившему шепотом.

— Всем молчать! — крикнул я в микрофон. — Кажется, я что-то слышу.

Кэти и координатор разведки умолкли. Атмосфера внутри станции наземного управления тотчас изменилась. Мне показалось, что я услышал позывной говорившего, но я не был уверен. Была не была, решил я и переключил радиостанцию в режим передачи.

— Вызывает Молния, повторите.

Ничего.

— Вызывает Молния, повторите.

Тишина.

Либо он нас не слышал, либо не мог ответить, не услышав от нас пароля.

— Вызывает Молния, — произнес я. — Держитесь. Мы триангулируем ваше местоположение. Наши уже в пути. Наши уже в пути.

С моей стороны это было грубым нарушением радиодисциплины, которое полностью противоречило правилам коммуникации при проведении БПСО. Впрочем, меня это не волновало. Спецназовец, при условии, что он нас слышит, должен был знать, что мы спешим к нему на помощь.

На карту на экране системы слежения я нанес отметку,

указывающую точку, в которой мы перехватили радиосигнал. Я не мог поручиться, что услышал бойца из 5-го отряда, однако никто другой не должен был занимать эту частоту и никто другой не стал бы шептать. Я вычислил координаты и передал их в Объединенный центр спасения военнослужащих.

Остальную часть нашего дежурства мы напряженно вслушивались в радиоэфир, кружа над одним и тем же местом в надежде принять еще одну радиопередачу. Нам требовалось больше сеансов связи, чтобы триангулировать его местоположение. Спустя час мое участие в операции подошло к концу. Пришел новый экипаж, получил полетные инструкции и принял управление беспилотником.

Когда я вошел в оперативный пункт, никто не выражал особого воодушевления. Парней по-прежнему искали и в воздухе висело напряжение. Я знал, что они и дальше будут продолжать поиски. 5-й отряд СпН все еще оставался на вражеской территории. Я покинул оперативный пункт и направился к своей машине. Вставало солнце, и большая часть Лас-Вегаса приходила в себя с похмелья после субботней ночи. Я чувствовал себя примерно так же, хотя и по иной причине. Мне очень хотелось отыскать отряд спецназа, но я потерпел неудачу.

Возвращаясь в город, я чувствовал себя так, словно груз ответственности за исход операции всей тяжестью давит мне на грудь. Ощущение было еще хуже стресса, который испытываешь после выстрела. Мы сделали все от нас зависящее, чтобы найти солдат, и большего сделать не могли, однако я продолжал терзаться.

Оставшуюся часть недели я прочесывал новостные сайты и донимал сотрудников отдела разведки звонками, чтобы получить от них какую-то новую информацию о пропавших. В моем сознании операция оставалась незавершенной. В конечном итоге рейнджеры Армии США спасли Маркуса Латтрелла, единственного выжившего из четверки бойцов. Он укрылся в деревне всего в трех километрах от того места, где мы перехватили сигнал бедствия. Пока Латтрелла не нашли рейнджеры, от талибов его прятало местное племя пуштунов.

Мы были горды тем, что оказались единственными, кому в тот день удалось добраться до района цели. Уникальные качества «Хищника» проявились как нельзя лучше. ВВС никогда бы не стали подвергать риску пилота в тех погодных условиях, да еще с учетом угрозы со стороны «Талибана». И даже несмотря на то что мы потеряли два беспилотника, благодаря моему аппарату удалось получить первые изображения с места катастрофы вертолета и, возможно, подтвердить местоположение Латтрелла с

помощью его радиопередачи. Без этой информации спасательная операция началась бы намного позже.

Для меня операция завершилась, лишь когда Латтрелл посетил нашу эскадрилью в период написания своей книги «Единственный выживший». Мы справились.

Глава 10. Охота на талибов

Кустарник, покрывающий горные склоны в восточном Афганистане, заполнил собой весь HUD-дисплей.

Мы шли по следу одного из предполагаемых курьеров Осамы бен Ладена. Сегодня мы просто наблюдали, фиксируя перемещения связного и составляя схему его жизни. Конечная цель нашего задания была все та же — найти и уничтожить Осаму бен Ладена. Курьер мог стать ключом к успеху.

Его след привел нас к окрестностям Хоста, мрачного места с бетонными административными зданиями советской эпохи, улицами, заваленными мусором, и лишь несколькими асфальтовыми дорогами. В одноименной провинции располагалась одна из террористических баз, на которой проходили подготовку угонщики самолетов, протаранившие Всемирный торговый центр и здание Пентагона.

Пока мы летели, я проводил имитацию ракетных выстрелов. Нам рекомендовали не тратить попусту ни минуты свободного времени в полетах. Совершая долгие перелеты через всю страну, мы должны были упражняться в стрельбе, выбирая на земле какой-нибудь объект и имитируя по нему удар. Эти тренировки мало чем отличались от тех, которые я проводил с Хреном двумя годами ранее, когда только заступил на службу. По пути следования мы выбирали произвольную точку, вроде того старого форта неподалеку от нашей прежней базы, и выполняли ряд процедур, предваряющих выстрел. Мы не могли тренироваться во внеслужебное время, так как считалось, что мы развернуты на театре военных действий, то есть можем проводить только боевые операции.

Солдаты даже в зонах боевых действий регулярно посещают стрельбища.

Только не мы.

У нас просто не было на это времени. Например, в большинстве случаев я по восемь часов дежурил в качестве пилота, а после еще четыре часа выполнял дополнительные обязанности. Поэтому, чтобы как-то компенсировать недостаток тренировок, пилоты 17-й эскадрильи в каждом полете практиковали запуски ракет «Хеллфайр». Экипажи 15-й даже такой возможности не имели, поскольку их зоны наблюдения в основном располагались неподалеку от авиабазы.

Программа БПЛА расширялась быстрее, чем ВВС успевали готовить пилотов. Пилоты таких истребителей, как «F-16», имеют за плечами сотни часов учебно-тренировочных полетов в тылу, до

того как их отправляют на боевое задание. Так, молодой летчик ведомого самолета по меньшей мере шесть месяцев проводит в режиме первоначального обучения, прежде чем рассматривается вопрос о его пригодности к службе. Затем вся эскадрилья переходит к практическим занятиям по боевой подготовке, которые заканчиваются масштабными учениями «Красный флаг» на авиабазе Неллис, где курсанты тренируются совместно с другими родами войск, отрабатывая технику выполнения именно тех задач, которые им предстоит решать за рубежом.

Эскадрильи «Хищников» лишены такой роскоши.

Со временем количество тренировок было сокращено до минимума. Пилоты оканчивали летные курсы, будучи едва готовы к бою, — разительный контраст со всеобъемлющей программой обучения, которую я прошел всего двумя годами ранее. Эти сокращения были продиктованы постоянно растущей потребностью в экипажах на театре военных действий. Первый же полет нового экипажа в составе эскадрильи, к которой он был приписан, проходил в реальных боевых условиях, с реальными целями и применением реального оружия. Летчикам приходилось в буквальном смысле схватывать все на лету.

Миссия 15-й эскадрильи расширилась до шести боевых воздушных патрулей, действующих как над территорией Ирака, так и над территорией Афганистана. Рапорты с просьбой о предоставлении отпуска командир 15-й упорно отклонял, превратив жизнь эскадрильи в сущую каторгу. Поэтому меня не удивляло, что пилоты 15-й не хотели осваивать новые методы работы. Большинство парней выглядели как зомби, с темными кругами под глазами и мертвенно-бледной кожей. Переутомление высасывало жизнь из экипажей и приводило к небрежности в работе. Переутомление я мог понять. Халатность — нет.

На базе Неллис я был старшим пилотом 15-й и 17-й эскадрилий. Пока эскадрильи не получили профессионального офицера-оружейника, закончившего Школу вооружений ВВС США, обязанность по разработке тактики и летных процедур лежала на моих плечах.

Не так давно мы совершили несколько ошибок, которые дорого нам обошлись. Несколько выстрелов в Афганистане прошли мимо цели. Одним из худших стал случай, когда заместитель командира 57-й авиагруппы выполнил резкий поворот буквально за несколько секунд до взрыва ракеты. Часто летчики-истребители сразу после выстрела резко уходят в сторону с линии атаки. Их прицельные комплексы рассчитаны на такие маневры, в отличие от гондолы «Хищника». Из-за резкого крена беспилотника лазер отклонился в сторону, и ракета

детонировала метрах в пятидесяти от цели, не причинив ей никакого вреда.

Тренировочные выстрелы немного замедляли наши перелеты, однако нет ничего хуже, чем экипаж, мажущий мимо цели. Мы не могли себе позволить промахи, поэтому в отъеме у ООЦ нескольких минут драгоценного времени наблюдения за целью, если они использовались для тренировок, не было ничего плохого.

До выхода в район цели оставалось больше часа. Я готовился произвести очередную симуляцию выстрела, когда на связь вышел Монго. Он покинул эскадрилью двумя неделями ранее, перейдя в ООЦ на должность офицера связи.

— Привет, Белка.

— Привет, Монго, — ответил я. — Сколько лет, сколько зим! Как дела?

— Уплетаю печеньки, старина!

Я улыбнулся.

Мы все останавливались в одной и той же гостинице, неподалеку от территории ООЦ. Одним из бонусов был большой поднос с печеньями, который каждый вечер выставляли в гостиничном вестибюле. Печенье было частью шведского стола, который отель организовывал для своих постояльцев. Многие парни во время таких командировок набирали вес.

— Что нового, приятель? — спросил я.

— Неподалеку от тебя только что была атакована ПОБ [передовая оперативная база], — ответил Монго. — Они несут потери. Координаты ИТО получишь, как только будешь готов.

ИТО, или исходная точка обстрела, рассчитывается после минометной или ракетной атаки противника и определяется с помощью контрбатарейных радаров на основании дуги баллистической траектории снаряда. Впрочем, эти радары не слишком способствовали защите наших баз. Обычно один или два боеприпаса, перелетев через стены базы, разрывались на ее территории еще до того, как персонал по системе громкой связи успевали предупредить об атаке. Солдаты шутили по этому поводу, что если ты услышал «громкий голос», значит, опасность уже миновала.

Талибы — любители минометов и ракет. Небольшая их группа может ежедневно, если не ежечасно, терроризировать военную базу обстрелами. Минометные выстрелы или ракеты не обязательно приводят к гибели американцев, однако каждая такая атака останавливает или замедляет операции наших военных.

«Талибан» часто пускал ракеты по таймеру. В конструкции

некоторых таймеров использовался лед, разделяющий две металлические пластины. Когда под летним солнцем ледяной блок таял, пластины замыкали электроцепь, приводя к пуску ракеты. Для стрельбы из миномета требовался расчет. Обычно три или четыре боевика устанавливали ствол в нужном положении, выпускали несколько снарядов, после чего ретировались в деревню, из которой появились.

Мы с Аланом, моим оператором средств обнаружения, переглянулись. Нас еще ни разу не привлекали к обеспечению непосредственной огневой поддержки войск с воздуха. Видно, здорово их там прижали, раз за помощью обратились к нам.

— А как быть с нашей целью?

Монго был готов к этому вопросу. Вероятно, он уже успел задать его начальству.

— Эл говорит, это приоритетная задача.

Когда Эл — один из руководителей ООЦ — что-то говорил, мы брали под козырек.

Точка по координатам ИТО оказалась в буквальном смысле у нас под носом. Я стал выполнять разворот, в то время как Алан принялся наводить прицельную гондолу на точку. Горный кряж был одной из двух возвышенностей, вдававшихся в долину близ афганского Хоста. Армия США развернула здесь передовую оперативную базу Салерно, чтобы контролировать основные пограничные переходы между Афганистаном и Пакистаном.

— Просканируй хребет, — сказал я.

Алан уже успел навести визирные нити на склон горы.

Ему потребовалось секунд тридцать, чтобы отыскать место, соответствующее ИТО. Выглядело оно как плоский каменный выступ, который выдавался из холма, словно настенная полка для вазы. К моему удивлению, минометный расчет талибов из трех человек все еще находился на террасе. Над стволом миномета появилась вспышка.

— Они только что снова выстрелили, — произнес Алан.

У меня челюсть отвисла. Нам редко доводилось видеть расчеты «Талибана» в процессе стрельбы.

— Монго, — сказал я. — Мы держим глаз на минометном расчете.

— Принято, — ответил он.

У нас на мушке были три боевика в длинных рубахах и мешковатых штанах, головы повязаны платками. Отчетливо виднелись черный ствол миномета и опорная плита, установленная на террасе. Сделав последний выстрел, расчет начал сворачиваться. Один боевик взвалил ствол на плечо, другой подхватил опорную плиту, а третий взял оставшиеся боеприпасы.

После этого трое боевиков стали подниматься по узкой вьючной тропе, направляясь на восток.

— Эй, Монго, — позвал я. — Расчет пришел в движение.

— Следуйте за ними.

Я сверился с «FalconView», интерактивным картографическим приложением, недавно разработанным Институтом технологических исследований Джорджии, которое позволяло отслеживать местоположение всех подразделений дружественных войск в Афганистане. На этой местности боевики «Талибана» могли в мгновение ока оказаться в безопасной зоне.

— Монго, эти парни вот-вот смоются.

— Принято.

Я маневрировал таким образом, чтобы сохранять талибов в поле зрения, не пролетая при этом у них над головами. Я надеялся, что после производства нескольких выстрелов боевики на время оглохли, поскольку гул нашего двигателя должен был эхом отражаться от горных склонов прямо в их сторону. У меня в наушнике головной гарнитуры снова раздался треск.

— Эй, Белка.

Говорил руководитель полетов в Неллисе.

— Слушаю.

— К вам направляются Рулетка и Пакмэн.

У 15-й эскадрильи в этом районе действовали два беспилотника.

— Как мне показать им цель?

Мы не могли делиться с ними нашими видеопередачами, поэтому взаимодействовать было трудно. Но у руководителя полетов имелось готовое решение.

— Я направил наши резервные экипажи взять их аппараты на управление, — сказал он. — Комтех перенаправил видеосигналы.

Коммуникационные техники, или комтехи, могли установить соединение с оперативным пунктом 17-й, позволяя всем нашим летательным аппаратам иметь доступ к видео друг друга.

Тем временем боевики стали спускаться по тропе, тянувшейся вдоль дна долины. Мужчины вели себя спокойно, не подозревая о нашем присутствии. Два других «Хищника» подошли тридцать минут спустя. Я дал экипажам краткую «ориентировку» по цели, используя видеотрансляции с их самолетов, чтобы указать на нужное место. Троица боевиков уже готова была скрыться.

Зачем к преследованию этих парней надо было привлекать целых три беспилотника? И почему из-за них нас отвлекли от нашей охоты за курьером? Это задание больше подходило 15-й эскадрилье, и я никак не мог взять в толк, почему нас оторвали от слежки за предполагаемыми связниками бен Ладена.

Монго заговорил раньше, чем я успел задать эти вопросы:

— Всем экипажам, ракеты к бою.

Я привел ракеты в полную боевую готовность сразу же, как только мы засекли цель. В противном случае с точки зрения обороны базы от нас не было бы никакого толка. Монго дал команду Рулетке, которым управляли Костыль и Пикачу, стрелять первым. Заглянув в «FalconView», я увидел, что Рулетка летит на более низкой высоте.

Отстрелявшись, они должны были уйти в сторону, предоставив возможность нанести удар следующему самолету, находящемуся выше. Как правило, мы не открывали огонь, в случае если на более низкой высоте рядом с нами располагался другой летательный аппарат и существовала хотя бы малейшая опасность того, что мы можем ненароком его подбить. Пилоты сверху были обязаны ждать своей очереди.

Костыль был у нас за офицера по применению вооружений из-за своего прошлого — он пилотировал истребители «F-16». Он был бы нашим первым «официальным» офицером-оружейником, если бы ВВС позволяли пилотам «Хищников» поступать в Школу вооружений.

Пикачу, молодая летчица со светло-русыми волосами, и на каблуках-то едва достигала полутора метров в высоту. Ее комплекция вкупе с кипучей энергией вызывали ассоциации с маленьким круглым монстром желтого цвета из мультсериала «Покемон». Кличка Пикачу так к ней и пристала. На то время она была на седьмом месяце беременности, так что это задание для нее было одним из последних перед уходом в декретный отпуск. Ее живот увеличился настолько, что она едва могла дотянуться до органов управления, и каждый раз, видя, как она утиной походкой ковыляет по лагерю эскадрильи, я невольно расплывался в улыбке. В мире не было другого летательного аппарата, которым она могла бы управлять в таком положении, однако я был рад тому, что в тот день за пультом управления сидела именно она. Пикачу отличалась отменной сноровкой и метким глазом. Мы частенько шутили, что если бы боевики, гибнущие в Афганистане, знали, что их отправляет на тот свет беременная женщина, то воевали бы умнее.

Я услышал сообщение Костыля: он выходил на линию атаки. Крутые склоны смыкались и не позволяли совершить выстрел, зайдя на цель сбоку. Я перевел взгляд на вспомогательный монитор и увидел, как Костыль запускает ракету. «Хеллфайр» разорвалась прямо позади троицы, уложив боевика, который нес опорную плиту миномета.

— Разрыв, — сообщил Костыль по интеркому.

Два уцелевших боевика бросились в разные стороны к зарослям деревьев, растущих вдоль тропы. «Драпун», находившийся южнее, скрылся в листве прямо на моих глазах. Костыль, судя по изображению на боковом мониторе, взял в прицел мужчину, побежавшего в северном направлении.

— Следуй за «драпуном», бегущим на юг, — велел я Алану.

Я сделал поворот и установил «Хищника» в режим плавного кругового полета, чтобы можно было держать деревья под наблюдением. Так мы кружили полчаса. Деревья росли не сплошняком, а небольшими группами. Наконец наш беглец выскочил из зарослей. Алан навел на него перекрестье прицела, поместив террориста в центр дисплея. Почти сразу же из укрытия показался и его напарник.

— «Драпуны» в движении, — оповестила Пикачу по системе внутренней связи.

— Следуйте за ними, — приказал Монго.

Боевики подошли к телу третьего мужчины. Один из них подобрал с земли опорную плиту и ствол миномета. Другой поднял погибшего товарища и неуклюже взвалил его себе на спину. Они медленно побрели на восток, по своему первоначальному маршруту.

— Видим вторую группу «пассажиров», — сообщил кто-то по радио.

На тропе показалась еще одна группа боевиков, идущая навстречу беглецам. Сблизившись, обе группы остановились. Подошедшие боевики взяли у «драпунов» минометный ствол и опорную плиту, а те понесли своего мертвого товарища.

— Костыль, — прозвучал голос Монго, — продолжайте преследование. Разрешаю атаковать вторую группу.

ООЦ решил сегодня показать зубы, подумал я. Это преследование выглядело крайне необычно. Я сохранял молчание, давая Костылю возможность по сети внутренней связи координировать свой удар. Пока он отстреливал боекомплект, я его прикрывал. По радио прозвучало сообщение «Выстрел», после чего Костыль начал отсчет времени до взрыва.

— Три, два, один…

«Хеллфайр» легла в середину цепочки боевиков. Экран, на который транслировалось видео Рулетки, озарила белая вспышка. Когда дым от взрыва рассеялся, я увидел, как несколько выживших бросились врассыпную, словно тараканы, застигнутые светом. Еще два боевика сложили головы.

Все три «Хищника» снова легли на круговой курс, сопровождая разрозненные группки беглецов. Как и прежде, боевики по меньшей мере полчаса скрывались в «зеленке», а

потом вылезли на открытое пространство, подобрали раненых и торопливо двинулись дальше по тропе.

— Цели остановились у хижины, — доложил кто-то.

— Принято, — подтвердил Монго прием сообщения.

На дисплее я увидел маленький домик, примостившийся на изгибе скал. Единственная дверь и окно отбрасывали на тропу бледные световые полосы. Из двери высыпали семь боевиков, вооруженных автоматами. Они были явно взволнованны, так как отчаянно жестикулировали и что-то быстро тараторили. Один из боевиков указал рукой в небо, как если бы речь шла об ударах с воздуха.

Боевики в хижине, вне всякого сомнения, слышали разрывы ракет — ведь эхо раскатилось по долине, как гром. И, наверное, разозлились, что их товарищи пришли к хижине. Впрочем, для нас это не имело значения: так как они были вооружены, они автоматически стали мишенями.

«Талибан» здорово поднаторел в том, чтобы использовать наши правила применения оружия с выгодой для себя. Талибы держались поблизости от женщин и детей и по возможности старались перемещаться вместе с гражданскими лицами. Некоторые, чтобы их не опознали, облачались в женскую одежду. Они знали, что мы чтим законы ведения войны, и использовали их против нас, чтобы получить преимущество.

Но я отчетливо видел, что хозяева хижины держат в руках автоматы «АК-47». Один из мужчин залез в пикап «Тойота Хайлакс» и повел его к тому месту, где Костыль пальнул второй ракетой «Хеллфайр».

— Следуйте за грузовиком, — скомандовал Монго.

Самолет, пилотируемый Костылем, израсходовал весь свой боезапас. «Хищники» способны нести только две ракеты. Следующим на очереди был Пакмэн. Я продолжал кружить. Мне предстояло стрелять последним, так как я летел выше и Костыля, и Пакмэна.

Прибыв на место, боевики погрузили убитых в кузов пикапа. Скорее всего, мертвых они подбирали, чтобы похоронить. Согласно исламским обычаям, умершего следует предать земле до восхода солнца следующего дня. В грузовике не хватало места для всех боевиков, поэтому некоторые бежали следом за машиной.

— Пакмэн, разрешаю атаку, — сказал Монго. — Основная цель — грузовик.

Пикап медленно полз по тропе, с трудом переваливаясь через рытвины. Наконец тропа перешла в грунтовую дорогу, которая была немногим шире самого автомобиля.

— Это Пакмэн, принято, — раздалось по радио.

В окне программы «FalconView» было видно, как Рулетка сманеврировал в сторону гор и набрал высоту, чтобы освободить линию огня. Вслед за этим Пакмэн занял позицию на курс атаки. Первая ракета легла перед грузовиком. Шквал из гравия и обломков горных пород, выбитых взрывом, ударил в двигатель машины и опрокинул ее набок.

Пара боевиков выбралась из поврежденного грузовика как раз в тот момент, когда детонировала вторая ракета.

Она ударила по боевикам, бежавшим позади машины. Они довольно сильно от нее отстали, поэтому находились вне нашего поля обзора. Скорее всего, они даже не увидели последствий первого взрыва, прежде чем были подбиты.

Алан зафиксировал перекрестье прицела на поврежденном пикапе. Вокруг валялись боевики; некоторые, вероятно, были мертвы еще с первого удара. Мы понятия не имели, сколько боевиков находилось в кабине. Пока мы пытались сделать картинку более четкой, на связь вышел Костыль.

— Рулетка — бинго.

Про летательный аппарат говорят, что он «бинго», когда у него топлива остается только на то, чтобы вернуться на аэродром и совершить посадку с первого захода. Повторные заходы могут привести к остановке двигателя.

— Вас понял, Рулетка, — ответил Монго. — Выход из района цели разрешаю.

Нас с Пакмэном оставили закончить операцию. Боезапас оставался только у моего «Хищника»: одна ракета «Хеллфайр». К нам уже спешил MQ-9 Reaper («Жнец»). Этот БПЛА крупнее «Хищника» и имеет большую боевую нагрузку. В отличие от «Хищника», «Жнец» вооружен четырьмя ракетами «Хеллфайр» и двумя управляемыми бомбами «GBU-12» с лазерным наведением.

— Пакмэну продолжать наблюдение за грузовиком, — скомандовал Монго. — Молния, следите за пешими.

— Принято, — ответили мы в унисон.

Наш позывной был «Молния».

Алан направил перекрестье в то место, где второй ракетой была подбита пешая группа. Кружа над районом удара, мы выставили увеличение камеры так, чтобы держать под прицелом и дорогу, и перелесок. Вокруг воронки лежали три трупа, исковерканные взрывом. Тела уже начали остывать на горном воздухе, из-за чего стали трудно различимы для инфракрасной камеры. Неподалеку на обочине дороги лежали бок о бок еще два тела. Визирные нити зафиксировались на этой парочке.

— Вы когда в последний раз видели, чтобы мертвые тела

лежали так ровно? — спросил Алан.

— Да еще и рядышком, — заметил я. — Монго, это Белка.

— Слушаю, — отозвался офицер связи.

— По-моему, у нас тут две цели, прикидывающиеся трупами, — сказал я. — По центру экрана.

Некоторое время Монго молчал, изучая видеоизображение. Скорее всего, аналитики занимались тем же.

— Понаблюдайте пока за ними.

Не успел я ответить, как в эфир вышел Пакмэн.

— Грузовик начал двигаться.

У пары боевиков из пикапа хватило сил, чтобы снова поставить его на колеса. «Хеллфайр» нанесла недостаточный урон машине. Теперь грузовик на полном ходу мчался по уширяющейся дороге, не обращая внимания на колдобины. Я наблюдал за ним на боковом мониторе, пока мы продолжали следить за двумя боевиками, которые прикидывались мертвыми.

«Мертвым телам» следовало отдать должное: они были дисциплинированны. Они все время сохраняли неподвижное положение и выжидали. Я был уверен, что они нас не слышат из-за контузии после взрыва ракеты. Скорее всего у них полопались барабанные перепонки. Я поглядел на указатель уровня топлива. Мы могли оставаться на позиции еще несколько часов. Хотелось пересидеть этих двоих.

— Молния, будь добр, просканируй дорогу, — сказал Монго через несколько минут. — Нужно удостовериться, что там больше нет выживших.

— Монго, — сказал я, — а как же с этими двумя?

— Они признаны погибшими.

— Монго, по всем признакам они только прикидываются мертвыми, — возразил я. — Давай я сначала разберусь с ними, а потом перейду к следующей цели.

Монго передал запрос Элу.

— Отказ, — ответил он наконец. — Выдвигайтесь к месту удара по машине.

— Принято, — ответил я.

В каком-то смысле резонно. Эти двое парней вроде не были вооружены. Но мне не хотелось, чтобы они решили, будто смогли меня перехитрить, притворившись мертвыми.

Алан сместил перекрестье туда, где ранее находился пикап. Мы пошарили вокруг воронки и по следам от шин вышли к тому месту, где автомобиль перевернулся. Никаких признаков присутствия боевиков или какого-либо движения.

— Тут ничего нет, — сообщил я.

— Ладно, — ответил Монго. — Вернитесь к месту первого

удара и проверьте, что там.

Похоже, они и сами не очень-то верят, что те два талиба были погибшими. Алан направил прицельную гондолу на поворот дороги, куда пришелся удар ракеты. Три талиба лежали, как и прежде.

Два горячих пятна на обочине исчезли.

Я был в ярости.

— Так и знал! — воскликнул я. — Мы держали этих парней на мушке!

Мы обследовали границу растительности и осмотрели окружающую территорию в радиусе нескольких сотен метров, хотя я нутром чуял, что они улизнули.

Повезло паршивцам.

Я поглядел на видео Пакмэна на вспомогательном мониторе. Пикап въехал в деревню и остановился у большого участка с многоэтажным домом, который был отгорожен высокими стенами от других, гораздо более бедных одноэтажных хижин. На дисплее эта картина выглядела словно кадр из второсортного голливудского боевика, в котором невероятно богатый злодей держит в подчинении небольшой городок. Грузовик въехал во двор. За машиной сквозь ворота просочились боевики. Все были вооружены. Из толпы вышел какой-то человек, взобрался в кузов пикапа и стал энергично жестикулировать. Выглядело это так, как будто человек произносит воодушевляющую речь.

Люди вокруг него вскинули оружие вверх. Некоторые стреляли в воздух.

— «Жнец» вошел в район цели, — сообщил Монго.

Теперь у меня не осталось шанса на выстрел. «Жнец» стреляет точнее.

— Белка, — сказал Монго. — Займи наблюдательную позицию южнее и будь готов к проведению ОСБП [оценки степени боевых повреждений] после удара.

— Принято, — ответил я.

Пока мы кружили неподалеку, наша камера все время была направлена на объект авиаудара. В какой-то момент на экране мы увидели, как откуда-то сверху вынырнула бомба «GBU-12» и устремилась в сторону цели. Она легла точно в кузов пикапа.

Только через несколько секунд после угасания огненной вспышки камера снова смогла настроиться. Когда мы наконец получили четкую картинку, грузовик исчез, а на его месте зиял огромный кратер. Тела и обломки были разбросаны вокруг, расходясь от эпицентра взрыва словно лучи на компасной розе. Одна из стен ограды повалилась наружу. Сам дом выглядел относительно невредимым.

Несколько минут мы наблюдали. Ни единого движения. Наконец Монго принял решение завершить операцию.

— Парни, возвращайтесь к своим исходным целям, — произнес он. — Пакмэну приготовиться вернуть 15-й эскадрилье контроль над аппаратом.

Разворачивая «Хищник», чтобы продолжить путь к своей первоначальной цели, я думал о тех двух боевиках, которые прикинулись мертвыми. На какое-то время мы отвели угрозу от одной из наших военных баз. И все-таки в этой операции было что-то странное. Я все никак не мог понять, почему Эл снял нас с запланированного задания и направил гоняться за какой-то группой боевиков.

Ответ я получил спустя несколько дней, когда информационные агентства сообщили о гибели в результате авиационного удара местного командира «Талибана» и более 130 боевиков. После того как об ударе стало известно широкой общественности, я обратился за разъяснениями в отдел разведки. Оказалось, разведчики знали, что в этом районе находится полевой командир, и использовали боевиков, чтобы те вывели нас на него.

После того случая интенсивность атак на передовую оперативную базу Салерно значительно ослабла (во всяком случае, на некоторое время).

Глава 11. Стальной занавес

Сообщение от Управления воздушного движения авиации морской пехоты выскочило в чате как раз в тот момент, когда я пролетал над провинцией Анбар в западном Ираке.

ЦНАП> КЛ31, новые координаты. Сообщите РВП по возможности.

Мой позывной был «Кинжал Три-Один» или КЛ31 в чате. Мне назначили цель — низовой руководитель сопротивления в районе Эль-Хадиты, однако морским пехотинцам потребовалась помощь. Центр непосредственной авиационной поддержки (ЦНАП) подготовил для меня новые координаты и хотел знать, как быстро я смогу прибыть на место.

Этот полет в интересах 3-й эскадрильи специальных операций я выполнял не в службу, а в дружбу. Командование специальных операций ВВС США официально занялось освоением БПЛА и подключило меня для помощи в подготовке первичного кадрового состава. На то время новая эскадрилья еще была частью 15-й. Как только подразделение было укомплектовано личным составом в достаточной мере, 3-я и 15-я разделились и стали независимыми эскадрильями.

А пока мы должны были оказывать им поддержку. В мою обязанность как старшего пилота входила подготовка инструкторского корпуса новой эскадрильи. Когда я не был занят обучением, то старался выполнять полеты как можно чаще, чтобы не потерять квалификацию. К тому же это повышало мой авторитет в глазах курсантов. Тем более что к БПЛА-сообществу я присоединился, чтобы летать. После двух лет службы в Неллисе у меня стало появляться все больше побочных обязанностей, которые занимали почти все мое рабочее время. Поэтому, когда выпадал шанс сесть в пилотское кресло, я старался им воспользоваться.

Большинство наших заданий было связано с оказанием поддержки какому-то конкретному армейскому подразделению. Чтобы оставить это подразделение и помочь кому-то другому, требовалось разрешение. Однако летом в нашей тактике произошли радикальные перемены. Армейское руководство определило, что вопрос минимизации потерь среди солдат более актуален, чем проведение наступательных операций против «Аль-Каиды». Армейские командиры в Ираке, старавшиеся избегать излишнего риска, видели потенциал «Хищника» и понимали, что он может обеспечить им преимущество на поле боя путем предоставления разведданных о цели в режиме реального

времени. Но им требовалось иметь контроль над летательными аппаратами, а ВВС передавать его не хотели. Поэтому армейские подразделения стали присваивать названия даже пустяковым операциям, чтобы получать поддержку с воздуха.

Очень часто бывало так, что мы кружили над какими-нибудь деревьями или пустыми зданиями, пока в армейских штабах планировали операции где-нибудь в другом месте. Признать, что у них нет целей на этот день, означало лишиться ресурса в нашем лице. По этой причине нас никогда не отпускали на поддержку войскам при ССП (соприкосновении с противником). Если бы нам давали временную свободу, в Багдаде могли понять, что мы не слишком загружены работой.

Диспетчеры из Управления воздушного движения авиации морской пехоты, напротив, без колебаний снимали нас с цели, если войска оказывались под огнем. В распоряжении Управления находилось все воздушное пространство над провинцией Анбар ниже отметки 3000 м. Действуя в этом районе, армейские требовали, чтобы мы держались на большей высоте, оставаясь в контролируемом воздушном пространстве. Мы же старались при любой возможности спуститься ниже и выйти из-под их контроля, втайне надеясь, что нас снимут с наблюдения за целью и мы примем участие в чем-то более интересном.

Я ввел переданные диспетчером координаты в программу «FalconView». Метка новой цели загорелась над Эль-Каимом, небольшим иракским поселком неподалеку от сирийской границы. Я отправил в чат оперативные данные.

КЛЗ1> В пути, РПВ 30 минут.

Эль-Каим находился всего в тридцати минутах лета от нашей текущей цели в Эр-Рамади. Я развернул самолет на запад и добавил тяги. «Хищник» все равно шел медленно — тем не менее, если бы мне удалось выжать из беспилотника пару лишних узлов, мы на несколько минут сократили бы время перелета.

ЦНАП> вп, свяжитесь с Костоломом 21 для получения дальнейших указаний.

К концу лета 2005 года провинция Анбар стала центром войны в Ираке. Сирия, как и Иран, активно поддерживала силы сопротивления. Сирийцы не посылали войска в соседнюю страну, зато беспрепятственно пропускали в нее через свою прозрачную границу тысячи иностранных наемников. Молодые, воинственно настроенные мужчины стекались со всего региона воевать в Ирак за свои идеалы.

Эль-Каим превратился в рассадник терроризма. Назвать боевиков в этом регионе повстанцами — значит грубо оскорбить борцов за свободу в других странах. Город захватили настоящие

террористы. Они насиловали, пытали и убивали местных жителей-суннитов, тех самых людей, которые еще вчера приветствовали их появление в городе.

На подходе к Эль-Каиму я связался с Костоломом 21 (КМ21). Он находился в Центре тактических операций (ЦТО) в Эль-Фаллудже. С этого времени все наши переговоры с ПАНом будут проходить в чате.

КЛ31 > КМ21, на посту.

КМ21 > вп, сообщите, когда закрепите глаз на координатах, доложите готовность к приему данных по РБД.

Данные по РБД — это сводная информация по локальному району боевых действий (РБД), с которым работал ПАН.

Мы находились примерно в пятнадцати минутах лету от района цели. На карте «FalconView», там, где главная трасса с направлением восток-запад пересекала реку Евфрат, горела ярко-красная отметка цели. На противоположном берегу реки параллельно трассе тянулась еще одна дорога, обозначавшая границу города.

КЛ31 > К приему данных готов.

Я не видел смысла ждать.

КМ21 > Колонна попала под обстрел, несет тяжелые потери. Воздушной и артиллерийской угрозы нет. Предположительно обстрел ведется из легкого стрелкового оружия и РПГ. По координатам только наши. Вы третий БПЛА в районе.

Мы были третьим по счету летательным аппаратом, прибывшим к месту боестолкновения. Поскольку в РБД мы пришли последними, мы не играли ведущей роли. Я настроился на специальную радиочастоту «Хищников», чтобы связаться с другими летательными аппаратами на позиции. Выделенная радиочастота позволяла координировать действия, не вклиниваясь в радиообмен других летательных аппаратов.

В эфире был Дракон Четыре-Два.

— Похоже, «семитонку» подбили. Она горит.

Семитонный грузовик представляет собой большой войсковой транспорт с бронированными бортами, предназначенными для защиты сидящих в кузове солдат. Он шел в составе колонны, перебрасывавшей войска на военно-воздушную базу Эль-Асад в рамках подготовки американских сил к проведению операции «Стальной занавес». Морские пехотинцы готовились взять в кольцо Эль-Каим. Жителям города было рекомендовано эвакуироваться на то время, пока пехотинцы не восстановят в нем порядок. Любой оставшийся в городе автоматически становился мишенью.

Я еще немного повысил тягу двигателя; больше самолет

выдать уже не мог. Я чуть опустил нос, чтобы ценой небольшой потери высоты выгадать пару лишних узлов скорости.

— Дракон, Кинжал подходит с востока, две тысячи.

Я находился на высоте 2000 метров, плюс-минус.

— Принято, Кинжал. Мы на полутора, Булава работает на один и восемь.

Дракон и Булава были позывными двух других экипажей, выполнявших полеты для 3-й эскадрильи специальных операций. Они летели на высоте 1500 и 1800 метров соответственно.

— Остаюсь на двух тысячах, — сообщил я.

— Кинжал, развернись на юг и помоги Булаве определить источник вражеского огня.

— Принято.

Для Бретта, моего оператора средств обнаружения, это был один из первых полетов. Он пришел в программу из структуры Командования специальных операций ВВС США, где служил по контракту — не помню, на каком типе самолетов он летал. Мне еще не приходилось с ним дежурить; нас направили в помощь 3-й эскадрилье еще до того, как мы с ним успели толком познакомиться. Однако я был уверен, что если придется стрелять, Бретт не подведет. Нет, я не подписывался на список ударов 17-й эскадрильи. Просто если ты проходишь курс обучения и успешно сдаешь летный экзамен, то я априори считаю тебя пригодным к выполнению заданий любой сложности в случае поступления соответствующего приказа.

Мы находились приблизительно в 16 километрах от заданной точки. Клуб дыма от горящего семитонного бронированного грузовика отвратительным пятном расплывался на экране. Автоконтраст в обзорно-прицельном комплексе старался скорректировать картинку, однако, приглушая самые яркие участки изображения, приводил лишь к ее общему затемнению.

Бретт стал подправлять картинку с помощью ручных настроек камеры. Смотреть на пылающий остов машины на дисплее было все равно что смотреть на солнце. К тому же на расстоянии 13 километров вспышки пламени стали отражаться в чем-то внутри гондолы, создавая на изображении блуждающие блики. Бретт пытался сбалансировать яркость, однако это приводило к падению резкости на остальных участках изображения.

— Дай крупнее берег реки, — сказал я.

Если дать фокус на другом участке, камера может снова нормально заработать. Бретт увеличил зум камеры до предела. Настройка, соответствующая максимальной кратности зума, называлась сверхузким положением. Следующий шаг уже наполовину резал цифровой кадр и растягивал его на весь экран.

Это был не настоящий зум. Режим всего лишь увеличивал отдельный фрагмент изображения. Пока нам мало что удавалось рассмотреть, но я надеялся, что как только мы подберемся к цели ближе, разрешение картинки повысится.

— Кинжал над целью, — передал я.

Сообщение я продублировал в чат-канале.

КМ21> вп.

Когда мы подлетели ближе, картинка прояснилась и мы смогли рассмотреть некоторые детали. Реактивные гранаты попали в переднюю часть грузовика, повредив двигатель и спровоцировав воспламенение топлива. Еще один залп из РПГ пробил толстую бронированную обшивку кузова, в результате чего погибли четырнадцать солдат.

Колонна была остановлена на дороге; мы видели, как солдаты оттаскивают от грузовика тела погибших. Два «Хамви» заблокировали мост, в то время как другие вездеходы установили периметр безопасности неподалеку от горящего грузовика. Их огневые установки были направлены в сторону моста. Остальные «семитонки» отступали по дороге на безопасное расстояние, при этом из них выскакивали солдаты и рассеивались, занимая оборонительную позицию.

На другой стороне реки засели человек двадцать террористов — они палили из РПГ и поливали американцев очередями из «АК-47» и пулеметов ПКМ. Американские солдаты припали к земле.

Я был возбужден, потому что мы могли изменить ход событий. Мертвым мы не поможем, зато парни там, внизу, все еще сражались за выживание. Мои ракеты «Хеллфайр» были в полной боевой готовности, и я начал мысленно прорабатывать схему атаки. Два других «Хищника», находившихся над районом боевых действий, вероятно, делали то же самое.

БЛВ80> Цель в поле видимости. Прошу разрешения на атаку.

Булава Восемь-Ноль обставила меня.

КМ21> вп. Ждите соответствия ППО.

Костолом Два-Один все еще выбирал оптимальный момент для атаки и велел Булаве Восемь-Ноль ждать разрешения на выстрел в соответствии с правилами применения оружия. Пока мы ждали, террористы за рекой прекратили огонь и, словно по сигналу, отступили в город.

Бретт навел прицел на группу террористов, пробиравшихся по лабиринту городских переулков. Пустынные широкие улицы террористы обходили стороной, выбирая для отступления узкие проходы между одноэтажными домами с плоской крышей.

Из-за того, что переулки петляли, непрерывно держать врага

под наблюдением было трудно.

Чтобы не упускать террористов из виду, мы с Булавой подошли ближе. Время от времени я видел на экране, как она проносится подо мной. При этом я каждый раз ежился и бросал взгляд на боковой монитор. Он выдавал информацию о том, где и на какой высоте летят Дракон и Булава. Булава по-прежнему оставалась метрах в трехстах подо мной, но из-за увеличения камеры казалось, что она буквально на расстоянии вытянутой руки от меня.

Террористы продолжали бежать по переулкам, выстроившись в колонну по одному.

— Булава, это Кинжал, — сказал я по радио. — Берите на себя лидера, я возьму «хвост».

— Принято, — ответил женский голос.

Голос был мне знаком. В то время в «Хищнике» служила лишь горстка женщин-пилотов. Обладательница голоса была очень опытным оператором и, без всякого сомнения, самой меткой из всей нашей троицы, работавшей в тот день. До того как поступить в «Хищник», она служила на летающей артбатарее «AC-130». Это модифицированный транспортный самолет, вооруженный авиационными пушками Гатлинга и гаубицей «M102». Летающие артбатареи действовали только по ночам, в основном оказывая непосредственную авиационную поддержку силам специального назначения. «AC-130» проходит над целью медленнее, чем реактивный истребитель, а его огневая мощь на ближней дистанции поистине опустошительная. С собой летчица принесла спокойную уверенность, которой я восхищался.

— Будь готов к тому, что группа разделится, — сказал я Бретту.

Мы с Булавой взяли боевиков «в вилку». Всякий раз, когда они приближались к очередному повороту, мы были готовы разделиться, однако террористы продолжали держаться вместе. Когда наконец поступило разрешение на атаку, мы решили заблокировать их двумя залпами — одним в голову колонны, другим в ее «хвост», — после чего наши войска либо перебьют боевиков, либо возьмут в плен. Мы держали боевиков словно в тисках, пытаясь предугадать их дальнейший путь, когда в чат-канале вспыхнуло сообщение.

КМ21 > ДН/КЛ/БЛВ — свяжитесь с КЛ36 на [частота].

«КЛ» означало «Клайд» — позывной двух ударных вертолетов «Кобра» Корпуса морской пехоты США. Форма фюзеляжа, большой выпуклый фонарь кабины и два маленьких крылышка с ракетами делали «Кобру» похожей на стрекозу. Под носом был закреплен пулемет. Эти вертолеты использовались Армией США

во Вьетнаме, но позже были заменены машинами типа «Апач». Версия для Корпуса морской пехоты, известная как «Супер Кобра», внешне напоминает своего сородича времен Вьетнамской войны, однако обладает усовершенствованным вооружением и авионикой.

Мы дружно переключились на нужную частоту.

— Дракон Четыре-Два вызывает Клайда.

Дракон сохранял статус ведущего самолета.

— Клайд на связи, — ответил головной вертолет.

Дракон передал самые свежие координаты отступающих террористов.

— Подтвердите визуальный контроль цели.

— Не подтверждаю, дома перекрывают.

— Принято, — ответил Дракон. — Мы дадим вам знать, если они выйдут на открытое пространство. У меня две ракеты в полной боевой готовности.

— Отказ, — ответил Клайд. — Атаковать будем мы.

Голос говорившего не допускал возражений. Погибли его парни, и он жаждал отмщения. Обычно «Кобры» работают в тандеме с корректировщиком. Роль корректировщика чаще всего выполняет легкий вертолет с грушевидным прицельным блоком над несущим винтом. Атака выглядит следующим образом: корректировщик скрывается, например, за деревьями, из-за которых выглядывает только прицельный блок. «Кобра» резко поднимается, выпускает ракету и снова снижается, а корректировщик наводит ракету на цель. Эта тактика использовалась во время холодной войны для борьбы с советской бронетехникой.

В Ираке она работала не очень.

Ни «Кобры», ни корректировщик не видели цель. Но и ближе подлететь к ней они не рисковали, опасаясь РПГ. «Кобрам» приходилось держать дистанцию.

— Вы, случайно, не можете устроить нам стороннюю подсветку цели? — спросил Клайд.

В принципе мы могли навести по лазерному лучу любой боеприпас. Ему ведь все равно, кто пускает лазер, лишь бы в нем содержался правильный код.

Подобный фокус мы провернули всего несколькими неделями ранее. Я только что три с половиной часа отсидел в пилотском кресле и отдыхал, прежде чем продолжить дежурство в качестве руководителя полетов. По причине немногочисленности экипажей мы все работали в боксе короткими сменами. Это было справедливо. Экипажам приходилось сидеть в креслах по восемь часов в сутки. Руководители полетов давали им возможность

сделать перерыв, во время которого можно было поесть и сходить в туалет.

Так вот, когда моя летная смена закончилась, «Хищник» и «Жнец» обнаружили лагерь, в котором, согласно нашему источнику, местный полевой командир встречался с неким высокопоставленным координатором террористов. На встрече обсуждались закупки вооружения и организация нападения на одну из наших баз в Кунаре. Ранее перед нами поставили задачу обнаружить место проведения встречи и ликвидировать полевого командира.

Две палатки образовывали на почве неправильный треугольник. У самого края дороги к северу от лагеря был припаркован грузовик. Когда я вошел в оперативный пункт, Ящичек, один из наших старших пилотов, стоял возле стола руководителя полетов. Он то всматривался в плазменные экраны, то что-то говорил по телефону.

— Что происходит, Ящичек?

— Верхи пытаются решить, что делать.

«Верхами» мы называли ООЦ. В этом слове заключался двойной смысл, обусловленный их расположением на пятом этаже здания и тем фактом, что они наши боссы.

— В смысле? — не понял я.

— Они хотят «накрыть» обе палатки, но те стоят слишком далеко друг от друга, чтобы их уничтожить одним ударом.

Было видно, что он раздосадован.

— А нельзя ударить по очереди? — уточнил я.

Ящичек покачал головой:

— Они хотят, чтобы удары были синхронными.

Обе цели были очень важны. Одиночный удар может насторожить вторую цель, и она постарается скрыться. А поразить бегущую цель в горах или среди деревьев нелегко. Атакуя, мы всегда производили только одиночные выстрелы. Случай, когда я выпустил в Координатора одновременно две ракеты, был единичным.

Ящичек недовольно поморщился.

— Пойду отолью, — сказал он.

Ему явно требовалось время подумать. Возможно, оттого что я смотрел на проблему свежим взглядом, мне ее решение казалось совершенно очевидным. Я вышел в коридор вслед за ним и остановился возле мужского туалета.

— Ящичек, — окликнул я его. — Как насчет сторонней подсветки?

Он уставился на меня так, словно у меня изо лба росла третья рука. Потом покачал головой и скрылся в уборной. Я

подождал в оперативном пункте. Когда Ящичек вернулся, то задал мне лишь один вопрос:

— И как ты себе это представляешь?

Я взглянул на экраны.

— Мы же отрабатываем технику сторонней подсветки для других стрелков. Тут никакой разницы. Цели близко друг от друга. Бомбы имеют разные ЧПИ-коды. Код, основанный на частоте повторения импульсов, или ЧПИ-код — это механизм идентификации, встроенный в лазерный луч, по которому наводится боеприпас, если он запрограммирован на распознавание соответствующего кода. Атакуем одну цель, а у другой бомбы все равно хватит энергоресурса, чтобы достигнуть второй цели.

Ящичек взглянул на экран.

— И «Хищник» приведет ее в нужное место.

— Встроенная поддержка, — сказал я.

Ящичек все еще терзался сомнениями. Прежде мы никогда не использовали одновременно два БПЛА для нанесения удара. Традиционно «Хищники» обеспечивали лазерную подсветку целей только для пилотируемых истребителей, которые в каком-то смысле «подтаскивали» нам бомбы.

— Экипажи отлично знают, как это делать, — добавил я.

— Хорошо, — сказал он после некоторых раздумий. — Спасибо, Белка.

Я остался понаблюдать. Ящичек сообщил пилоту «Жнеца» новый план, согласно которому ему одному надо будет сбросить две бомбы.

Уже через несколько секунд бомбы показались на экране. Монитор, на который транслировалось видео с одного из беспилотников, озарила невероятная вспышка. Взрыв «GBU-12» гораздо мощнее, чем слабый «кошачий пук» ракеты «Хеллфайр».

Вторая бомба не сдетонировала. Боеприпас промелькнул на другом видео, однако окончил свой полет в клубах пыли. Боеголовка не сработала. Наземная группа позднее выяснила, что она таки попала в полевого командира, мгновенно его убив. Даже несмотря на то что бомба не сработала, мы признали удар успешным, поскольку свою задачу она все-таки выполнила. «Сторонняя подсветка» сработала безупречно.

Но теперь, несколько недель спустя, я сомневался, что мы сможем навести вооружение «Кобры».

Новый офицер-оружейник эскадрильи сказал, что ракеты «Хеллфайр» нельзя наводить со стороны. Однако это не совсем правда, поскольку ракеты активируют свои ИК-датчики только после запуска. До этого не имеет значения, кто пускает лазер.

Булава Восемь-Ноль успел сообразить это раньше меня.

— Это Булава, принято. Ожидайте приема координат.

В течение следующей минуты пилот Булавы обрисовывал план взаимодействия с «Кобрами». Я внимательно слушал, готовый помочь в случае необходимости. Самой большой проблемой для нас было то, что Эль-Каим находится недалеко от сирийской границы.

Сирию с трудом можно было назвать нейтральной стороной конфликта, тем не менее мы не могли вторгнуться в ее воздушное пространство, и это сужало наше поле для маневра. На случай, если мы ненароком залетим на их территорию, сирийцы разместили близ приграничного города несколько зенитно-ракетных батарей SA-6 («Куб»).

Террористы приближались к центру города. Мы описывали над ними узкие круги, стараясь держаться подальше от сирийских зенитно-ракетных комплексов. Я слушал, как Булава обсуждает с вертолетом варианты удара по переданным ею координатам. «Хеллфайр» имеет несколько режимов стрельбы. Чаще всего мы использовали режим «прямого удара», когда ракета летит прямо к цели. Кроме того, ракета может спикировать, а потом лететь по плоской траектории невысоко над землей, поражая скрытые цели. Этот режим был идеален для ударов по пещерам в горах Тора-Бора.

В данном случае первые два режима были бесполезны из-за плотной городской застройки. Переулки были слишком узкими. Мы могли использовать только «высокий режим», при котором ракета пикирует на цель вертикально. Дракон был уже наготове и начал передавать «Кобрам» координаты. На боковых мониторах транслировались видео с других беспилотников. Наша гондола целеобнаружения цепко держала на мушке замыкающего колонну террориста. Боевики продолжали бежать в колонну по одному.

КМ21 > С ППС и ОСУ порядок. Атаку разрешаю.

— Это Клайд Три-Шесть, огонь.

Поглядывая на видео с борта Булавы, я стал отсчитывать тридцать секунд. Ракета «Хеллфайр» «Кобры» сошла с подвески и начала набирать высоту, потом развернулась носом вниз и зафиксировалась на лазерном пятне «Хищника» в переулке. Ракета угодила точно в середину колонны. Когда клубы пыли и дыма рассеялись, я увидел на земле два скрюченных тела. Выжившие были оглушены ударной волной, прокатившейся по узкому переулку. На мгновение они остановились, потрясли головами, чтобы прийти в себя, и снова цепочкой помчались вперед.

Почему они не рассеялись? Ведь вокруг полно дверей, в

которые они могли шмыгнуть и скрыться. Но они, словно лемминги, упорно продолжали бежать вереницей.

— Два погибших, «драпуны» снова в движении, — сообщил Булава.

— Вас понял, — ответил Клайд.

КМ21 > ППС и ОСУ в порядке. Продолжаем атаку.

«Кобра» выпустила вторую ракету. Эта ударила прямо под ноги первому бегущему, мгновенно его убив. Уцелевшие, как и прежде, остановились, чтобы восстановить ориентацию, а затем продолжили бег гуськом.

— Да вы что, издеваетесь? — произнес я.

Бретт покачал головой.

— Нарочно не придумаешь… — пробормотал он.

Костолом дал нам разрешение преследовать убегающих до полного разгрома. Было решено, что оценку сопутствующего ущерба он будет проводить прямо по ходу преследования. «Кобры» выпустили еще шесть ракет. «Хищники» успешно навели их все. После каждого удара террористы прерывали бег, приходили в себя от шока и снова пускались бежать цепочкой по переулкам.

— Клайд вызывает Булаву.

— Слушаю.

— Остались без боеприпасов; в наличии имеются только 20-миллиметровки.

Это означало, что вертолеты истратили весь запас ракет, однако в их арсенале еще оставались 20-мм пушки системы Гатлинга. Они могли принести пользу, но из-за шальных пуль и рикошета в переулках сопутствующий ущерб мог стать чудовищным. Тяжелые пули пробивали шлакобетонные камни среднестатистической постройки в данном регионе гораздо легче, чем поражающие элементы от ракеты «Хеллфайр».

Булава доложила ПАНу обстановку.

КМ21 > Булава, ваша очередь.

— Принято, — ответила Булава. — Теперь мы ими займемся.

Она передала это сообщение по радио, чтобы вертолетчики могли его услышать.

«Кобры» взяли курс на базу, а Булава и Дракон заняли позиции для нанесения ударов. На занимаемых высотах нам не нужно было подсвечивать друг другу цели. Мы могли встать в одну линию с бегущими террористами и ударить им прямо в лоб для достижения максимального поражающего эффекта «осколочного облака». Булава и Дракон стреляли в цепочку террористов по очереди. Оба выпустили весь свой боекомплект из двух ракет, и с каждым ударом вереница террористов редела.

Последним на очереди был я.

— Ты готов? — спросил я Бретта.

Тот кивнул. Мы приготовились к стрельбе, пока наблюдали за работой Дракона и Булавы. Несколько оставшихся в живых террористов продолжали бежать гуськом. Я все еще не мог понять, почему они остаются на открытом пространстве.

Я направил нос беспилотника в переулок и начал последний заход. Визирные нити прицельной гондолы приклеились к лидеру цепочки, словно были пришиты к его рубахе. Как только ракета сошла с подвески, от меня уже ничего не зависело.

Ракета устремилась прямо к ведущему бегуну. Тот скрылся в изгибе зигзагообразного переулка. Бретт мягко скорректировал положение прицела, встретив бегуна, выскочившего с другой стороны. По мере нашего приближения изображение террориста на экране увеличивалось. Часы продолжали отсчет времени.

Взрыв произошел как по команде, одним махом уложив последних беглецов. Несколько минут мы наблюдали за ними, однако с земли никто так и не поднялся. Если выжившие и были, то они наконец поумнели и прикинулись мертвыми. Впрочем, вряд ли кто-то выжил. Они находились слишком близко от шквала осколков, чтобы уцелеть.

Что-то глубоко внутри меня, возможно, частичка человечности, которая ненавидела войну, испытывало жалость к этим неизвестным беглецам, убегавшим в страхе и очень хорошо понимавшим, что это последние шаги в их жизни. Думаю, они были выходцами из других стран, скорее всего из Сирии, где им промыли мозги, заставив поверить, что убийство американцев — богоугодное дело.

В этом было что-то абсурдное. Какие у нас тут интересы? Ирак якобы не хотел делиться своей нефтью. Однако при всех своих громких словах и угрозах Западу Саддам Хусейн, в сущности, был региональным посмешищем. Никто его кроме соплеменников не воспринимал всерьез. При этом все, чего мы достигли — это спровоцировали межконфессиональную вражду и создали на Ближнем Востоке очаг нестабильности, который как магнитом стал притягивать террористов всех мастей, стекающихся в Ирак, чтобы устраивать джихад.

Но хотя бы были тут, а не атаковали Америку. Если уж нам приходится драться, то пусть лучше на чужой территории. Тем не менее этот выстрел напоминал спортивную стрельбу по индейкам. Что-то в нем было бесчеловечное. Никакой радости он мне не принес, как не получалось у меня и скорбеть по гибели террористов. По сути, этот случай был обескураживающе абсурдным, хотя он и доказал высокую эффективность сторонней

лазерной подсветки подвижных целей. «Хищник» становился все более смертоносным оружием, хотя на сколько я понял только через несколько месяцев в Ираке.

К тому же именно после операции «Стальной занавес» офицеры, проводящие допросы пленных террористов, стали слышать от них выражение «белые дьяволы». И мятежники, и «Аль-Каида» сходились во мнении, что их главная угроза — не солдаты. Больше всего они боялись «Хищника», бесшумного врага, о присутствии которого узнавали, лишь когда их братья по оружию уже взлетали на воздух.

Глава 12. Все по-взрослому

Полковник Майкл Маккинни сидел во главе длинного стола для совещаний, а по обе стороны от него располагался командный состав эскадрильи. На проекционном экране в дальнем конце комнаты висел слайд «Замечания командующего».

Командующий 57-й оперативной авиагруппой на базе ВВС США Неллис полковник Маккинни еженедельно проводил служебные совещания с участием всех командиров и старших офицеров. Так как в авиагруппе я был старшим пилотом, ответственным за стандарты и аттестацию служащих, меня пригласили на брифинг для консультации по вопросам тренировок и сертификации персонала. Чаще всего такие совещания скучны. Командиры жалуются на недоукомплектованность кадрами на фоне неуклонного расширения боевых задач их эскадрилий. Я жаловался на размывание летных стандартов в связи с таким энергичным расширением. Маккинни всеми силами старался обеспечить баланс между потребностями ВВС и возможностями своих подчиненных. Короче говоря, мероприятие было таким же неинтересным, как и служебное совещание в любой американской корпорации.

Я сидел у стены и делал пометки в блокноте, когда полковник вывел на экран слайд «Замечания командующего» — как правило, последний на брифингах. Наступало его время дать мотивационную речь или те или иные указания.

— Вчера мне позвонили из Корпуса морской пехоты, — начал он.

У меня екнуло сердце. Я сразу сообразил, куда он клонит.

— Похоже, им требуется экипаж для «Хищника», — продолжал Маккинни. — По всей видимости, для какой-то запланированной операции.

— Когда? — спросил Бензопила, командир 3-й эскадрильи специальных операций. Его эскадрилья была уже отделена от 15-й и действовала одновременно в Афганистане и Ираке.

— Незамедлительно. Морпехи понимают, что нам потребуется провести тренировки перед отправкой в командировку. Опросите своих людей на предмет добровольцев.

При этих словах Маккинни повернулся и поглядел прямо на меня, многозначительно подняв бровь. Не было сомнений в том, что он имел в виду. Он ничего не сказал — да ему и не требовалось.

Несколькими днями ранее я обратился к Маккинни с

вопросом по поводу произошедших в ВВС изменений в системе присвоения воинских званий. Возросшие боевые потребности на войне в Ираке означали более продолжительные служебные командировки в армии. К концу войны армейские подразделения проводили за океаном по пятнадцать месяцев. Армии требовался больший воинский контингент, чтобы усилить ротацию войск.

В ответ на это ВВС и ВМС начали сокращать численность своего персонала, чтобы высвободить места для расширения армии. Офицеры из обеих структур могли переходить на службу в армию, однако мало кто так поступал, поэтому у ВВС и ВМС не оставалось другого выхода, кроме как начать увольнять офицеров. Самым простым способом сделать это было повышение в звании. Либо двигаешься вверх, либо на выход. Они изменили правила, чтобы затруднить повышение. С 2001 года, чтобы продвинуться по службе, каждый военнослужащий был обязан съездить в боевую командировку.

Нововведение застало офицеров врасплох. Многие части никогда не участвовали в зарубежных кампаниях, что ставило сотни пилотов в уязвимое положение. Аналогичным образом те, кто служил в системе учебного командования, тоже были лишены возможности побывать в командировке. Новый порядок затронул почти каждого офицера и в «Хищнике». Мы располагали очень ограниченным числом пилотов и операторов средств обнаружения, которые дислоцировались непосредственно на театре военных действий, занимаясь запуском и посадкой летательных аппаратов. В «Хищнике» пилоты никогда не поднимали и не сажали беспилотники с территории Соединенных Штатов. Мы брали на себя управление БПЛА, когда те уже находились в полете. Не было никакой необходимости отправлять нас в зону боевых действий и подвергать традиционным военным рискам. К тому же держать нас на базе в тылу было дешевле.

Позднее в том же году мне предстояло встретиться с подполковником из комиссии по присвоению воинских званий. Для повышения в звании я должен был соответствовать всем профессиональным стандартам. Мне не хотелось, чтобы какая-нибудь формальность стала препятствием. Я всегда придерживался мнения, что перед комиссией предстаю не я лично, а мой послужной список. Если в моем личном деле обнаружится хоть малейший изъян, меня не представят к очередному воинскому званию. Поэтому мне позарез нужна была боевая командировка.

Покидая Академию ВВС США, я ставил перед собой две цели: дослужиться до подполковника и стать командиром боевой летной эскадрильи. В моем случае наилучшим вариантом было

бы принять командование одним из подразделений, дислоцированных на ТВД, которые осуществляли подъем беспилотников в воздух и их посадку. Но прежде мне предстояло получить очередное воинское звание, поэтому я и обратился к Маккинни.

Когда я объяснил ему причины своего желания отправиться в командировку, полковник кивнул, пообещав подумать, что можно сделать. Это был деликатный отказ. Обычно он не занимался вопросами отбора кадров для командировок, даже для командования. Поэтому когда Маккинни сообщил нам о запросе из Корпуса морской пехоты, у меня не оставалось выбора. Я сразу же вызвался добровольцем, поскольку ранее просил направить меня в зону боевых действий.

Боевая командировка не только позволяла мне укрепить свою военную репутацию, но и означала, что кого-нибудь из наших пилотов, постоянно работающих на линии, не заставят отправиться на войну вместо меня. Я работал не по стандартному летному графику, поскольку в авиагруппе, помимо пилотирования, занимался решением более глобальных задач. В частности, в мои обязанности входила оценка профпригодности и аттестация новых инструкторов и пилотов во всех эскадрильях. Когда я не был занят в полете, то разрабатывал нормы и правила, в соответствии с которыми должны были действовать наши эскадрильи. В авиации летные нормы тесно увязаны с правилами техники безопасности и призваны содействовать повышению профессиональных навыков летчиков и минимизировать возможные аварии, вызванные ошибками действий экипажей. Вся эта работа существенно сокращала время моего пребывания в кабине пилота (в этом недостаток руководящей должности). Поскольку я летал мало, мое отбытие не должно было негативным образом отразиться на летном графике.

Месяц спустя я уже сидел в самолете на пути в Ирак. Во время промежуточной посадки на авиабазе Рамштайн в Германии морпехи сообщили, что им больше не требуются наши услуги по поддержке сухопутной операции, о которой упоминал полковник Маккинни. Тем не менее меня все равно направили в Анбар на западе Ирака для проведения оценки возможностей задействованных на ТВД беспилотных авиационных комплексов (особенно в плане трансляции видео). Эти трансляции произвели сильное впечатление на военное и политическое руководство страны. К концу 2005 года все «Хищники» были приписаны к различным армейским частям для оказания поддержки с воздуха. Большинство беспилотников летали над Багдадом, Мосулом, Басрой и Насирией. Чтобы открепить беспилотник от

соответствующего подразделения или направить в помощь морской пехоте, требуется одобрение Конгресса. Мы блестяще проявили себя в ходе операции «Стальной занавес», поэтому Корпус морской пехоты запросил у нас помощи во второй битве за Фаллуджу.

Когда морпехи во второй раз пробивались сквозь узкие переулки и тупики, одно из подразделений на перекрестке попало под обстрел снайпера. Отряд оказался прижатым к земле и запросил поддержки с воздуха. Первыми откликнулись «F-18» Корпуса морской пехоты. Но так как снайпер стрелял из окна третьего этажа здания, истребители были отозваны — их вооружение привело бы к огромному сопутствующему ущербу. Правила применения оружия менялись, и мы больше не могли сбрасывать бомбы в черте города. На выручку пришел находившийся неподалеку «Хищник». Экипаж, имена членов которого я так и не узнал, влепил «Хеллфайр» прямо в окно. Снайперский огонь моментально прекратился. Это был поистине невероятный выстрел, и с той поры «Хищники» у морских пехотинцев стали легендой.

Возможность поддерживать непрерывное наблюдение за целью (причем в высоком разрешении) оказывала серьезное подспорье в сражениях, когда приходилось отбивать дом за домом. Теперь морпехи хотели, чтобы все их части тоже могли пользоваться такой возможностью.

Мы сели в Багдаде, а затем на армейских «Черных ястребах» направились в Анбар. Летели низко над городом, едва не касаясь крыш домов. За бортом в бурой дымке мелькали коробки железобетонных зданий; время от времени глаз выхватывал пустой участок, где некогда стоял дом.

Меня разместили в особняке на территории базы Кэмп-Фаллуджа, которая располагалась немного южнее города Эль-Фаллуджа и соседствовала с тюрьмой Абу-Грейб. Большую часть командировочного времени я в составе 2-й экспедиционной дивизии морской пехоты США, к которой был приписан, провел в разъездах по провинции Анбар, анализируя работу действовавших там БПЛА-эскадрилий. Мне нужно было посмотреть, какие улучшения можно внести в уже имеющиеся возможности.

Одну из своих первых поездок я совершил на авиабазу Аль-Такаддум. «ТК», как ее именовали, располагалась на берегу озера Эль-Хаббания, к юго-западу от городов Эль-Фаллуджа и Эр-Рамади. Это был небольшой авиаузел, используемый действовавшими в этом районе частями морской пехоты в качестве перевалочного пункта. На аэродроме с регулярными

временными интервалами приземлялись «С-17» и «С-130», транспортировавшие людей и технику.

До войны на аэродроме базировались иракские силы, и в самом конце взлетно-посадочной полосы в беспорядке стояли старые бомбардировщики среднего радиуса действия «Ил-28» («Гончая») словно призраки холодной войны. По конструкции это были машины времен Второй мировой войны, дополненные реактивными двигателями, которые, впрочем, не сильно улучшили их летные характеристики. Самолеты древние даже по меркам холодной войны. Само озеро было изумительного голубого цвета — настолько прекрасное, что Саддам Хусейн построил неподалеку санаторий для членов партии Баас.

Когда я прибыл в Аль-Такаддум, морпехи поселили меня на территории заброшенной батареи ЗУР «Роланд». От зенитно-ракетного комплекса и его компонентов не осталось и следа. Должно быть, его уничтожили много лет назад. Площадку, где некогда стояли шасси зенитно-ракетного комплекса, огибало вытянутое двухэтажное здание, которое пехотинцы прозвали «Аламо».

Для жилья мне отвели заброшенную инструментальную кладовую. Стеллажи для инструментов были давным-давно вырваны из стен. На металлической койке, поставленной на попа, лежал грязный матрас. По какой-то причине его подняли высоко над полом, положив на изножье кровати. Наверное, из-за крыс. Функцию двери выполнял фанерный лист, которым морпехи прикрыли дверной проем. Защелки он не имел и свободно болтался, хлопая всякий раз, когда очередной порыв зимнего ветра врывался в Аламо. Чтобы отгородиться от холодного ночного воздуха, я привалил «дверь» своей дорожной сумкой.

Это была моя первая поездка в Ирак. Большую часть войны я смотрел на Ирак из станции наземного управления, находясь от страны за тысячи километров. Но сейчас моя жизнь действительно была в опасности. Я был на земле, уязвимый перед атаками противника. И это меня будоражило.

Этот мир разительно отличался от тех мест на Ближнем Востоке с многочисленными отелями, которые я посещал во время своих первых командировок. Только теперь, прибыв в Ирак, я понял, насколько легкой была моя служба до того. С другой стороны, поездка дала мне более полное представление о том, что испытывают парни в зоне боевых действий. Мы видели их только во время выполнения боевых задач, однако, как я выяснил несколько дней спустя, на театре военных действий тяжело не только в бою.

Бытовые условия тут отличались от всего, к чему я привык.

По ночам внешнее освещение выключали, и территория погружалась в кромешную тьму. Звезды в ночном небе не давали света; приходилось буквально на ощупь, тараща глаза, пробираться по непроглядному лабиринту из грузовых контейнеров, служивших спальными помещениями. Единственным источником света для меня был светодиодный фонарик, который давал маленький пучок красного цвета.

Большую часть времени я проводил в расположении эскадрильи морской пехоты, работавшей с дистанционно управляемыми аппаратами RQ-2 «Пионер». «Пионер» длиной с офисный стол. Маленький двухтактный двигатель, который лучше использовать в газонокосилке, смонтирован в задней части между двумя хвостовыми стабилизаторами, а на брюхе беспилотника закреплена прицельная гондола не многим больше грейпфрута.

Морпехи запускали самолет либо с катапульты, как на авианосцах, либо при помощи ракет, которые отстыковывались, после того как аппарат поднимался в небо. Без гибкости было не обойтись, потому что морпехи не знали, будет ли в их распоряжении дорога или взлетно-посадочная полоса достаточной длины, чтобы управлять БПЛА в движении. Каждый запуск «Пионера», когда он делал пару витков вокруг взлетного поля и брал курс на цель, сопровождался надсадным визжанием двигателя. Пилоты управляли аппаратом из расположенной на авиабазе СНУ.

Морпехи намеревались использовать «Пионер» подобно «Хищнику», но столкнулись с проблемой. Командиры всегда хотят видеть цель и наблюдать за ней перед началом штурмовой операции. Такая визуальная информация крайне важна с точки зрения минимизации боевых потерь. Но чтобы ее получить, «Пионеру» приходилось лететь так низко, что его выдавало жужжание двигателя. А для врага нет более четкого сигнала, что пора бежать и прятаться, чем летающая газонокосилка, целый час кружащая над домом.

Поэтому в эскадрилье нашли лучшее применение своим комплексам.

«Пионеры» занимались сопровождением военных колонн и поиском самодельных взрывных устройств вдоль двух главных путей движения транспортных колонн, которые проходили через Эль-Фаллуджу и Эр-Рамади. Эти две дороги, получившие названия «трасса Вашингтон» и «трасса Мичиган», были самыми опасными магистралями на всем театре боевых действий.

Маскировка для задания не требовалась. Небольшие самолеты просто летели впереди автоколонны и осматривали

дорогу на предмет любой возможной опасности.

Одним утром я отправился понаблюдать за работой «Пионеров». В командном пункте я смог лично ознакомиться с тем, как экипаж выполняет задачу по обеспечению безопасности колонн. Экипаж контролировал летательный аппарат из установленной на «Хамви» станции управления. Броневик со станцией управления стоял в небольшом бетонном кармане, формой повторяющем габариты машины. На мониторах скользила трасса Вашингтон, на которой «Пионер» выискивал придорожные мины. Как и большинство наших заданий, эта работа была скучной и требовала недюжинного терпения и умения сохранять концентрацию.

Наблюдая за трансляцией, я попутно разговаривал с молодым лейтенантом, и тот вдруг начал рыться в столе, что-то выискивая. Худощавый высокий парень со стереотипной стрижкой морпехов — выбритыми затылком и висками и коротким ежиком на макушке, — наконец выудил DVD, на обратной стороне которого черным фломастером было написано «Лучшие хиты».

— Сэр, — сказал лейтенант. — У меня есть для вас одно видео.

Лейтенант знал, с какой целью я присутствовал в эскадрилье. «Лучшие хиты» было распространенным названием видеозаписей с операциями боевых эскадрилий. Как правило, такое видео содержало нарезку выдающихся авиаударов, совершенных частью. Я улыбнулся в душе. Как видно, название прижилось и в «нестреляющих» эскадрильях.

Лейтенант провел меня в оперативный пункт. Там он вставил диск в лэптоп на столе и вывел видео на один из компьютерных мониторов, смонтированных на стене.

— Этим мы особенно гордимся, — сказал он.

Видео включилось, и я увидел архивную запись обычного сканирования дороги. Камера шарила по сторонам, высматривая характерные признаки самодельных взрывных устройств (СВУ). Когда беспилотник миновал четырехсторонний перекресток, визирные нити остановились на автомобиле с поднятым капотом, стоящем у одного из поворотов.

— Это когда было? — поинтересовался я.

— Месяца два назад, — ответил лейтенант. — Мы осматриваем загородные дороги и ищем людей, которые приводят СВУ в боевое положение.

Когда не надо было сопровождать военные колонны, «Пионеры» облетали окрестности Эль-Фаллуджи, выискивая заминированные автомашины. Изготовление самодельных бомб требует умения и осторожности. Малейшая небрежность может

привести изготовителя бомбы к гибели и даже сровнять с землей несколько домов. В целях безопасности мятежники сначала устанавливали в машине взрывное устройство, а затем отправляли водителя на окраину города ставить бомбу на боевой взвод, подключив ее к аккумулятору. В случае несанкционированной детонации погибал только террорист-смертник.

Судя по видеозаписи, экипаж беспилотника, обнаружив автомобиль с поднятым капотом, вызвал силы быстрого реагирования для его проверки. «Пионер» продолжал крутиться над машиной на случай, если что-то произойдет, прежде чем СБР прибудут из города. После того как БПЛА совершил пару кругов, оператор средств обнаружения заметил голову, высунувшуюся из окна со стороны водителя. Картинка была не очень качественной, но, судя по всему, человек смотрел прямо на самолет.

— Что он делает? — спросил я.

— На тот момент мы этого еще не знали, — ответил лейтенант.

Мужчина медленно вылез из машины и двинулся к центру перекрестка. Он поднял руки вверх и повернулся лицом к летательному аппарату. Человек осторожно смещался в сторону маленькими шажками, продолжая держать лицо обращенным к кружащему в небе «Пионеру».

Закадровые голоса на видео начали обсуждать происходящее.

— По-моему, он сдается, — сказал кто-то из экипажа «Пионера».

— Это что, шутка? — отозвался другой член экипажа.

— Затем пилот связался с дежурным офицером, — пояснил лейтенант.

— Кто это был?

— Это была моя смена, — ответил он.

На видео я услышал, как «Пионер» вызывает лейтенанта.

— Что нам делать? — спросил пилот.

— Оставайтесь над ним, — услышал я голос лейтенанта за кадром.

Вскоре показались несколько «Хамви», направлявшиеся по трассе в сторону автомашины. Мужчина не двигался. Он по-прежнему стоял с руками, поднятыми вверх, лицом к летательному аппарату. Морпехи остановились на границе предполагаемого радиуса поражающего действия взрыва, соскочили с вездеходов и стали медленно приближаться к мужчине.

Я весь подался к монитору, в любую секунду ожидая увидеть какое-нибудь движение, которое указывало бы на то, что мужчина

активирует взрыватель. Еще несколько пехотинцев пересекли предполагаемую границу взрыва. У меня учащенно забилось сердце. Я был готов к тому, что морпехи застрелят иракца, как только он попытается выхватить оружие или привести в действие детонатор. Солдаты медленно, шаг за шагом приближались к подозрительному человеку, словно испытывая тот же страх, что и я. Ощущение опасности было буквально осязаемым. Человек продолжал стоять неподвижно, держа руки поднятыми.

Наконец первый пехотинец вместе с переводчиком приблизились к иракцу. Остальные бойцы остановились чуть поодаль, наблюдая. Пехотинец и переводчик заговорили с мужчиной, а тот начал что-то объяснять, отчаянно жестикулируя.

Один из морпехов тем временем пошел к машине, чтобы ее осмотреть. Сначала он заглянул в салон, затем под капот.

На видеозаписи было слышно, как СБР доложили по радио:

— Все чисто.

На этом видео оборвалось.

— Так что же там произошло? — спросил я.

Бойцы ни к чему не прикасались. Никто не открывал багажник, где могла быть спрятана взрывчатка.

— У мужика на самом деле сломалась машина, — объяснил лейтенант. — Среди иракцев мало кто владеет машиной. Для них это престижный символ статуса. Этот человек не хотел, чтобы его машину уничтожили ударом с воздуха, и решил сдаться, чтобы сохранить ее в целости и сохранности. Мы его выручили и вызвали буксир.

Я кивнул, наконец поняв, что произошло.

— Вы, вероятно, первые, кому удалось пленить подозреваемого при помощи БПЛА.

— Точно, — подтвердил лейтенант. — Это, наверное, первый случай в истории, когда человек сдался самолету.

Я не был в этом абсолютно уверен, тем не менее такое вполне было возможно.

— Есть еще что-нибудь?

— Только записи штурмов и все в таком духе.

— Понятно, — ответил я.

Эта операция отлично подошла бы для учебников истории, но больше всего меня поразило то, как морская пехота использовала недостатки «Пионера», обращая их в достоинства. Иракцы знали, что если слышно жужжание «Пионера», значит, за ними наблюдают американцы. И морпехи использовали этот шум как средство устрашения. Меня это впечатлило.

— Знаете, вам нужно поговорить с парнями из «Тени», — сказал лейтенант. — У них тоже есть кое-какие прикольные

записи.

— С кем поговорить?

Примерно в паре километров от места стоянки самолетов располагалась база взвода «Тень». Это подразделение входило в состав регулярной армии, а в Анбар его перебросили в самый разгар битвы за Эль-Фаллуджу для поддержки сил морской пехоты. Силы «Тени» были распределены между Аль-Такаддумом и основным местом дислокации взвода на передовой оперативной базе Эр-Рамади.

Взвод летал на новейших RQ-7 «Shadow» («Тень»). По сути, «Тень» является модернизированным «Пионером», имея сходные с ним размеры и конструкцию. Несмотря на усовершенствования, БПЛА не избавился от функциональных ограничений своего предшественника, обусловленных шумом двигателя. Армия применяла беспилотник так же, как морпехи — «Пионер», но в Эр-Рамади его использовали для охраны базы.

Перед тем как вернуться в Кэмп-Фаллуджа, я слетал в Эр-Рамади. Чтобы защититься в полете от холодного ночного ветра, я надел утепленную куртку из гортекса. Морпехи посмеивались надо мной, когда я садился на борт CH-47 «Чинук», однако когда мы достигли заданной высоты, им стало уже не до смеха. Пилоты вертолетов давно заметили, что открытые боковые двери, через которые ведется оборонительный огонь из пулеметов, действуют как аэродинамический тормоз и замедляют винтокрылую машину в полете. Поэтому вертолетчики традиционно приоткрывают створку заднего грузового люка, чтобы давать выход поступающему внутрь воздуху. В результате температура в грузо-пассажирском отсеке достигает минусовых значений. Я трясся от холода в своем плетеном сиденье, в то время как морпехи вокруг меня вообще посинели.

Вот болваны, думал я. Приспосабливайся и выживай!

Выражение на лицах морпехов говорило, что ирония ситуации от них тоже не ускользнула.

При подлете к месту я увидел город и реку. База располагалась внутри одной из излучин Евфрата. С воздуха хорошо было видно, как Эр-Рамади окаймляет базу с северной и восточной сторон. На юге и западе простирались сельскохозяйственные угодья. Река обеспечивала естественный заслон от прямых нападений, то есть самыми уязвимыми направлениями были юг и запад.

Когда я выбрался из вертолета, в воздухе висела плотная взвесь белой пыли. С запада снова дул зимний шамаль, поднимая с земли пыль и грязь.

У заднего люка меня встретил армейский штаб-сержант. Для

своих без малого пятидесяти он был немного полноват; десятилетия армейской службы наложили отпечаток на весь его облик. Он был бойцом Национальной гвардии штата Пенсильвания, как, собственно, и весь состав бригадной тактической группы в Эр-Рамади.

— Доброе утро, сэр, — громко поприветствовал он меня, стараясь перекричать рокот своего «хамви». — Добро пожаловать на ПОБ Эр-Рамади.

Я плюхнулся на сиденье справа, и броневик покатил по разбитым улицам.

— На базе в последнее время немного неспокойно, — сообщил сержант. — Террористическая активность выросла, атак стало больше, чем обычно. Иногда будете слышать злых шмелей. В таком случае встаньте за какой-нибудь стеной.

Злые шмели возбудили во мне интерес.

— Как вы сказали?

— У мятежников время от времени начинает зудеть шило в заднице, и тогда они разряжают по базе магазин-другой, — пояснил штаб-сержант. — Причем обстрел ведут с безопасного расстояния, где мы не можем их засечь. На этом расстоянии пули теряют почти всю свою энергию. Когда они начинают падать, то слышен жужжащий звук, как будто летит большой шмель.

— Это опасно?

Я еще никогда не сталкивался с таким явлением. Раньше в меня стреляли, но звук, сопровождающий выстрел, обычно представлял собой хлопок, вызванный преодолением пулей сверхзвукового барьера. «Шмели» — это что-то новенькое.

— Дырку в теле такая пуля проделает, — ответил он. — Если очень не повезет, то может и убить. Шлакоблоков и мешков с песком обычно хватает, чтобы защититься.

— Ясно.

Сумки я свалил в казарме, куда меня временно поселили. Солдаты, которые в ней жили, находились в отпуске. Мне предстояло пробыть на базе всего один день и вернуться в Аль-Такаддум. Скорее всего, солдаты так и не узнали, что я у них останавливался.

Оставив багаж, я поехал в расположение взвода «Тень». При подъезде к летному комплексу сразу бросились в глаза несколько поставленных один на другой погрузочных контейнеров, на крышах которых были установлены радиопередатчики. Полное противоречие стандартам, принятым в «Хищнике». В нижнем контейнере размещался контрольный пункт, откуда пилоты и операторы управляли своими аппаратами. Рядом стоял еще один контейнер, использовавшийся в качестве служебного помещения.

Сезонные ливни превратили автомобильную стоянку в натуральное болото. На дорогах и парковочных площадках стояли огромные лужи. Я остановил «Хамви» возле пальмы, рассчитывая найти хоть клочок сухой земли. Когда я заглушил мотор, меня поприветствовал армейский капитан — молодой парень, вероятно, вступивший в должность совсем недавно.

— Добро пожаловать во взвод «Тень», — сказал он.

Мы обменялись рукопожатием.

Пока мы шли по деревянным поддонам, направляясь в офис командира, он рассказывал мне о задачах своего подразделения. Среди моря грязи замызганные поддоны были единственной твердой основой под ногами. Хотя его рассказ и был мне интересен, сейчас меня больше занимала грязь. И вода, и раскисшая почва были покрыты маслянистой пленкой, которая в лучах солнца переливалась всеми цветами радуги.

— Откуда такая пестрота?

Командир, не сбавляя шага, с отвращением посмотрел вниз.

— Дизельное топливо.

— Что, простите? — переспросил я.

— Когда мы приняли базу, солдаты вылили на землю дизельное топливо, чтобы не было пыли. Теперь, когда идет дождь, солярка проступает из почвы.

Я понимающе кивнул. Солярка легче воды, поэтому во время дождя всплывает на поверхность луж.

Почти все свободное пространство офиса было занято разномастными стульями и самодельным столом из фанеры. Встроенные в стену полки ломились от различного инвентаря, зарядных устройств для радиостанций и документации. На одной из стен висела карта района, на другой — план базы.

Командир объяснил, что в Аль-Такаддуме пилоты и операторы средств обнаружения только поднимают и сажают летательные аппараты. Без возможности управлять ими через спутники они могут пилотировать самолеты лишь в пределах зоны прямой радиовидимости. Сами же операции осуществляются силами основного контингента «Тени», дислоцированного в Эр-Рамади.

Все, как у нас в Неллисе. При выполнении задания контроль над БПЛА поддерживался при помощи прямой радиосвязи, тогда как мы для этих целей использовали спутник. В остальном принцип действий был схож.

— Мы больше не занимаемся разведкой перед штурмовыми операциями.

— А чем занимаетесь?

— Чаще всего нападения на базу происходят со стороны

города, — сказал он. — Боевики больше не нападают с парадного входа. Обычно они просто обстреливают нас из минометов.

— Не очень-то приятно, надо полагать, — заметил я.

Капитан пожал плечами:

— Мятежники довольно предсказуемы. У них есть двенадцать ИТО, откуда они выпускают снаряды.

— Понятно, — произнес я, глядя на карту.

— Самолет слишком шумный, чтобы его можно было использовать для поддержки штурмовых групп — если только после начала операции, — пояснил командир. — Для разведки толку от него никакого. Шум можно использовать в других целях.

Капитан стал показывать места ИТО на карте района.

— Мы летаем по одному и тому же маршруту. Беспилотник идет по координатам к ИТО и смотрит. Мятежники действуют довольно предсказуемо. Подъезжают на «Хайлаксе» и останавливаются в центре этого перекрестка. Другие машины стараются держаться от них подальше. Потом из машины вылезает боевик и где-то с минуту топчется рядом, как будто прислушивается. Если нас не слышно, они атакуют.

— А если слышно? — спросил я.

— Тогда переезжают к следующей ИТО, — ответил командир. — И этот ритуал они повторяют в каждой точке обстрела в течение всего дня.

— Эффективно? — поинтересовался я.

— В целом да, — ответил командир. — Нам удается засекать большинство расчетов. Хотя иногда какой-нибудь да проскочит мимо. Но не часто.

— То есть вы используете летательные аппараты как оружие для пресечения действий противника в данном районе?

Командир задумался на секунду-другую.

— Получается, так.

Я по достоинству оценил успех миссии и то, как хитроумно они обернули недостатки летательного аппарата в достоинства. На мой взгляд, именно за счет такой смекалки и выигрываются войны. БПЛА-сообщество, от «Пионеров» и «Теней» до «Хищников» и «Жнецов», писало новую страницу в истории воздушной войны. БПЛА-сообщество быстро становилось одной из основ американского метода ведения войны, шла ли речь о сторонней лазерной подсветке целей или использовании шума двигателя для устрашения противника. Вряд ли американские войска хоть когда-нибудь еще будут подвергать себя опасности без прикрытия со стороны БПЛА.

В ту ночь я отправился назад в Аль-Такаддум вместе с военной колонной, так как из-за непогоды вертолет, на котором я

должен был вылететь, не смог подняться в воздух. Прежде чем мы наконец достигли главных ворот базы, нам пришлось по трассе Вашингтон обогнуть озеро Эль-Хаббания, проезжая мимо ряда иракских особняков, санатория партии Баас и города Аль-Такаддума.

Так я впервые оказался в Ираке с внешней стороны колючей проволоки, поскольку до этого перемещался по большей части на вертолете. Я ехал, сидя на «сучке» — сиденье позади водителя командирского «Хамви». Каждый раз, видя заросли высокой травы, я невольно представлял, как из них выскакивает отряд боевиков и обстреливает нас из РПГ. Мои защитные очки запотели, так как я обливался потом в ожидании худшего. Интересно, испытывают ли сидящие рядом со мной парни такие же эмоции всякий раз, когда покидают пределы базы? Как часто перед ними внезапно выскакивают боевики? Та поездка здорово потрепала мне нервы. Не хотелось бы испытывать такое изо дня в день в течение года.

Зато эта нервная поездка позволила прочувствовать, насколько тяжела обстановка в Ираке. Ситуация на трассе Вашингтон была миниатюрной моделью царящего в стране безумия.

Трасса петляла мимо убогих трущоб и сельских домов неподалеку от базы в Эр-Рамади, затем вливалась в отличное шестиполосное шоссе, которое пролегало вдоль роскошных особняков функционеров партии Баас. Политика суннитского меньшинства породила катастрофически огромный разрыв в доходах населения: члены правящей партии процветали, а простые иракцы прозябали в нищете. Но я очень сомневался, что наши попытки создать общество, основанное на принципах свободного рынка, сработают. Слишком уж сильно сунниты и шииты ненавидели друг друга, чтобы в Ираке воцарился реальный мир.

Когда мы наконец добрались до ворот базы на окраине Эль-Фаллуджи, я был вымотан до предела. Словно зомби, доковылял до своей комнаты и рухнул на койку. Нужно будет вспомнить эти переживания, когда снова придется оказывать воздушную поддержку сухопутным силам, думал я.

Я провел в Ираке шестьдесят дней, занимаясь аналитической работой. Моей последней остановкой перед отъездом из Ирака была военно-воздушная база Аль-Асад. Мне надо было поговорить с Костоломом, ПАНом, который координировал проведение операции «Стальной занавес». Я хотел услышать его оценку наших действий в той операции. Также хотелось узнать точку зрения парней, контролирующих ход боя с воздуха.

Аль-Асад — вторая по размеру авиабаза в Ираке — была в провинции Анбар главным авиаузлом. На ее территории имелись закрытый бассейн, крупный армейский магазин (что-то вроде «Уолмарта» для военных) и несколько закусочных американских сетей быстрого питания. Она резко контрастировала с базами Кэмп-Фаллуджа и Эр-Рамади, где грязь пропитана соляркой.

С Костоломом я встретился в подвале старого административного здания, которое выполняло функцию штаба. Мы разговаривали, сидя за белым складным столом для пикников в тусклом свете голых лампочек. Временами, когда артиллерия открывала ответный огонь по позициям минометных расчетов повстанцев, свет тускнел, а сверху на нас сыпалась пыль.

Марк, майор Корпуса морской пехоты США, выглядел гораздо старше меня. Возможно, он был и моложе, однако что-то его явно тяготило, из-за чего майор казался старше своих лет. Он ежился на стуле, словно пытался уменьшиться в размерах.

Мы неторопливо разобрали все действия в Эль-Каиме. При себе у меня были кое-какие слайды, демонстрирующие, чем мы занимались, находясь над целью. По ходу просмотра Марк кивал, однако в глазах его застыла боль.

— В том сражении я убил больше 1600 человек, — произнес он. — Все они были плохими парнями.

Марк произнес «плохими парнями» таким тоном, будто искал оправдания своим действиям, подтверждения того, что тогда он все делал правильно. Пусть он и не нажимал на гашетку лично, но все равно чувствовал свою ответственность. Всякий раз как Марк упоминал тот бой, он неизменно повторял эту обращенную к самому себе мантру про плохих парней.

Ближе к концу нашей встречи я рассказал о своей службе. Когда Марк узнал, что я пилотирую «Хищников», у него загорелись глаза.

— Серьезно?! — воскликнул он. — Тогда с меня пиво, приятель.

— Это почему?

— Вы, парни, задали там жару, — ответил он, снова оживившись. — В ходе «Стального занавеса» «Хищники» уложили по меньшей мере 1400 боевиков.

Цифры повергли меня в шок, и я честно в этом признался. Я и подумать не мог, что мы убили так много людей.

Молва о том, что я пилот «Хищника», быстро разлетелась по базе. Незнакомые парни приглашали меня выпить с ними пива, даже если оно было безалкогольным. На меня свалилась слава, которой я не ожидал. Я не знал, что с ней делать. В конце концов я решил просто отмахиваться от похвалы и отвечать что-то вроде:

«Наша работа — сохранять вам жизни, парни».

При этих словах морпехи неизменно улыбались. Хотя я несколько смущался, все же мне льстило, что из всех средств воздушного прикрытия они отдавали предпочтение именно «Хищнику». Я понимал, что вечно так продолжаться не будет. Но сейчас «Хищник» мог купаться в лучах своей пятнадцатиминутной славы.

Перед тем как покинуть базу, мы заскочили в часть «Скан-Игл» посмотреть, на что способен летательный аппарат еще меньшего размера. «Пионеров», имевшихся у морпехов в наличии, было недостаточно для покрытия всей провинции, поэтому они привлекли к работе маленькие беспилотники «Скан-Игл».

Эскадрилья занимала заброшенный капонир от «МиГ-21» в дальнем конце аэродрома. Бетонный бункер был рассчитан на три истребителя, каждый из которых размещался в своей индивидуальной нише. После того как «МиГи» убрали, эскадрилья поставила вместо них небольшие жилые модули. Модуль в первой нише служил жилым помещением, в среднем размещался оперативный пункт, а дальний отсек содержал столовую и комнату отдыха.

Над бункером стояла хижина с гамаком и верандой, которую соорудил старый, сурового вида подполковник, служивший в Корпусе уже двадцать восьмой год, из фанеры и брусьев, собранных по всей базе.

— Единственный дом для престарелых, который я заслужил себе на старости лет, — сказал мне командир эскадрильи, когда мы сидели с ним на крытой веранде площадью с пару квадратных метров.

Если «Пионер» — среднеразмерный беспилотный авиационный комплекс, то «Скан-Игл» приближается к классу «мини». Примечательно, что он вообще не имеет опорного шасси. Экипажи запускают летательный аппарат с катапульты, а садится самолет, цепляясь за натянутый трос закрепленными на законцовках крыльев крюками. Обычно «Скан-Иглы» патрулировали территорию от Эль-Каима до Эль-Хадиты. В день моего визита летательный аппарат наблюдал за ветхим заброшенным мостом. Его опоры и пролеты несли на себе многочисленные следы разрушений, а изуродованное дорожное полотно было сплошь усеяно выбоинами и обломками. Судя по автомобильным следам, водители сторонились моста, объезжая его по высохшему руслу реки, из чего я сделал вывод, что проезд по мосту небезопасен.

— Что-то далековато этот мост от проторенной дорожки, — заметил я оператору.

Экран системы слежения указывал, что мост находился в нескольких километрах от реальных маршрутов движения транспорта.

— Его используют мятежники, — ответил мне пилот-контрактник.

В районе моста не было видно ни одной живой души.

— Ладно, спрошу: как используют?

— Какой-то идиот загрузил в сеть инструкции по подрыву мостов, — пояснил пилот. — И теперь мятежники последние несколько месяцев каждую ночь на нем упражняются.

— Упражняются?

Взрывы объясняли разрушения на мосту.

— Подрывники из них так себе, — с улыбкой заметил пилот.

— Понятно…

В это время года вечер наступал рано, а вместе с ним и холодало. Когда мы сели ужинать, на капонир падали длинные черные тени. Еда, против моих ожиданий, оказалась вполне сносной. Мороженое и вовсе было отличным. Однако мне показалось странным, что на ужин пришло очень мало пехотинцев.

После ужина я спросил у одного из морпехов, где находится туалет.

— За пределами летного комплекса, рядом с казармами.

— Спасибо, — улыбнулся я и пошел в указанном направлении.

— На вашем месте я был бы осторожнее, — крикнул мне вслед пехотинец.

Я остановился.

— В каком смысле?

Солдат кивнул в сторону линии ограждения неподалеку.

— Пару недель назад боевики незаметно подкрались к базе, — пояснил он. — Когда стемнело, они выпустили ракету и изрешетили сортир.

— Серьезно?

Морпех указал на постройку, стоящую от нас метрах в ста. Это был контрольно-пропускной пункт при въезде на стоянку самолетов.

— Нигерийские охранники, которые там служат, настаивают, что им надо освещать прожекторами все приближающиеся машины. Ночью наше строение единственное, которое видно из-за колючки.

— А с ракетой что случилось?

— Разорвалась неподалеку от сортира, и его здорово посекло осколками. Взрывная волна была такой силы, что всех с кроватей

сбросило на пол.

— Да неужто? — воскликнул я с некоторой долей недоверия.

— Парни уже несколько недель не ужинают, потому что не хотят использовать отхожее место после наступления темноты.

Идя к синей пластиковой кабине туалета, я размышлял над словами солдата. Отныне я никогда не буду сетовать на мобильные туалетные кабины, как и на вечно засоренную уборную в лагере «Хищников» в Неллис, решил я. Там, по крайней мере, не приходится волноваться по поводу обстрелов из РПГ.

Эта командировка изменила мое представление о войне: что-то я ожидал увидеть, что-то стало для меня неожиданностью. К примеру, я никогда не забуду, что в Ираке даже посещение туалета может быть смертельно опасным.

Глава 13. 23 секунды

— Одна минута.

Перекрестье прицела было зафиксировано на белом пикапе, стоящем под пальмами у небольшого белого дома в Хибхибе. Грузовичок внешне совершенно непримечательный. Ни особых обозначений, ни вмятин, ни перекрашенных деталей, словом, ничего такого, что позволяло бы выделить его из множества других пикапов в районе Бакубы. Мы отличали его только потому, что следили за ним последние 480 часов, плюс-минус.

Автомобиль не был нашей целью. Объектом приоритетного внимания являлся человек, который только что вышел из дома и занял пассажирское место. Это был Абу Мусаб аз-Заркави, провозглашенный лидер «Аль-Каиды» в Ираке.

До вторжения коалиционных сил в Ирак в 2003 году аз-Заркави, иорданец по происхождению, занимался формированием в этой стране сети террористических ячеек. Во время оккупации он примкнул к повстанческому движению. За свои заслуги аз-Заркави получил титул «Эмир «Аль-Каиды» в Стране Двух Рек». Он был обвинен в похищении и казни Николаса Берга в мае 2004 года и обезглавливании двумя годами спустя Оуэна Юджина Армстронга, другого американца, работавшего в Ираке. Аз-Заркави имел непосредственное отношение к гибели более семисот человек в Ираке, в основном в результате взрывов, подобных тому, который прогремел в 2003 году у здания ООН в Багдаде.

К 2006 году аз-Заркави стал самым разыскиваемым террористом в Ираке.

Вернувшись из командировки, я вернулся к своим обязанностям. Большую часть времени я занимался тем, что помогал тренировать пилотов для новых эскадрилий, появлявшихся на волне наших последних успехов, обучал курсантов 11-й эскадрильи и просто летал. С тех пор как я присоединился к беспилотному сообществу тремя годами ранее, количество эскадрилий увеличилось с трех до семи, пять из которых базировались в тылу, а еще две — непосредственно на театре военных действий.

Количество курсантов, участвовавших в летной подготовке по программе пилотирования «Хищника» и «Жнеца», уже превышало число тех, кто обучался управлению любого другого летательного аппарата ВВС. БПЛА-сообщество медленно выбиралось из низов военно-воздушного флота, чтобы занять место на самом верху. В отличие от того времени, когда я только присоединился к

проекту, курсанты, задействованные в системе летной подготовки, теперь стремились стать частью БПЛА-сообщества, поскольку эти самолеты участвовали в боях на всех фронтах.

— Тридцать секунд, активировать лазер.

Голос пилота затрещал в динамике системы внутренней связи. Я стоял за спиной руководителя полета 15-й разведывательной эскадрильи и следил за развитием событий. И самолет, и экипаж принадлежали 3-й эскадрилье специальных операций.

Оперативная группа в Ираке, руководившая операцией по ликвидации ячеек «Аль-Каиды», не планировала брать аз-Заркави в плен. Его хотели просто уничтожить.

Неслышимый на фоне окружающего городского шума, «Хищник» вышел на дистанцию выстрела. Машин на улицах почти не было. Вероятность причинения сопутствующего ущерба была минимальной. Если нанести удар прямо сейчас, скорее всего, взрывом будут поражены только аз-Заркави и его духовный наставник шейх Абд аль-Рахман.

Стоя в оперативном центре, я размышлял о том, что посвятил слишком много времени слежке за террористом, чтобы теперь, когда настал момент его ликвидации, оказаться не у дел. Остальные экипажи рядом со мной, вероятно, думали о том же. Уверен, что, когда за год до этого я взял на мушку Координатора, другие пилоты тоже собрались в оперативном центре и наблюдали за моими действиями. Важные операции всегда привлекают массу зрителей.

Немногие летательные аппараты транслировали в прямом эфире видео своего полета на весь мир, подобно «Хищнику». «Хищное порно» проникло в каждый кабинет, в котором имелся доступ к нашим передачам. В каком-то смысле за нами следил весь мир.

Впрочем, я испытывал противоречивые чувства по поводу ликвидации аз-Заркави.

С одной стороны, он был символическим лидером движения. Его уничтожение послужило бы сигналом «Аль-Каиде» и ее сторонникам по всему миру о том, что победить им не удастся. С другой стороны, война уже давно закончилась, если аз-Заркави был лучшим из лучших в рядах «Аль-Каиды». Мы наблюдали за ним достаточно долго, и я пришел к выводу, что он не более чем пустышка. Есть запись, на которой видно, что он не умеет обращаться с «АК-47» и не способен разобраться с похищенным пулеметом «SAW». Это видео всегда вызывало у нас смех. Автомат Калашникова сконструирован таким образом, что с ним в состоянии справиться даже идиот или ребенок. Как после этого

можно охарактеризовать террориста?

Когда напряженность в Анбаре спала, поиски аз-Заркави стали нашей приоритетной задачей. В Суннитском треугольнике бои все еще продолжались, но их интенсивность снизилась до такой степени, что морская пехота уже могла вернуть «Хищников» армии. Пока коалиционные силы были сосредоточены на Анбаре, аз-Заркави вел активную террористическую деятельность.

Годом ранее аз-Заркави объявил войну иракским шиитам. Для атак на войска коалиции и шиитские отряды самообороны он использовал террористов-смертников. Кроме того, он создал ряд тренировочных лагерей террористов на территории нескольких городов. Местные власти не решались его арестовать из-за угрозы насилия. Созданные им ячейки действовали открыто, занимаясь изготовлением автомобильных бомб и установкой самодельных взрывных устройств.

Единственное, чего боялся аз-Заркави, так это «белых дьяволов». Одно лишь упоминание о бесшумных убийцах сеяло страх в рядах террористов. Они приостанавливали свои операции, когда узнавали, что мы присутствуем в районе.

После того как аз-Заркави выдавили из Эль-Фаллуджи, он обосновался в окрестностях Бакубы и руководил восстановлением организации, которую мы разгромили во время штурма Фаллуджи. Когда мы начали охоту, разведка указала нам только район и сообщила, что террорист прячется где-то там. Это была единственная информация, которую предоставили им их осведомители. Поэтому мы отправили туда беспилотники — в каком-то смысле наудачу, надеясь нащупать след его деятельности. Поиски превратились в медленный, методичный процесс, подобный охоте на Осаму бен Ладена в Афганистане.

Всерьез работой по поимке аз-Заркави Оперативная группа занялась в феврале 2006 года, когда военные дознаватели начали составлять картину того, что представляла собой организация аз-Заркави. Они начали с малого — с допросов плененных боевиков, которых содержали на специальном объекте. Тюрьма Абу-Грейб предназначалась для рядовых мятежников. Если пленного помещали «на объект», значит, он знал что-то такое, что интересовало сотрудников Оперативной группы. Дознаватели славились умением выжимать из пленных информацию до последней капли.

Свое первое назначение в ВВС я получил на должность военного дознавателя. Строго говоря, я был одним из последних дознавателей военно-воздушных сил, прежде чем в 1995 году центральное военное командование передало эти функции армии. Я оказывал содействие нашим силам при проведении операций в

Сомали, Руанде и на Гаити. Более того, в конце 1994 года за свою работу на Гаити я даже получил награду «Лучший специалист по агентурно-оперативной разведке», учрежденную ЦРУ. Информаторы, с которыми работала моя группа, помогли раскрыть план покушения на бывшего президента США Джимми Картера. С тех пор я по достоинству оценивал вклад дознавателей в успех военных операций и дал себе слово использовать разведывательную информацию, чтобы выследить аз-Заркави и иракских лидеров «Аль-Каиды».

Когда разведка получила сведения о том, что боевики «Аль-Каиды» активизировались в районе Эль-Азарии, мы полетели к этой деревне и стали обследовать район, пытаясь найти какие-либо признаки подозрительной деятельности. Это было как раз в мою смену, когда я выполнял полет по заданию 3-й эскадрильи специальных операций. Передо мной на дисплее тянулась дорога, которую предположительно использовали для контрабанды оружия. Она пролегала к северо-востоку от Багдада через Бакубу и уходила к иранской границе. Было поздно, и легковых автомобилей или грузовиков на дороге не было.

Мы подозревали, что Иран снабжает «Аль-Каиду» и мятежников в Ираке оружием и взрывчаткой. Собственно, иранцам не было никакого дела до иракцев; они стремились навредить Соединенным Штатам. Я повидал слишком много иранских вертолетов, которые поднимались с баз в глубине иранской территории и сбрасывали повстанцам некие грузы в болотистой местности на востоке Ирака, чтобы меня можно было убедить в обратном.

Однажды я даже пытался сбить один такой транспорт, однако генерал-лейтенант, который руководил военными действиями в воздухе, запретил мне атаковать.

Когда мы вышли к окраинам Эль-Азарии, оператор средств обнаружения начал сканировать дорогу. Меня перебрасывали между эскадрильями так часто, что я понятия не имел, кто сидит рядом со мной. В большинстве полетов мое общение с напарником ограничивалось лишь коротким бессодержательным разговором, из которого удавалось узнать только его имя. Теперь я был всего лишь «гостем» и уже тосковал по временам, когда был «в обойме», поэтому с радостью садился за пульт управления, даже если задание предполагало многочасовое нудное наблюдение за целью.

Телефон внутренней связи, соединенный с Центром тактических операций, молчал. 3-я эскадрилья специальных операций теперь имела прямую связь с Оперативной группой, подобно тому, как 17-я была подключена к ООЦ, в подчинении

которого находилась. Мы могли общаться непосредственно с сотрудниками отдела сбора информации, ПАНами и командирами.

Осматривая дорогу и деревню, мы не видели ничего такого, что привлекло бы наше внимание. Никаких признаков самодельных взрывных устройств, по улицам никто не ходил. Охота только началась, и Оперативная группа раскинула широкую сеть, выискивая зацепку, с помощью которой мы могли бы выйти на самый верх террористической организации.

Мы перемещались от квартала к кварталу, пытаясь обнаружить хоть какое-нибудь движение. Кварталы были небольшими, по три-четыре дома на улицу. С нашей позиции мы могли видеть почти всю деревню и в то же время присматривать за главной дорогой. Камера прицельной гондолы шла параллельно главной дороге, на HUD-дисплее быстро мелькали дома. Когда мы уже были готовы перейти к другому сектору и начать новый этап поиска, я заметил вспышку.

— Ого, что там? — воскликнул я.

Оператор инстинктивно остановил шар.

— Где?

— Ты не видел? — спросил я.

— Чего не видел?

Он выглядел растерянным. Я указал ему на место вспышки на своем дисплее.

— Вернись к этому месту, только медленно. Я заметил какую-то вспышку. Горячее пятно.

Это могло быть все, что угодно: костер, на котором готовят еду, человек вышел помочиться или покурить… И все же мне хотелось проверить. Оператор медленно повернул шар назад и зафиксировал в неподвижном положении, чтобы мы оба могли внимательно рассмотреть изображение. Примерно через три квартала от точки прицеливания, в самом краю дисплея, сверкнула еще одна вспышка.

— Там, сверху, — сказал я.

Перекрестье прицела переползло вверх вправо и застыло на доме с обнесенным стенами двором. Территория двора была достаточно большой, чтобы на ней уместилась самодельная полоса препятствий. Часть боевиков бегала по полосе. Другие стреляли из «АК-47». Картина выглядела словно шаблонная сцена из какого-нибудь фильма про Джеймса Бонда 1970-х годов.

На мгновение мы застыли от неожиданности, удивленные дерзостью боевиков, которые устроили тренировочную площадку всего в полутора кварталах от главной дороги. Очевидно, вопрос конспирации этих парней не слишком беспокоил.

Я попытался связаться с офицером связи «Хищников». На месте его не оказалось, хотя не было отметки о том, что он уходит на перерыв или передает смену другому офицеру связи. Неудачное время, отметил я про себя, набирая запрос в чате.

ДН31> Враждебные действия на экране, прошу разрешения на атаку.

Мы были рядом. И были вооружены. Хватило бы одной ракеты «Хеллфайр», чтобы разнести весь комплекс.

ТФ145ЦТО> Ждите.

С чувством некоторой досады я стал активировать ракеты. Я не думал, что мне разрешат открыть огонь, но на всякий случай все же решил привести вооружение в полную боевую готовность. Для подразделения, к которому нас приписали для оказания поддержки, мы были темной лошадкой, и они крайне неохотно использовали нас для нанесения ударов.

ТФ145ЦТО> Отойдите на 5 м.м.

Приказ отвести беспилотник на 5 морских миль означал, что стрелять мы не будем.

ДН31> вп.

Нам дали команду занять позицию для наблюдения. В арсенале Оперативной группы множество средств, большинство из которых лучше нас подходило для решения подобных задач.

ДН31> отхожу на Ю-В [юго-восток].

ТФ145ЦТО> вп.

С этой позиции я мог держать под наблюдением въезд во двор дома со стороны улицы и видеть весь тренировочный лагерь. Я продолжал смотреть: одна фигура перепрыгнула через барьер, выпустила полдюжины пуль из автомата от бедра, после чего прикладом попыталась нокаутировать чучело. Движения боевика были настолько неуклюжими, что любой американский солдат уложил бы его еще до того, как тот перелез через барьер. В некотором смысле мне стало даже жаль парня. Он был преисполнен энтузиазма и мачизма, но ему явно недоставало врожденных физических качеств. К счастью для него, скоро он должен был попасть в плен.

Едва он покончил с чучелом, как вокруг тренирующихся стали взлетать комья земли. Один мятежник мгновенно рухнул.

— Вот дерьмо! — сорвалось с языка у моего оператора средств обнаружения.

— Следи за «драпунами», — скомандовал я.

Оператор переключил внимание и принялся активно сканировать периметр лагеря. На дисплее промелькнули лопасти роторов двух ударных вертолетов «Апач». Судя по размеру разлетающихся кусков земли, лагерь обстреливали из 20-мм

пушек.

— Вижу беглецов с южной стороны, — сообщил оператор.

Один из учеников (или, может быть, инструктор) стремительно забежал за угол дома, где уже прятались два других вооруженных боевика. Они присели, вжавшись в стену. Эта троица производила впечатление более смекалистых, более опытных. Они надеялись, что вертолет потеряет их из виду, только вот урок, посвященный «белым дьяволам», они, видно, в своей террористической школе прогуляли.

ДН31 > Драпуны с южной стороны.

Еще один вертолет промелькнул на дисплее. Спустя мгновение ударила вторая пулеметная очередь. В отличие от первого обстрела, когда огнем прошлись по всей протяженности лагеря, в этот раз огненный шквал был сосредоточен на мужчинах, прячущихся за стеной. 20-мм снаряды прошили их тела насквозь, разворотив стену, и они повалились в пыль. Штурмовые вертолеты сделали еще пару налетов, после чего отступили.

Нас с позиции не отозвали, поэтому мы продолжали наблюдать. Время от времени на дисплее мелькал вертолетный ротор. Вертолеты кружили вокруг лагеря, высматривая какое-либо движение.

Интересно, чего они ждут? — думал я. А потом над целью пронесся «Черный ястреб» и завис над улицей. С обеих его сторон были выброшены толстые черные веревки — тросы для десантирования.

Через несколько секунд из винтокрылой машины спустились бойцы группы специального назначения и мгновенно рассредоточились. Ответного огня не последовало. Бойцы взорвали ворота во двор и хлынули внутрь. Следом подъехала небольшая колонна «Хамви», и в кузов одной из машин погрузили пару тел.

Мы обнаружили один из лагерей аз-Заркави. Мы словно сложили первые элементы пазла, однако были еще далеки от того, чтобы собрать его полностью. Со временем информация, полученная от выживших при этом штурме и других боевиков, помогла Оперативной группе захватить некоторых координаторов и лидеров террористической организации. Оперативная группа продолжала работать, пока группа дознавателей не подвела одного из ближайших соратников аз-Заркави к тому, чтобы он его предал.

Нашей целью стал шейх Абд аль-Рахман.

Экипаж обнаружил шейха Абд аль-Рахмана в первый же вечер, но довольно быстро его потерял в час пик, в то время когда

водитель лавировал в плотном автомобильном потоке. На следующий вечер мы снова засекли пикап и зацепились за него. Это был белый «Хайлакс» со сдвоенной кабиной. Машину поддерживали в хорошем состоянии, хоть она и не сверкала новизной. Такой грузовичок мог принадлежать кому угодно; он был наиболее надежным транспортным средством и легко терялся в потоках машин на дорогах Бакубы и ее окрестностей.

Нам было приказано держаться от цели на большом расстоянии, снижая вероятность, что нас обнаружат. С другой стороны, это ограничивало возможности оптики, делая невозможным распознавание цели по лицу. Оперативной группе приходилось полагаться на другие источники, чтобы подтвердить, что мы действительно преследуем аль-Рахмана. В то время как они решали эту задачу, мы не упускали из виду белый пикап. В дневное время мы незаметно следовали за подозреваемым, пока он совершал свои объезды, а по ночам наблюдали за его домом. Мы фиксировали всех, кто приходил и уходил, и анализировали, был ли это аз-Заркави или просто курьер.

Когда мне впервые довелось включиться в слежку за аль-Рахманом, было раннее утро. Грузовичок еще стоял у конспиративного дома. Когда террорист вместе с водителем уселся в кабину, я отключил автопилот и сделал небольшой поворот вправо, чтобы держать ситуацию под контролем.

Сверившись с картой на экране системы слежения, висящем над дисплеем, я стал плавно уводить «Хищник» в сторону от дороги, чтобы иметь возможность видеть машину, куда бы она ни поехала. Заработал двигатель, и водитель влился в поток машин, двигавшихся по дороге в обоих направлениях. Пока я маневрировал, чтобы сесть пикапу на хвост, оператор средств обнаружения держал автомобиль по центру дисплея. Вокруг мелькали белые такси с оранжевыми крыльями, ползли грузовики, обгоняя запряженные ослами телеги. Белый автомобиль в Ираке сливался с окружающей обстановкой, словно заяц со снегом. Я постоянно держал палец на изображении нашего пикапа на дисплее. Мне почему-то казалось, что пока я к нему прикасаюсь, мы его не упустим.

Проехав несколько километров, машина свернула на грунтовую дорогу. Я понятия не имел, куда направляется аль-Рахман. Пока мы не могли предугадывать действия террориста, поскольку еще не составили полный распорядок его жизни, как в случае с другими нашими целями. К тому же он вел себя менее предсказуемо, чем другие. В отличие от Координатора или Командира, аль-Рахман не придерживался четкого графика.

Он знал свое дело.

Несколько километров я шел с пикапом параллельным курсом, затем сделал круговое движение в обратном направлении. Мы пока ни разу не потеряли цель из виду, и я опасался опередить машину. Если бы это произошло, шарнирный подвес прицельной гондолы превысил бы предельные углы своего поворота, в результате чего цель временно пропала бы с наших экранов.

Ошибки допустить нельзя.

Я сравнил фактическое изображение на HUD-дисплее с предоставленной нам разведкой фотографией района, куда часто приезжал аз-Заркави. На нее были нанесены цветные линии, указывающие предполагаемые пути его передвижения. Каждый цвет обозначал отдельный маршрут и частоту его использования. Я решил проверить, соответствует ли путь аль-Рахмана одному из этих маршрутов.

Я не имел ни малейшего представления о том, куда он поедет дальше, однако держал его в поле зрения в течение всей своей смены. Пока аль-Рахман ездил между деревень и встречался с координаторами, мы ни разу не потеряли его из виду. Когда я услышал двойной стук в дверь СНУ, то почувствовал облегчение. Только тогда я понял, в каком напряжении пребывал все это время.

Когда появился новый пилот, грузовик шейха Абд аль-Рахмана двигался по шоссе. В обычной ситуации мы бы провели краткий инструктаж с пришедшим на смену экипажем и уступили свои места. Но когда мы преследовали духовного наставника, автопилот был отключен, поэтому, меняясь местами, мы должны были держать руки на органах управления.

— Готов? — спросил я.

Новый пилот кивнул. Он протиснулся в узкое пространство между креслом пилота и компьютерной стойкой, затем перегнулся через мое плечо и взялся за ручку управления самолетом. Пилот должен был понять, что я делаю с летательным аппаратом, и нажать на подпружиненные рычаги управления с той же силой, с какой на них нажимал я. Как только он был готов принять управление, я поднырнул под него и вылез из кресла. Он обогнул кресло и сел.

Я взял клавиатуру, положил ее на столик между оператором средств обнаружения и новым пилотом и написал сообщение в чат-канал ЦТО.

ДН31> На посту новый экипаж.

ТФ145ЦТО> вп.

В конце концов мы установили, что аз-Заркави часто совершал поездки вместе с аль-Рахманом, благодаря чему с

высокой степенью достоверности составили распорядок жизни главаря иракского подразделения «Аль-Каиды». По прошествии двух недель мы могли уже, просто взглянув на дисплей, безошибочно определить, в какой точке пути находится аз-Заркави, аналогично тому, как это было с Командиром. Мы так часто лицезрели одни и те же объекты, что предугадывали каждый его шаг. Мы точно знали, где он бывал в течение тех 480 часов слежки, которая закончилась в ночь на 6 июня, когда Оперативная группа наконец дала «Хищникам» добро на авиаудар.

Я наблюдал за операцией вместе с другими пилотами в расположении эскадрильи. Это был шанс продемонстрировать спецназовцам наши возможности.

— Подсветка цели, — сообщил оператор средств обнаружения.

Я переключил внимание на плазменный экран на стене. Изображение грузовика существенно увеличилось в размерах. Я ожидал увидеть на экране надпись «LRD Lase Des», указывающую на активацию лазера. Под буквами скрывалось сокращенное сообщение о том, что лазерный целеуказатель-дальномер включен и указывает на цель. В кабине также должно было вспыхнуть сообщение «Лазер включен».

Надпись не появилась.

В кабине оператор средств обнаружения забыл активировать лазер. Или, может, пилот забыл дать ему команду на активацию. Оба сработали не лучшим образом. Неудачное начало.

— Лазер не активирован, — сказал пилот.

Оператор тихо ответил:

— Активирую.

Оба были спокойны, как настоящие профессионалы. И у них было время, чтобы исправить ситуацию.

И тут пропала картинка. Ни графики, ни видео. Лишь однотонное серое поле на экране.

— О нет!.. — выдохнул кто-то позади меня.

Экипажу дали разрешение на атаку аз-Заркави, как только он выйдет из дома шейха аль-Рахмана. Грузовик следовало поразить, прежде чем двое успеют отъехать от площадки перед домом, но в этот самый момент экран вдруг погас.

— Что, черт возьми, произошло?! — взревел руководитель полетов.

Я закрыл лицо ладонью. Мне-то было ясно, что произошло.

Оператор средств обнаружения «нюкнул» прицельную гондолу. Обычно перед любым выстрелом операторы калибруют гондолу целеобнаружения, чтобы добиться наиболее

качественной картинки. Сопровождающая этот процесс коррекция неравномерности матрицы ИК-камеры занимает чуть меньше полминуты.

Как и в случае с большинством современных летательных аппаратов, работой внутренних механизмов «Хищника» управляют компьютеры, а компьютерам в свою очередь необходимо соответствующее программное обеспечение. Производитель беспилотников часто выпускал обновления «софта», по мере того как мы выявляли в нем ошибки или просили о внесении тех или иных улучшений. Самая последняя версия программы оставила в системе баг, который мы учились обходить. Была добавлена функция использования клавиатурного «пробела» в качестве «горячей клавиши», нажатие на которую приводило к повторению ранее выполненной команды. То есть, если бы последней командой, которую ввел оператор средств обнаружения, была активация лазера, по нажатию на пробел лазер был бы активирован снова.

Все просто. И работала эта функция только на операторском терминале. Пилотам она была недоступна.

Когда «Хищник» уже вышел на курс атаки, чтобы ударить по аз-Заркави, оператор средств обнаружения случайно задел «пробел», потянувшись к кнопкам включения лазера. Так как команда «NUC» была последней в системе, нажатие на клавишу пробела инициировало процедуру калибровки, которая занимала 23 секунды и отменить которую было невозможно. Ошибка произошла не по вине производителя оборудования. Виной было небрежное движение рукой оператора средств обнаружения. Этого можно было избежать.

По прошествии 23 секунд дом выплыл на экране словно из тумана. Пикапа и аз-Заркави уже не было.

В оперативном пункте висела гробовая тишина. Слова были излишни.

Все интуитивно чувствовали, что оператор «нюкнул» гондолу целеобнаружения. Мысленно каждый облегченно вздохнул оттого, что не он сейчас находится в кабине.

На глазах у всего военного сообщества экипаж «Хищника» только что запорол наиболее значимый выстрел в иракской войне.

К счастью, за автомобилем, который отправился по своему обычному маршруту, проследил другой «Хищник», и мы его не упустили. Зато упустили шанс нанести удар.

На следующий день, 7 июня, Оперативная группа санкционировала новый удар. Командование отвело «Хищника» на такое расстояние от цели, что экипаж едва мог видеть дом. В

этот раз истребители «F-16» из Багдада сбросили на дом бомбы с системой наведения по сигналу GPS.

После проваленного воздушного удара наше сообщество погрузилось в состояние глубокого уныния. Мы так упорно работали над тем, чтобы выследить аз-Заркави, а в итоге были лишены права исполнить заключительный аккорд операции из-за нашей же собственной оплошности! Упущенная возможность стала следствием простой ошибки. В действиях экипажа не было некомпетентности или непрофессионализма. Имела место простая оплошность, которая статистически была так же вероятна, как несрабатывание ракетной боеголовки или возникновение механической неполадки в лазере. Однако произошла она при выполнении одной из крупнейших операций в истории беспилотного сообщества, когда за нами, можно сказать, наблюдал весь мир.

Мы и раньше делали важные выстрелы и совершали ошибки, но этот промах стал нашим крупнейшим фиаско. После той провальной операции Оперативная группа резко сократила использование «Хищников» для нанесения авиаударов. Нам было заявлено, что важнее наши видеотрансляции в режиме реального времени, чем ударные возможности БПЛА. Но все мы понимали истинную причину этого решения. Нам вновь предстояло доказывать, на что мы способны.

БПЛА-сообщество должно было устранить досадные статистические погрешности, если хотело, чтобы ему предоставили право на следующий ответственный выстрел.

Глава 14. Райская обитель

В четыре часа утра по местному времени небо было еще темным. Вокруг меня сверкали огни военно-воздушной базы Аль-Удейд. На таком удалении от зоны боевых действий режим светомаскировки не применялся.

База являлась штабом передового базирования Центрального командования вооруженных сил США, которое управляло всеми американскими войсками на Ближнем Востоке. Кроме того, на военно-воздушной базе, расположенной к западу от Дохи в Катаре, находился штаб ВВС, курирующий проведение воздушных операций над Ираком и Афганистаном.

Мы топтались на самолетной стояночной площадке, пока обслуживающий персонал выгружал из «С-17» грузовые контейнеры. Когда я вышел из грузо-пассажирского отсека самолета, где поддерживался сухой климат, то оторопел — настолько жарко и влажно здесь было в январе. Все пассажиры — как офицеры, так и рядовые — вытаскивали из контейнеров багаж и укладывали его рядами на предангарной площадке, перед тем как пройти катарский таможенный досмотр, а затем — через Ворота Патриотов.

Ворота Патриотов, названные так после событий 11 сентября 2001 года, представляли собой всего-навсего сооруженную из фанеры зону ожидания, где прошедшие таможенную проверку пассажиры готовились к последней пересадке на пути в Ирак, Афганистан или на родину. Фанерные стены были исписаны посланиями и именами солдат. Ворота служили живым памятником всем тем, кто когда-либо через них проходил.

Я через них проходить не собирался, да и вообще не собирался куда бы то ни было улетать. Ранее я выхлопотал себе годичную командировку в Катар, где в штабе ВВС должен был заниматься вопросами разведки. Мне требовалось на время покинуть авиабазу Неллис, если я хотел получить повышение и принять командование эскадрильей. Одной командировки в Ирак для этого было недостаточно. Пришлось побывать в трех командировках подряд, по четыре месяца каждая, что было стандартной продолжительностью командировок в ВВС на то время. Чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым мне, как профессионалу, военно-воздушным ведомством, я должен был пересечь половину земного шара и поработать там в офисе.

Гринго, пилот-коллега и тоже ветеран 17-й эскадрильи, встретил меня снаружи терминала. Я был его сменщиком и должен был принять у него дела, чтобы Гринго мог вернуться

домой. Мы забросили мои сумки в кузов его пикапа и покатили к казарменной зоне.

— Сейчас мы в Оперативном городке, — пояснил он. — Именно тут планируются все воздушные операции.

Я плохо запомнил, как выглядели постройки, мимо которых мы мчались в темноте. Перед входом в кофейню «Грин-Бинз» уже выстроилась очередь. Ее постоянную клиентуру составляли новоприбывшие вперемешку с летными экипажами, идущими на утренние предполетные инструктажи. Гринго вырулил на дорогу, уползающую во тьму.

— Оперативный городок был нашей первой базой, когда мы здесь только появились, — объяснил он. — Большинство здешних построек в основном новые, хотя некоторые, вроде пассажирского терминала, были тут еще до нас. С тех пор база сильно расширилась.

Мы приблизились к хорошо укрепленным воротам с закрытым шлагбаумом. По обеим сторонам ворот возвышались двухэтажные башни, оформленные в арабском стиле. Над башнями на легком ночном ветерке развевались флаги Катара. Гринго свернул на примыкающую дорогу, минуя блокпост.

— Там катарские ВВС. Туда мы не поедем.

— На чем они летают? — поинтересовался я.

— Понятия не имею, — ответил Гринго. — Ни разу не видел, чтобы они хоть что-нибудь поднимали в воздух.

На горизонте виднелось яркое пятно, которое по мере нашего приближения увеличивалось в размерах. Вначале я подумал, что это предрассветное зарево. Но когда мы подъехали ближе, оно превратилось в огромный лагерь. Коалиционная деревня, или просто Деревня, была жилой зоной базы для военнослужащих США и их западных союзников. Территорию Деревни занимали тысячи жилых домиков блочно-контейнерного типа. В центре комплекса высился, словно один из потерянных бюстгальтеров Бетти Пейдж, огромный открытый шатер (навес без стенок).

«Лифчик», как кто-то остроумно окрестил его, был центром общественной жизни базы Аль-Удейд. Объединенная служба организации досуга войск устраивала в нем различные развлекательные мероприятия. «Лифчик» окружали спортзал, бар, кинотеатр, кофейня, плавательный бассейн «олимпийского» размера, армейский магазин и несколько ресторанов быстрого питания. Пока все выглядело весьма недурно. Уж точно лучше, чем в Фаллудже, где мне пришлось ночевать в мастерской.

Гринго высадил меня возле нашего жилища — тесной, обшитой панелями комнаты с двухъярусной кроватью и двумя металлическими шкафами. Пару дней, пока Гринго не отбыл на

родину, мы делили с ним комнату на двоих. После его отъезда она целиком оказалась в моем распоряжении. Я стоял посреди комнаты и думал о том, как мне повезло. Парням помоложе приходилось ютиться по двое или даже по трое в таких же комнатах.

Мне потребовалась пара дней, чтобы освоиться на новом месте. Чтобы облегчить процесс адаптации новоприбывших в новой обстановке, военное командование проводило многочисленные установочные совещания. Однако чем дольше я находился на базе, тем острее чувствовал, что с ней что-то не так. О чем я и заявил Гринго, когда мы с ним сидели за пивом перед его отъездом. Секунду-другую Гринго молча смотрел на меня, затем кивком головы указал на парня на другом конце «Лифчика».

— Видишь его?

Судя по форме, парнишка служил в пехоте. Он неуклюже ковылял на костылях по дробленому белому камню. Его правая голень была в гипсе.

— Ага.

— Армия, — сказал Гринго, — направляет сюда своих раненых на реабилитацию.

— А я думал, они едут в Германию, — ответил я.

— Туда посылают тех, кто подлежит комиссованию. А этот парень через пару недель снова будет в строю. Поэтому на восстановление здоровья командование отправило его сюда, чтобы он мог быстро вернуться.

— Во как… — пробормотал я.

Гринго улыбнулся:

— Эти место называют «Райская обитель».

— И я понимаю почему, — согласился я.

— Тут все легко и просто, — сказал Гринго. — Во всяком случае, такое впечатление.

Моя работа легкой и простой не была. В Катаре я руководил полетами четырнадцати разведывательных платформ, действовавших в районе ответственности ЦЕНТКОМа. Моей обязанностью было следить за тем, чтобы они надлежащим образом выполняли свои задания на обоих театрах военных действий, а также в новой, недавно возникшей «горячей точке» в Йемене. Собственно, в ход проведения повседневных операций я не вмешивался. Поскольку платформы были практически автономны, в основном я занимался бумажной рутиной. В работе постоянно возникали какие-то проблемы административного характера, которые мне приходилось решать, чтобы самолеты продолжали летать.

К весне я уже четыре месяца пробыл в Аль-Удейде. Каких-либо сезонных изменений в окружающей среде я не замечал, так как на базе не было никакой растительности. Белый щебень оставался все таким же безжизненным, как и раньше. Впервые я почувствовал смену времени года, когда отметил появление тумана по утрам.

Обычно от своего жилища до офиса я полтора километра шел пешком. Прогулка заменяла мне физическую зарядку. Работа по шестнадцать часов в сутки стала негативно сказываться уже через два месяца. Я отказался от физических тренировок в пользу нескольких часов беспокойного сна. Набрал вес и от этого чувствовал себя некомфортно. Мне не хватало полетов. Когда я собственноручно выполнял какое-либо задание и видел конкретный результат, то и чувствовал себя здоровым.

Штабная служба не мое призвание. Она нагоняет скуку. Мне претит формализм делопроизводства и связанные с ним рабочие процедуры. И вся эта работа не имела бы для меня никакого смысла, если бы я не получил повышения.

Комиссия по присвоению воинских званий ВВС опубликовала список офицеров, представленных к повышению в чине, весной, когда я находился на базе Аль-Удейд.

Последние недели перед его публикацией все офицеры из моей авиагруппы жили словно на иголках. В военно-воздушных силах действуют три комиссии по присвоению воинских званий. Первые две, на мой взгляд, в счет не шли, поскольку через них новые звания присваивались лишь примерно одному проценту офицеров. Решение именно третьей, и последней, комиссии имело значение для большинства из нас.

Рабочий кабинет я делил с Маглом, позывным которому послужил термин из серии книг про Гарри Поттера. В академии мы были однокурсниками, поэтому наши дела должна была рассматривать одна и та же комиссия. После поступления на службу наши пути не пересекались. За прошедшие пятнадцать лет Магл изменился почти до неузнаваемости. Он был моего роста, но немного плотнее. Если мои волосы еще только начали седеть на висках, то его уже основательно поредели.

Мы с ним как-то сразу сдружились. Когда наши 16-часовые рабочие графики совпадали, мы вместе обедали и пили пиво в «Лифчике». Накануне дня публикации списка на повышение мы решили задержаться в офисе и разузнать, не видело ли его уже руководство базы Аль-Удейд. Чаще всего ВВС рассылало список командованию штабов. Затем накануне официальной публикации списка командиры авиационных крыльев и групп знакомили своих подчиненных с его содержимым, хотя, как правило, об

итогах заседания комиссии информировали только тех, кто повышения по службе не получил. Им обычно говорили банальные слова утешения и просили не являться на следующий день, чтобы они не чувствовали себя неуютно среди счастливчиков.

Мы оба полагали, что успешно пройдем отбор. И все-таки то, что нас оценивали и сравнивали с другими, заставляло нервничать. Так как никаких дел у нас не было, мы сидели в зале для переговоров и ждали новостей. Молча. Говорить было не о чем; мы просто волновались в ожидании решения. В то время я был одним из двух офицеров из беспилотного сообщества, претендующих на командную должность. Вторым был Майк. В случае повышения нас обоих мы бы стали первыми пилотами БПЛА, принявшими на себя командование эскадрильями. Среди претендентов на командные посты большинство составляли летчики-истребители.

Не могу сказать, как долго мы там просидели, потягивая воду в томительном ожидании. Остальные сотрудники штаба уже давным-давно ушли, когда мой начальник просунул в дверь голову и уставился на нас. Обычно на его лице играла широкая улыбка, но в этот раз он нахмурился.

— Вы что тут делаете, парни?

— Ждем новостей от комиссии, сэр, — ответил я.

Он поглядел сначала на Магла, затем на меня.

— Вас кто-нибудь вызывал?

— Нет, сэр.

Он кивнул:

— Значит, вы в списке. Проваливайте отсюда.

Как и ожидалось, список был вывешен на следующий день. Я восторженно любовался своим именем. Произведя в уме некоторые расчеты, я пришел к выводу, что получу подполковника в январе. Майк занимал в списке более высокую позицию, поэтому новое звание ему светило, вероятно, в декабре. Я облегченно выдохнул. Я был уже на полпути к получению командной должности, осуществлению цели, которую преследовал с тех самых пор, как поступил на службу в ВВС. Оставалось пережить год штабной работы по перекладыванию бумаг с места на место.

Выходило это у меня не очень хорошо. Армия постоянно жаловалась на недостаточность воздушного прикрытия и обвиняла в своих неудачах в области планирования операций разведывательное сообщество. Я из кожи вон лез, стараясь делать все возможное, чтобы соответствовать профессиональным критериям. А еще сильнее я старался прикусывать язык. Всем все

равно не угодишь.

К середине мая мое раздражение достигло высшей точки. По прошествии четырех месяцев я устал выслушивать, как во всех ошибках обвиняют «Хищника» (особенно в ошибках армии). Во время одной из проводившихся дважды в неделю видеоконференций с командованием дислоцированных в Ираке и Афганистане частей офицер по руководству сбором разведданных рассказал нам о солдате, который отбился от своего подразделения и погиб в ливневом паводке. Офицер, армейский капитан, обвинил в инциденте «Хищника». Я заглянул в журнал учета выполнения задач. Перед «Хищником» не была поставлена задача по сопровождению этого подразделения.

Когда командир обрушился с обвинениями на БПЛА-сообщество, я уже не мог смолчать и включил микрофон.

— Погодите-ка.

Я порылся в ворохе бумаг на своем столе и взял журнал.

— Капитан, — начал я, — мне не нравится, что во всех своих неудачах вы обвиняете «Хищника». Я не могу понять, почему вы, гоняя «Хищников» в хвост и в гриву, отказываетесь следовать основным принципам их использования. Вы относитесь к ним как к танкам. Этот подход доказал свою несостоятельность еще в 1942 году и продолжает доказывать ее и сегодня. Вот почему вы проигрываете войну.

На экране офицер разведуправления ВВС в ЦЕНТКОМе засмеялся. Непонятно было, смеется ли он надо мной или вместе со мной. Офицеры армии и ВМС, находившиеся вместе с ним в конференц-зале, не разделяли его веселья. Тем не менее я продолжил напирать. Отступать было некуда. Оставалось идти до конца.

— Я признателен вам за то, что вы считаете «Хищника» бесценным. Но я не могу понять, почему вы отменяете операции, если вам не могут его предоставить. Когда я был солдатом, меня учили, что план нужно составлять с учетом наихудшего и наилучшего сценариев развития событий. Кроме того, при разработке планов мы исходили из имеющихся в наличии ресурсов. Мне же кажется, что ваши планы основываются только на поддержке со стороны «Хищника».

Что касается вашего солдата, то мне искренне жаль, что он погиб. Но я задаю вам вопрос: где было его командование? Где был командир группы? Он должен был постоянно следить за своими подчиненными в пешем дозоре. Где был командир его взвода? А командир роты? Нет, капитан, ваш парень погиб вовсе не потому, что «Хищника» отправили в поддержку другой части в 130 километрах от вас.

К счастью для капитана, время телеконференции вышло и видеосвязь прервалась. Ему так и не представилась возможность ответить мне, и я понятия не имел, как он воспринял мою критику. Я говорил жестко, но сообщество «Хищника» не заслуживало обвинений в свой адрес. Некоторое время я смотрел на экран, потихоньку остывая. В висках стучала кровь. Всего за несколько минут я выплеснул долго сдерживаемое раздражение, которое копилось внутри меня по мере того, как на публичных форумах армия вешала на нас всех собак.

Капитан олицетворял все, что было неправильным в использовании армией авиации на тактическом уровне. Я никак не мог взять в толк, почему они этого не понимают. Я покинул конференц-зал, чувствуя себя отмщенным. Конечно, высказавшись в такой резкой манере, я, образно говоря, совершил акт самоубийства. Наверняка генералитет не оставит мой выплеск эмоций без последствий.

Через пару дней я узнал, что моя командировка сокращена. В конце месяца я должен был отбыть домой. Никто из начальства не признавал, что причиной этому моя гневная тирада. Впрочем, в сущности, это и не имело значения.

Приказ о моем отзыве из Аль-Удейда вынудил меня искать новое место службы. В ВВС есть одно любопытное правило: если офицер очень долго служит в каком-либо гарнизоне, его переводят на новое место. До того как поехать в Катар, откуда мне пришлось возвратиться досрочно, в Лас-Вегасе я прослужил почти четыре с половиной года.

Годичную командировку в Аль-Удейд я выбивал еще и для того, чтобы обнулить свой счетчик службы на авиабазе Неллис. Мне хотелось остаться частью беспилотного сообщества. Приказ о моем отзыве из командировки фактически аннулировал ее в моем послужном списке, поэтому я обратился в Центр ВВС по делам персонала с запросом о наличии свободных мест. Я больше не мог выдерживать высокие перегрузки. Из-за застарелой травмы позвоночника я испытывал довольно сильные боли и порой даже не мог спать по ночам. Поэтому о высокоскоростных самолетах можно было забыть. После нескольких запросов я получил ответ, что назначить меня в эскадрилью боевых самолетов невозможно.

— Вы слишком долго не имели дела с самолетами такого типа.

Свободных вакансий на штабную службу тоже не было. В то время в боевых частях испытывали настолько острый дефицит кадров, что ВВС просто не отпустили бы меня заниматься кабинетной работой. То есть надо было идти на какую-нибудь летную должность.

— А на «Т-1» место есть?

Я имел в виду учебно-тренировочный самолет «Hawker T-1A Jayhawk», созданный из бизнес-джета модели 400 компании «Beech».

Попытка получить это назначение была очень дерзким шагом с моей стороны — я никогда не летал на этом типе самолетов. Эскадрилья «Т-1» принадлежала сообществу летчиков транспортной авиации и самолетов-заправщиков, и служба в ней давала немало преимуществ, однако меня она привлекала тем, что в случае перехода на «Т-1» в моем летном удостоверении появилась бы отметка, что я имею право управлять тремя типами самолетов. Кроме того, я получил бы ценный налет часов. Если уж моей карьере суждено оборваться, рассуждал я, то полученные навыки помогут мне устроиться в гражданской авиации.

— У боевого авиационного командования есть одна вакансия, которую не всегда удается заполнить, — сказал он.

— Беру.

Меня перенаправили на авиабазу Рэндольф в Сан-Антонио в 99-ю учебно-тренировочную эскадрилью в качестве инструктора по обучению новых инструкторов пилотов «Т-1». 99-я была одной из старейших эскадрилий «Пилотов из Таскиги» и единственная из них продолжала действовать. Это были знаменитые «Красные хвосты».

После четырех лет работы в станции наземного управления было очень приятно вернуться в кабину привычного самолета.

От своего первого полета я постарался взять столько, сколько мог. Авиационная база Рэндольф всегда занимала высшую строчку в списке мест, в которых мне хотелось служить. Здесь до сих пор сохранилось большинство ангаров, жилых домов и сооружений, построенных еще в 1930-е годы. С двух сторон базу окаймляли две внушительные взлетно-посадочные полосы. Когда в один из теплых осенних дней я поднялся в небо, узор дорог на базе показался мне похожим на леденец, зажатый в грязных детских пальцах.

По окончании двухчасового полета я пошел в расположение эскадрильи к нашему офису, в который вела вращающаяся стеклянная дверь. Чувствовал я себя хорошо. Стресс от штабной работы полностью улетучился. Если из-за своей отповеди я был и вынужден завершить свою карьеру в роли инструктора, то и отлично, поскольку нет более прекрасного чувства, чем чувство полета. Большинство своих целей я все равно достиг — совершал боевые вылеты и внес свой вклад в военные усилия своей страны.

В то время как я составлял отчет о ходе выполнения полета, ко мне с мрачным видом подошел командир.

— Белка, надо поговорить, — сказал он.

Голос его звучал не слишком радостно.

— Да, сэр, — ответил я.

Я догадывался, о чем сейчас пойдет речь. Один парень с базы Крич заранее меня предупредил.

Командир присел на краешек стола.

— Я должен отстранить тебя от тренировок.

Я ничего не ответил. Он протянул мне письмо.

— Секретарь военно-воздушных сил отправляет тебя назад в Крич.

Генеральный штаб объявил всеобщую мобилизацию, чтобы помочь генералу Дэвиду Петреусу сломить наконец сопротивление в Ираке. А я-то надеялся, что на инструкторской должности меня уже никто не потревожит.

Традиционно в ВВС считалось, что нельзя отозвать летчика с официального учебного курса, если он уже начался. Каждое место на курсах было завязано на деньги, предоплаченные за соответствующее обучение. Досрочное убытие означает, что деньги выброшены на ветер.

— Мы что-нибудь можем сделать? — спросил я после некоторой паузы.

— Прости, Белка, на нас надавили.

Когда четырехзвездный генерал, стоявший во главе Учебного авиационного командования ВВС США, позволил себе выразить публичное несогласие с политикой генералитета, ему фактически было велено заткнуться и не лезть куда не следует.

Итак, я съехал из дома, который занимал в течение месяца, и направился назад в Лас-Вегас.

Спустя несколько недель я зарегистрировался в новом Оперативном центре авиакрыла (ОЦА) на военно-воздушной базе Крич. За тот неполный год, пока я отсутствовал, база очень разрослась. Мы уже не ютились на авиабазе Неллис, занимая выделенный нам участок территории, а целиком владели базой в Индиан-Спрингс. Возле ангара, в котором я работал, полным ходом шло строительство здания новой штаб-квартиры авиакрыла. Я работал в каморке рядом со строительным участком. Места в ОЦА хватало лишь для четырех столов, компьютеров, объединенных в сеть, да нескольких плазменных экранов на стенах.

Фактически это был оперативный мини-пункт, но теперь наша деятельность имела гораздо больший размах, чем раньше. В качестве одного из директоров ОЦА мне предстояло заниматься работой, которую раньше выполняли руководители полетов — только в более широком масштабе. Прошли те времена, когда на

конкретной линии работала лишь одна эскадрилья. Теперь в нашем ведении были три «Хищника», два «Жнеца» и одна британская эскадрилья, действовавшая на ТВД; многие другие были еще на подходе.

— Это твое рабочее место, — объявил Шишак.

Шишак, старый пилот самолета-невидимки «F-117», на базе Крич совершал свой «прощальный тур» — как мы называли последний период службы в вооруженных силах перед выходом на пенсию. Шишак отличался резким напористым характером, типичным для летчика-истребителя и как нельзя лучше подходившим для такого рода работы.

— Симпатичный чуланчик для метел, — заметил я.

— Это временно.

— Сколько всего директоров в ОЦА? — спросил я.

— Три. Ты, я и Уличный Кот.

Как я и предполагал. Нас троих перебросили сюда как на оборудованную наспех боевую позицию, то есть свободного времени почти не будет.

— И чем мы занимаемся?

Шишак вздохнул:

— Следим за всем, что летает. Когда ничего не происходит, разрабатываем программы, по которым работает ОЦА.

— Серьезно? А летать-то я хоть смогу?

— Мечтать не вредно, — усмехнулся Шишак, похлопав меня по плечу.

Работа оказалась лучше штабной, так как была связана с полетами. Хотя и не идеальная. В «Хищнике» теперь я был одним из «стариков». Сообщество разрослось так быстро, что многие положительные новации, которые мы с Майком внедрили, стали использоваться неправильно. Переутомление экипажей не замедлило сказаться на их профессиональных качествах. Мне хотелось вернуть в БПЛА-сообщество профессионализм, который мы вместе с Майком старались ему привить. Но я был всего лишь одним из сотрудников на неруководящей должности.

К началу весны 2008 года я уже вошел в ритм 12-часовых рабочих смен в ОЦА. Работа на линии для нас стала равноценна каторге. Экипажам с трудом удавалось выдерживать постоянное однообразие полетов, наблюдать за одними и теми же целями и видеть, как убивают американских солдат, не имея возможности предотвратить их гибель. Что еще хуже, правила применения оружия изменились до такой степени, что ни одно из подразделений (особенно «Хищник») уже фактически не могло атаковать противника. Наше собственное руководство подрезало нам крылья.

Когда зима в Ираке и Афганистане пошла на убыль и боевики повылезали из своих нор, загруженность работой существенно возросла даже при том, что я практически не участвовал в полетах. Большую часть рабочего времени я проводил за конторкой с несколькими мониторами, на которых я мог отслеживать видеотрансляции и сообщения в чат-каналах. Как и на прежней службе в штабе, я в основном занимался неотложными делами и отвечал на вопросы, всеми силами стараясь сделать так, чтобы в кабине не было глупости и бюрократизма.

Однажды, когда моя смена была в самом разгаре, один из «Хищников» отправил предупреждающее сообщение.

PE27> ОЦА, готовлюсь к выстрелу.

Что-то новенькое, подумал я.

Пилоту не было нужды сообщать мне, что он намерен стрелять. Об этом достаточно знать только старшему диспетчеру, однако некоторые экипажи в состоянии предбоевого напряжения считали необходимым рассказать о предстоящем выстреле всем и каждому. Я вывел видео с борта беспилотника. Экран заполнило изображение двора с небольшим домом, рядом с которым стоял автомобиль. По двору прохаживались двое мужчин призывного возраста, или МПВ, как мы теперь называли людей неустановленной принадлежности. Похоже, они были всецело поглощены обсуждением чего-то важного.

— Что это у него в руках? — спросила у меня офицер-метеоролог.

Моя сотрудница, молодая рядовая авиации, имела скромный опыт прямого участия в операциях, который ограничивался лишь инструктажем экипажей перед вылетами. В руке человека на экране светилось яркое тепловое пятно. Время от времени МПВ подносил руку ко рту, и в этот момент свечение усиливалось.

— Сигарета, — ответил я.

— Правда? — удивилась она. — Выглядит очень уж яркой.

— Это по сравнению с остальным.

В ночи курильщики часто выглядят так, словно держат в руках миниатюрное солнце.

Так как на земле ничего особенного не происходило, я решил просмотреть переговоры экипажа в чат-канале. Офицеры по руководству сбором разведывательных данных обсуждали цель и решали, что делать. Они намеревались ликвидировать парня, который стоял, опершись на капот автомобиля. Я стал мысленно прикидывать порядок действий, предшествующих удару: оценка сопутствующего ущерба выполнена, карта контрольной проверки правил применения оружия выполнена. ПАН ожидал

окончательной отмашки от командира части сухопутных войск. Я следил за строчками сообщений, по мере того как они появлялись в окне чата.

Объект наблюдения докурил сигарету и втоптал окурок в землю. Затем сел в машину и тронулся с места. Сначала автомобиль попетлял по нескольким улицам, потом вырулил на четырехрядную дорогу с разделительной полосой.

БУ41> Стреляй, Стреляй, Стреляй, Стреляй немедленно.

Это еще что такое? — пронеслось у меня в голове. ПАН потребовал от «Хищника» открыть огонь, но что-то я не припомню, чтобы экипажу передавали целеуказания или официальное разрешение на атаку. Я прокрутил назад содержимое чата. Ничего. По крайней мере, никакой записи в письменном виде. Тем временем автомобиль уже прилично удалился от района цели, поэтому даже если разрешение и поступало, оно уже было неактуальным.

Вся эта история как-то дурно пахла.

РЕ27> Захожу с юга, 1 минута.

«Хищник» выходил на курс атаки. Однако, судя по тому, что я видел, он не имел оснований этого делать. Хуже того, у этого экипажа не было практики стрельбы по движущимся целям. Излишне объяснять, что могло произойти или кто мог пострадать, если бы ракета промазала.

Мне сразу вспомнился 1994 год и мой друг Лора Пайпер. Она была специалистом по анализу разведывательных данных боевого авиационного крыла, дислоцированного в Рамштайне, Германия. Во время проведения операции «Утешение» — гуманитарной миссии по оказанию помощи курдским беженцам после войны в Персидском заливе — она вместе с высокопоставленными руководителями НАТО летела в одном из вертолетов, которые выполняли наблюдательный полет в северной части Ирака.

Эти два «Черных ястреба» подавали кодированный сигнал, который должен был идентифицировать их как «свой», только вот система опознавания «свой-чужой» работала некорректно, поэтому им на перехват для проверки были направлены два «F-15 Игл». Пилотам истребителей оставалась неделя до отправки домой, и за все время своей командировки они не произвели ни единого выстрела. Горя желанием как-нибудь отличиться, они спикировали на двух «Черных ястребов» и сбили их. Несмотря на то что на вертолетах были американские опознавательные знаки, летчики-истребители не идентифицировали их как «дружественные цели». Для них они были просто мишенями.

Их некомпетентность многим людям стоила жизни, а мне — друга.

Я так и не простил сообщество «F-15» за тот выстрел. До сих пор не понимаю, как пилоты могли не опознать вертолет, который, в отличие от желто-коричневых иракских машин, был выкрашен в зеленый цвет. Они действовали непрофессионально и некомпетентно, а потом обвинили во всем АВАКС.

В некотором смысле я испытывал вину выжившего. Мы с Лорой одновременно претендовали на место военного дознавателя на раннем этапе наших карьер. К последнему собеседованию мы подошли ноздря в ноздрю. В итоге победил я. В качестве утешения Лоре была предложена служба в Европе. Я часто задавался вопросом, оказался бы я на том вертолете, получи она должность дознавателя вместо меня.

И теперь у меня было чувство, что на экране разворачивается та же трагедия. Я знал, что должен действовать.

ОЦА-Д > РЕ27 ОТМЕНА, ОТМЕНА, ОТМЕНА.

БУ41 > Сообщите причину.

ОЦА-Д > Отсутствие соответствия ППО, отсутствие разрешения, выстрел незаконен.

Несколько секунд спустя пилот позвонил мне на рабочий телефон. Он был взбешен и проклинал меня за отмену выстрела.

— После дежурства я к вам зайду, — заявил он.

Я с нетерпением предвкушал наш разговор. Мне уже порядком надоели непродуманные решения. Одно дело, когда это вообще не специалист в авиации, намеревающийся руководить операцией далеко за пределами его компетенции. Тем более я больше не был намерен терпеть глупые решения кое-как обученных пилотов. Беспилотное сообщество явно начало разлагаться, и с этим надо было что-то делать.

— Почему, черт возьми?! — выпалил пилот, едва переступив порог ОЦА.

До того как пилот заявился в ОЦА, я с ним раньше не встречался. Это был один из безликих резервных пилотов, которые мало времени проводили на линии и летали лишь эпизодически, чтобы поддерживать квалификацию. Многие лица были мне неизвестны еще и потому, что на тот момент я уже почти год работал в отрыве от эскадрильи.

— Я спас вашу задницу, — спокойно ответил я.

— Спасли мою задницу?! — воскликнул он. — Вы испортили мне выстрел!

— Нет, я уберег вас от тюрьмы.

Он непонимающе уставился на меня. Я ответил ему невозмутимым взглядом.

— Выстрел был законным, — сказал он.

Я покачал головой:

— Нет. — Я постучал по столу пальцами. — Во-первых, не был передан отчет 9-Line. Существенные элементы информации, используемые при заходе на цель, ПАН не сообщал, а вы их, соответственно, не подтверждали. Второе, «стреляй, стреляй, стреляй, стреляй немедленно» не может квалифицироваться как официальное разрешение на атаку. Чат-логи четко показывают, что вы пытались вступить в бой, не имея на то законного разрешения. В-третьих, ОСУ потеряла актуальность, как только машина начала двигаться. Прежде чем вы вышли на курс атаки, цель успела отъехать от дома километра на два. Вы понятия не имели, что находится между вами и целью. Ракета могла угодить куда угодно и поразить что угодно. Вряд ли Управление военно-юридической службы погладило бы вас по головке, если бы ракетным ударом вы накрыли дом какого-нибудь мирного жителя.

Каждый наш выстрел анализируется Управлением военно-юридической службы — коллегией военных судей, которая следит за тем, чтобы соблюдались все правила ведения войны. Управление завело бы на пилота уголовное дело, если бы его выстрел привел к гибели невиновного человека.

Некоторое время пилот сердито сверлил меня глазами.

— Пусть каждый останется при своем мнении, — наконец произнес он.

Я пожал плечами:

— Отлично, можете оставаться при своем сколько хотите. Но запомните: вы сегодня будете спать дома в своей постели, а не в тюрьме, только благодаря мне. Соглашайтесь, не соглашайтесь — мне без разницы.

Пилот резко повернулся на каблуках и, больше не произнеся ни слова, выскочил из ОЦА. Я уверен, что он подал на меня жалобу, тем не менее руководство эскадрильи так и не обратилось ко мне, чтобы выслушать мою версию событий. Молчание означало, что они просмотрели логи переговоров в чате и согласились с моей оценкой. Я не мог допустить ни малейшей оплошности. Люди распустились, и я понимал, что единственный способ действительно изменить положение вещей — это стать командиром эскадрильи.

Я не мог вернуть Лору, но мне хочется думать, что в ту ночь от ее имени я спас чью-то жизнь.

Глава 15. Командование

Полковник Дэвид Крумм, командир 49-го крыла, протянул мне руку:

— Теперь вы командуете 60-й эскадрильей.

Заместитель командира заранее предупредил меня по телефону, что Крумм направляется в мой кабинет. Я понятия не имел, о чем он хочет со мной поговорить и почему не попросил меня зайти к нему. Командиры авиакрыльев просто так не ходят в эскадрильи, чтобы поболтать с начальником оперативного управления.

Я отвечал за оперативную деятельность учебной эскадрильи, готовившей следующее поколение экипажей БПЛА к боевой службе. Эту руководящую должность мне предложили по окончании второго срока службы в Криче и краткосрочного периода работы на Учебное авиационное командование ВВС США, которому я помогал создавать программу подготовки пилотов БПЛА. К тому моменту, как Крумм зашел ко мне в кабинет, я уже два года занимал должность начальника оперативного управления.

Я пожал ему руку, не зная, что и сказать. Смог только тихо выдавить из себя: «Спасибо, сэр». Реакция не очень-то соответствовала той, которую можно было бы ожидать от новоявленного командира. Я чувствовал потрясение, восторг, облегчение и гордость, слившиеся в одну мощную эмоцию, готовую вырваться из груди. Но в первую очередь я почувствовал удивление. Я был уверен, что инцидент в Аль-Удейде поставил крест на моей мечте.

Пожимая руку Крумму, я вдруг понял, что достиг наконец своей цели — командовать боевой эскадрильей. Все мои жертвы сразу показались пустячными. Я стал первым командиром только что созданной 60-й экспедиционной разведывательной эскадрильи и всего вторым офицером в беспилотном сообществе, принявшим на себя командование. Майк встал во главе 33-й эскадрильи специальных операций, дислоцированной на авиабазе Кэннон, в 2009 году. Свою должность он получил примерно за год до того, как я принял командование 60-й.

— 60-я — совершенно новая, она будет развернута в Джибути, — сказал Крумм. — Бригада передового эшелона уже на позиции.

Бригада передового эшелона занималась возведением ангаров, монтажом оборудования и устранением дипломатических и формальных препятствий на пути к

осуществлению первого полета.

Также она зачищала территорию от африканских аспидов.

— Вы будете летать на MQ-1B «Хищник», — сообщил Крумм.

В качестве инструктора я летал на более новом MQ-9 «Жнец» на военно-воздушной базе Холломан в Нью-Мексико. «Жнец» постепенно заменял «Хищника», так как последний снимали с вооружения. Он крупнее своего старшего брата — размером где-то со штурмовик «A-10» — и имеет большую боевую нагрузку. «Жнец» способен нести четыре ракеты «Хеллфайр» и две двухсоткилограммовые бомбы. Я участвовал в первых эксплуатационных тестах прототипа MQ-9, после чего еще некоторое время был задействован в программе.

ВВС предоставили эскадрилье право дать летательному аппарату имя, и я предложил назвать его «Стервятник», выбрав имя в соответствии с наметившейся в последнее время в ВВС США тенденцией присваивать истребителям названия хищных птиц, как например, «F-15 Орел» или «F-16 Сокол».

— Даже боюсь спросить, — сказал Ящичек, после того как я предложил свой вариант, — почему «Стервятник»?

Я улыбнулся:

— Потому что мы кружим над нашими жертвами так долго, что у них такие же шансы быть пойманными, как и умереть от старости.

Ящичек лишь закатил глаза и отошел. В конечном итоге эскадрилья устроила голосование, в результате которого победило имя «Раптор». Оно звучало одновременно и «круто», и угрожающе. В моем сознании название ассоциировалось скорее с динозавром, нежели с птицей. Тем не менее оно подходило. Впрочем, через месяц ВВС отобрали у нас это имя и присвоили его новейшему истребителю «F-22». MQ-9 стал «Жнецом».

После довольно продолжительного периода работы со «Жнецами» мне потребовалось пройти краткий курс переподготовки. MQ-1B представляет собой улучшенную модификацию беспилотника, который я пилотировал многие годы. Он обладает усовершенствованными системами связи, авионикой и гондолой целеобнаружения. Мне не потребовалось много времени, чтобы освоиться с новой старой птичкой.

Свободное время я посвящал разработке устава эскадрильи. Я понимал, что становление нового воинского формирования предполагает разработку правил внутреннего служебного распорядка и методов командования, без которых эскадрилья подобна кораблю без руля и без ветрил в бушующем море. По прибытии в район базирования я должен был поставить эскадрилью на правильный курс.

Как мне удалось выяснить, в Джибути нас направляли для оказания поддержки Объединенной оперативной группе в выслеживании деятелей «Аль-Каиды» в Йемене. Пентагон и сотрудники разведки рассматривали эту террористическую организацию как непосредственную угрозу Соединенным Штатам. От нас требовалось предоставлять видеоинформацию и использовать свой ударный потенциал.

Прямо перед отъездом меня пригласил в свой кабинет первый заместитель командира 49-го крыла, полковник Кевин Хайк по прозвищу Выхлоп. Это был высокий, стройный летчик-истребитель с мальчишеской улыбкой, невероятно харизматичный. В то же время он обладал компетентностью и лидерскими качествами, которые вызывали уважение. Выхлоп хотел повидаться со мной, пока я не убыл в командировку. С тех пор, как я годом ранее стал служить под его началом, я смотрел на него как на своего наставника. Я сразу понял, что Выхлоп хочет сказать мне что-то важное, поэтому дал ему говорить, не тратя время на стандартные расшаркивания или поцелуи в задницу, чего иногда ожидают офицеры.

Я никому не целовал задницы, да и Выхлоп был не из тех, кто этого ждет.

— Белка, тебе предстоит столкнуться с серьезным вызовом.

Очевидно, дело пахло не советом новому командиру, а предупреждением. Я ждал, что он скажет.

— В твоей эскадрилье проблема руководства, — сказал он. — Я не знаю, чем она вызвана, но на ТВД полно недовольных нынешней ситуацией.

Я кивнул. Совсем не это мне хотелось бы услышать. Мозг судорожно анализировал, что я успел сделать не так за такой короткий промежуток времени. Была ли виной некомпетентность командира бригады передового эшелона? Служебная дисциплина? Возможно, внутренние разборки между оперативными службами и обслуживающим персоналом? Причиной могло быть все, что угодно.

К сожалению, прибыть раньше в расположение эскадрильи я никак не мог по причине переподготовки.

— В ближайшую пару месяцев тебе придется повозиться.

Он не стал вдаваться в подробности, и по пути в Джибути я раздумывал над новостью. Выхлоп не из тех, кто предлагает готовые решения. Это моя обязанность как командира оценить ситуацию и принять правильное решение, иначе почему командир я? Интуитивно я чувствовал, что проблема отчасти кроется в различиях между тем, чему мы учили летчиков в Холломане, и тем, как полеты осуществлялись в Криче.

В Холломане мы летали в соответствии со стандартами ВВС. Летчики в Криче, напротив, выполняли полеты, руководствуясь официально неутвержденной укороченной картой контрольных проверок. Стандартная тридцатистраничная карта проверок была ужата до одной бумажной страницы, известной как «читерская карта». С этим документом, настолько мелким, что надо было напрягать зрение, чтобы его прочитать, легко было упустить какую-либо важную деталь проверочной операции. Так за одну только неделю мы потеряли двух «птичек» из-за того, что пилоты забывали включить органы управления беспилотника. Я намеревался искоренить «читерские карты» в 60-й эскадрилье. Как сказал мне Майк, их использование не приводит к существенной экономии времени, зато создает предпосылки для аварийных ситуаций. Я доверял его суждению, так как сам эту «карту» не видел.

Пока я добирался из Холломана в Джибути, у меня возникли и другие идеи. Нас задержали на пару дней в Роте, Испания, из-за нелетной погоды и технических неполадок. Это время я использовал для того, чтобы психологически подготовиться к началу службы на командном посту.

После трех дней путешествия чартерный самолет «Боинг-767», на котором я вместе с другими летчиками, солдатами, моряками и морпехами добирался в Джибути, наконец приземлился.

Сойдя с трапа в гражданском секторе аэропорта, я окунулся в удушающую влажную атмосферу, напоминающую летний климат в Миссисипи. Жаркий, влажный воздух словно тяжелым одеялом сдавливал грудь. Изначально планировалось, что мы прибудем утром, но сейчас был поздний вечер. При мысли о том, какая духота тут стоит в дневные часы, мне стало не по себе.

Джибути — маленькая пустынная страна, расположенная на восточном побережье Африки, там, где смыкаются Аденский залив и Красное море. Некогда эта земля была полна жизни, однако погодные условия превратили ее в пыльную пустыню. Теперь тут росли лишь акации да низкорослые кустарники. Страна отличается самым жарким климатом в мире. Однако соседство с Сомали и близость к Йемену, отделенному от нее Красным морем, делали Джибути идеальным местом для развертывания войск, которым требовался выход к восточноафриканским государствам.

Я прошел таможенный контроль и попал в главный зал ожидания. Пол был украшен ажурной мозаикой, похожей на узор мелкозернистого мрамора. Потолочные своды придавали интерьеру уникальный восточный колорит, резко

контрастировавший со скучным стилем колониальной французской архитектуры. Сами джибутийцы оказались худощавыми, напоминая комплекцией бегунов-марафонцев. Бросив беглый взгляд на миллион наших сумок и рюкзаков, они пустили нас в свою страну.

У здания терминала нас уже ожидали американцы в цивильной одежде на нескольких небольших автобусах. В каждый салон набилось более двадцати человек, хотя автобусы были рассчитаны на значительно меньшее число пассажиров. Стоячих мест не было, так как откидывающиеся сиденья перекрывали центральный проход. Прежде чем добраться до главного входа на ярко освещенную базу Кэмп-Лемонье, автобусам пришлось обогнуть аэродром по периметру, проехав мимо примитивных хижин местных жителей.

К моему удивлению, служба безопасности на контрольно-пропускном пункте, через который наши автобусы проехали один за другим, работала почти в режиме мирного времени. Признаю, охранники проверили личности каждого из нас, но у меня их расслабленная манера поведения вызывала беспокойство. Автобусы остановились возле импровизированного кинотеатра, где нас зарегистрировали, после чего отпустили встречаться с представителями своих частей. В воздухе висело зловоние настолько тяжелое и плотное, что его буквально можно было ощутить на языке. Хотелось думать, что здесь так не всегда.

Джейсон, майор, до моего прибытия выполнявший функцию коменданта части, поджидал меня возле белого пикапа с полуторной кабиной. Это был «хайлакс» — как, впрочем, и большинство машин на Ближнем Востоке. Джейсон, как и я, был давним участником проекта «Хищник». В своих предыдущих командировках он служил пилотом во взлетно-посадочной команде, пока его наконец не перевели в бригаду передового эшелона 60-й эскадрильи.

— Белка! — окликнул он меня.

— Джейсон, — отозвался я, вяло пожимая ему руку. Трехдневный перелет меня порядком измотал.

— Добро пожаловать в Джибути.

— Спасибо, — ответил я.

Подозреваю, что мой голос звучал не слишком убедительно.

Два человека из обслуживающего персонала погрузили мои пожитки в кузов вместе с вещами прибывших вместе со мной техников. Мы залезли в автомобиль и тронулись в путь, оставляя толпу других новоприбывших разыскивать своих сослуживцев.

Пока мы ехали, Джейсон играл роль экскурсовода.

— Сейчас мы на основной базе, — сообщил он. — Этот лагерь

принадлежит ВМС США. Большинство их штабов, как и АР-штаб (штаб Объединенной оперативной группы Африканского Рога), располагаются на старой базе вместе с французами.

Я поглядел в указанном направлении.

Французские военные занимали старые колониальные здания, довольно ветхие. Хорошо сохранился только «Офицерский клуб» — по сути, общественный клуб для военных чинов, превосходивших меня по рангу. Стены основного помещения были украшены большими фресками, изображающими морские батальные сцены с участием национальных героев. Асфальтированные дороги были только в старом, французском секторе базы.

Когда Джейсон покинул пределы основной базы, под колесами захрустел гравий. Остальные сектора широко раскинувшейся базы соединялись проездами немногим шире «однополоски». Четких направлений они не имели и виляли то туда, то сюда, лишь изредка переходя в прямые, относительно широкие дороги. По прямой из одного пункта в другой можно было добраться только пешком.

— Вон то большое сооружение, — пояснил Джейсон, указывая на коричневую сборную конструкцию, — это столовая. Вместо нее предполагается построить другую, более просторную.

— Вообще-то ее начали строить еще год назад. Местные подрядчики замешивали бетон на морской воде, — усмехнулся он. — Фундамент рассыпался через месяц.

— Потрясающе… — пробормотал я.

— Если до своего отъезда увидишь новую столовую, считай, тебе здорово повезло. Подрядчики ВМС не спешат.

— А что, базой управляют ВМС?

— Ага, — ответил он. — Они руководят вспомогательным персоналом. Сразу предупреждаю: если хочешь, чтобы что-то было сделано, не проси помощи у ВМС.

Справа проплыли массивные генераторы, каждый размером с автотрейлер.

— Источники энергоснабжения базы. Тут везде 220 вольт, включая жилые помещения. Мы не смогли врезаться в электросеть, поэтому у нас в эскадрилье все по-прежнему работает от 115 вольт.

— А почему не смогли?

— Рядом с нашим лагерем нет силовых трансформаторов, — пояснил Джейсон. — Джибутийцы запросили с нас почти полторы тысячи долларов за каждый фут траншеи, которую надо вырыть, чтобы подключиться к общей сети. Поэтому мы сами выкручиваемся. Контракт на поставку солярки для дизель-

генераторов обошелся гораздо дешевле.

Я кивнул.

От нескольких десятков генераторов поднимались огромные столбы черного дыма, исчезая где-то во мраке неба. Интересно, в какую сторону уходит дым и как часто придется им дышать, подумал я.

Джейсон снова повернул и покатил по спуску.

— Спортзал? — поинтересовался я, указав на еще одно большое модульное здание коричневого цвета.

Пока что база производила более приятное впечатление по сравнению со всеми другими, на которых мне доводилось бывать, включая даже Аль-Удейд.

— Не-а, — отозвался Джейсон. — Это «11 градус северной широты». Бар.

— Бар?

— Совместный клуб для офицеров и контрактников, — объяснил он. — Не волнуйся, это местечко ты еще не раз увидишь. Тут девушки на вечеринках появляются в «тусовочном прикиде» и на каблуках, чтобы чувствовать себя как в Штатах.

Бар получил название из-за географического расположения Джибути. Страна расположена на 11°30’ к северу от экватора. Я сразу подумал о том, что бар с легкодоступным алкоголем может создавать массу дисциплинарных проблем. Гражданский образ мышления в боевой обстановке будет способствовать возникновению психологических конфликтов.

Джейсон махнул в сторону от клуба.

— Там жилая зона.

Земля отлого спускалась к океану. Почти на всю длину базы растянулись ровные ряды стальных грузовых контейнеров, которые служили казарменными помещениями. В каждом контейнере было две комнаты. В ограниченном пространстве лагеря проживало более пяти тысяч солдат, моряков, летчиков, морских пехотинцев и сотрудников подрядных организаций.

— Мы базируемся здесь.

Джейсон завернул за угол и вырулил на длинную прямую дорогу. Моему взору предстал ярко освещенный летный комплекс. Из-за забора выглядывали две высокие мачты с радиопередатчиками направленного действия на вершинах. Будто корабль с двумя мачтами, плывущий по африканской пустыне.

— Диснейленд.

— Что? — переспросил я.

— Диснейленд, — повторил Джейсон. — Народ на базе видит огороженный комплекс с подмостками и воображает аттракцион. Мы напоминаем парк развлечений.

Сходство действительно имелось. Только наш «аттракцион» был не очень захватывающим, а стоимость входного билета на него была огромной. Кроме того, мыши тут, по всей видимости, были самыми что ни на есть настоящими, а злодеи отнюдь не сказочными.

Джейсон остановил машину возле одного из жилых контейнеров, который стоял прямо у ограды летного комплекса.

— Твои апартаменты, — сказал он. — Тебя ждет командирская квартира, но мне надо закончить упаковку вещей, чтобы ты смог заселиться. А покуда мы тебя не устроили, поживешь здесь.

Я посмотрел на брелок от ключей и засмеялся. На нем было написано «F-117». «F-117» — обозначение истребителя-невидимки, снятого с вооружения ВВС. Это был нервный смех, вызванный усталостью.

Когда я выбрался из машины, мне показалось, что возле казарм воздух еще более зловонный.

— Откуда эта вонь? — спросил я.

— От ям для сжигания отходов.

Джейсон указал в южном направлении.

— У джибутийцев свалка прямо за линией ограждения. С наступлением темноты они жгут мусор. Со временем привыкнешь.

По его физиономии было видно, что не привыкну.

— Заходи и располагайся, — сказал Джейсон. — Выспись как следует — торопиться некуда. Когда придешь в норму, побродите тут, осмотрись, а потом спроси меня.

Он указал на белую бронированную будку возле ворот, которая служила нашим контрольно-пропускным пунктом.

Я кивнул.

— Спасибо, Джейсон.

Свалив свои пожитки в углу комнаты, я рухнул на одну из двух коек. Распаковать вещи можно и потом. Сон пришел быстро.

Я проснулся через несколько часов. Не могу спать днем, каким бы уставшим я ни был. Мои биологические часы всегда знают, когда восходит солнце, и будят меня. Даже затемняющие шторки не помогают.

Я принял душ и приготовился к своему первому рабочему дню в Африке.

Джейсон встретил меня у ворот и провел в летный комплекс. 60-я экспедиционная разведывательная эскадрилья располагалась в дальнем конце зоны стоянки и обслуживания самолетов. Жизнь и работа эскадрильи проходила в десяти желто-коричневых палатках, напоминавших полуцилиндрические ангары типа

«Куонсет». Каждую палатку занимал определенный отдел эскадрильи — оперативное управление, отдел технического обслуживания, служба обеспечения безопасности.

— Мы в первой палатке, — пояснил Джейсон.

Он провел меня мимо нескольких рядов дизель-генераторов. Силясь обеспечить электроэнергией палатки и ангары, дизели во время работы издавали высокий натужный звук, уровень которого превышал добрых восемьдесят децибел.

Первая палатка была разделена на две секции. Одну половину занимали четыре стола, за которыми сидел оперативный состав, большие плазменные экраны и ряд компьютеров. В другой половине палатки были шкафы индивидуального пользования, диван, раскладушка и центр развлечений и отдыха. В составе развлекательного центра имелись игровая приставка «Xbox» и DVD-плеер.

По всей длине потолка тянулась длинная труба, выполненная из такого же материала, как и стены палатки. Через нее внутрь помещения небольшими вентиляторами нагнетался холодный воздух от наружных кондиционеров. Непроницаемый материал воздуховода и особенно вентиляционные заслонки были покрыты странным черным налетом. Поначалу я подумал, что это плесень. Потом понял: дизельная копоть! Кондиционеры стояли рядом с электрогенераторами, засасывая выхлопные газы и нагнетая их прямо в рабочие помещения. У меня уже начинала побаливать голова.

Я вышел наружу и увидел СНУ, пристроившуюся рядом с оперативной палаткой.

— Это бокс, — сказал Джейсон. — Сдвоенная СНУ.

Станция наземного управления представляла собой стандартный грузовой контейнер, только вместо одного пульта управления в нем их было два. Пройдя через палаточный городок, Джейсон повел меня к двум большим ангарам. Подъемные ворота одного из них удерживались цепями в открытом положении.

— Что здесь случилось? — спросил я.

— Недавно прошел сильный ураган, — ответил Джейсон. — Налетел неожиданно и повредил подъемный механизм. Мы не смогли опустить ворота, поэтому зафиксировали их в верхнем положении, чтобы снизить нагрузку на конструкцию.

Внутри ангар был заполнен небольшими металлическими контейнерами, стандартные размеры которых были рассчитаны на оптимальную загрузку грузового отсека самолета.

— Мы решили складывать здесь снабженческие грузы, пока не починят ворота, — объяснил Джейсон.

Перед нами раскинулась стояночная площадка, покрытая

АМ-2. АМ-2 — окрашенный зеленой прорезиненной краской материал на алюминиевой основе, который применяется как противоскользящая поверхность. Размеры площадки позволяли разместить на ней два крупных ангара для восьми наших «Хищников». Как правило, одновременно внутри них находились только шесть беспилотников. На противоположном конце площадки возвышалась еще одна палатка, прозванная «навесом». Стенок у нее не было, и служила она местом подготовки «Хищников» к запуску.

— Взлетаете отсюда? — спросил я.

Джейсон покачал головой:

— Нет, мы находимся слишком близко от жилой зоны, поэтому в целях безопасности взлетаем от парковочной площадки. Вон там, в четырехстах метрах отсюда.

Он указал в сторону моря и повел меня к парковочной площадке. Группа технического обслуживания установила вокруг нее заграждение из морских контейнеров в форме подковы. На площадке «Хищник» с двумя ракетами на подвесках ожидал запуска.

— Скоро будем его запускать, — сообщил Джейсон.

— А для чего заграждение?

Джейсон пожал плечами:

— Чтобы местные не видели, что мы делаем на площадке.

— Можно подумать, они не видят, как мы взлетаем.

— Это точно, — согласился Джейсон.

Остаток дня я посвятил переезду в свою новую квартиру рядом с оперативной палаткой.

На следующий день Джейсон представил меня сотрудникам штаба. Первым на очереди шел начальник хозяйственного управления ВМС, с которым мне предстояло решать вопросы материально-технического обеспечения эскадрильи.

Червь, вертолетчик из ВМС, низкорослый толстяк с поросячьим носом, манерами напомнил мне Лео Гетца из фильма «Смертельное оружие». Червь имел чин лейтенанта-коммандера, но вел себя так, словно был адмиралом. Едва мы обменялись рукопожатиями, как Червь начал говорить о воротах. Я бросил взгляд на Джейсона. Тот подмигнул мне. Посол хотел, чтобы были установлены ворота, скрывающие «Хищников» от посторонних взглядов со стороны стоянки гражданских самолетов. Бригадой передового эшелона поначалу командовал Хвост, начальник Джейсона. Он потребовал от Червя построить откатные ворота стоимостью 100 тысяч долларов, которые отделили бы нашу стояночную площадку от рулежной дорожки. Хвост убыл до моего прибытия, оставив мне в наследство

раздраженного Червя и нереализованные планы постройки. Позже я узнал, что Хвост обивал все пороги на базе, требуя хоть какой-нибудь поддержки, многим при этом наступив на мозоль. Он-то и был причиной моей проблемы руководства в эскадрилье.

Я все еще помнил штабную службу с ее глупыми и пустыми межведомственными баталиями. Очевидно, Червь не собирался строить ограду из принципа: это был его лагерь, и ему принимать в нем решения. Логика здесь ни при чем. Впрочем, у меня на эти выкрутасы времени не было. Нам дали всего шестьдесят дней, чтобы развернуть «Хищника», технически сложную систему, на новом необустроенном месте и подготовить его к выполнению операций по полному циклу. Да, Хвост многим наступил на мозоль.

— Забудьте про автоматику, — сказал я. — Инженерно-строительные части ВМС на базе наверняка смогут что-нибудь смастерить, чтобы удовлетворить запросы посла, так ведь?

Было заметно, как Червь сразу расслабился; он-то ожидал, что я вступлю с ним в препирательства. Я надеялся, что наша встреча сгладит некоторую напряженность, которую я уже успел почувствовать в лагере. Мне предстояло руководить эскадрильей, и подобного рода разборки только отвлекали бы меня от основной задачи.

Официальная церемония моего вступления в должность пришлась на Рождество 2010 года. Мы собрались на покрытой АМ-2 площадке перед ангарами. Позади небольшой шеренги техников из отделения технического обслуживания стоял «Хищник».

Как правило, смена командования части представляет собой торжественную церемонию, проводимую в присутствии всех членов эскадрильи. Церемония призвана наглядно продемонстрировать убытие старого командира и прибытие нового. Однако наше летное подразделение, находившееся на боевом дежурстве 24 часа в сутки, не могло позволить себе такой роскоши. Один из экипажей готовился к запуску очередного БПЛА, а большинство членов ремонтно-обслуживающего отдела оказывали летчикам поддержку на стояночной площадке. Служба безопасности была укомплектована персоналом ровно настолько, насколько это было необходимо для обеспечения охраны лагеря, и отлучиться охранники не могли. На нашей церемонии рядом с сотрудниками технической бригады стояла лишь передвижная группа поддержки.

Джейсон произнес несколько прощальных слов сослуживцам, которые помогали ему ставить 60-ю эскадрилью на ноги в Джибути. На церемониях такого рода уходящий командир обычно

передает преемнику знамя части, символизируя смену караула. Но наше формирование было новым (последняя эскадрилья под номером 60 действовала еще во времена Вьетнамской войны), поэтому знамени у нас не было. Мы просто козырнули друг другу.

— Принимаю командование, — объявил я, взяв под козырек.

Теперь я официально стал первым командиром подразделения, и мне предстояло обратиться к своим подчиненным. Большинство военнослужащих были из Холломана. С этими парнями я служил последние два года. Правда, Джон, начальник бригады обслуживания ЛА и один из старших сержантов эскадрильи, сказал мне, что техники в смятении оттого, что их командиром стал пилот.

Мы с Джоном познакомились во время авиаперелета. Он тоже служил на военно-воздушной базе Холломан. До того как перейти в «Хищник», Джон проделал долгую карьеру в качестве специалиста по обслуживанию самолетов-истребителей типа «F-16». Мы долго и подробно обсуждали, как добиться баланса в эскадрилье, чтобы все ее отделы — оперативный, отдел техобслуживания и служба безопасности — чувствовали, что они вносят вклад в успех боевых операций. Благодаря Джону я понял, что должен развеять тревоги техников, убедив их, что они полноценная часть команды, а не просто парни, которые помогают пилоту удерживать самолет в воздухе, чтобы потом вся слава доставалась ему.

При обычных обстоятельствах летные эскадрильи ВВС отделены от обслуживающих их технико-эксплуатационных частей. Пилоты и техники редко когда знакомы друг с другом. Это порождает трения, поскольку пилоты понятия не имеют, чем занимаются техники, и наоборот. Отсюда возникают проблемы, потому что пилоты едва ли понимают, какую работу надо выполнить, чтобы держать БПЛА в постоянной боевой готовности, а техники никогда не испытывают напряжения, как пилоты в полете и в бою.

— Для меня честь стоять здесь перед вами, — сказал я. — Я смотрю на людей, с которыми работал многие годы, но которых мне не довелось узнать близко. Я хочу, чтобы вы знали, что мы, все мы — одна семья. Летные экипажи, техники и сотрудники службы безопасности — все являются частью эскадрильи. Мы выполняем важную миссию, миссию, которая находится под личным контролем президента. По этой причине мы всегда должны быть на высоте. Это не Крич. Здесь нет места «халтуре». Мы не будем использовать «читерские карты». Мы будем неукоснительно следовать всем техническим инструкциям. Только так мы добьемся успеха, в чем я уверен.

Потом я пошел в «11 градус северной широты», общественный клуб базы, чтобы отпраздновать свое вступление в должность. Зал размером с баскетбольную площадку был весь заставлен столами и стульями. Они стояли перед сценой, на которой обычно выступали артисты, приглашаемые Объединенной службой организации досуга войск. Еще больше мест было снаружи на открытой площадке, где на надувном проекционном экране показывали фильмы. В углу располагался бар, обслуживающий как посетителей внутри зала, так и отдыхающих снаружи. Я сидел за барной стойкой и пил паршивое французское вино из пластиковой мини-бутылки. Это не значит, что я не «компанейский». Эскадрилья проводила операции двадцать четыре часа в сутки. У них была работа. У меня пока нет. К выполнению обязанностей мне предстояло приступить только утром. Кроме того, теперь я был командиром. Я не мог позволить себе роскошь иметь друзей, не мог проводить свободное время с парнями из эскадрильи. Надо было привыкать к одиночеству на базе.

Наслаждаясь моментом, я потягивал вино. Я дослужился до командира. Но впереди меня ожидал еще год напряженной работы и задача, которую надо было выполнить. Я допил вино и направился обратно в свои апартаменты. Наскоро принял душ, включил настольную лампу и принялся изучать местные регламенты.

Вскоре мне предстояло приступить к полетам.

Глава 16. Потери

Я включил микрофон.

— Бригадир, готов к включению электропитания.

— Подаю электропитание, — раздался по радио ответ начальника бригады обслуживания БПЛА.

Где-то там, на стояночной площадке, старший бригады обслуживания летательного аппарата открыл боковую панель и подключил к «Хищнику» агрегат аэродромного питания. Затем щелкнул рубильником, замыкая цепь.

Я досчитал до десяти, прежде чем дисплей ожил. Вначале на экране были одни помехи, затем появились стояночная площадка и телеметрическая информация. Перед нами простирался Аденский залив. Вода была насыщенного темно-синего цвета, словно сапфир; в плавно набегающих полуметровых волнах искрились отблески утреннего солнца. Деревья акации и чахлый кустарник заслоняли глинистый берег от взора.

Как только «Хищник» пробудился к жизни, техники отошли на безопасное расстояние. Главный компьютер, первичный модуль системы управления БПЛА, начал посылать «Хищнику» тест-сигналы, а тот приступил к проверке бортовых систем. Внутри летательного аппарата циркулировал электрический ток, активируя различные внутренние компоненты.

— Электропитание включено.

Мы с моим оператором Ханом пробежались по пунктам карты контрольных проверок. Хан был молодым летчиком, у которого как раз заканчивалась первая командировка на службе в ВВС. Свой позывной он получил в честь Хана Соло, персонажа фильма «Звездные войны». Но не из-за разухабистого характера, как у киногероя — просто обыграли собственное имя летчика. Как только он появился в эскадрилье, других вариантов не было.

Это был один из первых моих вылетов в качестве командира эскадрильи. После нескольких недель ознакомления с делами и тушения межведомственных пожаров я наконец сел за пульт управления. В кабине я был всего лишь одним из пилотов, и следовало беспокоиться только о самолете и задании. Мне хотелось летать как можно чаще, так как бокс был единственным местом, в котором я мог отдохнуть от бремени командной службы.

Проведя предполетную проверку, мы с Ханом убедились, что летательный аппарат технически исправен и готов к запуску двигателя. Одни элементы бортового оборудования должны быть включены, другие — отключены. Запуск двигателя с

неправильной настройкой конфигурации элементов может привести к его остановке или выходу из строя приборов обнаружения.

Удовлетворенный результатом, я включил радиопередатчик.

— Бригадир, готов к запуску двигателя.

— Вас понял.

Техник подошел к контрольной панели на боковине летательного аппарата, нажал пару кнопок и стал ждать. Пропеллер сделал сначала один оборот, потом второй, отчего аппарат затрясся, и начал раскручиваться. Чихнув пару раз, двигатель заработал. Я подстроил положение рычага регулятора воздушного винта, чтобы добиться оптимального для прогрева масла числа оборотов в минуту.

Хан включил микрофон.

— Бригадир, прошу разрешения активировать гондолу.

Некоторое время мы ждали, пока отзовется начальник бригады обслуживания:

— Угрозы для глаз нет, разрешаю подачу питания на шар.

Существовала теоретическая возможность того, что высокомощный лазер в прицельной гондоле мог самопроизвольно включиться при ее активации. Я лично никогда о таких случаях не слышал, но если бы такое произошло, лазер выжег бы глаза всем в непосредственной близости. Пока Хан проводил калибровку гондолы целеобнаружения, техники держались от нее на безопасном расстоянии.

Проверка работы двигателя — самый длительный этап предполетной подготовки. Мы не могли вырулить на рулежку, пока двигатель не прогреется. Когда «Хищник» с бортовым номером 193 зажужжал на стояночной площадке, я внутренне напрягся. «Гэбби», как эту птичку прозвали в ремонтно-обслуживающей бригаде, была проблемным ребенком. У авиатехников, как и у пилотов, есть традиция давать своим летательным аппаратам прозвища. Наши командиры обслуживающих бригад присваивали «Хищникам» имена важных для них женщин. Я как-то поинтересовался, почему «Гэбби». Оказалось, что название аппарата было производным от условного технического обозначения GAB (ground abort), означающего запрет на взлет из-за неисправности. «Гэбби» явно не любила летать. Мне больше нравилось пилотировать «Одри». Самолет был назван в честь великой актрисы Одри Хепберн и отличался таким же, как у нее, изяществом в движении.

Большинство проблем у нас возникало из-за того, что «Хищник» не имел защиты от неблагоприятных атмосферных воздействий. Самолеты целый день находятся в небе, а при

завершении полета, снижаясь, попадают во влажный воздух. Содержащаяся в воздухе влага конденсируется на переохлажденных приборах БПЛА. После приземления техники дозаправляют летательные аппараты топливом и спустя пару часов снова отправляют в полет. Когда беспилотник поднимается на большую высоту, вода, скопившаяся в приборном отсеке, замерзает, так как на высоте в 6 тысяч километров забортная температура может достигать минус 35–40 градусов. Экипаж в кабине начинает получать ложные предупреждения об утечке топлива или масла. Пилот возвращает летательный аппарат на базу — и выясняется, что нарост льда привел к раскалибровке соответствующего датчика.

Мы старались разъяснить экипажам природу этой проблемы, но безрезультатно. В конечном итоге в такой ситуации приходилось сажать аппарат, заново проводить калибровку проблемного прибора, после чего снова поднимать беспилотник в воздух.

Это приводило к потере драгоценного времени. С другой стороны, выбора у нас не было. Экипажи летательных аппаратов находятся в сложном положении, поскольку могут потерять самолет, если проигнорируют какое-либо предупреждение электроники.

Я проверил показания контрольно-измерительных приборов и на этом завершил выполнение карты контрольных проверок. Потом загрузил план полета, протестировал органы управления БПЛА и приготовился к выруливанию на взлетно-посадочную полосу. Проверка работоспособности органов управления — наиболее важная часть предполетной подготовки. Если они не работают, беспилотник просто не полетит.

— Бригадир, берегите руки-ноги, — скомандовал я. — Убрать «башмаки» и приготовиться к рулению.

Техники вытащили из-под колес шасси тормозные колодки и сняли с ракет предохранительные штифты. Один техник стоял перед гондолой целеобнаружения, держа руку на аварийном выключателе. В случае возникновения нештатной ситуации он обесточил бы летательный аппарат.

Мы с Ханом убрали руки с рычагов управления, чтобы ненароком не привести в движение руль или закрылки. Не хотелось испортить день какому-нибудь механику, проломив ему череп рулем высоты. Пока техники суетились вокруг беспилотника, прицельная гондола находилась в неподвижном положении, уставившись на страхующего техника. Сенсор ИК-камеры в шаре настолько чувствителен, что мы могли видеть даже тепловой узор вен, пульсирующих у него в руках.

— Хороший шар, — заметил я.

— Один из лучших, которые у нас есть, — ответил Хан.

Техники отступили от летательного аппарата.

— Сэр, штифты и колодки убраны, руление разрешаю, — сообщил по радио начальник бригады обслуживания.

Штифты удерживали ракеты в небоевом положении. Колодки блокировали колеса самолета, не позволяя ему самопроизвольно катиться.

— Спасибо, Бригадир, — сказал я и отпустил тормоза.

Покачиваясь из стороны в сторону, летательный аппарат двинулся к ВПП. Управление было чрезвычайно чувствительным, поэтому БПЛА постоянно рыскал по рулежной дорожке, сходя с курса от малейшего ветерка или какой-либо неровности на земле. Чтобы заставить «Хищника» двигаться прямо, приходилось буквально бороться с ним.

— Вышка, это Бонг Семь-Ноль, к взлету готов, — радировал я.

Мне ответил голос с сильным франко-арабским акцентом:

— Бонг Семь-Ноль, остановитесь.

На диспетчерской вышке хотели, чтобы я на некоторое время задержался на занимаемой позиции.

— Обзор слева, — скомандовал я.

Хан направил прицельную гондолу на начало ВПП Ноль-Девять. Примерно в трех километрах позади нее виднелся авиалайнер «DC-9», выравнивавший свое положение относительно курса взлетной полосы и готовившийся к конечному заходу на посадку.

— Как я понимаю, авиалайнеры тут имеют приоритет.

— Особенно этот, — ответил Хан. — Это ежедневный одиннадцатичасовой рейс Эфиопских авиалиний с грузом ката на борту.

Я недоуменно поднял брови.

— В здешних краях кат — единственное развлечение, — пояснил Хан. — И единственный легальный способ импортировать его в страну — ввозить на этом самолете.

Кат — это лиственное растение, обладающее наркотическими свойствами. При его разжевывании он вызывает опьяняющий эффект, подобный тому, какой возникает при употреблении многих опиатов. Побочными эффектами являются коричневый налет на зубах и общая заторможенность. Только прибытие этого самолета вносит какое-то оживление. Зато лишь кат помогал джибутийцам переносить послеобеденный зной.

Приземлившись, авиалайнер свернул на рулежную дорожку на другой стороне аэродрома.

— Бонг Семь-Ноль, ветра нет, даю разрешение на взлет.

— Это Бонг, вас понял, — ответил я и толкнул от себя рычаг управления двигателем.

Маленький самолет понесся по взлетно-посадочной полосе. Мы отмахали по ВПП добрых полтора километра, прежде чем колеса беспилотника оторвались от земли. Я даже хотел было отменить взлет, решив, что возникла какая-то неполадка. В Криче для взлета нам хватало и половины этого расстояния, причем на большей высоте над уровнем моря. Наконец «Хищник» стал набирать высоту. Единственным индикатором этого для нас стало внезапное исчезновение вибрации изображения на дисплее. Цифры на альтиметре медленно ползли вверх, мы пересекли береговую линию.

Влажность воздуха негативно сказывалась на подъемной силе самолета. Жара представляла проблему, но влажность (до и после дневных гроз) и вовсе создавала условия, в которых «Хищники» никогда не летали. Их разработали в Сан-Диего, тестировали в Лас-Вегасе, а впоследствии забросили в Ирак и Афганистан. Все эти места имеют одну общую характеристику: в них сухой климат. Строго говоря, в Ираке и Афганистане влажность воздуха при определенных погодных условиях тоже может немного повышаться, но не до такой степени, как в Джибути.

Хан проверил лазер, чтобы убедиться, что он функционирует нормально, а затем мы направились к морю. Второй экипаж, находившийся на авиабазе Кэннон, сообщил в чате о готовности взять на себя управление беспилотником. Хан развернул гондолу, чтобы осмотреть БПЛА и убедиться, что стойки шасси убраны в фюзеляж.

Затем гондола вновь повернулась вокруг своей оси и застыла в прямом положении. Внизу проплыл ржавый остов старого корабля. Вдали на горизонте виднелся какой-то бугор, судя по всему, холм.

— Тот холм в Сомали, — пояснил Хан. — Мы где-то в 15 километрах от него. База располагается к югу от города Джибути. Джибути — единственный глубоководный порт в этой части Африки. Через него проходит вся наша гуманитарная помощь для жителей внутренних частей региона.

Границы джибутийской столицы охватывают территорию небольшого узкого полуострова к северу от основной части города. На западе расположен порт с большими доками и портовыми кранами. Восточную часть Джибути занимают пляжи, отели и посольства. Хан направил камеру гондолы на Аденский залив. Мы проделали путь над водой.

С подачи президента Обамы мы перенаправили наши усилия с поисков Осамы бен Ладена на Йемен, где скрывалась наша

новая цель — Анвар аль-Авлаки.

Задача найти его была возложена на «Хищников».

Анвар аль-Авлаки родился в Лас-Крусес, штат Нью-Мексико, в 1971 году. Он проживал в Соединенных Штатах до семи лет, пока его семья не перебралась в Йемен. В 1991 году он вернулся в США и поступил в университет Колорадо, затем продолжил учебу в университете Сан-Диего, где получил степень магистра в области образования, а позднее в университете Джорджа Вашингтона работал над докторской диссертацией на тему развития кадрового потенциала.

Он позиционировал себя как человека умеренных взглядов, давал интервью на Национальном общественном радио, более того, присутствовал на одном из званых ужинов в Пентагоне, организованных вскоре после терактов 11 сентября. Тем не менее он попал в поле зрения ФБР после того, как агентам стало известно о его контактах с тремя угонщиками самолетов.

Аль-Авлаки покинул Соединенные Штаты в 2002 году — перебрался в Лондон, где начал читать проповеди, в которых обличал США за организацию войны против ислама. Еще через два года он переехал из Лондона в Йемен, где занимался преподавательской деятельностью, а также проповедовал в мечетях на юге страны. В 2006 году аль-Авлаки был арестован по подозрению в похищении с целью выкупа и в соучастии в подготовке членами «Аль-Каиды» кражи американского военного атташе, после чего был отправлен в тюрьму на восемнадцать месяцев. Его выпустили на свободу в 2007 году после вмешательства родовой общины. К тому времени пламенные проповеди аль-Авлаки на английском языке уже завладели умами террористов в Соединенных Штатах и Британии.

В ноябре 2009 года военный врач-психиатр майор Нидал Малик Хасан открыл огонь по своим сослуживцам на военной базе Форт-Худ, застрелив 13 человек. Как потом выяснилось, он переписывался с аль-Авлаки по электронной почте. После массового убийства аль-Авлаки вознес Хасану хвалу.

«Нидал Хасан — герой, — писал он в своем популярном блоге. — Это человек высокой морали, который не мог вынести противоречие: быть мусульманином и одновременно служить в армии, которая воюет против его единоверцев».

Спецслужбы установили наблюдение за каналами связи аль-Авлаки, выявив растущую роль этого духовного лидера в структуре «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове. На Рождество 2009 года двадцатитрехлетний нигериец по имени Умар Фарук Абдулмуталлаб пронес под одеждой бомбу на борт пассажирского самолета, направлявшегося в Детройт, намереваясь его взорвать.

Его вдохновителем был аль-Авлаки.

На допросе Абдулмуталлаб сообщил, что в организации несостоявшегося теракта ему помогал аль-Авлаки. В глазах американского руководства родившийся в США проповедник был не просто искусным пропагандистом. Он был террористом.

Объединенная оперативная группа начала вычислять его агентурную сеть по всему Йемену. В связи с этим нам пришлось задействовать все беспилотники, какие только мы могли поставить в строй.

Ремонтно-эксплуатационному отделу эскадрильи отводилась наиважнейшая роль в решении этой трудной задачи. Парк беспилотников нашей эскадрильи составляла техника, пришедшая из Ирака и Афганистана. Вся она была старой и изношенной. Мы получили в пользование «чушек», которые, кажется, вообще не умели нормально летать, и «королев ангара» — неисправные самолеты, починить которые у техников с других баз так и не дошли руки. Собственно говоря, обиды на другие эскадрильи за это я не держал. Я бы поступил точно так же, если бы получил приказ передать кому-то один из своих летательных аппаратов.

После того как разведывательная операция началась, ремонтно-эксплуатационному отделу приходилось работать буквально двадцать четыре часа в сутки, чтобы поддерживать летательные аппараты в форме. Мои экипажи тоже старались поднимать каждый беспилотник в воздух как можно быстрее. Мы не получали благодарностей за боевые успехи в операции, однако без моих авиатехников и летных экипажей эти БПЛА никогда бы не смогли подняться в небо Йемена. Самую эффектную часть работы я уже выполнял. Теперь все мои усилия было направлены на обеспечение выполнения закулисной части задания, чтобы пилоты могли выполнять свою работу.

Операция превратилась в однообразную рутину. После месяца в Джибути мои внутренние часы полностью расстроились.

Я сидел в столовой перед подносом с нетронутой едой. Судя по содержимому моих тарелок, это был обед. Когда возникали какие-либо дела, требующие скорейшего решения, я, как и прочие служащие эскадрильи, работал. А такие дела были всегда. Придерживаться установленного графика работы было невозможно.

И вот когда я сидел за столом, наслаждаясь не столько пищей, сколько тишиной, мимо меня прошел Зигги. Он направлялся обратно в расположение эскадрильи, неся в руках пакет с едой на вынос.

— Сэр, — поприветствовал он меня у двери.

Зигги, имевший чин лейтенанта, недавно окончил курсы подготовки пилотов. На своем первом месте службы он проявил себя очень толковым специалистом, несмотря на недостаток опыта.

— Как проходит подготовка к запуску? — поинтересовался я.

Позднее на этот вечер у него был назначен вылет.

— Все по графику, — ответил он. — Вот, запасаемся едой, перед тем как столовая закроется.

Я кивнул.

— Ночка обещает быть напряженной.

— В каком смысле? — спросил я.

— Бонг возвращается на базу из-за неисправности двигателя, — сказал Зигги.

Я вытаращил на него глаза.

— Ты не шутишь? — воскликнул я.

Зигги пожал плечами.

— Аппарат находится очень далеко, — сказал он. — Экипаж сообщает о тех же проблемах, которые мы наблюдали последние несколько дней. Ничего существенного.

— Тем не менее они прерывают полет и возвращаются на базу… — заметил я.

— Им кажется, что дело серьезнее, — ответил Зигги.

Несколько предыдущих ночей летательный аппарат выдавал немного нестабильные показания оборотов двигателя и давления масла. Впрочем, они не выходили за границы допустимых значений и никаких проблем не вызывали. Экипаж списывал плавание показаний на турбулентность и попытку двигателя ее компенсировать. И все-таки с двигателем было что-то не так.

Я посмотрел на часы. Мой рабочий день в качестве члена экипажа, как и предписано нормативами ВВС, был ограничен 12 часами. В запасе оставалось еще несколько часов, поэтому я решил сам посадить летательный аппарат.

— Ладно, — сказал я. — Ты занимайся своим запуском, а я возвращу Бонга.

На обратном пути в эскадрилью я размышлял о том, каким нападкам подвергнусь со стороны Оперативной группы после еще одного досрочного возвращения беспилотника с задания. Я надеялся, что группа обслуживания найдет-таки причину неполадки. В последний раз техники полностью перебрали двигатель, но никаких дефектов так и не обнаружили. Зигги отправился в бокс с надписью «Сталевары»[1]. Я занял место в том, который был помечен как «Пираты»[2].

Хвост, руководивший бригадой передового эшелона, был родом из Питтсбурга и выбрал эти названия. Имена наших СНУ

были введены в «Скайнет», компьютерную программу, которую мы использовали для отслеживания местоположения беспилотников и составления графиков их полетов. Программу назвали «Скайнет» по аналогии с программой из фильмов про «Терминатора». Когда она впервые была запущена, я как раз находился в Оперативном центре авиакрыла (ОЦА) и имел удовольствие оповестить своих сослуживцев: «Скайнет активирована». Шутка никогда мне не надоедала. Каждая СНУ работала в определенном диапазоне частот. Но мне нравилось название «Сталевары», поскольку я был болельщиком этой команды, а мы были «Пиратами». Но я оставил эти названия в силе. К тому же мне не хотелось возиться с перенастройкой «Скайнет».

Она могла нанести ответный удар.

Настройка компьютера на прием картинки с летательного аппарата заняла каких-то пару минут. Мы направили ресивер в сторону моря и стали ждать. Среди статического шума проглянуло зернистое изображение. Ресивер распознал сигнал и скорректировал свое положение таким образом, чтобы быть сориентированным строго на беспилотник. Картинка мгновенно стала четкой.

— Какого черта они делают на курсе? — удивился мой оператор.

Экипаж 3-й эскадрильи специальных операций вел БПЛА по стандартному маршруту возвращения. Но с неисправностью двигателя они должны были направиться к базе напрямую. Стандартный маршрут возвращения занимал на тридцать минут больше времени, чем перелет по прямой, так как первый был проложен с учетом ограничений воздушного пространства. Мы начали процедуру подхвата самолета и уже готовились взять управление на себя, когда оператор взглянул на показания высотомера.

— Сэр, аппарат снижается, — сообщил он.

В обычной ситуации во время вышеуказанной процедуры летательный аппарат самостоятельно удерживает высоту, но этот повел себя иначе. Я кинул взгляд на индикаторы работы двигателя. Некоторые значения были в красной зоне.

Красный цвет не сулил ничего хорошего.

Как только двигатель заглох, число оборотов в минуту упало до нуля. Самолет находился от базы на расстоянии порядка восьмидесяти километров. Я провел мысленный подсчет. Преодолеть такое расстояние в режиме планирования у «Хищника» не было ни единого шанса.

— Мы только что потеряли аппарат, — сказал я.

Борт 228 планировал к северу от побережья Джибути еще несколько минут. Мы ничего не могли сделать, чтобы сохранить БПЛА. Приземлиться можно было только на скалистое побережье. Единственным вариантом была посадка самолета на воду в надежде, что его успеют спасти до того, как он пойдет на дно. Теоретически «Хищник» обладал некоторой плавучестью. Он мог бы держаться на воде благодаря воздуху в топливных баках. С другой стороны, из-за негерметичности летательного аппарата в его корпус проникнет много воды. Итог был непредсказуем, учитывая, что ранее еще никто не пробовал сажать «Хищника» на воду.

Самолет сохранял идеально горизонтальное положение, когда коснулся водной поверхности. Небольшой летательный аппарат перескочил через две волны, после чего третья окатила его носовую часть. Несколько минут мы наблюдали за тем, как беспилотник покачивался на волнах, а затем передатчики отключились из-за замыкания.

Я вышел на частоту радиосвязи технической команды.

— Бригадир, это Пираты, — радировал я.

— Слушаю, сэр.

— Два-Два-Восемь потерян.

На некоторое время в радиоэфире воцарилась тишина. Подозреваю, парни на стояночной площадке в этот момент высказывали свои эмоции в выражениях, которые мне лучше было бы не слышать.

— Вас понял, сэр, — отозвался он наконец.

Я отправил своего оператора найти офицера ВВС, отвечающего за обеспечение техники безопасности на базе. Он должен был инициировать официальное расследование происшествия Авиационной следственной комиссией. На базе я был единственным аттестованным членом комиссии, однако профессиональная этика не позволяла мне участвовать в расследовании инцидента, так как к нему была причастна моя эскадрилья. Поэтому я просто собрал у техников и операторов все отчетные документы, необходимые для работы следственной комиссии, и стал ждать.

Поисково-спасательный вертолет был немедленно выслан на место аварии «Хищника» в заливе. Летчики больше часа пытались высмотреть плавающий серый объект в темной воде. После того как они наконец обнаружили полузатопленный летательный аппарат, к нему были спущены плот и команда спасателей. Однако БПЛА под номером 228 больше ждать не мог. Экипажу вертолета осталось только беспомощно наблюдать за тем, как беспилотник скрылся в морской пучине, едва до него доплыли

спасатели.

Я покинул СНУ и направился прямо в свой кабинет. С двенадцати часов мой рабочий день растянулся до почти тридцати шести, так как мне пришлось отвечать на вопросы из главного управления, Оперативной группы и посольства. Это была наша первая потеря, и все штабы в регионе вдруг захотели получить информацию об аварии.

Майор из Оперативной группы был особенно настойчив. Каждый раз, когда я клал трубку, он снова звонил, чтобы узнать что-нибудь еще. Я понимал, что на него давит начальство, однако исчерпывающих ответов я ему дать не мог. В какой-то момент мое терпение лопнуло.

— Майор, — взорвался я. — Это не ваш самолет. Мне плевать, какая информация вам нужна и кто ее запрашивает. Я передам вам ее, как только у меня будет время, и не секундой раньше. А сейчас мне надо поговорить со своим начальством.

Сказав это, я бросил трубку.

Примерно через неделю Центр ВВС по обеспечению техники безопасности назначил официальным председателем Авиационной следственной комиссии одного из пилотов «А-10». Он позвонил мне, чтобы скоординировать со мной свои действия.

— Белка, — сказал он. — Это председатель следственной комиссии.

— Рад с вами познакомиться, — ответил я. Звонивший был мне незнаком. — Я собрал для вас все необходимые материалы.

— Отлично, — ответил он. — Отправьте их в Крич. Я буду руководить комиссией оттуда.

— Хорошо, пошлю сегодня же.

В трубке я услышал шум автомобильного двигателя.

— Вы сейчас за рулем?

— Да, все еще в пути, — ответил он. — Доберусь туда через пару дней и сразу займусь этим делом. Вы можете подтвердить, что не достали обломки?

— Да, обломков нет.

— Очень плохо, — ответил он. — Дело может сильно усложниться, раз придется опираться только на показания регистраторов.

Регистраторы данных в СНУ работали подобно «черным ящикам» в самолетах. У нас было два параметрических самописца — один в Криче, другой — в Джибути, — которые зафиксировали параметры работы двигателя в момент его отказа. По этим данным мы могли точно определить, какой конкретно узел вышел из строя.

— А сюда вы когда прибудете, парни?

— Вообще-то мы не собираемся к вам лететь, — ответил он.

Я недовольно поморщился.

— А стоило бы, наверное, — заметил я. — Вы сможете получить лучшее представление о нашей технике и условиях, в которых мы работаем, если увидите все своими глазами.

— Вероятно, вы правы, но, думаю, мы и в Криче прекрасно справимся.

Когда я положил трубку, то сделал мысленную пометку — внимательно следить за ходом расследования. У меня было плохое предчувствие насчет всей этой истории, и, как вскоре выяснилось, неспроста.

Допросы начальника моей технической бригады следователь использовал для обвинений младших офицеров в непрофессионализме, и это меня раздражало. Я понимал, что этот случай станет для меня серьезной проверкой. Я хотел доказать, что несмотря на произошедшую аварию, технический персонал из Холломана знал свое дело, как мы и заявляли.

Когда во время одной из телеконференций с участием наших авиатехников шло обсуждение неполадок двигателя, установленного на Борт 228, Бригадир услышал, как представитель завода-изготовителя самолета сказал председателю комиссии: «С нашими двигателями все в порядке. Это вина механиков».

Следователь поспешил сделать вывод, что причиной происшествия стала наша ошибка.

— Поймите, ваши парни где-то напортачили, — сказал он мне, когда я обсуждал с ним аварию позднее.

У меня было такое чувство, что из нас пытаются сделать «козлов отпущения».

Когда спустя несколько дней зазвонил телефон, я уже заранее знал, что новости будут плохими. Звонок разбудил меня примерно за два часа до того, как я должен был встать, чтобы заступить на дежурство.

— Полковник Маккерли слушает, — произнес я в трубку, пытаясь продрать заспанные глаза. Я все еще не адаптировался к местному времени, хотя пробыл в Джибути уже почти месяц.

— Сэр, — сказал Зигги. — Мы только что потеряли еще один аппарат.

Я аж застонал. Быстро надел форму и поспешил в наш летный комплекс, пешком отмахав полтора километра.

— Что произошло? — спросил я, зайдя в оперативную палатку.

— Мы сели, но я не смог остановить самолет, — объяснил Зигги. — Он проломил ограждение возле береговой линии.

— Понятно.

Зигги сидел за столом и глядел на членов других экипажей, которые собирали отчетную документацию.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет, — сказал я. — Ты пока посиди в стороне. И лучше ни к чему не прикасайся.

Мне не нужны были обвинения в фальсификации отчетных документов напортачившим экипажем. Убедившись, что у оперативного отдела все под контролем, я вышел из палатки и поймал первого попавшегося мне техника.

— Старший на месте происшествия?

— Да, сэр.

— Хорошо, мне нужен транспорт.

В считаные секунды я подкатил к краю взлетно-посадочной полосы. Начальник аэродрома, лейтенант ВМС, отчаянно жестикулируя, орал на группу моих подчиненных. Среди них был Джон.

Позади техников в земляной борозде, тянувшейся метров на двадцать за поваленным забором, лежал «Хищник». Летательный аппарат проскочил между двух прочных столбов, которые, как ножом, срезали ему крылья. На месте происшествия стоял вилочный погрузчик, прибывший, чтобы погрузить разбитый беспилотник на грузовую платформу.

Когда я подошел ближе, лейтенант осыпал ругательствами Джона.

— Доложите ситуацию, — обратился я к Джону, игнорируя лейтенанта.

Джон переключил внимание на меня. Лейтенант побагровел.

— Сэр, мы как раз готовимся к подъему летательного аппарата.

— Очень хорошо, — ответил я. — Но дайте-ка я сначала осмотрю место происшествия.

Я повернулся к лейтенанту:

— Пойдемте со мной.

Это не было приглашением. Это был приказ. Я отвел лейтенанта к его автомобилю, где нас не могли услышать.

— По-моему, вы ведете себя немного грубовато с моими парнями.

— Сэр, — ответил он. — Аэродром закрыли на час. Одному из авиалайнеров пришлось уйти на другой аэродром. Вы не представляете, как сильно на меня давят, чтобы я поскорее навел тут порядок.

У него хватило наглости отчитать старшего сержанта в грубой форме и при этом беззастенчиво лебезить передо мной.

Выглядело это жалко.

— Знаете, — сказал я, — пару месяцев назад у нас тут была аварийная посадка на брюхо.

У одного из наших летательных аппаратов заклинила стойка шасси в колесной нише. Экипаж посадил «Хищника», пустив того в скольжение по ВПП прямо на брюхе.

— Да, сэр.

— Тогда этим парням потребовалось всего двадцать минут, чтобы очистить полосу.

— Я ничего об этом не знаю, сэр.

— Разве вас тут не было? — спросил я.

— Нет, сэр, — ответил лейтенант. — Я как раз находился в отпуске.

— А-а, — протянул я. — Понятно. Вы их только задерживаете. Почему бы вам просто не подождать тут, пока специалисты выполнят свою работу?

С этим я повернулся и зашагал обратно к Джону, не дав лейтенанту возможности ответить. Я начал набрасывать схему аварии. Обычно этим занимались члены следственной комиссии, но время не позволяло им прибыть на место и осмотреть обломки. Я чертил схему в качестве жеста доброй воли, так как нам надо было поскорей очистить взлетно-посадочную полосу. Я обратил внимание, что армейцы, среди которых был один из моих сотрудников службы безопасности, сформировали за линией ограды заградительный периметр. Со стороны летательного аппарата прямо в лицо моему подчиненному дул легкий ветер.

— Эй, Джон, — окликнул я.

— Да, сэр.

— Пусть охранник отойдет назад. Не хочу, чтобы он дышал карбоновой пылью.

— Да, сэр.

Джон велел военнослужащему встать от самолета с наветренной стороны. Углеродный материал, из которого выполнен фюзеляж «Хищника», обладает высокой канцерогенностью при распаде на отдельные волокна. У меня не было причины думать, что сейчас, когда после аварии прошло уже довольно много времени, существовала реальная опасность здоровью. Тем не менее лишний раз рисковать не хотелось.

Закончив наброску схемы аварии, я разрешил Джону и техникам поднять летательный аппарат. Лейтенант сидел в своей машине, кипя от злости, однако никаких действий не предпринимал. Наша ремонтно-эксплуатационная группа очистила ВПП через пятнадцать минут после моего прибытия на место происшествия. Я был нужен парням только для того, чтобы

помочь избавиться от дурацкого препятствия в виде лейтенанта.

Прежде чем покинуть место аварии, я отозвал Джона в сторонку и сказал ему, что возвращаюсь в лагерь поглядеть, как идет работа по сбору документов.

Джон скосил глаза на лейтенанта:

— А с ним что?

— Он должен оставить вас в покое, — сказал я. — А если не оставит, вызовите меня. Я приведу его в чувство и на этот раз уже не буду с ним церемониться.

— Хорошо, сэр.

На обратном пути в летный комплекс я оценивал свои первые недели на командном посту. На данный момент надо мной висели два параллельных расследования Авиационной следственной комиссии; кроме того, предстояло выбить новый летательный аппарат взамен потерянных. Также надо было позаботиться о наличии запчастей, чтобы оставшиеся в строю «Хищники» могли летать и дальше. Служба стала все больше напоминать штабную, нежели командную.

Мне опять приходилось заниматься «тушением пожаров».

Глава 17. Полный бедлам

Перед моим столом стоял Джон, явно чем-то встревоженный. Из-за его спины выглядывали два старших техника, пришедшие вместе с ним.

— Сэр, у нас проблема, — сказал он.

Еще одна встряска мне была не нужна. Только не сегодня.

Оперативная группа потребовала от нас мобилизовать все наши силы и средства, и я из кожи лез вон, чтобы выполнить их требование. Спецслужбам удалось нащупать нити, ведущие к важным деятелям террористического подполья, но чтобы их найти, им требовались дополнительные «Хищники». Ответить «нет» я не мог. Никто не смел сказать Оперативной группе «нет». Однако мой ответ «да» шел в комплекте с большим «но». Я мог бы мобилизовать эскадрилью, но при определенных условиях. Вследствие недавних потерь наш авиапарк сократился на два беспилотника, а оставшиеся машины мы едва могли поддерживать в рабочем состоянии. Нам требовались новые самолеты, и один из них должен был прибыть как раз сегодня. Если мы откликнемся на призыв Оперативной группы, эскадрилья не сможет выполнять другие задачи. На тот момент все силы были брошены на поиски аль-Авлаки.

Появление Джона меня встревожило.

— В чем дело? — спросил я.

— Думаю, вам лучше самому это увидеть, — ответил он.

Я встал из-за стола и пошел вслед за ним. Джон привел меня к складскому ангару. Возле ворот собралась группа техников. Под одной из стен ангара были сложены обломки Борта 126, выкатившегося за пределы ВПП. После крушения мы его упаковали, чтобы отправить назад в Штаты для технического анализа.

Внутри ангара стоял «гроб», как мы в шутку называли массивный высокопрочный контейнер, защищающий «Хищника» во время транспортировки. Вокруг него крутились люди. Это была наша новая «птичка», прибывшая с кандагарской авиабазы на транспортнике «С-130 Геркулес». Крышка была еще на месте, но замки, как я заметил, были уже открыты.

— Ну и на что мне смотреть?

Джон дал знак одному из подчиненных. Тот при помощи небольшого крана стал поднимать крышку контейнера. Внутри я ожидал увидеть серый корпус нового летательного аппарата, но когда крышка была снята, из-под нее посыпались лишь пластик и бумага. Белый пенопласт, формой повторяющий очертания

фюзеляжа «Хищника», находился внутри, но самого БПЛА не было.

Моей первой реакцией был смех.

— Да вы, наверно, меня разыгрываете!

— Сэр… — начал было Джон.

Я захохотал над абсурдностью ситуации, прикрывая рот ладонью, и махнул ему, чтобы помолчал. Кандагар прислал мне пустой контейнер.

Джон не знал, что и сказать. Судя по выражению его лица, он, видимо, решил, что я тронулся умом.

Но я пока еще был в своем уме. Просто я вдруг почувствовал себя так, словно оказался в шкуре капитана Йоссариана из «Уловки 22»[3].

Вернувшись в оперативный пункт, я проверил по Скайнету местонахождение Борта 203, после чего позвонил НАСА — командиру эскадрильи в Кандагаре.

— Привет, НАСА, — поприветствовал я его, когда он взял трубку.

— Привет, Белка, — отозвался он. — Как дела?

— Нормально, — ответил я. — Спасибо, что прислали нам новую «птичку».

— Да нет проблем, — сказал НАСА. — Надеюсь, она прибыла в целости и сохранности.

— Да не совсем.

— Ну-ка повтори!

— Мы получили контейнер от Борта 203.

Несколько секунд НАСА молчал. Было слышно, как он щелкает клавишами у себя на компьютере.

— Два Ноль Три в данный момент летает тут у нас, — сказал наконец НАСА.

Скайнет проинформировал его, что летательный аппарат находится в небе где-то над Афганистаном.

— Я знаю.

— Ладно, сейчас разберусь, в чем там дело, — ответил он и положил трубку.

Через некоторое время НАСА мне перезвонил и объяснил причину казуса. Пустой «гроб» по ошибке отправили на склад, на котором хранились контейнеры с самолетами. Когда от ЦЕНТКОМа поступило распоряжение о переброске к нам «двести третьего», контейнер забрали со склада и отправили по месту назначения. Никто его не взвешивал. Транспортный самолет впустую отмахал больше 3 тысяч километров с пустым ящиком на борту. Но что еще хуже, в грузовом отсеке транспортника контейнер занимал пространство, на котором уместились бы как

минимум два стандартных грузовых поддона. Из-за нашего пустого «гроба» кто-то другой не дождался своего груза.

Логистик, отвечавший за пересылку нам беспилотника, был немедленно уволен. Однако это не решало проблему: нам все равно не хватало одного летательного аппарата, в то время как Оперативная группа остро нуждалась в нашей помощи. Передо мной все еще стояла задача обеспечить Оперативной группе подкрепление, но для ее решения не было достаточного количества беспилотников или хотя бы запасных частей к ним.

Если не погода портила нам жизнь, то это делал дефицит запчастей. Какой-то умник из отдела планирования ВВС решил, что отправлять нам снабженческие грузы будет дешевле не военными транспортниками, а обычными коммерческими самолетами.

Проблема для нас состояла в том, что мы были одним из последних звеньев логистической цепочки, получая свои грузы на добрых две-три недели позже других эскадрилий, базирующихся в Афганистане. На то, чтобы доставлять нам запчасти, уходило банально дольше времени, поэтому у командования не было ясной картины наших потребностей. Мы едва сводили концы с концами после того, как гражданский авиаперевозчик потерял нашу месячную партию груза где-то в Бельгии. К тому же неизбежные задержки возникали и на джибутийской таможне.

Ну, по крайней мере в охоте на аль-Авлаки наметились некоторые положительные сдвиги. Оперативная группа напала на след одного из деятелей террористической сети, который мог привести нас к американскому террористу. Командование хотело задействовать в этой операции три летательных аппарата, чтобы один из них в любое время суток находился над целью. Я вызвал Джона к себе в кабинет. Пока что ему удавалось обеспечивать полеты наших «Хищников» для выслеживания контактов аль-Авлаки, но выглядел он очень уставшим.

— Нам придется «раскулачить» неисправные самолеты, чтобы остальные могли летать, — заявил я ему.

Это был радикальный шаг, но лишь так мы могли обеспечить бесперебойный ход операции. Я приказал Джону и его механикам разобрать самые «убитые» беспилотники, чтобы использовать их детали для ремонта остальных летательных аппаратов. В конечном счете пришлось «распотрошить» пять из семи БПЛА эскадрильи.

Пока Джон разбирал беспилотники, я позвонил в штаб Оперативной группы. Дать им три самолета я не имел никакой возможности. Надо было сократить это количество до двух. Мотивировка у меня была простая. Что предпочтет Оперативная

группа: три потенциально ненадежных БВП (боевых воздушных патруля) либо два, но которые будут летать строго по запланированному графику?

Они выбрали второе.

Моя команда авиатехников из Холломана наладила работу эскадрильи менее чем за два месяца. Операции проходили гладко. Оперативная группа оценила результаты нашей работы и готова была дать нам некоторые поблажки. Сыграло роль и то, что я был готов идти оперативникам навстречу и выжимать из своей эскадрильи все, что было возможно. Выполнение операции было моей главной целью, и сокращение количества задействованных в операции самолетов с трех до двух позволяло мне ее добиться.

Один из представителей ООЦ позвонил мне после того, как я проинформировал их о внесенных в операцию коррективах.

— Мы чем-нибудь можем вам помочь?

— Ничего не надо, — ответил я.

— Мы могли бы сделать несколько звонков и замолвить за вас словечко, — сказал сотрудник ООЦ. — Можем даже направить самолет.

Я ценил, что Оперативная группа искала возможность выручить меня.

— Спасибо, — сказал я. — Но я должен решить проблему по своим каналам.

— Хорошо, — ответил он. — Дайте нам знать, когда ситуация наладится.

— Договорились.

Я ожидал, что Оперативная группа поднимет шум и, минуя меня, станет добиваться в вышестоящих инстанциях, чтобы им выделили этот самый третий БВП. Однако группа в Кэмп-Лемонье вошла в мое положение и поддержала мое стремление выправить ситуацию своими силами.

Если еще чего-нибудь не случится, все будет в порядке.

Я сидел за столом в оперативном пункте, когда в палатку потянуло запахом человеческих фекалий и химикалий. Поначалу я не придал этому значения, обратив внимание на вонь, лишь когда Эрон, начальник нашей службы безопасности, открыл дверь. Судя по бледному лицу Эрона, его тошнило. Спустя мгновение мне в нос резко ударил поток зловонного воздуха.

— О господи, что еще случилось?! — воскликнул я.

— Грузовик с дерьмом только что вылил на дорогу свое содержимое, — объяснил Эрон.

Ввиду большой удаленности от основного сектора базы наш лагерь не был подключен ни к единой электрической, ни к

канализационной сети. Проблему электроснабжения мы решали за счет использования автономных генераторов, хотя из-за них у меня развился стойкий кашель.

Проблема отсутствия канализации была решена путем установки за забором ряда мобильных туалетных кабин. Ветер приносил от них к нашим палаткам весьма благоуханные ароматы.

Группа джибутийских ассенизаторов-подрядчиков приехала, чтобы очистить наши мобильные уборные. Они, как и положено, просунули шланги от своей цистерны в туалетные баки и начали выкачивать их содержимое. Примерно на середине процесса в цистерне возникла утечка, и все отходы человеческой жизнедеятельности хлынули на дорогу у границы нашего лагеря.

Событие произвело молниеносный эффект.

Я бросился искать какую-нибудь тряпку, чтобы прикрыть лицо; хоть что-нибудь, что могло бы отфильтровать смрадный запах. Наш старший оператор средств обнаружения кинулась к флакону с освежителем воздуха, который купила в военном магазине. Она распылила по помещению почти все содержимое бутылки. У меня жгло глаза, по щекам ручьем текли слезы.

Бесполезно.

— Господи, теперь воняет дерьмом с клубникой! — воскликнул Эрон и выскочил из оперативной палатки.

Я засмеялся сквозь тряпку. Служба безопасности была моим любимым отделом эскадрильи. Я восхищался их преданностью делу и профессионализмом. Работа у парней была тяжелой, так как им приходилось неотлучно охранять наши беспилотники и территорию летного комплекса. Они несли службу безропотно, не требуя к себе особого отношения. Блокпост перед зоной стоянки и облуживания самолетов представлял собой простой тент без стенок. Охранникам приходилось в полном боевом снаряжении стоять в карауле в знойном климате, без каких-либо кондиционеров.

При этом они никогда не жаловались.

В эскадрильях ВВС оперативные силы и силы безопасности никогда не объединяли в единую структуру. Для меня было важно, чтобы силы моей службы безопасности ощущали себя неотъемлемой частью эскадрильи. Раньше Эрон никогда не контактировал с пилотами, за исключением случаев, когда охранял наши летательные аппараты или проверял пропуска на КПП. Он не был знаком с нашей культурой. А пилотская среда, несомненно, очень отличается от сообщества охранных подразделений. В профессии Эрона не было места юмору, присущему летчикам.

С тех пор как Эрон стал работать в оперативном пункте, курируя весь отдел, он начал быстро впитывать культуру летчиков. Но наибольший интерес у него вызывала наша традиция присвоения себе оперативных псевдонимов. Ему нравилась традиция давать тактические позывные и дух товарищества, который она привносила в нашу среду. У сотрудников службы безопасности было принято называть друг друга только по фамилии.

В один из дней Эрон попросил нас дать ему позывной.

Я не планировал устраивать в Джибути церемонию присвоения позывного. Большинство летчиков прибыли сюда уже с имеющимися позывными, которые им дали на прежней службе в других эскадрильях. Впрочем, это не означало, что летчика нельзя было переименовать после произошедшего с ним какого-нибудь необычного случая. Я, например, даже подумывал переименовать Зигги в Таран, после того как он проломил забор Бортом 126.

Однако церемония была возможностью еще сильнее сплотить коллектив эскадрильи и немного развеяться. Плотный летный график не позволял нам отметить событие в «11 градусе северной широты», как положено. Поэтому мы решили провести церемонию в честь Эрона по укороченной программе, собравшись во время перерыва в местной кофейне.

— Итак, — объявил я после небольшой вступительной речи. — Мы долго и упорно выбирали для тебя, если можно так сказать, имя.

Эрон смотрел на меня выжидающе.

— Мы не смогли прийти к единому мнению относительно прозвища, поэтому придумали имя ДЕВА.

Первой реакцией Эрона было смущение. Он вовсе не был примадонной, на что намекало имя. Он не видел никакой связи.

— Мы хотели придумать что-то такое, что отражало бы суть твоей работы и твоей личности.

Лицо Эрона приняло настороженное выражение.

— Мы думаем, ДЕВА подходит.

— Да что это значит, черт возьми? — спросил он.

— Поедатель пончиков повышенной бдительности[4].

Это лучшее, что мы смогли придумать. Войска охраны отчасти являются «копами» — они осуществляют полицейские функции на военно-воздушных базах на территории США, а отчасти пехотой, поскольку охраняют места стоянок самолетов как в тылу, так и за рубежом. Мы нашли отличный способ передать дуализм работы Эрона. Вначале он пребывал в шоке, но только до тех пор, пока мы не объяснили ему смысл прозвища;

после этого он счел его забавным и признал.

Из Кандагара наконец прибыл новый самолет на замену пустого контейнера из-под Борта 203. В этот раз я наблюдал за тем, как группа обслуживания распечатывала «гроб». Внутри находился Борт 249. Увидев его, я немедленно сказал техникам, что этот летательный аппарат будет собственностью нашей эскадрильи.

Авиабаза Холломан, откуда прибыла львиная доля нашего персонала, структурно входила в состав 49-го авиакрыла. Мне казалось вполне логичным, что Борт 249 представлял наше тыловое авиационное формирование.

Во всех эскадрильях ВВС США летательным аппаратам принято давать позывные, соответствующие позывным командиров экипажей или начальников бригад обслуживания ЛА. У наших начальников бригады обслуживания были свои именные беспилотники, а у пилотов не было. Я решил, что Борт 249 положит начало новой традиции. Для новоприбывшей «птички» я выбрал имя Кейт и объявил ее «своим» самолетом. Я позволил парням выбрать «свои» летательные аппараты. Это не более чем условность. Но молодые парни должны были оценить оказанную им честь, которой обычно удостаивались старшие члены эскадрильи.

Конечно же, при первом взлете камеры Борта 249 отказали. Отменять вылет было уже слишком поздно, поэтому я был вынужден поднимать самолет в воздух вслепую. Мы летали часа два, ожидая, пока взойдет солнце. Только тогда мы смогли использовать небольшую камеру в носу беспилотника, чтобы его посадить.

Я надеялся, что с этого момента летательный аппарат больше не будет преподносить сюрпризы.

После нескольких беспроблемных дней Червь — бывший пилот вертолета ВМС, отвечавший за деятельность базы — своим звонком прервал эту белую полосу. До сих пор мне удавалось избегать контактов с ним.

— Это Червь, — сказал он, когда я поднял трубку.

— Да, — равнодушно ответил я.

При общении с ним я не особо утруждал себя соблюдением правил вежливости. Червь ненавидел военно-воздушные силы. Со времени нашей первой встречи, когда разговор зашел о воротах, он все время мне названивал и жаловался, что навес для пикника, который мы установили, чтобы защитить от солнца парней, жарящих на гриле мясо, долго не убирается. Когда он позвонил, пикник был в самом разгаре. Помимо этого, Червь любил приезжать в наш лагерь и ловить на стояночной площадке

механиков, которые, по его мнению, были одеты не по уставу либо делали что-то неправильное. Если что-то было не в порядке, он принимался осыпать ругательствами провинившегося лейтенанта-техника.

Джон мне на него жаловался.

Однажды я предъявил претензию Червю по поводу притеснения моих подчиненных. Он сидел, развалясь за своим столом, при этом даже не удосужился встать в присутствии офицера более высокого ранга. «Я знаю, что эта база считается пурпурной, но пока я здесь, она будет военно-морской», — заявил он мне тогда.

Пурпурной называли объединенную базу, на которой все три рода войск имели равный статус. Червь выводил меня из себя. От него никогда нельзя было добиться толку, если я его просил о чем-либо, тем не менее у него всегда находилось время, чтобы третировать моих ребят. Поднимая телефонную трубку, я уже готовился услышать очередное нытье по поводу очередного нарушения дисциплины. Вместо этого Червь готовил нам подставу.

— Ваш лагерь хочет посетить адмирал Маллен, — сообщил он.

В то время адмирал Маллен занимал пост председателя Объединенного комитета начальников штабов. Он находился на базе с проверкой, но у него вроде не было запланировано посещение моей эскадрильи. Худшего момента для изменения его планов и выбрать было нельзя. Мы не были готовы принимать гостей, а уж высокое начальство — тем более.

— Когда?

— Он уже на пути к вам.

Самодовольный тон Червя не оставлял сомнений — он знал, что посещение нашей эскадрильи с самого начала было в планах адмирала. Или по крайней мере узнал об этом уже некоторое время назад и ждал момента, чтобы сообщить о визите, когда готовиться к нему будет слишком поздно. Я взглянул на доску с расписанием. Последние два исправных летательных аппарата были уже в воздухе. Все, что осталось в наличии, — это пять беспилотников, разобранных на запчасти. Один стоял под навесом со снятым двигателем и тестировался. Он все никак не мог «подружиться» с новейшей версией программного обеспечения от «General Atomics». Новое ПО плохо подходило для наших старых «птичек», и что бы мы ни делали, нам никак не удавалось заставить его работать корректно. Впрочем, это было не важно. У этого беспилотника в любом случае был поврежден пропеллер, а запасных уже не осталось.

Другой самолет был растащен по двум ангарам и стояночной площадке, покрытой металлизированным материалом АМ-2. С этого мы сняли крылья. С четырех самолетов были демонтированы панели со спутниковым и авиационным оборудованием, и в тех местах, где некогда стояли «черные ящики» и важные приборы, теперь зияли отверстия. Моя эскадрилья больше напоминала кладбище авиационной техники, нежели боевое формирование.

Менее чем через час белый микроавтобус «мазда» промчался по главной рулежной дорожке. За ним следовали черные внедорожники. Автомобили затормозили у границы нашей стояночной площадки, из них вышли три человека и направились к караульной будке.

Маллена сопровождали контр-адмирал Брайан Лоузи, командующий американскими войсками в странах Африканского Рога, и посол Джеймс Свон. Я сделал знак двум охранникам, стоявшим в карауле, пропустить гостей на площадку. Остальные члены свиты Маллена остались ждать возле автобуса.

Визит представлял собой стандартную процедуру знакомства с эскадрильей. Маллен ходил по моим отделам, бросая распоряжения всем, кто попадался ему на пути, словно мелочь нищим. Я держался рядом. Пока мы беседовали, я выдал ему весь запас банальностей, какие только знал.

Все прекрасно. Обеспечение базы безупречно. Нареканий к нам нет.

Все это было очковтирательством. И мы оба это знали.

Наконец Маллен остановился у навеса и увидел заднюю часть неисправного беспилотника со снятым пропеллером. Он помрачнел.

Меня вдруг охватило острое чувство клаустрофобии, несмотря на то, что мы стояли на стояночной площадке. Пока я рассказывал Маллену о наших успехах, опустив всякое упоминание о проблемах со снабжением, его лицо оставалось непроницаемым.

Как гласит старая военная мудрость: никогда не превращай четырехзвездного генерала в своего ответственного исполнителя. Это значит, что не следует нарушать порядок подчиненности и выставлять свое грязное белье на обозрение больших начальников. Чтобы уладить какой-либо вопрос, люди такого типа просто звонят другим генералам. И после подобного звонка решение данного вопроса все равно навесят на тебя. Ни один генерал не любит, когда его ставят в неловкое положение звонками коллег, указывающих на недостатки в работе его подразделения.

Я не мог понять, что у Маллена на уме. По выражению его лица нельзя было судить, какое впечатление на него произвел мой рассказ. Под конец он остановился перед начальниками наших обслуживающих бригад.

— В чем вы испытываете самую большую трудность? — спросил адмирал.

На смене был Джим, один из моих лучших технических руководителей. Он был толковым малым. Молодой и энергичный, он часто творил чудеса с нашими потрепанными летательными аппаратами. Однако у него не было большого опыта общения с высшими офицерами, не говоря уже о председателе Объединенного комитета начальников штабов. Поэтому он бросил на меня взгляд, словно вопрос был адресован мне.

— Сэр… — начал я.

Маллен меня перебил.

— Не вы, — резко произнес он. — Я хочу услышать его мнение.

Он кивком головы указал на начальника технической бригады.

Джим метнул на меня вопрошающий взгляд. Я кивнул, с ужасом думая о том, что сейчас произойдет.

— Снабжение, сэр.

Он произнес это с широкой счастливой улыбкой. Джим не мог ее сдержать. Он всегда улыбался. Маллен снова перевел тяжелый взгляд на меня:

— Объясните.

— Сэр, мы в самом конце длинной и неотлаженной цепи поставок, — сказал я. — Доставка снабженческих грузов сюда занимает больше времени, чем доставка в Афганистан. Мы как раз занимаемся выявлением проблем и реша…

Маллен впился в меня глазами.

— Этого не может быть, — сказал он. — Я работал в сфере логистики и не верю в это.

Он умолк, не став открыто обвинять меня во лжи на глазах у моих подчиненных. Сердце у меня оборвалось. Передо мной встала этическая дилемма: выдать ему очередную общую фразу или рассказать все как есть? Я решил рассказать всю правду.

— Сэр, — сказал я, — из-за того, что мы не можем получить запчасти, у меня осталось только два летательных аппарата. Оба они сейчас в небе.

Маллен пристально на меня посмотрел.

— Вы же рапортовали о 94-процентной боеготовности, — сказал он.

Пять самолетных остовов вокруг нас говорили, что эти

данные были недостоверны.

— Нестыковка получается, — сказал Маллен.

— Нет, сэр, — ответил я. — Как правило, так и есть. Но так уж случилось, что сейчас мы оказались в очень тяжелой ситуации, когда снабжение приходит к нам с большим опозданием. То, что вы здесь видите — это результат последних пары дней. Это не типичная ситуация.

Я решил идти до конца.

— Практика использования коммерческих рейсов для транспортировки снабженческих грузов здесь неприменима, — сказал я. — Грузовые контейнеры по пути часто теряются. А когда не теряются, то застревают на таможенных складах в дальнем конце аэродрома.

Посол, потупив глаза, разглядывал свои ботинки.

— Проще говоря, сэр, — продолжал я, — мы дошли до крайней черты, за которой обязательно должно было что-то случиться.

Я замолчал, ожидая реакции Маллена. Секунду-другую он смотрел на меня изучающе, затем обратился к послу:

— Вы можете с этим разобраться?

— Разумеется, — ответил посол. Он упорно избегал смотреть на меня.

Через несколько дней начальник штаба ВВС США генерал Нортон Алан Шварц получил электронное письмо, в котором были изложены проблемы, касающиеся материального обеспечения нашей эскадрильи. Я узнал об этом, потому что Маллен прислал мне на почту копию этого письма. К концу месяца мои техники имели все необходимые запчасти, и мы смогли дать Оперативной группе необходимое ей количество самолетов.

У нас наконец было достаточно «Хищников» для полномасштабной охоты на террористов.

Глава 18. Восточноафриканские воздушные пираты

Темную воду рассекал шестиметровый рыболовный мотобот.

Когда он врезался носом в метровые волны, в разные стороны разлетались брызги белой пены. Я четко слышал в наушниках высокочастотный рев лодочного мотора, наблюдая на мониторе за тем, как бот на полной скорости мчится по воде.

Сверху за ним следил «Хищник». Обладая большей скоростью, самолет выписывал вокруг лодки большие круги на безопасном расстоянии. Из-за высокой скорости судна и ночной темноты было маловероятно, что экипаж сомалийского мотобота заметит «Хищника» с выключенными аэронавигационными огнями.

На борту мотобота находился специалист по изготовлению взрывчатых устройств. Он курсировал между Йеменом и Сомали, сотрудничая с различными радикальными группировками. Им двигала не идея — он был обыкновенным наемником. Этот человек всегда оказывался там, где пахло деньгами, а в то время работа на Африканском Роге оплачивалась щедро. Подрывник направлялся на юг, чтобы встретиться с членами организации «Аш-Шабаб» — джихадистской группировки, которая позднее примкнет к «Аль-Каиде», после того как та переместит фокус своего внимания с Эфиопии на Сомали.

Бот несся в сторону Йемена. Погодные условия были почти идеальными: безоблачное ночное небо, слабый ветер. Узкий серп луны не давал почти никакого света. Лодка следовала прямым курсом к Бербере. Прибрежный город был рассадником пиратства в Аденском заливе. Там объект получит возможность слиться с окружением и скрыться. Пираты на мотоботе не обязательно были его единомышленниками. Скорее, их интересовали деньги, которые подрывник заплатил за организацию безопасного транспортного коридора.

За горизонтом ожидал американский тяжелый крейсер «Нью-Орлеан». Там тоже следили за видеотрансляцией «Хищника» на мониторах. На борту корабля команда спецназа готовилась выдвинуться на захват подрывника. Согласно плану, цель должна была просто исчезнуть. Объединенная оперативная группа не ставила меня в известность относительно того, почему хотела его «замести». Отчитываться оперативники были не обязаны. Мне, как и всем остальным винтикам в военной машине, они выдавали только ту информацию, которая была необходима для

выполнения моей части операции. Моей задачей был подъем «Хищника» в воздух, чтобы оперативная группа могла следить за целью.

За тем, как «Хищник» преследовал бот, я наблюдал из ООЦ. Это была одна из наших первых крупных операций, проводимых совместно с дислоцированной в Джибути Объединенной тактической группой специальных операций, поэтому мне хотелось находиться в главном штабе. Мои пилоты подняли «Хищника» в небо еще несколько часов назад, и теперь самолетом управляли пилоты с авиабазы Кэннон. Их ощущения были мне знакомы, однако я чувствовал свою ответственность за летательный аппарат. Я хотел присутствовать в ООЦ, пока он участвует в операции.

В течение часа рыбацкий бот не менял курса. Было видно движение членов команды на его борту. Тепловое излучение их тел выделялось на фоне лодки и океана, имеющих более низкую температуру. Люди вели себя спокойно. Экипаж, пилотировавший Бонга — позывной «Хищника», — вышел на связь через защищенный канал:

— Десять минут.

На карте в оперативном центре местоположение команды спецназа было отмечено маленькой пиктограммой. Бойцы были прямо за горизонтом в двух жестких надувных лодках. Лодки с бойцами разделились и стали приближаться к пиратскому мотоботу с двух сторон, зажимая его в тиски. Наконец три лодки стукнулись бортами с тихим звуком. Я увидел, как один из бойцов потянулся к фальшборту судна. Одна группа захвата бросилась к рулю, другая — в трюм. Спустя несколько мгновений спецназовцы показались на палубе с несколькими пленными, скованными пластиковыми наручниками.

— Все чисто, — сквозь треск помех прозвучал голос по радио. — У нас джекпот.

Изготовитель бомб был схвачен.

Членов команды бота поставили на колени в кормовой части судна, приказав заложить руки за голову. «Хищник» еще некоторое время наблюдал за тем, как спецназовцы завершают операцию. Когда моторные лодки отчалили к «Нью-Орлеану», «Хищник» перенацелил камеру на открытый океан и взял курс на базу.

В ту ночь, выйдя из оперативного центра, я размышлял о том, что с помощью этих летательных аппаратов мы могли бы сделать гораздо больше. В Ираке и Афганистане мы были лишены возможности испытать свои силы в морских операциях. До сих пор большая часть проводимых нами операций была направлена

против наземных целей. Нам отлично удавалось проводить боевые действия в условиях города и вести слежку в отдаленных гористых районах. Тем не менее никому еще не приходило в голову использовать дистанционно управляемые аппараты для работы по целям, находящимся в море.

Проблему представляли не только пираты. Также водные пути использовали контрабандисты, которые не хотели, чтобы их обнаружили. Мы бы успешно могли патрулировать реки. А как насчет работы в открытом океане? Аравийский полуостров и Африка, куда переместилась война против «Аль-Каиды», могли бы стать для нас новым испытательным полигоном. Это была возможность еще сильнее расширить сферу применения БПЛА.

Посадить «Хищника» на базе после завершения операции должна была моя эскадрилья. Самый неинтересный этап миссии и в то же время самый нервирующий. Мало того, что нам приходилось сажать весьма своенравный летательный аппарат, так еще и делать это в коммерческом аэропорту.

По прошествии нескольких недель после захвата подрывника я возвращался на базу Гордона после длительной операции по выслеживанию членов террористической ячейки аль-Авлаки.

Мы кружили над заливом Таджура, примерно в 30 километрах к северу от аэропорта. Этот район, который находился в стороне от воздушных маршрутов других летательных средств, мы использовали для передачи контроля над беспилотниками от пилотов в Кэнноне моей эскадрилье в Джибути. Я как раз принял управление «Хищником», когда диспетчер службы воздушного движения в аэропорту вышел на связь.

— Гордон Четыре-Ноль, сохраняйте позицию на один пять тысяч для расхождения с другими бортами, — сказал авиадиспетчер.

— Это Гордон, сохраняю позицию, один пять тысяч, — ответил я.

Задержка вызвала у меня небольшое раздражение. Если бы нам разрешили продолжать снижение, выполняя предпосадочные маневры, мы бы все равно оказались в стороне от курса любого взлетающего самолета, но это был их аэродром.

— Дай обзор аэродрома, — сказал я.

Оператор средств обнаружения повернул гондолу. Внизу светился ночной город. Нам потребовалось несколько секунд, чтобы вычленить аэродром из россыпи ярких огней и помех. По радио я услышал переговоры авиадиспетчера с другими летчиками.

— «Эйр Франс», взлет разрешаю. Поверните влево на курс три

шесть ноль, набирайте эшелон два ноль тысяча и следуйте по заданному маршруту.

Это был борт «А-340» компании «Эйр Франс», выполнявший еженедельный рейс Джибути — Париж с промежуточной посадкой в Джидде, Саудовская Аравия. Что-то в этом сообщении с разрешением на взлет меня насторожило. Бросив быстрый взгляд на экран системы слежения, я обнаружил, что траектория полета самолета должна была пересечь участок воздушного пространства, в котором мы кружили. Авиалайнеру с четырьмя сотнями пассажиров на борту дали команду занять высоту, отличную от нашей, но ему еще нужно было ее набрать. При проходе через зону нашего местоположения он окажется как раз на высоте «Хищника».

— Черт! — воскликнул я.

— Что такое? — спросил оператор.

— Джибутийцы направили авиалайнер прямо на нас, — ответил я. — Следи за самолетом.

На дисплее мы видели, как огромный «А-340» пронесся по взлетно-посадочной полосе, оторвался от земли и пересек береговую линию. Затем развернулся и пошел прямо в нашу сторону. Рейс «Эйр Франс» находился от нас к югу. Я развернул «Хищник» и направил на запад. Затем повысил тягу двигателя с целью немного увеличить скорость.

— Сэр, он все еще движется на нас.

Я тряхнул головой. Мы не станем первым БПЛА, спровоцировавшим крушение гражданского авиалайнера, сказал я себе. Впрочем, как бы я ни старался, мы не могли набрать достаточную скорость, чтобы убраться с пути аэробуса.

Я направил нос «Хищника» вниз. Массивный реактивный самолет на дисплее сместился немного влево. Как показывает практика, любой воздушный объект, который в полете выглядит неподвижным, врежется в тебя. Если визуально он не меняет положение, значит, лежит на курсе, который приведет к столкновению. Все, что движется, следует курсом мимо тебя.

— Сэр! — воскликнул оператор средств обнаружения.

Французский самолет на дисплее, сделав крен, пошел прямо на нас. Он все еще был ниже «Хищника», но набирал высоту.

— Гордон Четыре-Ноль, сообщите ваше местоположение.

Вызов диспетчера говорил о том, что он тоже заметил угрозу столкновения.

— Сэр, мы следуем курсом на запад, чтобы уйти с траектории движения самолета.

Крылья аэробуса качнулись, и самолет начал отклоняться влево от нас. Видимо, его пилоты тоже меня слышали.

— Гордон, сохраняйте позицию.

Я не собирался этого делать. Подчинившись, мы остались бы поблизости от пути движения авиалайнера. Я продолжил движение на запад. Самолет «Эйр Франс» свернул на восток. Спустя несколько минут мы увидели, как аэробус прошел мимо нас в темноте восточноафриканской ночи. Когда мы разминулись, расстояние между нашими самолетами составляло метров восемьсот. По меркам авиации это очень мало.

Я выдохнул; кажется, впервые за последние несколько минут.

Работа эскадрильи наконец вошла в нормальное русло. Мы преследовали аль-Авлаки и его агентов. Система снабжения эскадрильи наладилась. Техники поддерживали летательные аппараты в безупречном состоянии, а пилоты пожинали плоды их работы. Наша работа отвечала всем требованиям Оперативной группы.

Эскадрилья между тем превращалась во все более сплоченный коллектив. Однако мне казалось, что нам не хватает индивидуальности. Требовалось что-то, что помогло бы стать нам семьей, и после наблюдения за операцией по захвату в море подрывника мне пришло в голову обыграть в символике нашей эскадрильи пиратскую тему.

Первоначально на нашивке 60-й эскадрильи была изображена покидающая земную орбиту звезда, по обеим сторонам которой располагались еще шесть звезд. Звезды и Земля с круглой кромкой нашивки символизировали соответственно цифры 6 и 0 в номере эскадрильи. Но эмблема не находила отзвука в моей душе.

Бригада передового эшелона заменила звезду в центре на нападающую змею, поскольку перед началом строительства стояночной площадки и палаток в зоне базирования нашей эскадрильи ей пришлось уничтожить гнездо африканских аспидов. Для доработки дизайна нашивки привлекли местную компанию, но, по моему мнению, змея оказалась недостаточно выразительной. Я хотел найти символ, который бы безошибочно указывал на принадлежность к нашей эскадрилье. Что-то, что говорило бы о наших операциях, местоположении и событиях, окружающих нашу службу.

Я начал перебирать в памяти прочитанные мною книги про Вьетнам и «воздушных пиратов янки». Это название использовалось северовьетнамской пропагандой для обозначения военно-воздушных сил Соединенных Штатов. Разумеется, американские пилоты восприняли это как знак почета. Аналогичным образом Корпус морской пехоты присвоил себе имя «дьявольские псы», которым немцы прозвали морпехов после

столкновений с ними на фронтах Первой мировой войны. То же самое можно было бы сказать и про «Белых дьяволов».

Американские летчики во Вьетнаме создали эмблему, представляющую собой пиратский флаг с надписью «Воздушные пираты янки», обрамляющей череп и кости. Я решил использовать эту эмблему применительно к нашей 60-й эскадрилье. Только в отличие от «Воздушных пиратов янки», мы стали «Восточноафриканскими воздушными пиратами». Я подумал, что исконные «воздушные пираты янки» не станут возражать против такого плагиата, учитывая масштаб нашей добычи.

Я заказал рубашки с нашивками, которые напоминали эмблему «Воздушных пиратов янки». Новая нашивка стала хитом. Парни носили ее с гордостью. Правда, по мере того как летняя жара усиливалась, одной затеи с нашивками для поддержания морального духа служащих было уже недостаточно. Температура каждый день поднималась выше 40 градусов Цельсия при влажности, от которой, кажется, растаял бы даже камень. Температура на стояночной площадке была еще выше на добрый десяток градусов. Стоять в карауле или работать с летательным аппаратом в таких условиях сущая пытка. Чтобы добиться от подчиненных высокой работоспособности, мне требовалось, чтобы они испытывали радость от службы (или хотя бы не чувствовали злость).

Я увидел отличную возможность встряхнуть своих парней, когда одно из подразделений авиации морской пехоты вывесило в своем лагере черный пиратский флаг, закрепив его на трехметровом куске полипропиленовой трубы. Эта эскадрилья — 352-я эскадрилья транспортных самолетов-заправщиков авиации МП — летала на топливозаправщиках «КС-130 Геркулес». Их задачей была заправка самолетов на земле и в воздухе. Основное место базирования эскадрильи, известной как «Налетчики», находилось в Калифорнии.

Флаг был привязан парашютной стропой к стойке палатки рядом с деревянной лестницей, ведущей к главному входу. Я воспринял этот флаг как оскорбление, так как на базе существовала только одна «пиратская» часть.

В ВВС боевой дух часто толкает эскадрильи на шуточные войны, которые обычно подразумевают кражу друг у друга какого-либо значимого имущества с последующим выкупом. Объектами похищения могут быть талисманы, вроде животного, предметы формы или флаги. В Холломане однажды едва не дошло до драки между летными эскадрильями, когда эскадрилья «Хищников» утащила флаг эскадрильи «Жнецов», отвезла его на испытательный полигон Уайт-Сэндс и сняла на видео с

беспилотника. Чтобы получить за флаг выкуп, они удалили с картинки все графические данные. Без графики «Жнецы» никогда бы его не отыскали. В итоге им пришлось заплатить выкуп, пополнив Зал славы эскадрильи «Хищников» несколькими бутылками виски.

Я хотел достойно встретить наших новых соседей. Это было скорее развлечение, чем вручение новоселам корзины с подарками, образно говоря. Тем более мы не смогли бы найти корзину на базе. Наступило время для проведения нашей первой контрпиратской операции.

Я зашел в оперативный отдел и увидел там сидевшего за столом молодого пилота, лейтенанта с позывным «Тефлон». Тефлон был одним из пилотов, направленным сюда непосредственно из программы подготовки пилотов ВВС. В то время как его товарищи получили «B-52» или «F-16», ему достался «Хищник». Тефлон обладал очень высокой мотивацией, и я часто смотрел на него словно пятилетний ребенок, задаваясь вопросом, откуда у него только берется столько энергии. В моей «системе» такой энтузиазм уже давно ушел в прошлое.

— Лейтенант, — обратился я к нему.

— Да, сэр, — ответил Тефлон, вставая.

Я прикинулся, будто изучаю большую карту Африки рядом с пультом оперативного управления.

— Этот флаг снаружи нашего лагеря…

— Да, сэр.

— Не нравится он мне. — Я уставился в точку на карте. — Надо бы его снять.

— Я посмотрю, что можно сделать, сэр.

Я кивнул и покинул оперативную палатку.

Во время пересменки Тефлон прихватил Хвостика, другого лейтенанта, и отправился с ним к палатке Налетчиков. Они какое-то время ковырялись с флагом, но так и не смогли отвязать его от столба. Когда они доложили мне о неудаче, я лишь разочарованно покачал головой. Лучшие в мире ВВС были побеждены темнотой.

Одно слово — лейтенанты.

На следующий день, когда освещение было еще хорошим, пара опять сделала вылазку. Пилоты взобрались на перила лестницы и стали ножом перерезать стропу. В это время к палатке на Gator — небольшом внедорожнике размером с гольф-мобиль — подъехали два сержанта из морской пехоты. Было время ужина. Все на базе были на пути в столовую или возвращались из нее.

— Эй, вы что это, парни, делаете? — спросил один из

сержантов.

Лейтенанты замерли. Соображая, Тефлон заметил, что флаг уже еле держится на столбе. А в тот день дул сильный ветер.

— Ваш флаг порвало ветром, — сказал он. — Решили вот вам его поправить.

Сержанты успокоились.

— А-а, спасибо, парни, — ответили они и, не оборачиваясь, прошли в палатку.

Лейтенанты не могли поверить в свою удачу. Морпехи «купились». Пилоты не стали терять больше времени и дожидаться, когда пехотинцы догадаются об обмане и схватят их.

Тефлон быстро перерезал последний кусок стропы, соскочил с лестницы, и они с напарником вернулись в наш лагерь, где им уже ничто не угрожало. Я водрузил флаг на одну из наших вышек, где он висел в течение всей следующей недели. На высоте 15 метров флаг был виден почти отовсюду на базе. Я ожидал, что командир Налетчиков позвонит мне и попросит вернуть флаг, но он так и не позвонил.

Наконец, спустя еще неделю, на КПП к нашему лагерю явился комендор-сержант МП и потребовал флаг назад. Охранники сверились со списком лиц, имеющих доступ в летный комплекс, после чего вежливо ему отказали. Сержант в списке не значился и не имел права войти на нашу территорию. Через пару дней он вернулся, но уже в компании нескольких товарищей. Его снова завернули, но теперь он ушел от нас не с пустыми руками. Я передал через него записку их командиру с требованием выкупа.

Тефлон и Хвостик сверстали записку и распечатали ее на листе бумаги, стилизованном под пергамент, как если бы это было послание одного морского капитана другому. В ней я объявил, что только 60-я эскадрилья имеет право носить пиратское имя. Никаких других разбойников, флибустьеров, налетчиков, буканьеров, мародеров, наемников, головорезов, бандитов, грабителей и, конечно же, пиратов на базе быть не может. Чтобы возвратить свой штандарт — флаг, — они были обязаны организовать общий пикник, на котором обе наши эскадрильи могли бы совместно провести время.

На следующий день морпехи вернулись, но на этот раз — целой толпой и не с пустыми руками.

Комендор-сержант и его команда сцапали случайного офицера ВВС и примотали клейкой лентой к доске для серфинга, взятой у кого-то из Корпуса морской пехоты. Тот факт, что летчик не принадлежал моей эскадрилье, значения не имел. Пехотинцы предъявили пленного, связанного по рукам и ногам, на КПП и вызвали меня. Бросить коллегу-летчика в беде означало попрать

основополагающие ценности и принципы, исповедуемые в военно-воздушных силах. Сержант это знал.

Его ответный ход был хорошо продуман.

Меня в это время на дежурстве не было, поэтому вызов принял Крушитель, наш новый начальник оперативного управления. По профессии пилот «С-17», он был невысокого роста, худощав и носил очки. Крушитель был мотором нашей эскадрильи. Он никогда не говорил, что что-то невозможно сделать. Энтузиазм Крушителя был под стать его профессиональному мастерству в кабине. Мы чередовали наши 12-часовые дежурства с тем, чтобы старшее руководство всегда было на месте, независимо от ситуации.

Крушитель пригласил комендор-сержанта и его сопровождающих в лагерь. Он обменял флаг на летчика и даже предложил гостям выпить чего-нибудь освежающего. Все то время, пока сержант и Крушитель разговаривали, незадачливый летчик оставался привязанным к серфинговой доске. Мы так и не узнали его имени, и с тех пор как Крушитель его освободил, мы больше его не видели.

Налетчики ретировались восвояси. Они никогда не участвовали в наших пикниках.

Вскоре после того случая с похищением флага сомалийские пираты взяли в плен четырех американских граждан у побережья Омана. Пираты захватили 18-метровую яхту «Квест», принадлежавшую Скотту и Джин Адам из Калифорнии. Помимо них на борту находились еще двое американцев — Филис Макей и Роберт Риггл. С 2004 года Адамы совершали на яхте кругосветное путешествие с христианской миссией. Чтобы сэкономить время, они решили срезать путь через Красное море и попали в основной район промысла пиратов.

В это же самое время ударное соединение авианосца ВМС США «Энтерпрайз» шло курсом из Красного моря к своему месту стоянки в Персидском заливе. Они мгновенно отреагировали на сообщение о захвате и окружили «Квест». Непрерывный поток новостей можно было отслеживать на нескольких больших экранах, развешанных над столами в армейской столовой Кэмп-Лемонье. Мне не нравилось, когда нападали на американцев, но еще больше не нравилось терпеть неудачу, когда дело касалось защиты наших граждан, поскольку в этом и заключалась суть моей службы. У меня чесались руки.

Я предвидел, каким будет следующий шаг, поэтому, допив газировку, отправился в Оперативную группу переговорить с Жабой — майором из 3-й эскадрильи специальных операций. Он был новым офицером связи, отвечавшим за коммуникацию между

Оперативной группой и эскадрильями. Он выглядел издерганным. Жаба занимал этот пост почти месяц, и многочасовые дежурства уже успели наложить на него свой отпечаток. Жаба был единственным офицером связи взаимодействия с «Хищниками», поэтому ему приходилось отвечать на каждый вопрос, независимо от того, в какое время суток его задавали. Возле оперативного центра у него была комната, в которой он мог поспать, но, судя по мешкам под глазами, пользовался он ей нечасто.

В помещении царила оживленная суета. На одном из мониторов шла прямая трансляция с изображением дау[5], несущегося по волнам на полной скорости. Белая краска на корпусе судна была местами облуплена, по бокам виднелись полосы ржавчины. Съемка велась не с «Хищника». Графический интерфейс видео был мне не знаком, поэтому я не мог сказать, какого типа летательный аппарат вел наблюдение за дау.

— Это вы за пиратами наблюдаете? — спросил я у Жабы.

Вопрос был излишним. Было и так очевидно, что он целиком вовлечен в происходящее на экране.

— Да, — коротко произнес Жаба. Ему надо было следить за ходом операции, а я его своими вопросами только отвлекал.

— Материнский корабль?

— Он самый, — ответил Жаба.

Материнский корабль обычно представлял собой среднеразмерное торговое судно, переоборудованное в пиратский катер. На охоту пираты отправлялись на нескольких небольших суденышках, по сути, рыбацких лодках, с которых атаковали суда в прибрежных водах. В лодках находилась команда достаточной численности, чтобы захватить торговое судно. Когда судно попадало в поле зрения пиратов, маленькая лодка атаковала его, захватывала и вызывала подкрепление. После этого материнский корабль устремлялся к месту захвата, забирал заложников и переправлял в Сомали.

— Первым делом я бы ликвидировал материнский корабль, — заметил я.

Жаба даже не взглянул на монитор.

— Какой корабль?

Я посмотрел на экран, но корабль исчез. От того места, где он был, концентрическими кругами расходились лишь несколько волн. Не было видно даже обломков. Я понятия не имел, что произошло с дау. Только что судно было в центре экрана, но когда я взглянул на него в следующий раз, то увидел лишь чистый океан. Я не стал задавать лишних вопросов.

— Я хотел предложить нанести воздушный удар, — сказал я, — но вижу, ты меня уже опередил.

— Угу… — буркнул он.

— Мы чем-нибудь можем помочь? — Я имел в виду 60-ю эскадрилью.

Жаба поднял на меня глаза.

— Мы как раз отправили запрос о помощи по нашим каналам, — сказал он. — Можете дать нам обзор «Квеста»?

— Потребуется много летательных аппаратов, — ответил я после некоторого раздумья.

Я знал примерное местоположение яхты, основываясь на картах, которые демонстрировались по информационным телеканалам. Если представленные в новостных репортажах данные точны хотя бы в пределах сотни километров, мои самолеты не смогут обеспечить постоянное наблюдение за целью в силу ограничений по дальности полета.

— Мне понадобится…

— …большее количество самолетов, чем то, которым вы можете управлять, — закончил Жаба мою мысль. — Я уже все просчитал. Даже мобилизовав все свои ресурсы, вы все равно будете иметь временной зазор в наблюдении. А дополнительные БВП просить мы не можем, потому что у нас не достаточно СНУ, чтобы их пилотировать.

Я взглянул на листок с расчетами, который он мне протянул. Его математические выкладки в целом были верны. Правда, одну переменную он не учел.

— Поддерживать такой режим работы больше суток не получится, — сказал я. — Время перелета слишком большое.

Он кивнул.

— Да, мы в курсе. Просто не смогли ни до чего другого додуматься.

— Чем нас дополнят?

— Вероятно, «Р-3».

«Р-3» — это морской патрульный самолет, предназначенный для выслеживания подлодок. Самолет оснащен четырьмя двигателями и длинным выступом в хвостовой части, напоминающим жало пчелы. В нем находится устройство, предназначенное для регистрации возмущений в магнитном поле Земли, вызываемых работой подводных лодок. «Р-3» обладает хорошим радиусом действия, но я сомневался, что он сможет находиться на позиции достаточное количество времени, учитывая существенную удаленность пункта базирования этих самолетов от района захвата яхты. Мы легко могли распоряжаться нашими экипажами, потому что они не покидали пределов базы. Чтобы операция шла бесперебойно, экипажам «Р-3» пришлось бы ежедневно менять график работы смен. Фактически им пришлось

бы нести 20-часовое дежурство, идти в блок для отдыха экипажей, а на следующий день снова подниматься в воздух, но уже на четыре часа раньше, чем в предыдущий. Человеческий организм просто не выдержал бы такой нагрузки. Только не в авиации.

Некоторое время я размышлял над ситуацией, и тут меня осенило.

— Есть одна штука, которую мы проделывали раньше.

— Какая?

— Слышал когда-нибудь про схему полетов «с пятки на носок»?

Жаба наморщил лоб:

— Нет.

Я выхватил у него блокнот и начал рисовать схему.

— Смотри. Я работаю со своим обычным составом самолетов. На таком расстоянии до заданного района вы получите от каждого беспилотника пару часов наблюдения.

Для каждого летательного аппарата я нарисовал линию, заштриховав на ней участок, указывающий время нахождения беспилотника на позиции с некоторым запасом, который требовался для подмены одного БПЛА другим.

— Полет по такой схеме позволит выгадать для «Р-3» примерно шесть часов. Согласен?

— Ну, допустим, — ответил Жаба.

— Отлично, — сказал я. — Добавьте еще один БВП.

— У нас нет лишней кабины.

— Она вам и не понадобится, — сказал я. — Отправляйте «птичек» на базу по обрыву связи.

«Обрыв связи» означал, что никто не будет контролировать летательный аппарат, пока он будет самостоятельно лететь через международное воздушное пространство, на автопилоте возвращаясь на базу в Джибути. В нашей практике был лишь один случай, когда беспилотники летали автономно без контроля над ними с нашей стороны.

— Мы проделывали такое в 17-й эскадрилье, когда разрабатывали цели на северо-востоке Афганистана, — пояснил я. — Мы не могли обеспечить непрерывное наблюдение за ними из Кандагара. Поэтому мы разработали программу, которая следила за беспилотником, летящим в автономном режиме, и выдавала информацию о нем руководителю полетов. В случае чего экипаж подхватил бы самолет и исправил бы нештатную ситуацию.

— Звучит рискованно.

— Так и есть, но такое уже делалось в прошлом, — сказал я. — Сам посуди, тебе придется сделать либо то, что я предлагаю,

либо просить для подкрепления еще один патрульный самолет. Не можем же мы рисковать экипажами «Р-3».

— Ты можешь это сделать? — спросил Жаба.

Я уже думал об этом. Реальный ответ был «нет», но Оперативная группа такого ответа не принимала.

— Да, но с оговорками, — сказал я. — У нас почти истощился запас запчастей. Я могу обеспечить вам пару дней, но затем мы станем, причем полностью. Вообще никаких полетов до новой поставки расходников.

Некоторое время Жаба сохранял молчание, переваривая мои слова.

— Придется согласовать это с 3-й, — ответил он. — Мы никогда не делали ничего подобного.

Возвращаясь пешком обратно в эскадрилью, до которой было километра полтора, я размышлял над тем, правильно ли поступил. В прошлом техника «с пятки на носок» сработала. Но она несет в себе и огромный риск для летательного аппарата. Нет никаких гарантий, что в случае неисправности летательного аппарата экипаж сможет установить с ним связь, чтобы уберечь от крушения. При угрозе столкновения с другим бортом в воздухе отреагировать и увести БПЛА в сторону тоже будет некому. Никому бы не хотелось нести ответственность за возможное крушение пассажирского самолета. Единственным нашим оправданием в этой ситуации было то, что «Хищник» летал гораздо ниже большинства авиалайнеров. На своей высоте он мало с кем мог столкнуться.

По пути меня перехватил Крушитель.

— Ты чего это еще на ногах?

— Да вот, жду телефонного звонка, — ответил я.

Я был уверен, что из 3-й эскадрильи вскоре позвонят, чтобы начать приводить план в исполнение. Иначе и быть не могло. Добравшись до своего офиса, я проверил неотвеченные звонки на своем телефоне защищенной линии связи. Оказалось, один вызов я уже пропустил. Звонили из Центрального командования ВВС США, которое курировало операции всех летательных аппаратов военно-воздушных сил на Ближнем Востоке. Я вздохнул и набрал номер. Я надеялся, что это был обычный рабочий звонок по поводу какого-нибудь согласования. Они вечно звонили сразу после того, как я уходил со смены.

— Привет, Прозак, — сказал я в трубку.

Прозак был пилотом «Хищника», прикомандированным к главному штабу.

— Ты в курсе, почему тебе звонили?

— Да, догадываюсь.

— ЦЕНТКОМ в данный момент работает над подготовкой ИП.

Аббревиатура ИП означала исполнительный приказ, или приказ о начале операции. ПП, или приказ о планировании, был командой приступить к планированию операции; ПБР, или предварительное боевое распоряжение, было сигналом к приведению в полную боевую готовность; ИП означал, что операция начинается.

— Вы будете работать с четырьмя БВП с целью сопровождения американской яхты до дальнейших распоряжений.

— Ясно, — ответил я.

Я обрисовал наши ограниченные возможности.

— Понятно, — сказал Прозак. — Приказ все равно остается в силе.

— Принято.

Крушитель поджидал меня возле моего стола. Он только что заступил на дежурство и ухватил самый конец телефонного разговора.

— ЦЕНТКОМ? — спросил он, когда я положил трубку.

— Тебе это понравится.

На следующий день все четыре воздушных патруля поднялись в воздух. Когда я был не в оперативной палатке, мы вместе с Жабой смотрели видеотрансляцию. Яхта дрейфовала по течению. Временами на палубе показывался какой-нибудь пират.

Мы поддерживали постоянное наблюдение за лодкой в течение трех дней, но уже на третий день ко мне пришел Джон. Он сообщил, что наши возможности по обеспечению работоспособности четвертого БВП почти исчерпаны. Меня очень беспокоило, что непрерывное наблюдение за «Квест» прервется уже на следующий день (или около того).

За ужином я как раз пытался придумать какой-нибудь выход из ситуации, когда в новостях увидел экстренное сообщение. Я бросил свой поднос с едой и помчался в ООЦ к дежурному посту Жабы.

Пираты вели переговоры с агентами ФБР, когда какой-то пират выпустил реактивную противотанковую гранату в один из эсминцев, стоявших неподалеку. Ракета не попала в цель. На мониторе я увидел, как эсминец ВМС США двинулся в сторону маленькой яхты. Почти сразу в чате вспыхнуло сообщение «наблюдаем огонь из стрелкового оружия». На жестких надувных лодках к «Квест» устремились спецназовцы. Достигнув цели, они молниеносно перебрались из своих лодок на борт яхты. Двое пиратов были застрелены, остальные тринадцать сдались в плен.

Всех четверых американцев — владельцев судна Скотта и Джин Адам и их спутников Филис Макей и Роберта Риггла —

обнаружили внизу с тяжелыми ранениями. Морпехи пытались их спасти, но было поздно. Все пошло наперекосяк.

Меня пробрало до мозга кости. Тело словно одеревенело. Я пребывал в полном оцепенении, какое ощущаешь, когда тебе сообщают какую-то ужасную новость. На подсознательном уровне я понимал, что в этой ситуации мы были беспомощны и ничего не могли сделать, чтобы предотвратить трагическое развитие событий. Но ведь защита американских граждан была нашей основной задачей, а мы не справились. Я покинул ООЦ и побрел в наш лагерь. Справиться с горечью от поражения было гораздо труднее, чем со стрессом при проведении операции. Мне остро захотелось, чтобы мои мысли снова были заняты только материальным снабжением эскадрильи и поддержанием «Хищников» в исправном состоянии.

На следующий день мы вернулись к нашему главному заданию — выслеживанию аль-Авлаки, используя схему работы с двумя БВП, чтобы дать техникам время на восстановление нашего авиапарка. Притихшая Оперативная группа не стала на нас давить.

Глава 19. Петля затягивается

Я отправился в расположение Оперативной группы переговорить с офицером связи.

— У нас появилась зацепка, — признался Жаба.

Новость застала меня врасплох.

— Мы подбираемся все ближе, — продолжал Жаба, — но проблема в том, что интересующие нас люди скрываются на неподконтрольной территории.

Определение «неподконтрольная территория» мы использовали для обозначения районов в Йемене, которые контролировала «Аль-Каида». На севере страны на границе с Саудовской Аравией йеменские вооруженные силы вели активные бои с группировкой хуситов, одновременно сражаясь с «Аль-Каидой» к востоку от Саны, столицы Йемена. Город за городом «Аль-Каида» выдавливала из них правительственную власть и устанавливала законы шариата (или исламского права). Шариат, являющийся, с точки зрения мусульман, незыблемым божьим законом, регулирует все аспекты жизни, начиная с наказаний за преступления и заканчивая вопросами морального выбора вроде секса, питания и поведения. Населением, которому навязывали эти древние законы, чаще всего управляли путем угроз и запугиваний.

Ситуация осложнялась тем, что Йемен не позволял разместить американские войска на своей территории. Мы хотели время от времени захватывать ключевых главарей боевиков. В войне с терроризмом пленение по-прежнему оставалось наилучшим вариантом. Живой пленник позволял получить самую свежую разведывательную информацию. Без возможности производить захваты наши возможности были ограничены лишь одними воздушными ударами.

— Ну и в чем проблема? — спросил я.

— В Насере аль-Шадади.

Насер аль-Шадади был высокопоставленным деятелем террористической сети, игравшим ключевую роль в операциях «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове. Именно он организовывал атаки на правительственные учреждения в этом регионе. Кроме того, он занимался обеспечением охраны аль-Авлаки.

— У нас нет в стране никого, кто мог бы его замести, — объяснил Жаба. — Поэтому единственная возможность нейтрализовать его — это ударить по нему во время какой-нибудь встречи. Проблема в том, что он в основном сидит в городе.

Сопутствующий ущерб от удара будет очень большим.

Мои летательные аппараты уже пытались пару раз уничтожить аль-Шадади ударами с воздуха, один из которых был осуществлен прямо накануне визита адмирала Маллена. Оба раза аль-Шадади находился на открытом пространстве: либо встречаясь с информаторами, либо будучи в пути. После каждого промаха он дразнил экипажи беспилотников по рации.

— Вы промазали, — говорил он, зная, что мы прослушиваем его переговоры. — Я все еще жив.

Всем хотелось поскорее до него добраться.

— Когда он бывает на открытой местности? — спросил я.

— Только когда ездит между городами, — ответил Жаба. — А ездит он быстро.

— У меня есть идея, — сказал я.

— Какая?

— Удар по подвижной мишени.

Несколько секунд Жаба размышлял над моими словами.

— Парни не натренированы на такие вещи.

Он был прав. 3-я эскадрилья специальных операций, как и прочие эскадрильи, противилась внедрению у себя передовых методов, разработанных 17-й. И дело тут было не в том, что эти методы сложны для освоения; просто для обучения требовалось время. Большинство подразделений основную часть времени проводило над целями, поэтому на проведение тренировок у них его практически не оставалось.

— Я говорю не о передовых методах.

Передовые методы, которым обучали в новой Школе по боевому применению «Хищников», подразумевали использование сложных компьютерных программ, учитывающих бесчисленное количество вводных, среди которых: скорость перемещения цели, угол перехвата, согласование действий по времени и прочее. Экипажей, обученных согласно этим стандартам, было мало. Когда я служил в 17-й эскадрилье, мы разработали простой способ нанесения ударов по движущимся целям.

— Давай покажу.

Я взял у Жабы блокнот с разлинованной бумагой и стал набрасывать грубую схему.

— Смотри, вот что от вас потребуется.

Я нарисовал дорогу и автомобиль. С помощью авторучки изобразил «Хищника».

— Атакующий заходит сбоку и после пуска ракеты летит позади или рядом с целью.

Прямо перед машиной я нарисовал перекрестье прицела. Как правило, в таких случаях оператор средств обнаружения

удерживает прицельную метку чуть впереди автомобиля. Непосредственно перед моментом удара ракеты он ослабляет нажим на рычаг управления, после чего лазер переползает назад к цели.

— Будете метить лазером вот сюда, и машина сама войдет в зону осколочного поражения.

Жаба задумчиво поглядел на схему.

— Слушай, Жаба, такое по силам любому экипажу, — сказал я. — Они даже могут попрактиковаться по пути в район цели. Возьмут на мушку произвольную машину и проведут симуляцию атаки. Это именно то, что делает 17-я, и поэтому они не промахиваются.

Жаба кивнул. Как выпускник школы по обучению технике применения оружия он понимал суть моего предложения и простоту этого тактического приема. Передовые методы тут были не нужны. Годился любой метод, если он позволял решить стоящую перед нами задачу.

— Я поговорю об этом с руководителем ООЦ.

Я улыбнулся. Руководителем ООЦ был решительный парень. Ему мой тактический прием должен понравиться.

— Возьми себе на заметку, — сказал я, постучав пальцем по своей схеме, — если придется иметь дело с подвижной целью, этот метод всегда выручит.

Я надеялся, что мои беспилотники получат шанс выстрелить. Время от времени какой-нибудь «Хищник» возвращался на базу без ракет. Это производило явный эффект, поднимая моральный дух коллектива, так как выстрел наглядно демонстрировал подчиненным, что мы реально участвуем в войне. Напряжение, вызванное необходимостью постоянно поддерживать беспилотники в боеспособном состоянии, делало эскадрилью крепче, когда она понимала, что в ее работе есть смысл.

Мы поднимали беспилотники.

Мы сажали беспилотники.

Мы мобилизовали дополнительные БВП.

Но ощущали себя словно в «Дне сурка», который повторялся из месяца в месяц в условиях гнетущей жары, жуткой влажности плюс удушающий ядовитый дым от мусоросжигательных ям. Редкие пикники, которые устраивала эскадрилья, или гуманитарные поездки в местные сиротские приюты уже не могли скрасить тяготы службы, вызванные жарой и круглосуточной работой. Эскадрилья гордилась тем, что ей удавалось благополучно поднимать «Хищников» в небо, отправляя их на охоту. Но им требовался осязаемый результат своих трудов. Парни нуждались в подтверждении, что их усилия не напрасны. И

лучшим подтверждением тому были опустевшие подвески под крыльями «Хищника».

Через пару дней после моего визита к Жабе Оперативная группа объявила нам режим готовности номер один, что означало держать БПЛА на стояночной площадке в полной боевой готовности. Делать мне этого не очень хотелось. Оперативники планировали провести операцию в дневное время, но днем температура на бетонных стоянках и прединангарных площадках, покрытых металлизированным материалом, поднималась до 60 градусов Цельсия. При такой жаре авиационное электронное оборудование перегрелось бы уже через несколько минут после активации. Но что еще хуже, клей, соединяющий углеродные волокна композиционного материала, из которого изготовлен «Хищник», мог расплавиться и привести к нарушению структурной целостности БПЛА в полете.

Мне не хотелось утратить еще один летательный аппарат.

К несчастью, в мае мы потеряли еще два самолета — борты 249 и 173. Кейт, Борт 249, стала вести себя непредсказуемо, после того как мы установили новое программное обеспечение. БПЛА стоял на прединангарной площадке, когда у него вдруг самопроизвольно заработал двигатель. Техники его заглушили, но были немало озадачены, так как системы зажигания и подачи топлива в тот момент были отключены. Не было причины, почему летательный аппарат мог самостоятельно включиться без электропитания и топлива. Единственным объяснением была ошибка в обновленной версии софта.

Ошибку выявить так и не удалось.

С тех пор мы остерегались Кейт и все время приглядывали за ней. Было что-то зловещее в этом инциденте. Очень уж сильно инцидент напоминал события, описываемые в фильмах о Терминаторе. Кто-то даже стал называть Кейт Кристиной по аналогии с автомобилем из одноименного фильма ужасов.

Кейт потерпела крушение некоторое время спустя, когда за пультом управления сидел Тефлон. Из-за плотной облачности видимость была плохой, поэтому Тефлон летел по приборам, но, как потом оказалось, бортовая навигационная система самолета выдавала показания высоты на несколько десятков метров ниже фактической. Первым признаком проблемы стало промелькнувшее на дисплее дерево. Тефлон уже ничего не мог сделать, и Борт 249, собственный аппарат нашей эскадрильи, вонзился в землю, как дротик.

Когда спустя почти час на место крушения прибыла аварийная бригада, двигатель 249-го все еще работал, несмотря на то, что самолет оказался полностью разрушен.

Борт 173 мы потеряли из-за отказа органов управления. Мы уведомили «General Atomics» о проблеме, но не получили никакой новой информации в ответ. Джон со своими механиками заменил пульт управления, но спустя пару недель он снова начал барахлить и в конце концов отказал. Борт 173 вышел из-под контроля на конечном этапе захода на посадку и полетел прямо в воду. Со стороны он напоминал подстреленную утку. «Хищник» грохнулся в океан примерно в полутора километрах от берега. При ударе о воду двигатель самолета оторвался и закувыркался по воде, пойдя ко дну уже ближе к берегу. Водолазы-спасатели с базы вытащили крупные фрагменты. Еще долгие месяцы после этого на берег выносило обломки меньшего размера.

Кроме всего прочего мне надо было разобраться с проблемой хранения ракет, пока «Хищники» стояли наготове, ожидая запуска. Согласно распоряжению ВМС, складировать ракеты на стояночной площадке запрещено. Я немного нервничал, направляясь в хозяйственное управление ВМС, чтобы попросить сделать для меня исключение. К тому времени Червь наконец убыл, но с новым лейтенантом-коммандером я не был знаком. Неизвестно было, чего от него ожидать.

— Я Крейсер, — сказал новый лейтенант, когда я ему представился.

Его кабинет занимал крошечное помещение в старом французском здании. Гипсовым стенам явно требовался ремонт. Холодный, покрытый керамической плиткой пол был скользким от пыли, грязи и гипсовой крошки. Когда лейтенант встал из-за стола, я обратил внимание, что на нем летный комбинезон желто-коричневого цвета.

— На чем вы летали? — поинтересовался я.

— На «F-18».

В свое время Крейсер был пилотом палубного истребителя и имел опыт участия в боевых операциях в Ираке и Афганистане. Крейсер наверняка знал, что означает, когда на корабле объявляют режим готовности номер один. Он не мог не понимать, что поставлено на карту. Я успокоился.

— Мне нужна ваша помощь.

— В чем дело?

Он был настороже. Интересно, каких гадостей ему наговорил про нас Червь, подумал я.

— Мне надо разместить ракеты на стояночной площадке.

— Нельзя, — ответил он.

Я ожидал такого ответа. Можно было не сомневаться, что Червь постарался дискредитировать нас в его глазах. Но я все же уповал на понимание Крейсером военной ситуации и надеялся,

что он войдет в мое положение.

— Послушайте, нам приказали привести три «птички» в состояние полной боевой готовности, — сказал я. — Они должны взлететь сразу же после поступления звонка из штаба. Я не смогу их поднять, если ракеты будут находиться в ПСБ.

ПСБ — это пункт снабжения боеприпасами или попросту оружейный склад, располагавшийся за пределами базы. Мои специалисты по заряжанию должны были получить разрешение покинуть базу, пройти через контрольно-пропускной пункт, попросить персонал ПСБ доставить боеприпасы, а затем выполнить эту последовательность действий в обратном порядке, чтобы вернуться на стоянку самолетов. Даже при идеальном раскладе вся процедура занимала по меньшей мере полчаса. Нам же после звонка из штаба требовалось взлететь без промедления.

Крейсер несколько секунд пристально разглядывал меня, обдумывая просьбу.

— Ладно.

Ладно? Что, серьезно?

— Спасибо, Крейсер, — сказал я. — С меня пиво.

— Но вообще-то вы не имеете права держать ракеты на площадке.

— Я знаю, — ответил я. — Но прошу разрешения разместить их только на время ожидания команды на вылет.

Он кивнул.

Довольный, я пошел обратно в наш летный комплекс. Крейсер знал, как проводить боевые операции. Это была моя первая бюрократическая победа, позволившая сбросить с плеч эскадрильи огромный груз. Когда у Оперативной группы появится еще больше ниточек, ведущих к аль-Авлаки, и поступит звонок с командой на вылет, мы, я был уверен, будем во всеоружии.

Звонок поступил в тот же день. Обслуживающий персонал бросился к летательным аппаратам, чтобы успеть подготовить их до наступления полуденной жары. Я хотел сходить в ООЦ, чтобы понаблюдать за операцией, но из-за занятости не смог туда попасть. Через несколько часов «Хищники» без ракет вернулись на базу. Я позвонил Жабе, однако новости были неутешительными.

— В Кэнноне промахнулись, — сообщил он. — Им удалось остановить машину и убить большинство пассажиров. Экипаж ведущего самолета едва не промахнулся по машине. Прицел сполз в глубокую канаву на обочине дороги. Водитель испугался взрыва, и машина попала в аварию, но и только-то.

Я вздохнул.

Жаба рассказал, что вскоре после атаки они услышали по радио уже знакомое «Вы не сможете меня убить». Аль-Шадади

пережил налет. Он всегда оказывался единственным, кому это удавалось. Можно было выпустить сто ракет по сто одному террористу и этот парень в любом случае остался бы «сто первым».

Оперативная группа по-прежнему не прощала ошибок, как и в случае с тем злополучным инцидентом, когда мы упустили аз-Заркави.

Несколькими днями спустя была предпринята еще одна попытка нанести удар по террористу, только теперь с борта пилотируемого летательного аппарата. Я не знал, кто им управлял, а Оперативная группа была не обязана докладывать мне об этом. Летательный аппарат выпустил управляемую ракету «Гриффин», которая обладает меньшими по сравнению с «Хеллфайр» размерами при сопоставимой мощности. Пилот промахнулся по той же причине, что и мы. Признаться, внутренне я даже обрадовался этому, так как это означало, что наш промах не был следствием недостатка профессионализма в беспилотном сообществе. Тактические действия одинаково сложны для всех.

После промаха ракеты «Гриффин» аль-Шадади залег на дно.

Обнаружил себя он только через пару месяцев. На этот раз 3-я эскадрилья не промахнулась. Оператор вел прицел перед движущимся автомобилем почти до самого момента взрыва, затем ослабил нажим на рычаг управления. Лазерная метка сползла на капот машины. Спустя мгновение ракета разворотила двигательный отсек, выведя автомобиль из строя. Выжившие бросились бежать, но никому из них далеко уйти не удалось. В этот раз аль-Шадади не представился случай поиздеваться над нами.

Я посетил оперативный центр на следующий день.

— Удачный выстрел, — сообщил Жаба.

Я кивнул.

— Как нам и требовалось.

— По следующей цели требуется сработать еще лучше, — заметил Жаба.

Я непонимающе уставился на него.

— По какой именно?

— Мы напали на след «номера один», — сказал он.

Номером один был аль-Авлаки. Наконец засветилась конечная цель нашего задания. Мне было неизвестно, как его обнаружили. Да это и не имело значения. Я знал лишь одно: мы должны быть наготове. Но, когда мне уже казалось, что работа эскадрильи окончательно наладилась, мы столкнулись с новым препятствием.

Погода снова менялась. Мы все еще сражались с жарой, но

сезон летних гроз принес новые проблемы, которых мы не ожидали. В районе экватора конвекционные потоки воздуха вбирают в себя влагу с акваторий Красного моря и Аденского залива, формируя над равнинами Эфиопии мощные грозовые очаги. Эти грозовые фронты быстро разрастались до размеров штата Айова, достигая высоты 18 километров, превосходя грозы в Америке по этому показателю в два раза. Град разлетался более чем на тридцать километров. Ледяные шарики размером с горох молотили по «Хищникам», повреждая их хрупкую обшивку.

На земле мы боролись с дождем. Ливни превратили иссушенный ландшафт в топкое болото. Плотно утрамбованный грунт, долгое время лишенный какой-либо влаги, был неспособен впитать дождевую воду, отчего многие дороги оказались размытыми. Те участки земли, которые не были покрыты щебнем, постепенно напитывались водой и раскисали, превращаясь в ямы, наполненные жидкой грязью.

А еще были ветры.

В нескольких сотнях километров от нас в Эфиопии сформировался мощный грозовой очаг. Проходя через горы, он увеличил свою энергию и перерос в чудовищный шторм, двинувшийся в направлении Джибути. Порывы штормового ветра со скоростью в сорок узлов ворвались с юга и ударили по лагерю.

Гордон возвращался на базу, готовясь совершить плановую посадку. Его топливные баки были почти пусты, поскольку Оперативная группа старалась по максимуму растянуть время работы самолета над целью. Я вышел из оперативной палатки в объятия урагана. Техники на стояночной площадке силились закрыть ворота ангара. Тент службы охраны под порывами ветра раздувался, словно парус, едва удерживаясь на крепежных оттяжках. Один из охранников колотил молотком по колышку, в то время как другой тащил мешки с песком, чтобы придавить его к земле. Я бросился к СНУ. Там уже должны были брать Гордона на управление.

В кресле сидел МаДроверс, пилот из ночной смены. Он был еще одним молодым лейтенантом, который прошел путь летчика-истребителя, прежде чем получить назначение в «Хищник». Парень был пакистанского происхождения, что отразилось в его позывном — видоизмененном имени персонажа Ай-Жита М'Дрaрза из передачи «Субботним вечером в прямом эфире» периода войны в Персидском заливе.

Он уже взял Гордона под контроль и вел его кругами в северной зоне ожидания.

— Сколько у тебя бензина?

— Самый минимум, — ответил он.

Топлива у летательного аппарата оставалось только на пару попыток захода на посадку, после чего он должен был либо сесть, либо плюхнуться в море.

— Каковы погодные условия?

Я имел о них представление, но хотел знать, что говорят метеорологи на контрольно-диспетчерской вышке. МаДроверс позвонил на метеостанцию с телефона СНУ.

— 600 местами, 1500 «сплошняк», — сообщил он, положив трубку.

Разорванная облачность на высоте 600 метров над уровнем земли, сплошной облачный покров на полутора километрах.

— А ветер? — уточнил я.

Недоуменный взгляд.

— Перезвони им.

Он говорил по телефону несколько минут, затем снова положил трубку.

— Пятнадцать узлов.

— Какое преобладающее направление?

Снова недоуменный взгляд.

— Перезванивай.

МаДроверс сделал третий звонок на вышку.

— Переменное, но по преимуществу южное.

— Ладно, — сказал я. — Скажи, по ощущениям ветер снаружи тянет на 15 узлов?

— Нет, сэр.

Я многозначительно поглядел на него. Он понял намек и позвонил в метеорологическое управление Оперативной группы. Тамошние парни располагали более качественной метеоаппаратурой, чем у джибутийской авиационно-диспетчерской службы.

— Что с ветром?

— Метеорологи Оперативной группы сообщают о южном ветре в сорок узлов, — сказал он.

— Как долго он продлится?

— Пару часов, — ответил он.

Это представляло проблему. Максимальная скорость ветра, при которой мы могли садиться в любом из направлений, составляла тридцать узлов. С учетом нашего нынешнего веса предельная максимальная скорость бокового ветра не должна была превышать шестнадцати узлов, однако у Гордона было недостаточно топлива, чтобы ждать, пока ветер стихнет.

— Я поведу самолет, — сказал я.

— Сэр, я справлюсь.

— Ты раньше когда-нибудь садился при боковом ветре такой

силы?

— Нет, сэр.

— Значит, сажать буду я.

Я жестом приказал ему освободить кресло. Более четырех тысяч часов налета и пятнадцать лет службы в авиации научили меня, как надо сажать самолет при таком боковом ветре. Раньше мне уже доводилось садиться в таких условиях на «Е-3» — воздушной радиолокационной платформе на базе «Боинга-707». Тогда, даже с очень опытным экипажем на борту, мы едва не оторвали самолету двигатель во время касания взлетно-посадочной полосы.

МаДроверс выбрался из кресла. Он выглядел так, словно я пнул его любимого кота.

— Не волнуйся, я тебе доверяю, — сказал я. — Но я не могу позволить тебе садиться в таких условиях. Если что случится, сможем сказать, что за пультом был самый опытный пилот. Я приму удар на себя.

Он заслуживал того, чтобы это услышать. МаДроверс — превосходный пилот, к летному мастерству которого я относился с огромным доверием. Это была не та ситуация, как с Дженцем, когда того вытащили из кресла перед пуском ракеты. Я пытался оградить пилота от неприятной ситуации, на которую в некоторой степени мог повлиять.

Я сел в кресло и немедленно взял управление беспилотником в свои руки.

— Вышка, говорит Гордон Четыре-Ноль, готов к снижению. Прошу разрешения на посадку на полосу два семь.

Ответил голос с франко-арабским акцентом:

— Гордон, ветер слабый. Снижайтесь до высоты 300 метров. Разрешаю визуальный заход на посадку на полосу ноль девять.

Я усмехнулся. За стенами СНУ все еще бушевал ветер. Мы слышали его завывание даже за шумом вентиляторов системы кондиционирования воздуха. Разрешение диспетчера меня не устраивало. Мне не нужен был риск крушения в гражданском секторе аэропорта или в жилом районе. Мне хотелось оставаться над водой и садиться на том конце летного поля, который занимали военные.

— Говорит Гордон Четыре Ноль, прошу разрешения на посадку на полосу два семь.

После некоторой паузы диспетчер уступил мне этот путь. В тот момент я был единственным летательным аппаратом в небе, поэтому авиадиспетчер на вышке имел возможность удовлетворить любую мою просьбу в этом плане.

Я сбросил высоту, выровнял самолет над черной

поверхностью Аденского залива и начал выполнять поворот перед подходом к району аэродрома. Огни базы и города на дисплее завертелись и поползли в сторону. Экран системы слежения показывал, что «Хищник» фактически летит боком на север, несмотря на то, что он был ориентирован носом на запад.

Ого, ветер слабый, пронеслось у меня в голове.

Маленький розовый самолетик медленно приближался к посадочному курсу. Я выполнил поворот, чтобы вернуть беспилотник на путь к базе. Стрелка на электронном компасе, отмечавшая курс, уткнулась в метку «Юг». Самолету, подобно паруснику, для удержания курса необходимо лететь против ветра, чтобы компенсировать боковую силу.

Согласно данным приборов, наша путевая скорость (скорость самолета относительно земли) составляла от силы узлов двадцать. Большая часть мощности двигателя расходовалась на сопротивление ветру. Приходилось держать высокие обороты, чтобы выдерживать глиссаду — в противном случае я снизился бы слишком рано. Я находился уже совсем близко от ВПП, когда вдруг увидел на экране нашу стояночную площадку. При заходе на посадку в нормальных условиях я бы никогда не увидел с этой точки нашу стоянку, которая располагалась в самом начале взлетно-посадочной полосы (к тому же на приличном расстоянии в стороне от нее). Сегодня я впервые смотрел на своих испуганных техников с высоты птичьего полета, в то время как самолет приближался к ВПП боком под углом в 45 градусов относительно ее оси.

— Около трех метров, сэр.

В поле зрения показались фонари, обозначающие край взлетно-посадочной полосы. Земля неслась нам навстречу.

Пора.

Я нажал на педаль руля направления, чтобы развернуть нос, выставив его по курсу ВПП. Потом дал левый крен в сторону ветра, пытаясь за счет подъемной силы на крыльях компенсировать часть энергии, которую только что потерял. Прерывистая осевая линия ВПП замелькала на дисплее. Колеса пару раз подпрыгнули, и самолет покатил по полосе. Затем я толкнул от себя ручку управления самолетом, чтобы левое крыло не поднималось, и прижал нос к земле, рискуя сломать хлипкую переднюю стойку шасси и расколотить самолет.

Когда летательный аппарат замедлился до скорости руления, я наконец вздохнул с облегчением. Рулежная дорожка была отделена от района стоянки и обслуживания самолетов забором, который в некоторой степени защищал ее от порывов ветра. Несмотря на это, маленький самолет брыкался на всем пути

следования к стоянке, то и дело норовя оторваться от земли. Пока техники не закрепили самолет на земле, приходилось «пилотировать» его за счет активной работы органами управления, чтобы противодействовать ветру.

После посадки ко мне в оперативную палатку заглянул Джон.

— Сэр, мы не думали, что вы рискнете садиться, когда увидели направленный на нас самолет.

Я тоже не думал, подумал я.

— Я ничего не поцарапал? — спросил я.

— Абсолютно ничего, сэр.

В следующую ночь мы столкнулись с такими же погодными условиями. В этот раз мы возвращали самолет с большим остатком топлива. Я позволил МаДроверсу попробовать посадить самолет. Он три раза пытался это сделать и все три раза забывал правильно выставить положение крыльев, отчего «Хищник» сносило к стоянке истребителей «Мираж 2000» французских ВВС. Я приказывал ему разворачиваться, набирать высоту и пытаться снова. После третьей попытки я дал возможность испытать свои силы другому пилоту. К тому времени сила ветра снизилась до относительно приемлемых значений, и он смог вернуть «птичку» на базу.

Выполнение посадок давалось с трудом, но и охота за аль-Авлаки шла непросто. Составление схемы жизни любой цели — процесс сам по себе кропотливый. Но в этом случае он проходил еще сложнее, поскольку аль-Авлаки было известно, как Соединенные Штаты выслеживают террористов. О «Хищниках» рассказывали в новостях, поэтому широкой общественности было известно, что мы можем перехватывать сигналы сотовых телефонов.

В начальный период охоты на аль-Авлаки Оперативная группа рассчитывала исключительно на «Хищников», однако скоро в штабе поняли, что мы не можем обеспечить полное покрытие района наблюдения. С целью содействия операции Африканское командование вооруженных сил США (АФРИКОМ), контролировавшее американские войска на этом континенте, решило перебросить в регион «Жнецов».

С тех пор как «Жнецы» присоединились к охоте на аль-Авлаки, по распоряжению командования мои техники должны были снаряжать летательные аппараты бомбами, после чего их снова отправляли в полет. Единственной проблемой была нехватка места в Кэмп-Лемонье. Все самолеты, осуществлявшие в Кэмп-Лемонье промежуточную посадку, оставались на стояночной площадке на всю ночь, и для «Жнецов» места не хватало.

Чтобы как-то решить этот вопрос, Воздушная экспедиционная

группа АФРИКОМа направила к нам Майка, ныне заместителя командира авиагруппы, которому предстояло наладить координацию действий двух наших формирований. Мы не виделись с Майком несколько лет. После Крича он сменил много мест службы, пока не стал первым пилотом БПЛА-сообщества, принявшим на себя командование эскадрильей. В качестве командира эскадрильи Майк пробыл недолго, так как довольно скоро был направлен в АФРИКОМ для формирования новой авиагруппы. Теперь он должен был перебросить часть своего летного подразделения в Кэмп-Лемонье, чтобы создать здесь перевалочный пункт «Жнецов». В конце концов, мы гонялись за одними и теми же целями.

Я встретил его перед двумя нашими ангарами.

— Белка! — воскликнул он, вылезая из мини-внедорожника.

Чтобы попасть в наш лагерь, он, вместо того чтобы пройти через ворота, проехал через зону стоянки и обслуживания самолетов.

— Добро пожаловать в Джибути, Майк, — приветствовал я его.

Мы обменялись рукопожатиями, и он огляделся.

— Ты неплохо смотришься в этом местечке, — заметил он.

— Давай-ка убираться с этой жары, — сказал я, увлекая его к оперативной палатке. — Каково это снова оказаться вторым лучшим пилотом «Хищников» на базе?

Он хохотнул и хлопнул меня по руке:

— Я больше не летаю на «Хищниках».

— Да брось ты! Все они «Хищники», — парировал я.

На самом деле в номенклатуре «General Atomics» БПЛА MQ-9 официально числился как «Predator B» («Хищник» Б»). Но в ВВС эти аппараты называли «Жнецами».

Майк ухмыльнулся.

Всю следующую неделю мы занимались обсуждением того, как решить его проблему, просиживая на Т-образном барьере, ограждавшем наш летный комплекс. Массивные бетонные блоки высотой в два с половиной метра, из которых было составлено ограждение, напоминали перевернутую букву «Т».

Как-то вечером мы с Майком сидели на барьере и беседовали (как и все последнее время). Наше внимание переключалось то на стояночную площадку, где шли работы, то на случайный самолет на взлетно-посадочной полосе.

— Мы должны найти способ как-то тут разместиться, — сказал он.

— Моим аппаратам нужно место, — ответил я. — К тому же ты будешь использовать базу всего лишь как перевалочный пункт.

Майк пристально посмотрел на меня.

— Ты же понимаешь, что этим дело не ограничится.

Я вздохнул, так как знал, что он прав. Это был известный метод сил специальных операций: захватил — не отдавай.

— Да вы, парни, найдете способ быть тут на постоянной основе.

— Главное — решить нашу общую задачу, — сказал он.

Я посмотрел в ночное небо. Несмотря на засветку от фонарей лагеря, виднелись яркие звезды. На базе никогда не бывало темно настолько, чтобы можно было разглядеть Млечный Путь, который я надеялся увидеть в этой экспедиции. Ну хотя бы легкий южный бриз немного освежал. Мусоросжигательные ямы в ту ночь бездействовали.

— Я знаю.

— Надо бы обсудить это на поле для гольфа.

Я усмехнулся. Поле это располагалось километрах в трех дальше по дороге. Кэдди[6] приносили квадратный кусок искусственного травяного покрытия и простилали его на ти[7], перед тем как игрок выполнял свой первый удар. Никаких гринов[8] и фервеев[9] не было. Были только камни поверх других камней. Флажки были единственным ориентиром, позволявшим понять, что ты посылаешь мяч в нужном направлении.

Я мог сыграть и одержать победу в нашем споре, но ценой серьезного ущерба для своего политического капитала. Я бы потерял лицо перед Оперативной группой. Поэтому у меня, по сути, оставался лишь один выбор.

— Я дам тебе половину ангара, — сказал я.

— Спасибо, — ответил Майк.

Он говорил искренне.

— Да что уж тут… — сказал я.

Мы оба понимали, что меня загоняют в угол.

Я проводил взглядом одного из моих «Хищников», который вырулил на взлетно-посадочную полосу и пошел на взлет. Несколько секунд для меня не существовало никаких других звуков во всей Африке, кроме низкого жужжания его мотора.

— Да нет, серьезно, — настаивал он. — Спасибо.

— Слушай, — сказал я. — Ты должен знать, что если опять начнется буря, нам больше негде будет разместиться. Мне понадобится эта площадь, если все наши «птички» будут на земле.

Мы не могли втиснуть все наши летательные аппараты в один ангар.

— Понимаю, — кивнул Майк.

— Я не смогу держать MQ-9 в ангаре, если такое повторится.

«Жнец» занимал пространство трех «Хищников».

— Если дойдет до этого, мы улетим, — заверил меня Майк. — У нас достаточная дальность полета, чтобы обходить грозовые фронты.

Ни один самолет из тех, что находился в наших ангарах, не стал бы подниматься в небо в штормовую погоду. Мы оба это знали. Тем не менее я оценил этот жест.

— Ты в курсе, что мы получили премию в области безопасности? — Я решил сменить тему разговора.

— Серьезно? — ответил Майк. — Поздравляю.

Для эскадрильи это было значительным достижением, учитывая то, как мы начинали. У нас не было происшествий уже около четырех месяцев. Летная дисциплина была настолько высокой, что моим молодым и неопытным лейтенантам удавалось спасать летательные аппараты в ситуациях, которые привели бы к крушению раньше. Мои летчики реабилитировались. И я очень гордился тем, что они стали профессионалами высшего класса.

Мы с Майком стояли на барьере и смотрели на аэродром. Думаю, каждый пилот может смотреть на летное поле часами. По увлекательности это занятие уступает только просмотру «хищного порно». С высоты барьера я мог наблюдать за тем, как наши летательные аппараты нарезают над полем круги, силясь набрать высоту перед тем, как взять курс на север к районам целей. Краем глаза я заметил мигающие проблесковые маяки «Хищника», снижающегося к единственной ВПП международного аэропорта Джибути — Амбули. Самолет летел в неправильном направлении. Он должен был идти курсом на север.

Двигатель тоже звучал неправильно.

— Извини, Майк, — бросил я. — По-моему, мы вот-вот потеряем беспилотник.

— Иди, — быстро ответил Майк. Он тоже увидел признаки грядущей аварии.

Я ворвался в СНУ. В кресле сидел Хвостик. Он застыл в напряженной позе за пультом управления, а его оператор был растерян и не знал, что делать.

— Хвостик, что происходит? — спросил я.

— Двигатель разваливается на части, — ответил он. — Пытаюсь сесть.

Я взглянул на экран системы слежения. Хвостик явно не попадал на взлетно-посадочную полосу.

— Поверни к аэродрому.

— Я не знаю, где он.

При пилотировании одномоторного летательного аппарата самое важное — это знать местоположение ближайшей взлетно-

посадочной полосы. Мы приучали пилотов держать в уме, где находится посадочная площадка, и немедленно поворачивать к ней в случае отказа двигателя. Но перед Хвостиком маячила перспектива стать участником уже третьего (для него) авиационного происшествия, поэтому от волнения он потерял ориентацию в пространстве.

Первый инцидент с его участием произошел во время полета над Ираком, когда «Хищник» развалился в воздухе. Самолет был потерян, прежде чем Хвостик успел что-либо предпринять. Вторым случаем стала авария Борта 173, который перевернулся, после того как Хвостик потерял контроль над летательным аппаратом из-за отказа пульта управления. Однако сейчас он полностью контролировал беспилотник. И самолет, и ВПП четко отображались на экране системы слежения. Хвостик просто не додумался сосредоточить на нем свое внимание. Все что он делал, это таращился прямо перед собой в дисплей.

Времени на то, чтобы выдернуть его из кресла и взять управление на себя, не было. Я наклонился, чтобы говорить ему прямо в ухо.

Меня вдруг охватило ледяное спокойствие, как при убийстве боевиков.

— Повернуть вправо, — скомандовал я.

Хвостик механически начал выполнять поворот. Нос смещался до тех пор, пока на экране не появился знакомый ландшафт окружающей аэродром местности.

— Прекратить разворот, — сказал я.

Самолет вышел из крена. Я использовал те же самые команды, которые Хвостик слышал, когда отрабатывал заход на посадку по радиолокатору на «Т-38» — двухместном сверхзвуковом учебно-тренировочном самолете. Я надеялся, что знакомый язык поможет рассеять его морок.

— Целься в конец взлетно-посадочной полосы.

Он немного скорректировал курс. В поле обзора показался ангар джибутийских ВВС. В этом ангаре размещался личный борт президента. Я проверил глиссаду планирования — была вероятность того, что мы врежемся в ангар.

— Дай немного педалью влево.

Под ногой у него скрипнула педаль руля направления. Летательный аппарат начал уходить влево. Правое крыло беспилотника поднималось все выше, по мере того как он кренился все сильнее.

— Достаточно.

Ангар увеличивался в размерах очень быстро. Я затаил дыхание, надеясь, что «Хищнику» хватит подъемной силы

пролететь над строением, не зацепив его. Ангар заполнил собой всю площадь экрана, а потом исчез. Видеосигнал сохранялся, то есть БПЛА все еще находился в воздухе.

— Поверни назад, к порогу.

«Порог» — это отметка на ВПП, обозначающая начало места, где можно приземляться. Хвостик начал разворот. «Хищник» был примерно в шести метрах от земли. Если он снизится еще хоть немного, то рискует зацепить землю правым крылом и кувырком покатиться по взлетно-посадочной полосе.

— Выводи из крена, — приказал я.

— Но…

— Выводи из крена, — повторил я ровным голосом. — Теперь для выравнивания используй педаль руля направления.

Когда Хвостик с силой надавил на педаль руля, та недовольно отозвалась громким металлическим скрипом. Обычно шум в кабине заглушал звук движения пружины, которая возвращала педали руля направления в среднее положение. Скрип был таким, словно по школьной доске царапнули ногтем.

Нос отклонился вправо, и самолет медленно вышел из крена. Боковая разметка ВПП находилась прямо под брюхом самолета. Всего каких-то полтора метра отделяли левое колесо от неровного грунта за пределами ВПП. Хвостик продолжал давить на педаль, отклоняя нос вправо и смещая самолет к оси ВПП.

— Начинай выравнивание.

Без выравнивания носовое колесо первым ударилось бы о бетонную полосу, в результате чего в условиях жесткой посадки передняя стойка шасси сломалась бы под тяжестью самолета. Хвостик ослабил нажим на ручку управления самолетом, и нос приподнялся. Секундой спустя колеса с силой ударились о взлетно-посадочную полосу, и самолет потянуло вправо.

Жесткий удар окончательно прочистил Хвостику мозги. Он отцентрировал руль управления, предотвратив выкатывание беспилотника за пределы ВПП. Двигателю из последних сил удалось дотянуть самолет по рулежке до нашего летного комплекса. Последнее, что джибутийцам хотелось бы делать, это опять закрывать из-за нас свою единственную взлетно-посадочную полосу.

Я похлопал Хвостика по плечу.

— Отличная работа, — сказал я. И я не шутил.

Впоследствии техники обнаружат в масляном фильтре частицы металла. В блоке двигателя разрушились поршни, рассыпавшись на куски. Двигатель лишь каким-то чудом смог продержаться до того момента, когда Хвостик благополучно посадил летательный аппарат.

Я номинировал его на премию в области безопасности. Мы избежали полной потери беспилотника; пришлось всего лишь заменить в нем двигатель. Запасного летательного аппарата у нас не было. Если бы Хвостик оплошал, мы не смогли бы поддерживать прежний ритм оперативной работы, и аль-Авлаки мог бы от нас ускользнуть.

Мы близко к нему подобрались. Каждым ударом с воздуха в течение следующих двух месяцев мы ликвидировали его непосредственных подчиненных и приходящих им на замену людей. В эскадрилье появились мрачные шутки. Например, в оперативной палатке кто-то вывесил объявление «Ищу сотрудника», сопроводив его текстом: «На работу требуется террорист, работа сверхурочная, в основном в полевых условиях. Место освободилось только что».

После очередной успешно проведенной операции один из наших специалистов по заряжанию очень точно подметил: «Однажды в «Аль-Каиде» сообразят, что они вербуют на службу новые кадры с жизненным циклом в две недели».

Он был прав.

Примерно с такой периодичностью мы и предъявляли членам «Аль-Каиды» «уведомления об увольнении». И все же цель номер один пока была для нас недосягаема.

Перерыв наступил в августе. Информатор сообщил, что аль-Авлаки перемещается в группе из двух то ли внедорожников, то ли пикапов. Большинство агентов в поездках использовали только одну машину, однако личные телохранители и помощники аль-Авлаки ездили в отдельном автомобиле.

Аль-Авлаки был человеком осторожным. Он являлся лицом пропаганды «Аль-Каиды» по всему миру. Его ликвидация нанесла бы серьезный удар по авторитету его англоязычного журнала «Инспайр», как и по усилиям агентов-вербовщиков на Западе. Усиленная охрана была нужна для защиты аль-Авлаки в случае засады. По словам нашего источника, аль-Авлаки ожидал, что его поймают и будут судить в США.

В конечном счете такие меры предосторожности сыграли против него.

«Хищники» и «Жнецы», осуществлявшие поиски аль-Авлаки по заданию Оперативной группы, одновременно вышли на предполагаемое место его постоянного пребывания. Мы знали, что террорист скрывается где-то в Эль-Джауфе, но теперь пилоты стали высматривать пикапы, ездившие парами.

Несмотря на то что район располагается в высокогорье, температура летом там держится на очень высокой отметке. После полудня повседневная активность в регионе замирает,

возобновляясь лишь к вечеру, после того как жара спадает. Аль-Авлаки ездил на встречи в дневное время, когда на улицах было малолюдно. Как раз в часы затишья мы его и обнаружили.

Колонна из двух полноприводных пикапов со сдвоенными кабинами переезжала из деревни в деревню, перемещаясь на огромной скорости по шоссе и с осторожностью — в городах. Время от времени они останавливались возле какого-нибудь дома. В одних случаях пассажиры пикапов выходили из машин и шли в дом. В других — хозяин дома подходил к пикапам, чтобы переговорить.

Всякий раз нам с трудом удавалось достоверно идентифицировать аль-Авлаки. Чтобы не выдать себя, мы летали на таком большом расстоянии, что возможности наших оптических приборов не позволяли четко рассмотреть его лицо. Рост объекта в целом соответствовал приметам, однако бородатое лицо было похоже на все другие лица жителей региона.

Этих данных было недостаточно, но только до тех пор, пока другой наш источник не сообщил день, время и место одной из встреч аль-Авлаки. Мы взяли под наблюдение явочный дом, в котором он должен был появиться, и стали ждать. Ровно в назначенный час к дому подъехали два пикапа. Это были как раз те пикапы, за которыми мы следили уже некоторое время.

Петля затягивалась.

Глава 20. Аль-Авлаки

К середине сентября Оперативная группа командования была готова предпринять конкретные действия против аль-Авлаки.

Переход к прямым действиям возможен только после накопления достаточного объема разведданных. В нашем случае это означало составление подробной карты жизни террориста, которая позволяла аналитикам разведданных с уверенностью идентифицировать аль-Авлаки в колонне. Мы, как и раньше, привели самолеты в полную боевую готовность. Над целью посменно дежурили два беспилотника — «Жнец» и «Хищник». Этого было достаточно, чтобы обеспечить непрерывное наблюдение за целью. Две другие «птички» стояли на земле, готовые к взлету с полной ракетной загрузкой. И еще одного «Хищника» я держал в резерве под навесом.

Непрерывное наблюдение велось в регионе Эль-Джауф. Идентификация аль-Авлаки не должна была представлять сложности. Куда бы ни ехал американский террорист, он всегда занимал пассажирское место. Попутчиков аль-Авлаки можно было отличить от него по языку тела. А еще они были вооружены «АК-47».

Аль-Авлаки был безоружен.

Вторая машина обеспечивала дополнительную безопасность. При каждой остановке кортежа ее пассажиры обычно выходили наружу и, перемещаясь организованным порядком, патрулировали район места встречи либо занимали позиции, с которых хорошо просматривались подступы к нему.

Нам нужно было разместить боеприпасы на стояночной площадке. Я пошел переговорить с Крейсером.

— Крейсер, у меня опять полная мобилизация, — сказал я.

Он улыбнулся:

— Что-то часто она у вас происходит.

С момента моего прибытия мы пробыли в режиме полной мобилизации в общей сложности около 170 дней.

— Ага, — продолжал я. — Но эта важная.

— А разве не все они важные? — спросил он.

Он был прав. Все операции Оперативной группы преподносились как «важные» либо «чрезвычайно важные». Рутинных не было.

— Тут дело особой важности, — сказал я. — Можете выручить?

Он задумчиво смотрел на меня несколько секунд.

— Что вам нужно?

Было видно, что он настороже.

— У нас три «птички» в режиме готовности номер один, — объяснил я. — Мне надо разместить ракеты для всех них на стоянке.

— Вообще-то на площадке вы можете держать только две.

Я решил не сдаваться. Согласно нормативам ВВС, я мог иметь в наличии порядка 150 ракет. Только ВМС накладывали на нас ограничения.

— Я понимаю, — ответил я, — но доставка их из ПСБ занимает слишком много времени. Малейшая задержка — и мы пропустим «окно».

Крейсер лишь молча смотрел на меня.

— Мне надо шесть ракет, — продолжал я напирать.

Крейсер нацарапал в планшете список необходимых мне боеприпасов. Секунду-другую он рассматривал его, затем кивнул, словно принял для себя какое-то решение, и посмотрел на меня.

— Ладно, так и быть.

Следующую остановку я сделал в палатке технического отдела. Тут было значительно прохладнее, чем в оперативной палатке, поскольку кондиционер «оперативников» вышел из строя. Одна из женщин-техников сидела под палящим солнцем и пыталась его отремонтировать. В то лето она перечинила уже добрую половину кондиционеров эскадрильи.

Внутри палатки громко тарахтели старые, еще времен войны в Заливе климатические установки. С потолка, извиваясь, спускалась парусиновая труба и устремлялась к батарее портативных раций. Волна свежего воздуха, обдавшая меня при входе, показалась порывом ледяного арктического ветра на фоне того, что творилось снаружи.

Я прошел к табло обстановки в глубине палатки. Табло представляло собой большую белую маркерную доску, на которой были указаны бортовые номера семи летательных аппаратов и статус их готовности.

«’57 Шеви», «Марисса» и «Кейт II» были наготове.

Зедмен, вспыльчивый мастер-сержант из Холломана, оторвал взгляд от стола. Если Джон выполнял надзор за работой технического отдела в целом, то Зедмен по-прежнему крутил гайки, колдуя над летательными аппаратами бок о бок с другими технарями. Я уважал его за моральные качества и прирожденный талант управляться с кошками технического отдела. Жаль, что по возвращении домой он собирался уйти в отставку.

— Сэр, когда вы успели войти?

Техники, казалось, никогда не слышали, когда я заходил к ним в палатку. Хотя у них было не более шумно, чем в других

помещениях, они по какой-то причине всегда замечали меня лишь в самую последнюю минуту. Другие сотрудники отдела моментально встали. Я сделал им знак сесть. Я тут не для того, чтобы отвлекать их от работы.

— Оттачиваю свои навыки войсковой разведки, Зед, — пошутил я.

Зедмен встал из-за стола и подошел к маркерной доске.

— У нас все в норме, сэр, — сказал он. — Новости есть?

— Ничего такого, о чем бы я не знал.

— Нам пришлось убрать «птичек».

Я заметил, что трех наших беспилотников, ожидавших команды на вылет, на стояночной площадке уже нет.

— И?..

— Слишком сильная жара, — объяснил он. — Часть дня мы можем держать их на площадке, но после полудня условия очень жесткие. Мы закатили их обратно в ангар, чтобы не пеклись на солнце.

— Хорошо.

Здравое решение. Когда поступит звонок, техники смогут быстро выкатить самолеты обратно на стояночную площадку, снарядить боеприпасами и отправить в полет. До тех пор «Хищникам» лучше стоять в прохладных ангарах.

— Мы бы хотели оставить их там, — заметил Зед.

— Насколько это задержит вылет?

Зедмен подумал над ответом.

— Максимум на тридцать минут для первого, — сказал он. — Остальные пойдут без задержек.

Район цели находился по меньшей мере в трех часах лету от нас. Команда на запуск поступит заблаговременно перед воздушным ударом. По моему опыту Оперативная группа потребует, чтобы самолеты находились на позиции как минимум за час до предполагаемого удара. У нас там уже будет по меньшей мере один летательный аппарат для подстраховки на случай задержки вылета.

— Ладно.

— Хотите, чтобы я сообщил Оперативной группе?

— Не надо, — ответил я. — Чем меньше они знают, тем меньше козырей у них потом против нас будет.

В конечном счете эти тридцать минут не будут иметь существенного значения.

В условиях ограниченного количества вылетов у нас в наличии было достаточно персонала, чтобы, когда поступит соответствующее распоряжение, мгновенно поднять ударные аппараты в воздух. Я был уверен, что когда настанет час икс,

Оперативная группа начнет метаться. За последние пару недель они меняли план операции шесть раз перед самым ее началом.

Третью «птичку» я распорядился привести в полную боевую готовность на тот случай, если Оперативная группа опять вздумает внести какие-нибудь изменения в план в самый последний момент.

Мы были готовы. Теперь нам оставалось только ждать.

В нетерпеливом ожидании пилоты бродили по комнате отдыха оперативной палатки. Девиз «поспешать и ждать» как нельзя лучше характеризовал тот день, который для аль-Авлаки должен был стать последним. В оперативном пункте на смену работе пришли фильмы и видеоигры. Уведомить нас должны были по телефону, поэтому мы держались поблизости от него. Время от времени Хосе, один из операторов средств обнаружения, просматривал чат-канал на предмет новой информации.

Хосе — мексиканец по происхождению. Он был заядлым культуристом с мощными руками и широченным торсом. Когда он не работал и не тренировался в спортзале, то делал какие-нибудь несуразности. Хосе был умным парнем, но иногда чудил, что делало его объектом шуток с нашей стороны.

Он обладал особым даром постоянно терять свою идентификационную карту. Это вошло у него почти в привычку, что представляло проблему, поскольку без ключ-карты нельзя было попасть в столовую, спортзал и даже войти в рабочие компьютеры.

— Эй, где моя карточка?! — крикнул Хосе, когда решил проверить сообщения в чате.

Летчики не обратили на его слова никакого внимания. Все с увлечением смотрели новую серию «Ходячих мертвецов» на консоли «Xbox».

— Ну же! — настаивал он.

Никто даже не взглянул в его сторону. Кто-то хихикнул. Недовольно фыркнув, Хосе вернулся в компьютерную комнату и начал рыться в бумагах на одном из столов. Перерыв на нем все, он перешел к другому столу.

— Серьезно, парни, мне нужна карточка, — взмолился Хосе.

— Может, уже надо начать следить за этой штукой? — отозвался кто-то из комнаты отдыха.

Хосе замер, затем медленно перевел взгляд на дверь в палатку. Над ней под полукруглым сводом потолка висели небольшие часы, покрытые черной дизельной копотью. Однажды они упали, и при падении у них лопнуло стекло, образовав трещину, в которую мы и просунули его идентификационную карту.

— Да ладно вам, парни!

Карточка стояла на дне часов, заслоняя цифру шесть. Часы висели слишком высоко, чтобы до них можно было добраться без посторонней помощи. Офисные кресла были на колесиках и слишком хрупкие, чтобы на них можно было становиться. Хосе поискал стремянку позади массивной деревянной тумбы, на которой стояли компьютеры и интернет-серверы, обеспечивающие работу СНУ и эскадрильи.

Там ее не оказалось.

Он выскочил из оперативной палатки и пулей метнулся к техникам. У них-то наверняка есть стремянки на все случаи жизни.

— Сожалею, — ответил техник-кладовщик, покопавшись у себя в лэптопе. — Все стремянки выписаны. А когда их вернут на склад, я не знаю.

— Кто их выписал?

Техник назвал имя.

— Да он даже не на дежурстве! — воскликнул оператор. — Он разве не обязан был вернуть стремянки перед уходом?

— Да, — ответил техник. — Странно…

— Вы можете мне помочь их найти?

— К сожалению, я не имею права покидать палатку, — сказал тот. — Я должен постоянно следить за инструментами.

Лицо техника оставалось непроницаемым.

Раздосадованный оператор средств обнаружения покинул палатку ни с чем. Ему потребовался почти час, чтобы найти стул без колесиков. Мы дружно наблюдали за тем, как Хосе взобрался на него и потянулся к часам. Его пальцы заскребли по стеклу циферблата.

Послышался сдавленный смешок.

Хосе потратил несколько минут на то, чтобы снять часы с крепления. Он уселся на стул и долго возился с ними, вертя их в руках и так, и эдак. Когда ему наконец удалось выудить ключ-карту, оперативный пункт взорвался смехом.

После того как он вернул себе карту, мы стали планировать другой розыгрыш. В качестве вариантов предлагалось заморозить карточку в куске льда или отправить в полет, приклеив к «Хищнику». Мы не сомневались, что нам еще представится возможность подшутить над этим парнем.

Наконец в оперативном центре эскадрильи зазвонил телефон, и я мгновенно поднял трубку. Это была моя персональная прямая линия связи с ООЦ.

— Белка слушает, — сказал я.

— Запускайте.

На том конце был офицер связи «Хищников».

— Сколько?

— Всех трех.

Раздался щелчок, и связь отключилась.

Запуск всех трех летательных аппаратов означал, что мы идем за аль-Авлаки. Офицер связи не мог сказать мне по телефону большего. Линия была недостаточно защищена, чтобы передавать по ней информацию, касающуюся цели. Но, кладя трубку, я был уверен в одном: сегодня Пираты выходят на охоту.

Мы преследовали цель аналогично тому, как немецкие субмарины охотились на морские конвои во время Второй мировой войны. Атакуй массой. Нападай, как волчья стая.

— Врубайте СНУ, — сказал я дежурному пилоту, выходя из оперативной палатки.

Сегодня у меня в смене были два экипажа. МаДроверс должен был убыть, и в его смену работал уже новый пилот, прибывший ему на замену, но МаДроверс прибежал помочь. Я пошел в палатку технического отдела. Зедмен уже получил сообщение.

— Уже выкатываем первого, — сказал Зедмен.

— Я могу чем-нибудь помочь?

Пока мы говорили, несколько техников выталкивали первую «птичку» из ангара. При полной нагрузке топливом самолет приседал, волоча хвост. Ему словно не терпелось взмыть в небо.

— Могу подтолкнуть, — сказал я.

— Нельзя, сэр, — ответил он. — Мы не можем вам этого позволить.

Я кивнул. Правила технического отдела были довольно специфичны. Перемещать летательный аппарат на земле мог только аттестованный персонал. Как бы мне ни хотелось помочь, я не мог этого сделать.

— Ладно, сколько времени вам потребуется? — поинтересовался я.

У Зедмена уже имелся готовый ответ.

— Тридцать минут для первого и затем через каждые тридцать минут.

— Хорошо, — ответил я. — Экипажи будут готовы.

Два начальника технических бригад установили первый летательный аппарат прямо перед ангаром. Один из техников на небольшом вилочном погрузчике поднял поддон с инструментами и задним ходом подъехал к «Хищнику». Бригадиры соединили их буксировочной штангой, и первая «птичка» отправилась в четырехсотметровый путь на стояночную площадку.

Когда беспилотник отбуксировали к воротам летного

комплекса, бригадиры побежали в ангар и выкатили на солнце второго «Хищника». Тут же появился еще один буксир, чтобы его подцепить. Следующим подъехал буксир технического отдела эскадрильи «Жнецов». Их техникам делать было почти нечего, так как их единственный аппарат уже находился в воздухе.

За какие-то несколько минут все «Хищники» были отбуксированы на стояночную площадку и выстроены в колонну. Техники ВМС из бригад обслуживания «Р-3», а также рядовые, работавшие на рулежных дорожках, побросали свои дела и молча наблюдали за процессией. «Хищники» не практиковали «слоновые тропы», в отличие от бомбардировщиков. Метод «слоновых троп», когда большое количество бомбардировщиков одновременно выстраивается на взлетно-посадочной полосе и взлетает с минимальными интервалами, был распространен в годы Второй мировой войны.

«Хищники» всегда вылетали поодиночке, поэтому странно было видеть сразу трех, совершающих вылет в одно и то же время.

Оружейники уже ожидали на стояночной площадке. Еще до того как на ней выстроилась колонна «Хищников», они приехали туда на грузовике, на прицепе которого был контейнер, скрывавший от солнца ракеты. Едва бригадиры зафиксировали «Хищников» на месте при помощи тормозных башмаков, оружейники приступили к подвешиванию 45-килограммовых ракет «Хеллфайр».

Начальники технических бригад выполнили свои карты контрольных проверок и доложили о готовности. В это время в Соединенных Штатах, в тринадцати тысячах километров от нас, три экипажа заняли свои места в кабинах за пультами управления на авиабазе Кэннон в Нью-Мексико, готовясь взять наших «птичек» под контроль. Я знал, что они чувствуют в этот момент. Какая-то часть меня хотела бы быть среди пилотов, участвующих в охоте; впрочем, никакой славы им не достанется, если «Хищники» не смогут оторваться от ВПП.

Когда двигатели самолетов начали набирать обороты, я поглядел на термометр, висящий возле оперативной палатки. Температура была около 35 градусов Цельсия. Приближалось «тепловое окно», время, когда температура окружающей среды могла привести к перегреву чувствительной электроники «Хищников». Теперь, когда солнце приближалось к зениту, жара должна была нарастать стремительно. Оставалось надеяться, что морской бриз немного охладит стояночную площадку.

Самолеты выруливали на ВПП поодиночке. У нас не было достаточного количества технического персонала и кабин, чтобы

запускать их одновременно. Первые два беспилотника вырулили с интервалом в несколько минут. Техники все еще снаряжали третий летательный аппарат, когда я услышал знакомое жужжание двигателя первого «Хищника».

С высоты Т-образного ограждения, на котором я стоял, мне было видно, как маленький серый самолетик начал разгоняться. Поначалу он двигался медленно, затем ускорился (хотя и незначительно по сравнению с первоначальной скоростью). Издали казалось, что «Хищник» мчится быстро, но он миновал меня только минуту спустя. Словно неохотно самолет оторвался от земли. Некоторое время он летел буквально в нескольких сантиметрах над взлетно-посадочной полосой, пока двигатель с натужным воем пытался придать ему ускорение.

Над водой самолет попал в зону более прохладного воздуха и начал набирать высоту немного бодрее. Когда «Хищник» повернул к югу, уходя из района интенсивного воздушного движения, стойки шасси самолета начали втягиваться. Я наблюдал за взлетом, пока последняя, третья, «птичка» не исчезла вдали. Солнце пекло нещадно. Теперь термометр показывал 45 градусов. Я поспешил в прохладу оперативной палатки, в то время как самолеты взяли курс на Аденский залив, готовясь присоединиться к «Жнецу» над Эль-Джауфом. Я отметил время и решил направиться в Оперативную группу, чтобы посмотреть на операцию.

Ход операции отображался на шести 50-дюймовых плазменных экранах, развешанных по стенам вокруг подиума командира ООЦ.

— Это он? — спросил я офицера связи «Хищников».

— Есть подтверждение, что он был активен около пяти часов назад, — ответил Жаба, не сводя глаз с мониторов, на которые шли видеотрансляции с бортов «Хищников». — Мы все еще пытаемся закрепить на нем глаз.

Видео на одном из мониторов переключилось на Эль-Джауф, небольшой городок неподалеку от Саны. Экипаж летательного аппарата, который осуществлял мониторинг коммуникационных сетей, перехватил сигнал телефона аль-Авлаки и сделал вывод, что террорист движется. Возле одного из домов в поселке остановились два автомобиля. Это были белые пикапы «Тойота Хайлакс» со сдвоенными кабинами, рассчитанными на перевозку пяти человек.

— Цель активна, — сообщил один из армейских офицеров, находившихся в оперативном центре. — Есть признаки того, что он движется.

Офицер дал координаты, и я сравнил их с данными на видео

«Хищников». Расположение двух машин почти в точности соответствовало озвученным координатам. Можно было с уверенностью сказать, что «Хищники» вышли на цель.

Внезапно из соседнего дома выскочили восемь фигур и быстро заскочили в машины. Едва дверцы захлопнулись, как водитель первого пикапа рванул с места. Спустя мгновение за ним последовал второй автомобиль.

— Держать их под наблюдением, — приказал командир ООЦ.

Гордон, ведущий самолет, последовал за аль-Авлаки из города на шоссе. Прямой участок шоссе был наиболее подходящим местом для нанесения удара. Автомобили будут двигаться с постоянной скоростью по предсказуемому курсу. Холмов, которые могли бы оказаться на пути ракеты или луча системы лазерного наведения, практически не было.

Мы все ждали, когда нам дадут «зеленый свет». Наконец руководитель ООЦ кивнул, и ПАН передал целеуказания 9-Line. Гордон был готов открыть огонь.

— Вас понял, атаку разрешили, — передал пилот с авиабазы Кэннон.

Прошло тридцать секунд. Два пикапа в поле обзора камеры выросли в размерах.

— Активировать лазер, — сказал пилот Гордона.

На экране вспыхнул черный значок с надписью «LRD Lase Des». Изображение ведущего грузовика увеличилось настолько, что заполнило собой почти весь экран. Из-за сильного увеличения картинка стала очень чувствительной к перемещениям рычагов управления гондолой и периодически подергивалась.

Второй грузовик уже ушел за границы кадра.

— На счет три, два, один…

Последние слова пилота заглушил уже знакомый мне двойной щелчок, просигнализировавший о том, что ракета сошла с подвески. Через секунду изображение на мониторе пропало, после того как ярко-белая вспышка реактивной струи ракеты ослепила чувствительную ИК-камеру.

«Хищник» тут же дал крен вправо. Маленькая синяя пиктограмма на компьютерном мониторе, обозначающая Гордона, начала разворачиваться, пока не встала параллельным курсом с шоссе. При таком масштабе казалось будто летательный аппарат движется прямо по дороге.

Я мысленно вернулся к схеме нанесения удара по подвижной цели, которую рисовал Жабе. Пока экипаж действовал в точном с ней соответствии. «Хищник» летел параллельно автомобилям, чтобы оператору средств обнаружения было легче удерживать лазер на цели. Сразу после выхода беспилотника из крена

визирные нити сползли с цели, однако оператор быстро вернул их на место и теперь удерживал прицельную метку примерно в 18 метрах перед машиной аль-Авлаки. Автомобили никуда не отклонялись и не меняли скорости. Аль-Авлаки продолжал мчаться по трассе, не подозревая об опасности.

Я умозрительно стал выполнять карту контрольных проверок, как если бы сам сидел за пультом управления. Мне было известно, что короткое, двухсекундное включение двигателя «Хеллфайр» ускоряет ракету до скорости почти 1,4 Маха, вызывая сверхзвуковой хлопок. В процессе такого интенсивного ускорения ракета подвергается десятикратной перегрузке. Когда специальный датчик внутри ракеты определяет, что она достигла ускорения в 10G, происходит боевой взвод. После этого инфракрасная головка самонаведения активируется и начинает искать лазерное пятно.

Чтобы удерживать в поле зрения отраженный лазерный сигнал, ракета использует собственные рули. Она непрерывно корректирует курс, чтобы удерживать пятно в центре фотоприемника головки самонаведения.

— Десять секунд, — сообщил пилот.

«Хищник» летел параллельно грузовику аль-Авлаки. Если бы тот посмотрел вверх, то, вполне возможно, увидел бы летательный аппарат в момент, когда пилот мягко нажал на педаль руля, чтобы отклонить нос от цели. На данном этапе соблюдение дистанции имело решающее значение для оператора с точки зрения стабильности. Подлетишь слишком близко и прицел начнет скакать. Отдалишься на пяток километров — угол обзора не будет слишком отвесным и прицельный крест будет сохранять стабильное положение.

На пятой секунде обратного отсчета ракета замедлилась до дозвуковой скорости, вызвав второй звуковой хлопок. Ударная волна распространяется во всех направлениях, но сильнее всего ее слышно по курсу движения ракеты. Хлопок докатился до двух пикапов. Такие хлопки не очень громкие. Находясь в машине, их трудно услышать, если работает радио или открыты окна, через которые в салон с шумом проникает ветер. Автомобили, не сбавляя скорости, мчались вперед.

— Пять, четыре, три…

Оператор слегка ослабил давление на ручку управления. Прицельный крест пополз навстречу ведущему автомобилю. Пилот приостановил выполнение каких-либо маневров, давая оператору возможность сосредоточиться на метке прицела. Из-за верхнего края экрана вынырнула черная полоска, скользнула вниз и вонзилась в капот пикапа. Она ударила как раз в то место, куда

оператор средств обнаружения наводил прицел.

Капот окутали клубы дыма, и от него во все стороны полетели обломки двигателя. Грузовик ушел в занос, опрокинулся набок и, перевернувшись несколько раз, замер. Водитель пикапа с охранниками яростно ударил по тормозам и вильнул в сторону, чтобы увернуться от первого автомобиля. Бонг следовал позади. Имея разрешение на атаку от ПАНа, он зашел на цель и всадил ракету в моторный отсек второго пикапа.

Развязка долгих месяцев слежки наступила в считаные секунды. Реакция присутствующих в оперативном центре была сдержанной. Никаких одобрительных возгласов, никаких аплодисментов. Сотрудники Оперативной группы слишком для этого профессиональны. Мы с Жабой обменялись рукопожатием. Он улыбался. Мы были одной командой. И, судя по тлеющим на экране автомобилям, мы одержали победу.

Два «Хищника» отправились в обратный путь в Джибути. Третий на некоторое время задержался на позиции, высматривая уцелевших. У нас не было наземной группы, которая могла засвидетельствовать факт гибели аль-Авлаки. Поэтому надо было дожидаться поступления соответствующей информации из других источников. Террорист пропустит намеченную встречу, после чего кто-нибудь догадается выслать группу на его поиски.

Подтверждение гибели аль-Авлаки пришло через несколько часов. Абдулла Аль-Джамали, шейх одного из племен в провинции Эль-Джауф, позднее рассказал изданию «Нью-Йорк таймс», что от автомобиля почти ничего не осталось и опознать тела было трудно. Он был «на сто процентов уверен», что аль-Авлаки погиб. К тому же почти сразу после того, как в эфире CNN прозвучала новость о воздушном ударе, мы перехватили ряд сообщений врага о смерти террориста.

«Смерть аль-Авлаки — это серьезный удар по наиболее активному боевому крылу «Аль-Каиды», — объявил спустя несколько дней президент Обама.

Возвратившись в наш лагерь, я взобрался на бетонный барьер, чтобы понаблюдать за тем, как первый аппарат, Бонг, будет заходить на посадку. Ко мне присоединился командир моей авиагруппы полковник Джей Бикли, который находился на базе с визитом.

— Мы провели сегодня одну очень успешную операцию, — поведал я ему.

Я посмотрел на радиопередатчик на вышке, который, глядя в небо, поворачивался из стороны в сторону. Он автоматически принимал положение, из которого мог поддерживать максимально устойчивую связь с летательным аппаратом, пока

тот по спирали кружил в небе, приближаясь к конечному участку захода на посадку.

— Вон он летит, сэр, — сказал я.

— Где?

Далеко в послеполуденном мареве показалось крошечное пятнышко. Вначале оно выглядело как точка. Затем вырисовались крылья. Только на расстоянии полутора километров мы различили в нем «Хищника».

Звука слышно не было.

Маленький самолет плавно спустился к взлетно-посадочной полосе, выровнялся и коснулся земли, выбросив из-под колес два белых облачка дыма от горящей резины. «Птичка», уже без ракет, прожужжала мимо нас по пути к рулежной дорожке, ведущей к стояночной площадке.

— Это он? — спросил Бикли.

— Когда сидишь в кабине, он производит более внушительное впечатление.

Мы пошли в СНУ, чтобы посадить последнюю «птичку». Я занял место пилота, а Бикли пристроился позади меня в офисном кресле. Под нами скользила водная гладь Аденского залива. Мы пересекли береговую линию на севере Джибути и вошли в залив Таджура. Маршрут полета предполагал, что я обогну джибутийскую столицу и буду садиться со стороны запада в направлении моря.

Солнце над Эфиопией клонилось к закату. Огромный оранжевый шар висел низко над горизонтом, удлинив тени. Весь год, пока я находился на театре военных действий, я мечтал увидеть знаменитый африканский закат. До того момента мне не удавалось его увидеть, поскольку предзакатное солнце почти всегда было закрыто грозовыми тучами далеко на горизонте либо атмосферной дымкой. Сегодня мы смотрели на него через камеры «Хищника».

«Хищник» с позывным «’57 Шеви» коснулся земли со всей возможной грацией и покатил по ВПП, замедляясь до скорости руления. Я, как всегда, любовался пустыми подвесками под крыльями самолета. Мы так часто возвращались с боекомплектом, что зачастую забывали, как летательный аппарат выглядит без оружия. Я был уверен, что когда «Хищник» будет съезжать с рулежной дорожки на стояночную площадку, пустые подвески не ускользнут от глаз техников. На войне пустые подвески означали, что мы не просто наблюдали за тем, как стареет наша добыча. Мы больше не были стервятниками.

Мы были хищными птицами.

Эпилог

Октябрьское солнце все еще опаляло аэродром Джибути своими лучами. Жара пошла на убыль, и дневная температура постепенно снижалась, стремясь к отметке в 35 градусов. Сильный ветер, летом дувший с запада, ослаб до штиля, так как направление преобладающих ветров стало отклоняться к востоку. Мы стояли в тени ангара. Мои операторы, техники и сотрудники службы охраны собрались под крылом MQ-9, чтобы встретиться с командиром ООЦ. Объединенный оперативный центр хотел выразить благодарность солдатам за их службу и поделиться обратной связью. Впервые для нас.

Эскадрильи «Хищников» никогда не получали положительных отзывов о своей работе от структур, которым мы обеспечивали прикрытие. Мы получали только претензии. Никому не нравилось терпеть неудачи, пусть и незначительные. Поэтому отсутствие обратной связи означало, что мы выполняем ее хорошо.

Я утвердил встречу больше из любопытства, чем по какой-либо другой причине.

Пока командир произносил речь, я стоял в стороне. Он говорил об операции и ее значении. Благодарил команду за нелегкую работу и поздравлял с успехом, который она обеспечила. Но я его почти не слушал, словно отключившись.

Вместо этого я любовался летчиками, выстроившимися вокруг командира ООЦ. Это был смешанный коллектив летчиков с разным опытом, разных специальностей. Они не сбивались в отдельные кучки, а держались единой группой, как равные. После почти года совместной службы они стали неразрывным коллективом, семьей. Вместе они перенесли физические, психологические и духовные испытания. И они держались вместе и оказывали поддержку тем, кто ощущал последствия оторванности от своих друзей и близких.

Я никогда и не мечтал увидеть такое подразделение, как 60-я экспедиционная разведывательная эскадрилья (не говоря уже о том, чтобы командовать им). Как не предполагал я и того, что летательный аппарат, на котором летала эскадрилья, произведет настоящую революцию в современной войне и технике сбора разведданных.

С тех пор как я присоединился к программе, времена существенно изменились.

Когда я пил мартини на балконе своего приятеля после уничтожения Координатора, на меня словно снизошло озарение. Я вдруг понял, что ВВС только что вступили в фазу великой

трансформации, сопоставимой по своему масштабу и значимости с той, которая произошла после Первой мировой войны.

В 1916 году единственным средством, позволявшим поражать врага на дальней дистанции, была артиллерия. Новое изобретение — самолеты — пилотировали представители аристократии и только в разведывательных целях; встречаясь в воздухе над окопами противника, пилоты по-джентльменски махали друг другу рукой. По мере эскалации войны ожесточение нарастало. Кто-то швырнул от злости гаечный ключ. Другой выстрелил из пистолета. Третий установил на самолете пулемет. От последовавшей за этим гонки вооружений небу Европы стало жарко. К 1918 году место артиллерии, как главного средства нападения дальнего радиуса действия, заняла авиация, уже не ограничивавшаяся решением лишь разведывательных задач.

Вторая мировая война принесла еще большие разрушения и потери. Воздушный корпус Армии США во главе с генералом Генри Арнольдом искал способы снизить уровень потерь среди летчиков, увеличивающийся по мере расширения кампаний по нанесению прицельных бомбовых ударов в дневное время. Проект «Афродита» ознаменовал собой первую попытку создания дистанционно управляемого летательного аппарата. Основные исследования в рамках проекта были нацелены на разработку радиоуправляемого бомбардировщика «B-17», который предполагалось направлять, подобно камикадзе, на самые защищенные вражеские цели. Воздушный корпус Армии США планировал таким образом поражать укрытия немецких подводных лодок в Лорьяне, которые были неуязвимы для обычных воздушных бомбардировок. Война закончилась до того, как технологию успели опробовать в бою.

Пройдет почти пятьдесят лет, прежде чем ученые всерьез возьмутся за разработку технологий БПЛА.

В 1990-х годах в Косово и Юго-Западной Азии применили первое поколение «Хищников», предоставлявших ограниченную разведывательную видеоинформацию неблагодарному, а подчас и враждебно настроенному к ним военному сообществу. «Хищники» были новинкой, такой же, как самолеты в 1916 году.

Годы, последовавшие за 11 сентября, стали почти точным повторением событий Первой мировой войны. Увидел свет новый «Хищник», оснащенный усовершенствованным авиационным оборудованием и ракетами «AGM-114 Хеллфайр». Выстрел Друпи, произведенный в защиту своих войск, возвестил начало новой эпохи развития систем вооружения, которая напоминает историю с разведывательными бипланами, эволюционировавшими в полноценные истребители. Появилось множество БПЛА самых

разных типов, от крошечных, запускаемых вручную устройств «Raven» («Ворон») до исполинских аппаратов «Global Hawk» («Глобальный ястреб»). Одни только заглядывали за холмы, чтобы обнаружить возможные засады; другие собирали стратегические разведданные, летая на большой высоте над своими целями. В стремлении удовлетворить неуклонно растущий спрос на разведывательную информацию конструкторы каждый год представляют на суд военных десятки новых платформ.

Сегодня дистанционно управляемые аппараты доминируют как на театрах военных действий, так и в выпусках новостей.

В военно-воздушных силах их больше не называют дронами. Из-за дефицита информации о том, как работают эти летательные аппараты, у людей с живым воображением в сознании рисуется образ киношного Терминатора, разгуливающего по округе и уничтожающего все, что движется.

Технология, лежащая в основе «Хищников» или «Жнецов», отнюдь не делает из них автономных роботов. Этими самолетами управляют реальные пилоты. На территории США они действуют в соответствии с директивами Федерального авиационного управления, а при выполнении боевых заданий за рубежом подчиняются правилам Международной организации гражданской авиации. В Джибути мы не только доказали, что можем действовать безопасно в районах с интенсивным воздушным движением как гражданских, так и военных самолетов, но еще и помогали разрабатывать схемы использования воздушного пространства, чтобы такие полеты стали установившейся практикой.

Инцидент с аэробусом «Эйр Франс» побудил меня обратиться в Государственный департамент США и запросить разрешения на непосредственное взаимодействие с джибутийскими властями. Я предложил разработать специальные правила для предотвращения опасных ситуаций с нашими летательными аппаратами. Кроме того, пригласил представителей авиационных служб Джибути в наш лагерь, чтобы они своими глазами увидели, как мы управляем беспилотниками из кабин. Это был поразительный, но успешный опыт. Джибутийские авиадиспетчеры направляли на себя гондолу с земли и разглядывали себя на HUD-дисплеях.

Во всяком случае, джибутийцы узнали, что мы летаем как обычные пилоты. Толкаешь ручку от себя — коровы становятся большими, тянешь на себя — становятся маленькими. БПЛА, подобно всем прочим летательным аппаратам в мире, находятся под полным контролем летчиков. Единственное различие между «Хищником» и летательным аппаратом с экипажем на борту

заключается в том, что наша кабина не находится в самолете физически. Несмотря на это, мы располагаем точно такими же возможностями, как и все другие профессиональные летчики.

Да, за время моей командировки в Джибути мы потеряли четыре летательных аппарата. Часть потерь можно было предотвратить, часть — нет. Одно из крушений стало новым опытом для всего сообщества БПЛА. Впоследствии от своих источников в Боевом авиационном командовании и Командовании специальных операций ВВС США я узнал, что результаты всех четырех расследований были забракованы. В обоих этих ведомствах пришли к выводу, что следствие велось необъективно.

Единственными частями отчетов следственных комиссий, пережившими отбраковку, были рекомендации по мерам улучшения в сфере безопасности полетов. Эти рекомендации позволили сделать наше сообщество лишь крепче, а его работу безопаснее, что особенно важно в условиях резкого увеличения загруженности воздушного пространства, наметившегося в мире в последние годы.

Достижение безаварийности полетов стало основной нашей целью.

В 2011 году общий боевой налет одних только «Хищников», стоящих на вооружении ВВС США, составил более 500 тысяч часов. Для сравнения, все истребители и бомбардировщики ВВС за тот же период налетали в сумме около 48 тысяч часов, причем по всему миру, а не только на театре боевых действий. Несмотря на столь высокую нагрузку, потери «Хищников» в среднем составляли лишь тринадцать самолетов в год. И эта цифра сохранялась на стабильном уровне (иногда с понижениями), в то время как объем нашего налета в последнее десятилетие рос в геометрической прогрессии. С годами мы стали действовать надежнее, в конечном итоге получив статус структуры ВВС с самым низким показателем аварийности. Крушения наших беспилотников вызывают в СМИ большую шумиху, как и крушения авиалайнеров, хотя изнутри картина выглядит совершенно иначе.

Однако главный моральный вопрос, связанный с БПЛА, заключается в использовании их как инструмента для убийств.

«Amnesty International» и другие правозащитные организации поднимают крик всякий раз, когда какой-нибудь БПЛА уничтожает деятеля «Аль-Каиды» или помогает в этом наземным войскам. Они почему-то не возмущались, когда в первый день операции «Иракская свобода» самолеты-невидимки «F-117» подвергли бомбовой атаке штаб-квартиру партии Баас с целью

ликвидации Саддама Хусейна. Не возмущались они и тогда, когда «F-16» сбросил бомбу на аз-Заркави, несмотря на то, что «Хищник» несколькими днями ранее пытался осуществить аналогичное с правовой точки зрения действие. Любая атака БПЛА подразумевает участие пилота, который жмет на гашетку, действуя в полном соответствии с международным законодательством, применяемым в период вооруженных конфликтов.

Наши беспилотники никогда не действовали автономно.

«Хищник» — это дистанционно управляемый аппарат, работающий в постоянной взаимосвязи с человеком. Он ничего не может сделать без прямой команды человека. Самолет не может произвести выстрел без того, чтобы пилот не нажал на гашетку. Уничтожение цели возможно лишь после того, как пилот вначале выполнит длинный список требований правил применения оружия, а затем получит официальное разрешение открыть огонь.

Я написал эту книгу отчасти для того, чтобы рассказать невероятную историю становления «Хищника» и превращения его в одно из самых эффективных средств борьбы с терроризмом. У меня не было намерения давать правовую и моральную оценку применению беспилотной авиации на страницах книги. Этими вопросами должны заниматься юристы и философы. Я написал «Белых дьяволов», чтобы показать, каким образом «Хищник» произвел революцию в военном деле.

Операция по ликвидации аль-Авлаки оказала существенное влияние на характер военных операций США. Осама бен Ладен был уничтожен всего за пять месяцев до этого при помощи десятков спецназовцев, вертолетчиков и задействования других ресурсов. Его выслеживание заняло почти два десятилетия, которые принесли лишь разочарование, значительные финансовые потери и череду терактов, вынудивших Соединенные Штаты вступить в ужасную войну. Провал операции стал бы национальным кошмаром, так как мертвых или пленных американских военных выставляли бы напоказ на иностранных телеканалах.

Мы уже видели такое после провала операции по спасению заложников в Иране.

БПЛА коренным образом изменили подход к охоте на террористов, сделав ее безопасной с точки зрения человеческого фактора. Теперь не нужно ни вертолетов, которые можно сбить, ни солдат, которых можно ранить или убить. Возможности БПЛА, привнесенные ими на поле боя, расширили границы возможностей человека, позволив нам найти аль-Авлаки без привлечения к операции всего арсенала американских

регулярных войск и специальных сил. И, что более важно, эта эволюция в военной сфере дала нам надежду, что мы сможем жить в мире без очередного «У. Б. Л.», годами удерживающего в заложниках целую планету.

За восемь лет пилотирования «Хищников», описанных в этой книге, количество наших боевых воздушных патрулей, сражающихся с террористами по всему миру, увеличилось в двадцать раз. В течение года, пока мы разыскивали аль-Авлаки, 60-я эскадрилья совершила более девятисот вылетов, налетав около семнадцати тысяч часов в боевых условиях. За этот период мы открыли для себя новые виды операций, включая перехват морских судов и антипиратские действия. Кроме того, мы решили приоритетную задачу, поставленную перед нами президентом.

Когда я думаю о символах войн прошлого, мне представляются окопы Первой мировой, истребители «P-51» и бомбардировщики «B-17» Второй мировой войны, вертолеты «Хьюи» и напалм во Вьетнаме, а также танки «M1A1 Абрамс» и штурмовики «A-10», принимавшие участие в конфликте в Персидском заливе. «MQ-1 Хищник» наряду со спецназом стал символом глобальной войны с терроризмом, характеризующей последнее десятилетие.

Основные ее участники — это молодые мужчины и женщины, стоявшие сейчас на предангарной площадке и слушавшие командира ООЦ. Их действия навсегда изменили лицо войны. Они по собственной воле обрекли себя на безвестность. Они горячо защищают друг друга, свое сообщество и свой народ, обеспечивая прикрытие героически сражающихся солдат. Они не просят особых наград, кроме простого признания своего вклада в общие военные усилия.

Я восхищаюсь прозорливостью генерала Арнольда, который однажды сказал: «Следующая война, вероятно, будет вестись с применением самолетов, на борту которых вообще не будет людей… Они будут отличаться от всего, что когда-либо видел мир».

Благодарственное слово

Путь от замысла до публикации этой книги занял почти двенадцать лет. Когда мне выпадает возможность покрасоваться на публике, я неизменно отклоняю предложение и уступаю место тем, кто любит погреться в лучах славы. Я предпочитаю стоять в стороне и наблюдать за действием. Мне комфортнее оставаться в тени.

Анонимность позволяет всем, кто занят в нашей сфере деятельности, жить нормальной жизнью, не испытывая навязчивого внимания любопытной публики. Такое затворничество имеет свои преимущества, так как мы можем вести тихую и относительно спокойную семейную жизнь. Но порой, когда в СМИ появляется ложная информация о наших мотивах и действиях, необходимость сохранять анонимность вызывает досаду. Нет ничего хуже, чем смотреть репортаж, авторы которого «слышали звон, да не знают, где он».

В Джибути я познакомился с генералом Марком Уэлшем, в то время командующим военно-воздушными силами США в Европе. Пройдет еще год, прежде чем он вступит в должность начальника штаба Военно-воздушных сил США. Генерал был известен тем, что побуждал летчиков рассказывать миру свои истории, делясь с людьми нашим коллективным опытом. Нас познакомил командир местной авиагруппы. Представив нас друг другу, он перечислил генералу подробный список моих достижений в программе «Хищник», хотя я был уверен, что ему о них ничего не известно. Генерал Уэлш задумчиво посмотрел на меня, после чего заявил, что я должен написать свою историю.

Я почти два года держал в голове эту мысль, не зная, следует ли мне писать книгу, да и заслуживает ли моя история хотя бы того, чтобы ее записать. Мне не хотелось привлекать к себе внимание общественности. И еще больше не хотелось стать объектом едких комментариев в свой адрес со стороны членов беспилотного сообщества. Они безжалостны к своим коллегам, которые засвечиваются на публике.

В конце концов я не герой; я лишь приглядываю за парнями, которые и являются истинными героями.

Моя позиция изменилась, когда я получил электронное сообщение от одного друга. Он прислал мне ссылку на статью в «Вашингтон пост». В статье упоминалось мое имя и детально разбирался удар по аль-Авлаки, причем в таких подробностях, которые никогда не должны были предаваться огласке. Я был потрясен, так как ВВС всегда придерживались политики

неразглашения имен командиров боевых частей до окончания войны. Тем не менее в статье фигурировало мое имя в привязке к этой важной операции.

Именно тогда я всерьез задумался о написании истории «Хищника».

Чтобы прощупать рыночные перспективы книги, я связался с Кевином Маурером. Он моментально ухватился за идею и выразил готовность обсудить возможность публикации книги со своим агентом и издательствами. С этого и началось мое головокружительное путешествие сквозь дебри увлекательного книгоиздательского процесса. Кевин научил меня, как писать, чтобы книга понравилась издателям, и помог избежать подводных камней, о существовании которых я даже не подозревал. Остальное, как говорится, вы знаете.

Мне посчастливилось работать с замечательной командой профессионалов, благодаря которым замысел этой книги воплотился в реальность. Скотт, Бен, Кристин, Аманда, Стефани и все остальные сотрудники издательства «Dutton» — спасибо вам за то, что вы в меня поверили. Также выражаю признательность Марку: благодаря твоим неимоверным усилиям эта книга с успехом преодолела ответственный этап рецензирования.

И, самое главное, я хочу поблагодарить свою прекрасную жену. Без ее терпеливого отношения к долгим часам моего просиживания над рукописями, бешеного клацанья по компьютерной клавиатуре и маниакального изучения деталей я бы не смог создать пригодный для обработки черновик (не говоря уже о целой книге). Я люблю тебя, дорогая.

Об авторах

Подполковник *Томас Марк Маккерли* — отставной пилот ВВС США и бывший сотрудник разведки. В 2003 году он добровольцем вступил в секретную программу «Хищник», совершив пять командировок в Ирак, Афганистан и другие «горячие точки», где пилотировал «MQ-1 Хищник» и «MQ-9 Жнец», приобретя более тысячи часов боевого налета.

Кевин Маурер — отмеченный наградами журналист и соавтор бестселлера Марка Оуэна «Нелегкий день. Из первых уст об операции «морских котиков» по ликвидации Усамы бен Ладена». Последние десять лет он занимается освещением операций войск специального назначения.

notes

Примечания

1

«Питтсбургские Сталевары» (англ. Pittsburgh Steelers) — профессиональный футбольный клуб из американского города Питтсбург, штат Пенсильвания.

2

«Питтсбургские Пираты» (англ. Pittsburgh Pirates) — профессиональный бейсбольный клуб из американского города Питтсбург, штат Пенсильвания.

3

«Уловка-22» — роман американского писателя Джозефа Хеллера.

4

Букв. Donut-Eating Vigilance Accessory; DEVA.

5

Арабское парусно-моторное судно.

6

Кэдди (англ. caddy) — помощник игрока, в чьи обязанности входит перенос спортивного инвентаря и помощь игроку советами.

7

Ти (англ. tee) — приподнятая площадка на поле для гольфа, откуда начинается игра на каждой лунке.

8

Грин (англ. green) — участок на поле для гольфа с самой короткой травой непосредственно вокруг лунки.

9

Фервей (англ. fairway) — часть поля для гольфа между ти и грином, где трава имеет среднюю длину.